

Годъ 14-й.

Кн. LI.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1901, № 4.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла **В. Ф. Миллера**

И

Товарища Предсѣдателя Н. О. Плиуна.

МОСКВА.

Т-во Скорик. А. А. Левинсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1902.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, при Московскомъ университетѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Гагаузы Бендерскаго уѣзда. VIII. Вѣрованія. IX. Воззрѣнія на природу. X. Великаны. <i>В. А. Мошкова</i> . . .	1
II. Очерки Пѣшехонья. Вѣрованья. <i>В. А. Балова</i>	81
III. Смѣсь:	
Суевѣрія относительно волковъ. <i>В. Н. Добровольскаго</i> . . .	135
Родительскіе сударники. <i>Ив. Костоловскаго</i>	137
IV. Критика и библіографія.	
1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ:	
А. Марковъ: Бѣломорскія былины. <i>Н. В. В.</i> (138).—Е. I. W. Gibb: A. History of Ottoman Poetry. <i>Вл. Гордлевскаго</i> . (144).—Finnisch-ugrische Forschungen. В. 1, 1—2. <i>Ею же</i> (153).—П. А. Поляковъ: Снотодкователь, приписываемый мусульманами ветхозавѣт. патриарху Иосифу, сыну Иакова. <i>Ею же</i> (158).—Е. Г. Вейденбаумъ: Кавказовѣдніе. I. Кавказскіе этюды. <i>А. С. Хаганова</i> . (159).—„Втакъ“ (Потокъ), Литературно-научный сборникъ, подъ редакціей В. Папапавяна. <i>Л. Н—нца</i> . (161).—Эмянскій Этнографическій сборникъ. Вып. I (161) . . .	138
2. Обзоръ журналовъ и газетъ.	164
3. Новости этнографической литературы.	174
VI. Хроника:	
Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и 9. за 1900—1901 годъ. — 50-лѣтній юбилей В.—Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О.—25-лѣтіе Минусинскаго музея.—Извѣстія Импер. Археолог. Комиссіи.—Каннибализмъ среди маори.—Годичное засѣданіе Финно-Угорскаго о-ва.—Засѣданія Финск. Археологич. о-ва.—Сиреліусъ: Путешествіе къ остякамъ и вогулямъ.—Павсоненъ: Историко-этнографическая литература По-	

воля. — Международный конгрессъ историческихъ наукъ въ Римѣ. — Къ литературѣ по обычному праву. — Къ литературѣ легендъ объ Энохѣ, Ильѣ и Антихристѣ. — The Jewish Encyclopedia. — Память миссъ Книгслей. — Научныя экспедици въ Африку. — Экспедиція Эрлангера и Неймана. — Неизвѣстное население Африки. — Засыпанные города въ Туркестанѣ и Сиріи. — Санскритологъ Альбрехтъ Веберъ. — Новые труды Новалга, Линдера, Мейера и Брайдера.	182
VI. Опечатки	198
VII. Приложение:	
Программа для собиранія народныхъ пѣсенъ и другихъ музыкально-этнографическихъ матеріаловъ. Составлена подъ редакц. <i>Л. А. Маслова</i>	199
VIII. Объявленія.	205

Гагаузы Бендерскаго уѣзда *).

VIII.

В ѣ р о в а н і я.

Хотя гагаузы по своему вѣроисповѣданію всѣ православные, но, какъ люди невысокой культуры и въ огромной массѣ безграмотные, очень мало знакомы съ сущностью этой религіи. Если нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ возможность прочесть священное писаніе по-русски, по-молдавански или на языкѣ караманли, то, во-первыхъ, процентъ такихъ людей, по сравненію съ массой, весьма ничтоженъ, а во-вторыхъ, разумное чтеніе на чужомъ языкѣ Священнаго писанія, соединенное съ правильнымъ его пониманіемъ, возможно только для окончивающихъ курсъ въ сельской школѣ и то, если оно производится подъ руководствомъ законоучителя. Предоставленный же самому себѣ, грамотѣй, хотя бы и хорошо знакомый съ разговорнымъ русскимъ или молдаванскимъ языкомъ, встрѣчаетъ въ духовныхъ книгахъ множество оборотовъ и выраженій высокаго слога, передъ которыми становится втупикъ, а потому и понимаетъ изъ прочитаннаго только, какъ говорятся, „черезъ пятое въ десятое“. Не болѣе счастливы, конечно, и тѣ, которые читаютъ Библію на языкѣ караманли, потому что и они встрѣчаютъ тамъ массу незнакомыхъ имъ словъ и оборотовъ интеллигентнаго турецкаго языка, заимствованныхъ этимъ послѣднимъ съ языковъ арабскаго и персидскаго. Но такихъ счастливыхъ между гагаузами сравнительно очень немного, вся же остальная ихъ масса знаетъ свою религію только изъ устныхъ рассказовъ, среди которыхъ она не въ состояніи отличить сказокъ отъ дѣйствительныхъ эпизодовъ изъ священной исторіи.

*) „Этнографическое Обзорѣніе“, кн. XLIX.

Вотъ почему собранныя мною сказки религіознаго содержанія, которыя будутъ напечатаны цѣликомъ въ Изданіяхъ Императорской Академіи Нѣукъ, замѣняютъ для гагаузской массы Священную исторію и законъ Божій. Тѣмъ болѣе, что самый языкъ гагаузовъ не дѣлаетъ различія между сказкой и былью. Одно и то же слово „масал“ означаетъ у нихъ и сказку, и вообще разсказъ.

И вотъ, если изъ религіозныхъ сказокъ гагаузовъ извлечь ихъ представленіе о Богѣ, какъ мы это и сдѣлали въ настоящей главѣ, то оно получается самое первобытное и вполне языческое.

О трехъ лицахъ Божества въ Троицѣ гагаузъ, разумѣется, слыхалъ; но для него эти лица представляются отдѣльными и независимыми богами.

Изъ нихъ Богъ Отецъ пользуется наибольшимъ уваженіемъ. Его называютъ „Коджа Аллах“, т. е. старый или старшій Богъ. Онъ фигурируетъ во всѣхъ сказкахъ или разсказахъ, гдѣ только говорится о Богѣ. Что касается Бога Сына, то его называютъ „Иисус Ристос“, но разсказываютъ про него очень рѣдко и знаютъ очень мало. Наконецъ о Святомъ Духѣ („Аллахын Солуу“) знаютъ только то, что онъ является не иначе, какъ въ видѣ голубя.

Иныя же изъ гагаузовъ объясняютъ разницу между лицами Святой Троицы такимъ образомъ: „Богъ Отецъ—это тѣло, Богъ Сынъ—душа, а Богъ Духъ Святой—духъ (дыханіе)“.

Бога Отца представляютъ себѣ такимъ, какъ онъ рисуется на образахъ, т. е. старикомъ съ сѣдой бородой¹⁾. Кромѣ большого ума, большой доброты и большой силы творить чудеса, фигура Бога въ воображеніи гагауза ничѣмъ не отличается отъ почтеннаго старика крестьянина или помѣщика. Живя на небѣ, Богъ спускается по временамъ на землю, чтобы водворить на ней порядокъ. Онъ обходитъ свои владѣнія, какъ хорошій помѣщикъ, смотритъ на поля во время посѣва и жатвы, добродушно разговариваетъ съ крестьянами объ ихъ жатвѣ-бытвѣ, объ ихъ хозяйствѣ и любить, когда ему отвѣчаютъ толково, вѣжливо и почтительно. Жестокъ караетъ онъ грубыхъ и непочтительныхъ людей. Какъ добрый помѣщикъ, онъ иногда креститъ у своихъ крестьянъ дѣтей и потомъ, какъ всякій порядочный „саадыч“, покровительствуетъ всѣми мѣрами своимъ крестьянкамъ и старается вывести ихъ въ люди. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ добрый старичекъ не лишенъ и нѣкоторыхъ чисто человѣческихъ слабостей, такъ, на-

примѣръ, онъ далеко не всегда справедливо распредѣляетъ богатства между людьми, къ богатымъ и знатымъ благоволитъ иногда болѣе, чѣмъ къ бѣднымъ. Онъ признаетъ необходимость мести и предоставляетъ людямъ мстить другъ другу, для того, чтобы они поквитались между собою на землѣ и больше уже никакого отвѣта на Страшномъ Судѣ не несли. Въ довершеніе всего онъ вовсе не всемогущъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже просто безпомощенъ. Надъ шайтанами Богъ почти не имѣетъ никакой власти; въ однихъ случаяхъ онъ принужденъ идти съ ними на сдѣлки, въ другихъ—прибѣгать къ хитрости и даже къ обману и наконецъ охотиться за ними, какъ охотникъ за звѣрями. Безпомощность Бога доходитъ до того, что онъ боится чумы и дыма ладана, которымъ человекъ можетъ подкурить его снизу. По землѣ онъ ходитъ какъ обыкновенный странникъ, при чемъ нуждается и въ пищѣ и въ ночлегѣ. Такъ же, какъ и человекъ, Богъ любитъ, когда его хвалятъ, льстятъ и подчиняются ему безпрекословно. Хотя требованія Бога и не всегда понятны гагаузу, но ему извѣстно, что ихъ нужно исполнять не разсуждая, а иначе Богъ разгнѣвается на ослушника и будетъ мстить ему, насылая на него всяческія бѣды ^{1а}). Такъ какъ требованій, предъявляемыхъ отъ Бога къ человеку, весьма много, то угодить ему очень трудно, а потому это удается весьма немногимъ людямъ, которые за это дѣлаются святыми.

Между святыми гагаузъ различаетъ болѣе высокихъ по своему положенію, болѣе близкихъ къ Богу, называя ихъ славянскимъ именемъ „Свети“, и менѣе высокихъ, число которыхъ больше и которыхъ гагаузъ называетъ тюркскимъ словомъ „Ай“ (однозвучнымъ случайно съ названіемъ для луны „Ай“).

Къ первому разряду святыхъ гагаузы причисляютъ: св. Петра, св. Николая, св. Георгія, св. Ивана и называютъ ихъ: свети Петри, свети Никола, свети Герги, свети Юван. Но св. Илью и другихъ мелкихъ святыхъ гагаузъ уже называетъ: Ай Илія, Ай Мина, Ай Тодур и т. д. Къ числу послѣднихъ причисляется между прочимъ и Крещеніе подъ именемъ Ай Йордан.

Изъ числа всѣхъ святыхъ гагаузы выдѣляютъ Петра, который пользуется наибольшимъ значеніемъ и почетомъ у Бога и является его постояннымъ спутникомъ; всѣ же прочіе находятся при исполненіи разныхъ обязанностей. Такъ, напримѣръ, св. Илья

завѣдуетъ громомъ, св. Тодуръ—лошадьми, св. Георгій—прочимъ скотомъ и т. д. Любопытно, что въ одной изъ сказокъ на ряду со святыми фигурируетъ между прочимъ и солнце.

Отъ святыхъ Богъ требуетъ такого же строгаго исполненія его воли, какъ и отъ людей, а въ случаѣ, если они ему не угодили, справляется съ ними весьма просто. Такъ, въ одной изъ сказокъ, онъ дозволяетъ человѣку побить даже своего любимца св. Петра; въ другой—посылаетъ св. Петра, св. Илью и солнце просить прощенія у человѣка, а человѣкъ этотъ даетъ имъ всѣмъ по пощечинѣ.

Словомъ, по своимъ взглядамъ на Бога и святыхъ, гагаузъ весьма близокъ къ нашему русскому простолюдину, но только еще болѣе его наивенъ. Между прочимъ, мнѣ приходилось слышать отъ нѣкоторыхъ изъ гагаузовъ, что въ глазахъ Бога выше всѣхъ стоятъ Адамъ и Ева, такъ какъ отъ нихъ произошелъ Иисусъ Христосъ.

О сотвореніи міра рассказывали слѣдующее:

Вначалѣ были Богъ и шейтанъ; земли въ то время не было, а была вездѣ только одна вода. Богъ послалъ шейтана въ воду на дно и приказалъ ему прочитатъ: „во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь“. Шейтанъ нырнулъ на дно, но не прочиталъ молитвы и потому вернулся назадъ ни съ чѣмъ. Богъ снова послалъ его. Шейтанъ нырнулъ снова, опять не прочиталъ молитвы и снова вернулся съ пустыми руками. Наконецъ Богъ послалъ его въ третій разъ. На этотъ разъ шейтанъ началъ читать молитву, сказалъ: „во имя Отца...“, не договорилъ молитвы и потому досталъ земли столько, сколько вошло ему подъ ногти. Богъ взялъ эту землю и говоритъ шейтану: „я положу ее къ себѣ на грудь и лягу спать на спину, но ты не бери у меня земли“. Богъ положилъ землю за пазуху, а шейтанъ, схвативъ ее, побѣжалъ, и, гдѣ только онъ пробѣгалъ, вездѣ становилась земля. Богъ спалъ одинъ день и одну ночь, а когда проснулся, то началъ создавать міръ²⁾.

На вопросъ, предложенный въ обществѣ гагаузовъ, кого Богъ создалъ на свѣтъ прежде всего, одни отвѣчали, что Богородицу, другіе, что Христа. Начался очень горячій споръ, послѣ котораго всѣ согласились, что сначала была создана Богородица, а потомъ Христосъ, потому, что Богородица была матерью Христа. А по-

слѣ Христа Богъ создалъ Адама и „Йову“ (т.-е. Еву). Адама онъ создалъ изъ комка земли, который оживилъ своимъ дуновеніемъ. Когда однажды въ полдень Адамъ спалъ на правомъ боку, пришелъ Богъ и не понравилось ему, что Адамъ одинокъ. Взялъ онъ у Адама ребро съ лѣвой стороны, отошелъ немного въ сторону и сдѣлалъ изъ этого ребра Еву. Потомъ собралъ къ Адаму всѣхъ животныхъ и сталъ его спрашивать: „это что? это что?“... Адамъ называлъ: „это ворона, это—орелъ, это—волкъ“ и такимъ образомъ далъ названія всѣмъ животнымъ.

О грѣхопадѣніи перваго человѣка одни передавали, согласно съ Священнымъ писаніемъ, что Адамъ вкусилъ отъ запрещеннаго плода, а другіе, что просто, когда Адамъ увидѣлъ Еву, то сдѣлалъ съ нею грѣхъ, и потому Богъ за это изгналъ его изъ рая. Рассказывая подробности о грѣхопадѣніи Адама согласно Священному писанію, гагаузы добавляли, что Адамъ подавился плодомъ съ запрещеннаго дерева, и плодъ этотъ остался у него въ горлѣ. Вотъ почему у всѣхъ мужчинъ есть кадыкъ, котораго нѣтъ у женщинъ ?).

Сыномъ Адама большинство называло Авраама, о которомъ слышали больше всего. У него долго не было дѣтей, а потомъ Богъ послалъ ему единственнаго сына Исаака. Послѣ того къ Аврааму прилетѣла зеленая птица и передала, что Богъ требуетъ отъ него въ видѣ жертвы его единственнаго сына. Авраамъ разжегъ печь и хотѣлъ уже зарѣзать Исаака, какъ вдругъ прилетѣла та же самая зеленая птица и принесла повелѣніе Бога принести въ жертву, вмѣсто сына, ягненка.

Другіе слышали, что у Адама было два сына: *Кайнъ* и *Авель*. Оба они были пастухами. Авель закололъ овцу, зажегъ ее и дымъ потянулся къ небу, а когда Кайнъ зажегъ, то дымъ потянулся по землѣ. Кайнъ разсердился на Авеля, но не зналъ, какое бы ему зло сдѣлать. Мертвыхъ тогда не видали, потому что еще никто изъ людей не умиралъ, и объ убійствѣ не имѣли понятія. Но въ это время Кайновы козы паслись около большой ямы, и одинъ козленокъ упалъ въ нее. Отъ крутого берега ямы оторвался камень, ударился въ козленка и убилъ его. Кайнъ, видя эту сцену, подумалъ: „Козленокъ умеръ отъ камня. Если я такъ же возьму камень и брошу въ Авеля, то и онъ умретъ“.

Взявъ камень, бросилъ въ голову Авеля и убилъ его. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, и появилась на свѣтъ смерть.

У Адама и Евы было много сыновей и только одна дочь. Всѣ сыновья хотѣли на ней жениться. Тогда Адамъ взялъ мѣшокъ, пошелъ въ поле и собиралъ костей, какія только ему попадались: волчьихъ, собачьихъ, кошачьихъ, коровьихъ, медвѣжьихъ, лошадиныхъ. Принеся домой кости, Адамъ просилъ Бога сотворить изъ нихъ женъ для его сыновей. Богъ исполнилъ просьбу Адама. Вотъ почему теперь женщины бываютъ похожи своимъ характеромъ на разныхъ животныхъ: то на кошку, то на собаку, то на лошадь и т. под.

Изъ Библейскихъ событій гагаузы рассказываютъ про Ноя и потопъ и про *единоборство Давида съ Голиафомъ*. Вотъ какъ передается это послѣднее.

Богъ послалъ Ангела выбрать Давида царемъ, а чтобы Ангелъ могъ узнать его, обѣщалъ самъ находиться при немъ. Мальчику было въ то время семь лѣтъ и онъ пасъ овецъ. Узнавъ Давида по присутствію Бога, Ангелъ повелъ его въ церковь и окрестилъ. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду Давидъ поймалъ льва и разодралъ ему пасть. Голиафа рассказъ изображаетъ великаномъ въ шесть аршинъ ростомъ, который ходилъ въ одиночку и побѣждалъ войска. Давидъ вызвался его убить. Старшіе братья стыдились за него, считая хвастуномъ; военачальники отговаривали его отъ безразсуднаго поступка. Царь сначала также отговаривалъ Давида и посылалъ его пасти овецъ, но, видя его непреклонность, согласился, одѣлъ по-военному; на спину надѣлъ ранецъ, на голову—киверъ, а въ руки далъ ружье и произвелъ ученіе. Однако Давидъ все это вооруженіе покидалъ, а надѣлъ только торбу и взялъ въ руки дубину.

Проходя мимо рѣки, онъ набралъ въ торбу камней и съ этимъ вооруженіемъ выступилъ противъ Голиафа. Имени этого послѣдняго рассказъ не передаетъ, называя его просто великаномъ. На бой онъ выѣзжаетъ верхомъ на лошади. Между нимъ и Давидомъ происходитъ слѣдующій разговоръ:

Голиафъ: Куда ты идешь?

Давидъ: Съ тобой воевать.

Голиафъ: А что ты мнѣ сдѣлаешь?

Давидъ: Убью.

Голіафъ: Какъ убьешь?

Давидъ: Вотъ какъ.

Давидъ взялъ камень и бросилъ его съ такой силой въ голову великана, что камень вышелъ черезъ затылокъ; затѣмъ онъ отрѣзалъ голову своего противника и спряталъ въ сумку. Царь въ награду за это отдалъ ему свою дочь.

О зачатіи Иисуса Христа гагаузы рассказываютъ, что Богъ далъ Богородицѣ понюхать цвѣтокъ феслина и дунулъ на этотъ цвѣтокъ, отъ чего Богородица и зачала.

Изъ жизни Христа передается слѣдующій рассказъ, извѣстный не однимъ гагаузамъ:

Когда жида гонялись за Христомъ, чтобы его убить, то Христосъ прибѣжалъ къ свиньѣ. Свинья вырыла въ землѣ яму, положила въ нее Христа и сама на него легла. Жида увидѣли свинью, испугались и убѣжали. Потомъ Христосъ пришелъ къ овцамъ и спрятался между ними. Овцы пережевывали свою жвачку и отрыгали ее. Жида испугались звука, который при этомъ получался, и снова убѣжали. Послѣ того Христосъ спрятался въ ясли къ волкамъ и завернулся въ солому. Жида его не нашли. Наконецъ Онъ спрятался въ лошадиныя ясли и скрывался тамъ цѣлую ночь. За ночь лошади, которыя ѣдятъ очень много, съѣли солому и открыли убѣжище Христа. Пришли жида взяли Его и замучили. За это Христосъ проклялъ лошадей: „вы, говорить, будете ѣсть и никогда не насытитесь“ ²⁾.

Дьявола гагаузы называютъ: „Шейтан“, „Буйнузлу“ (Рогатый) „Евдьян-ыракъ“ (Далекій отъ дому). Шейтановъ, по ихъ мнѣнію, очень много и всѣ они мужского пола. „Если бы они были женщинами, навѣрно ; поясняютъ гагаузы, то боялись бы ходить по ночамъ“ ⁴⁾. Надо добавить, что гагаузскія жевшивы послѣ заката солнца по улицамъ села не ходятъ и до восхода никуда изъ дому не отлучаются. Шейтаны были прежде служителями Бога и жили на небѣ, но когда оказали Ему неповиновеніе, Богъ столкнулъ ихъ съ неба на землю. 40 дней и сорокъ ночей они сыпались внизъ и каждый остался жить въ томъ мѣстѣ, куда упалъ ⁵⁾. У шейтана, по мнѣнію гагаузовъ, души нѣтъ; она замѣняется огнемъ; безъ огня онъ такъ же не можетъ жить, какъ рыба безъ воды ⁶⁾. По внѣшнему виду шейтаны такіе же существа, какъ и люди, но въ отличіе отъ этихъ послѣднихъ никогда не бываютъ похожи

другъ на друга. Живя въ гѣсу или въ дымовой трубѣ⁷⁾, шейтанъ слѣдитъ за всѣми поступками человѣка и подслушиваетъ каждое его слово, чтобы воспользоваться случаемъ и соблазнить его. Чтобы не быть видимымъ для человѣка, шейтанъ иногда принимаетъ на себя видъ мухи, жука или другого насѣкомаго. Въ такомъ видѣ онъ можетъ даже войти въ человѣка вмѣстѣ съ водой, которую тотъ пьетъ, если посуда для воды не прикрыта крышкой⁸⁾. Но читать мысли человѣка шейтанъ не можетъ. А потому если задумать доброе, богоугодное дѣло, то не нужно объ этомъ говорить вслухъ, чтобы чортъ не подслушалъ и не испортилъ задуманнаго. Такъ, напримѣръ, если на дорогѣ въ церковь человѣка кто-нибудь встрѣтитъ и спроситъ, куда онъ идетъ, то нельзя объяснить настоящей цѣли своего пути, а то шейтанъ подслушаетъ разговоръ и станетъ отговаривать отъ посѣщенія церкви или нагонитъ на человѣка такую тоску, что и самъ туда не пойдешь. Точно также дьяволъ не можетъ узнать и того, что человѣкъ видѣлъ во снѣ. Однако страшные сны устраиваетъ человѣку шейтанъ. Рассказывать о нихъ другимъ людямъ нехорошо, потому что этимъ оказывается вниманіе злему духу. Точно также грѣшно произносить его имя, ибо этимъ также оказывается ему уваженіе.

У каждаго человѣка на правомъ плечѣ сидитъ ангелъ, а на лѣвомъ шейтанъ. Если въ теченіе 40 дней не побывать въ церкви, то шейтанъ начинаетъ спорить съ ангеломъ⁹⁾.

Человѣка, совершившаго какое-либо преступленіе, шейтанъ начинаетъ колотъ ежеминутно, и потому онъ часто сознается въ своей винѣ, чтобы избавиться отъ уколовъ.

Люди могутъ завязать сношеніе съ шейтаномъ, и тогда онъ является къ ихъ услугамъ по первому зову. Въ доказательство этого мнѣ передавали слѣдующее, якобы дѣйствительное, происшествіе:

Въ селѣ Копкуй у одного крестьянина-гагауза былъ женатый сынъ. Однажды въ субботу отецъ съ сыномъ запрягли лошадей и поѣхали въ поле косить. Накосили сѣна, нагрузили его въ телѣгу и повезли домой. У отца въ карманѣ было портмоне со 100 рублями денегъ, которое онъ выронилъ дорогой въ сѣно. Пріѣхали домой и легли спать, при чемъ отецъ не замѣтилъ своей пропажи. На утро сынъ всталъ, покормилъ коровъ и вмѣстѣ съ охабкой сѣна захватилъ попавшее въ него портмоне. Одна изъ

коровъ проглотила портмоне вмѣстѣ съ деньгами. Проснувшись, отецъ хватился денегъ, заподозрилъ въ кражѣ ихъ сноху и давай ее бить. Сыну стало жаль жены и онъ посовѣтовалъ съѣздить въ Башкию къ извѣстному во всемъ околоткѣ и понынѣ здравствующему знахарю, по имени Ташу. Отецъ согласился. Поѣхали къ знахарю и рассказали о своей пропажѣ. Ташу разложилъ карты, долго смотрѣлъ на нихъ, а потомъ, ничего не говоря, вышелъ на дворъ и сталъ свистать ¹⁰⁾. Просвисталъ три раза и на свистъ обѣжались шейтаны, черненькіе, маленькіе, вродѣ собачекъ ¹¹⁾. Ташу сталъ ихъ спрашивать о пропажѣ. Шейтаны рассказывали, что деньги проглотила пестрая корова, но просили не говорить объ этомъ потерявшему деньги.

„Скажи, говорятъ, что сноха украла, пусть онъ ее убьетъ и погубитъ разомъ двѣ души, потому что она беременна.“ Но мужъ несчастной женщины послалъ въ домъ Ташу отца, а самъ остался лежать въ телѣгѣ, такъ что явился невольнымъ свидѣтелемъ вышеописанной сцены знахаря съ шейтанами. Колдунъ исполнилъ ихъ просьбу и, вошедши въ домъ, гдѣ ждалъ отецъ, обвинилъ въ кражѣ сноху. Но на обратномъ пути сынъ рассказалъ отцу все имъ видѣнное и слышанное. Пеструю корову зарѣзали и, дѣйствительно, нашли въ ней портмоне съ деньгами, а женщина спаслась отъ бѣды, а то бы тесть непременно ее убилъ.

Чтобы завязать сношеніе съ шейтаномъ, бѣдные люди, желающіе разбогатѣть, дѣлаютъ такъ: въ пасхальную заутреню, когда священникъ выходитъ въ крестномъ ходѣ изъ церкви, черти кружатся обыкновенно около людей, остающихся въ храмѣ, чтобы ихъ соблазнить. И вотъ желающій войти въ сношеніе съ чертомъ, когда священникъ провозгласитъ въ первый разъ: „Христось воскресъ“, долженъ отвѣчать: „ха рѣшкасы беним олсун“ (а рѣшка на монетѣ пусть будетъ моею). Тогда чортъ бываетъ очень доволенъ и, нѣсколько дней спустя, является къ человѣку и беретъ отъ него договоръ о продажѣ души на извѣстный срокъ (20, 30, 40 лѣтъ), подписанный кровью. Въ теченіе этого времени дьяволъ посѣщаетъ своего кліента и носить денегъ, сколько потребуется. Но по окончаніи срока все имѣнье такого человѣка исчезаетъ неизвѣстно куда и роднымъ его не достается ¹²⁾.

Гагаузы рассказываютъ при этомъ легенду о томъ, какъ баба надула чорта.

Одинъ человѣкъ продалъ свою душу чорту, какъ водится, на извѣстный срокъ. Прошло время и предстояла скорая расплата. Ходить человѣкъ какъ потерянный, а жена и спрашиваетъ: „что съ тобою?“ Мужъ разсказалъ, въ чемъ дѣло.— „Не унывай, говорить жена, я тебѣ помогу, только скажи, когда чортъ придетъ.“ Когда шейтанъ явился за душой, человѣкъ сообщилъ женѣ, а та поставила нечистому условіе: „если, говорить, разрѣшишь задачу, которую я тебѣ задамъ, то душа моего мужа будетъ твоей“. Нечистый согласился. Женщина достала курчавый волосъ со своей природы и предложила расправить. Чортъ пробовалъ достигнуть этого и на землѣ и на камнѣ, три дня бился и ничего не вышло. Женщина говорить ему: „ты одного волоска не могъ расправить, а смотри у меня ихъ сколько“. Чортъ лопнулъ, а человѣкъ спасся отъ его когтей.

Самымъ главнымъ изъ шейтановъ гагаузы считаютъ „Юду“. Онъ сидитъ въ аду, связанный Богомъ на 1000 лѣтъ. У него самые большіе рога, изъ пасти постоянно выходитъ огонь¹²⁾.

Изъ разсказовъ о шейтанѣ мною записаны, между прочимъ, два слѣдующіе, которые интереснѣе другихъ:

Шейтанъ построилъ телѣгу внутри дома и не зналъ, какъ ее вывезти на улицу. Пошелъ онъ къ Богу просить помощи. Богъ катилъ, катилъ телѣгу и выкатилъ изъ дому. Потомъ чортъ сотворилъ волка, опять идетъ къ Богу и говорить: „Господи, я сотворилъ волка, какъ мнѣ сдѣлать, чтобы онъ двигался?“ Богъ отвѣчаетъ: „скажи: ѣшь шейтана“. Шейтанъ сказалъ: „ѣшь Бога“. Волкъ не шевелится. Когда же сказалъ „ѣшь шейтана“, то волкъ вскочилъ и погнался за нимъ. Убѣгая, шейтанъ встрѣтилъ человѣка со щенками въ мѣшкѣ и просилъ спрятать его въ мѣшокъ. Человѣкъ закричалъ на волка: „ууу“ и спасъ шейтана. И теперь еще, добавлялъ разсказчикъ, люди спасаются отъ волка крикомъ: „ууу“¹³⁾.

Богородица сдѣлала условіе съ шейтаномъ, что ей будутъ принадлежать живые люди, а шейтану мертвые. Богъ, узнавъ объ этомъ, говорить: „не хорошо ты сдѣлала, потому что всѣ люди умрутъ и, значить, всѣ будутъ принадлежать шейтану“. Чтобы выкрасть это условіе, Богъ отдалъ нечистому въ работники Св. Илью. Прошло нѣкоторое время, но Св. Илья никакъ не могъ украсть условія. Тогда Богъ сказалъ: „я устрою жаръ на землѣ,

а ты предложи чорту выкупаться; шейтанъ окунется въ воду, а я въ это время ее заморожу". Такъ и было сдѣлано: когда чортъ нырнулъ въ воду, Богъ заморозилъ ее на два локтя, а Св. Илья взялъ условіе и улетѣлъ на небо ¹³⁶).

Люди, знающіеся съ нечистой силой, колдуны, называются у гагаузовъ „джяды“ ¹⁴). Джяды бываютъ по большей части женщины. Каждый человекъ можетъ сдѣлаться джяды, но не каждый въ состояніи выполнить условія, которыя для этого требуются. Нужно взять послѣднее яйцо отъ курицы, когда она перестаетъ нестись и носить 40 дней подъ мышкой, пока не вылупится цыпленокъ. Это собственно не цыпленокъ, а шейтанъ, привявшій видъ цыпленка. Его нужно выкормить и вырастить, а потомъ зарѣзать, сварить и съѣсть, а жиромъ его мазаться ¹⁵). Жиръ этотъ имѣетъ свойство не только обращать человекъ въ колдуна, но если смазать имъ даже неодушевленные предметы, какъ, напримеръ, печку или кусокъ кожи, то и ихъ можно будетъ посылать за добычей. Добычей джяды бываетъ обыкновенно молоко отъ чужихъ коровъ, яйца отъ чужихъ куръ и урожай на чужой полосѣ. За добычей джяды ходятъ по ночамъ до первыхъ пѣтуховъ и посвѣщаютъ чужіе дворы, принимая видъ курицы или колеса ¹⁶). Чаще всего это случается наканунѣ Игнатъева дня, Пасхи, Св. Георгія и Троицы ¹⁷). Если колдуна захватить во время такой прогулки и связать мочалкой, то онъ останется въ томъ видѣ, который принялъ, часа 2 или 3, а потомъ снова принимаетъ человеческій видъ. Если такой курицѣ обрѣзать когти, то и у джяды окажутся на другой день пораненными пальцы ¹⁸). Одинъ изъ гагаузовъ рассказывалъ мнѣ, что ему довелось самому видѣть джяды наканунѣ Игнатъева дня въ видѣ курицы. Рассказчикъ поспѣшилъ ударить курицу палкой, а на другой день у женщины сосѣдки, которую подозрѣвали въ колдовствѣ, одна щека оказалась совершенно почернѣвшей.

Говорятъ, что джяды можно узнать, если первымъ выйти наканунѣ Георгіева дня навстрѣчу возвращающемуся съ поля стаду. Тогда корова, идущая впереди всего стада, сильно мычитъ и имѣетъ выдупленные глаза, потому что у нея между рогами сидитъ джяды, которую можно тогда видѣть.

Если колдунья отберетъ у чьей-нибудь коровы молоко, то корова перестаетъ доить, а молоко очутится у джяды. Это молоко,

такъ же какъ и всякая другая добыча колдуньи, называется „мана“¹⁹⁾; оно отличается отъ обыкновеннаго только своимъ дурнымъ запахомъ²⁰⁾. Чтобы избавиться отъ посѣщенія дяди накануне вышеупомянутыхъ, излюбленныхъ ими, праздниковъ, единственное средство—разсыпать на дворѣ просо и золу. Тогда дядя будетъ собирать просо клювомъ, а золу глазами, и такъ провозится до утра²¹⁾.

Для того, чтобы отобрать у сосѣда урожай хлѣба, дядя отправляется въ поле накануне Троицына дня ночью, раздѣвается до-гола, смазывается жиромъ курицы, о которой было говорено выше, и проходитъ сквозь хлѣбъ²²⁾. При этомъ весь хлѣбъ опадаетъ, а „мана“ въ видѣ трехъ колосевъ остается у ногъ дяди. Эти колосья колдунья хранить въ потаенномъ мѣстѣ до наступленія жатвы, а когда жатва начинается, приносить съ поля двѣ пробы хлѣба, разсыпаетъ ихъ на своемъ арманѣ (площадкѣ для молотбы), прибавляетъ три колоска, взятые въ видѣ „мана“, и начинаетъ молотить. Такимъ образомъ, у одного хозяина, который подозрѣвался въ колдовствѣ, изъ двухъ тѣлѣгъ пшеницы вышло 2 кило (42 мѣрки) зерна, а у его потерпѣвшаго сосѣда изъ тѣхъ же двухъ тѣлѣгъ получилось только 10 мѣрокъ зерна. Кромѣ зерна, дядя можетъ отобрать у человѣка или у дома его счастье.

Подозрѣніе въ колдовствѣ почему-то чаще всего падаетъ на тѣхъ женщинъ, у которыхъ водятся много домашней птицы, а въ особенности, если, во время эпидеміи на птицу, ихъ хозяйство меньше прочихъ пострадаетъ.

Изъ числа злыхъ духовъ, въ которыхъ вѣрять гагаузъ, прежде всего необходимо сказать о „Русалѣ“, несомнѣнно родственной нашей русалкѣ. Рассказываютъ, что ее не всякій можетъ видѣть. Русала показывается или такому человѣку, который Богу не молится, или пьяницѣ, или тому, у кого „слабая звѣзда“ („йыфка йылдызы“), т.-е. кто боленъ и долго на свѣтѣ не проживетъ. А если человѣкъ и увидитъ русалю, то непременно съ ума сойдетъ²³⁾. Уже изъ этого понятно, что гагаузъ неохотно сталъ бы рассказывать, если бы ему Русала и пригрезилась. И дѣйствительно, рассказы о русаляхъ весьма рѣдки. Вотъ одинъ изъ нихъ:

Когда одному изъ взрослыхъ крестьянъ с. Бешалма было 12

лѣтъ, а брату его—10, отправились они вдвоемъ во время русаль-ныхъ праздниковъ въ поле пасти овецъ. Вечеромъ на курганѣ, около котораго они пасли, вышелъ человѣкъ ростомъ въ сажень, а голова у него была величиной съ мѣрку для жита. Онъ сталъ играть на кавальѣ, а потомъ вышелъ другой человѣкъ, маленькій ростомъ, съ аршинъ, а голова тоже величиною съ мѣрку, и заигралъ на барабанѣ. Затѣмъ одинъ по одному собралось 12 человѣкъ и начали танцовать „хору“. А разсказчикъ съ братомъ стояли и смотрѣли. Младшій братъ говорить: „я пойду къ нимъ“. „Не ходи, отвѣчаетъ старшій, они русали“. У братьевъ была съ собой собака по имени Актабанъ, она прибѣжала и стала лаять на танцующихъ. Старшій братъ закричалъ ей: „ня (такъ зовутъ собакъ) Актабанъ, ня“. А русалка большого роста говорить: „Актабанъ, я тебѣ дамъ Актабана“, и погнался за ребятами. Когда онъ бѣжалъ, то земля дрожала отъ топоту. Старшій братъ бѣгомъ погналъ овецъ, а младшій бросилъ стадо и убѣжалъ впередъ. Великанъ гнался за ними до перекрестка двухъ дорогъ и вернулся. Прибѣжали они домой и отъ страха говорить не могутъ. Черезъ нѣсколько времени стали разсказывать, что видѣли. А родители ихъ и говорятъ: „это были русали, счастье ваше, что вы убѣжали до перекрестка дорогъ, а если бы не добѣжали, они бы васъ съ ума свели“.

Русали бываютъ мужчины и женщины и видомъ похожи на обыкновеннаго человѣка. Что касается длинныхъ волосъ, непремѣнной принадлежности нашей русалки, то таковыми они бываютъ только у русаль женщинъ, у мужчинъ же—короткіе. Одни говорятъ, что русали одѣты во все бѣлое, а другіе—въ красную рубашку до колѣнъ. Наканунѣ русальскихъ праздниковъ, начиная со дня Преполовенія, во вторникъ, въ среду и пятницу, нельзя купаться, потому что „русалка испортитъ“, т.-е. сведетъ съ ума, и нельзя будетъ работать, такъ какъ человѣкъ лишится силы. Въ свой праздникъ русали всю ночь, до восхода солнца, устраиваютъ „хоро“ и танцуютъ ²¹⁾, а если солнце застанетъ ихъ за танцами, то лопаются и пропадаютъ. Подобно нашему лѣшему, русали могутъ забрать человѣка во время сна и долго водить, такъ что потомъ онъ не будетъ знать, гдѣ побывалъ. Одинъ изъ гагаузовъ разсказывалъ, что его дядя наканунѣ русалина дня пошелъ въ поле за какой-то съѣдобной травой „сусай“. Русали подхватили

его, три дня гдѣ-то водили и наконецъ, лишивши памяти, бросили.

Что касается трехъ мнѣическихъ существъ „*Чаршамба кармы*“ или „*Чаршамба бабасы*“ (Середа-женщина или Середа-баба), „*Джюма кармы*“ или „*Джюма бабасы*“ (Пятница-женщина или Пятница-баба) и „*Пазар-ами*“ (Воскресенье-мать), то онѣ соотвѣтствуютъ русской Параскевѣ-Пятницѣ ²⁵⁾ и болгарской „Свѣта Петка“ ²⁶⁾. Этнхъ трехъ существъ гагаузы представляютъ себѣ въ видѣ старухъ въ бѣлой одеждѣ съ палками въ рукахъ ²⁷⁾. Онѣ живутъ гдѣ-то въ лѣсу, въ пустынномъ мѣстѣ. Все отношеніе ихъ къ людямъ заключается въ зоркомъ наблюдѣніи за тѣмъ, чтобы строго соблюдались ихъ праздники, т.-е. чтобы не было работъ вечеромъ наканунѣ среды, пятницы и воскресенья. Въ это время онѣ ходятъ по деревнямъ и черезъ окно заглядываютъ въ хаты, не работаетъ ли кто-нибудь. Если онѣ замѣтятъ, что какая-нибудь женщина прядетъ, то берутъ прялку и работаютъ на ней, послѣ чего работа у той женщины уже не будетъ спориться ²⁸⁾. Въ пятницу сверхъ того грѣшно исполнять еще и другую женскую работу, а именно смазывать полъ и стѣны дома глиной ²⁹⁾. Одинъ изъ гагаузовъ рассказывалъ, что разъ наканунѣ пятницы у мужа его старшей сестры сильно залаяли на дворѣ собаки. Хозяинъ вышелъ изъ дому и сталъ ихъ науськивать, но онѣ вдругъ перестали лаять, потому что это была „джюма-кары“. Онѣ выстрѣлили на воздухъ, но былъ жестоко за это наказанъ, такъ какъ убилъ выстрѣломъ троихъ своихъ дѣтей и послѣ того самъ сильно захворалъ.

Кромѣ праздниковъ, повторяющихся еженедѣльно, эти три мнѣическія старухи имѣютъ каждая по одному большому годовому празднику: Великую Среду, Великую Пятницу и Великое Воскресенье, т.-е. среду и пятницу на Страстной недѣлѣ и первый день Пасхи.

Въ одной изъ гагаузскихъ сказокъ герой, отправившись добывать золотыя яблоки, попадаетъ къ Средѣ-бабѣ. Старушка спрашиваетъ его: „чего тебѣ здѣсь нужно? Сюда ни одна душа не заходила и даже змѣя не запалывала. У меня есть собака, сама желѣзная, а зубы стальные, я выпущу ее и она разорветъ тебя на мелкіе куски“. Достаточно было герою отвѣтить: „матушка-мать, я—человѣкъ“, и старушка не только впустила его къ себѣ, но накормила и научила, куда нужно идти дальше. Точно такія же

сцены повторяются въ сказкѣ у Пятницы-бабы и у Воскресенья-матери.

Въ другой сказкѣ героиня-дѣвушка ищетъ какое-то сито и, подобно герою первой сказки, обходитъ всѣхъ трехъ старухъ, но только въ обратномъ порядкѣ: сначала къ Воскресенью-матери, потомъ къ Пятницѣ-бабѣ и наконецъ къ Середѣ-бабѣ. Героиню встрѣчаютъ лаемъ собаки старушекъ и затѣмъ слѣдуетъ неизмѣнная фраза, свидѣтельствующая о расположеніи хозяекъ къ роду человѣческому: „если ты человѣкъ, то войди, если—не человѣкъ, то далеко будь отъ моего дома“.

Изъ сопоставленія этихъ двухъ сказочныхъ эпизодовъ видно, что обстановка, жизнь и отношеніе къ людямъ у всѣхъ трехъ миѣческихъ женщинъ совершенно одинаковы, но въ то же время между ними есть нѣкоторое старшинство, а именно старше всѣхъ стоитъ Воскресенье, которое и называется не бабой или женщиной, а матерью. За нимъ идетъ по старшинству Пятница и наконецъ Середа ³⁰⁾.

Есть у гагаузовъ еще одно подобное же миѣческое существо „Сагук-анасы“. Оно встрѣчается въ нижеприводимомъ наговорѣ отъ сглазу. Но никто изъ гагаузовъ не могъ мнѣ не только сообщить что-либо объ немъ, но даже объяснить, что значить слово „Сагук“. Очевидно, что это вѣрованье относится къ отдаленной старинѣ и въ настоящее время совершенно забыто.

Болгарское миѣческое существо „Кара кончо“, „Кара кандзор“ или „Кара конджа“ ³¹⁾ и сербское—„Караконджола“ ³²⁾ гагаузы называютъ „Караканзал“. Но ничего не знаютъ объ этомъ существѣ и употребляютъ имя его только въ одной пословицѣ. Если хотятъ сказать про кого-нибудь, что онъ присталъ, по русскому выраженію, какъ банный листъ, то говорятъ: „отурду караканзал-гиби“ (насъль какъ Караканзалъ ³³⁾).

Болгарская „Самудива“ произносится гагаузами только какъ ругательство, равное слову „чортъ“, но значенія его никто не понимаетъ.

Гагаузы вѣрятъ, что въ каждомъ домѣ живетъ домашній духъ, котораго называютъ по-русски „домовой“ ³⁴⁾, но представляютъ себѣ въ видѣ змѣи, которая бережетъ счастье дома. Если эту змѣю кто-нибудь убьетъ, то съ нею вмѣстѣ погибнетъ домъ и всѣ, которые въ немъ живутъ. Есть у гагаузовъ и праздникъ домовому:

1-го сентября, въ Семеновъ день. Если работать въ этотъ день, говорятъ гагаузы, то домовой такъ сильно стучитъ въ стѣну, что домъ шатается ²⁵⁾.

Къ числу мнѳическихъ существъ, забытыхъ народомъ, отъ которыхъ въ настоящее время ничего не осталось въ народной памяти, кромѣ имени, надо еще причислить „Гогу“ или „Гогуджу“, соответствующаго нашему русскому Букъ, такъ какъ этимъ именемъ пугаютъ ребятъ ²⁶⁾.

Гагаузы, также какъ и другіе народы, представляютъ себѣ различныя болѣзни въ видѣ живыхъ существъ, отравляющихъ человека. Но представленіе это, какъ кажется, у нихъ не такъ ясно, какъ у русскаго простонародья. Мнѣ удалось записать рассказы только о Чумѣ („Чума“), которую считаютъ самую страшную болѣзнию, настолько страшную, что се боится самъ Богъ, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго рассказа:

Богъ и св. Петръ, проходя по землѣ, вышли разъ на дорогу. Богъ говоритъ Петру: „сойдемъ съ дороги, потому что здѣсь сейчасъ пройдетъ чума. Св. Петръ спрашиваетъ: „Господи, ты вѣдь Богъ, чего же тебѣ бояться чумы?“ „Отъ чумы, отвѣчаетъ Богъ, никому уваженія не будетъ. Отрѣжь кусокъ мяса отъ своей икры, положи его на дорогу и ты увидишь“. Отрѣзалъ св. Петръ кусокъ мяса и положилъ на дорогу, а сами они свернули въ сторону и стали подсматривать. Пришла чума, нашла мясо, отравила его и оно сейчасъ же распухло, сдѣлалось, какъ коврижка хлѣба.

Чуму представляютъ себѣ въ видѣ курносои старухи съ блѣднымъ лицомъ. Она ходитъ по деревнямъ и останавливается на ночлегъ у своихъ знакомыхъ, которымъ въ благодарность за гостепримство не дѣлаетъ ни малѣйшаго вреда. Про одну старуху въ с. Бешалма рассказывали, что она вела знакомство съ чумой, которая останавливалась у нея на ночлегъ въ конюшнѣ. Хозяйка выставляла туда коровой хлѣба и клала на него яйцо ²⁷⁾. Зато, когда у всѣхъ въ селѣ дѣти мерли какъ мухи, у этой старухи были живы и здоровы.

Одной изъ важнѣйшихъ причинъ болѣзней гагаузы считаютъ сглазъ („назар“) ²⁸⁾. Дурнымъ глазомъ, по ихъ мнѣнію, обладаетъ не всякій человекъ, а только тотъ, котораго въ дѣтствѣ не сразу отлучили отъ груди матери: отлучивши разъ, почему-либо снова дали грудь ²⁹⁾.

Чтобы не сглазить другого человѣка или его имущества против своей воли, не нужно никогда хвалить человѣка, его скота, его вещей и удивляться имъ ⁴⁰).

Если похвалить чужой новорожденный скотъ, то онъ непременно сдохнетъ ⁴¹).

Чтобы себя самого предохранить отъ сглазу, мужчины берутъ себя за ятра и, обтирая этими руками глаза, говорятъ: „когда сглазятъ мои ятра, пусть тогда сглазятъ и меня“ ^{41a}).

Чтобы предохранить отъ сглаза лошадь, существуетъ слѣдующее средство: надо взять 9 штукъ сѣмянъ травы „Чора-оту“ или— „Чор-оту“ и считать ихъ три раза обратно, т. е. 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1 ⁴²), а затѣмъ смѣшать эти зерна съ воскомъ и прилѣпить лошади подъ гриву въ невидномъ мѣстѣ.

Кромѣ того, съ той же цѣлью вѣшаютъ скоту на шею подошву отъ сношенныхъ лаптей ⁴³). Коровъ привязываютъ на хвостъ красную нитку, новорожденнымъ телятамъ и ягнятамъ вѣшаютъ на шею „китки“ (кисточки изъ гаруса), а жеребятѣмъ—ложку ⁴⁴). Коровъ, только что отелившейся, привязываютъ къ хвосту на красной ленточкѣ зубокъ чесноку и кусокъ „феслина“ ⁴⁵). Если у кого-нибудь случится болѣзнь отъ сглазу, то лѣчатъ его такимъ образомъ: берутъ вѣтки терна и зажигаютъ ихъ, а потомъ ножницами снимаютъ угольки и бросаютъ въ воду съ наговоромъ ⁴⁶). Воду эту даютъ больному пить съ четырехъ сторонъ сосуда, крестъ на крестъ. А потомъ той же водой онъ моетъ себѣ руки и голову. Остатки выливаются на собаку. Если собака встряхнется ⁴⁷), то думаютъ, что больной выздоровѣетъ, а если нѣтъ, то пожретъ ⁴⁸). При этомъ лѣченіи произносится слѣдующій наговоръ:

Кач гѣз гѣз-арасында, зерем етишеджек сени Сагук-анасы. Калугар-болгар ал ташакларны омузуна, да гезъ кюю-ичиндя. Кѣпекляр салар, ташаклар патлар, да гѣзлериндя яшлар акар. Херъ кары гѣзъндяй-са, патласын мемелери, да аксынсѣдѣ. Херъ еркекъ гѣзъндяй-са, патласын ташаклары да аксын барсаклары.

Бѣги, глазъ, изъ промежутка между глазъ, а нето догонить тебя Сагук-мать. Монахъ-болгаринь! возьми шулята на плечо и иди въ деревню. Собаки лають. Шулята лопаются, изъ глазъ слезы текутъ. Если сглазила женщина, то пусть лопнуть ея груди и потечетъ молоко. Если сглазиль мужчина, пусть лопнуть его шулята и вытекутъ внутренности.

Здѣсь кстати будетъ привести нѣсколько способовъ лѣченія разныхъ болѣзней:

1) Чтобы вылѣчить ячмень на глазу, нужно больного чѣмъ-нибудь напугать ⁴⁹⁾.

2) Если у кого-нибудь пухнуть вѣки глазъ, то лѣчатъ, смазывая ихъ или женскимъ молокомъ ⁴⁹⁾ или своей собственной мочой ⁵⁰⁾.

3) Бѣльмо на глазу стараются вылѣчить, снимая его съ глаза пухомъ, растущимъ на поверхности листа подсолнечника, если дѣло происходитъ лѣтомъ, если же зимой, то вылизываютъ другъ у друга языкомъ.

4) Чтобы излѣчиться отъ насморку, нужно продать кому-нибудь какую-нибудь вещь и вещь эту намазать жидкостью, выходящею изъ носа. Тогда вмѣстѣ съ вещью къ покупателю перейдетъ отъ продавца и насморкъ ⁵¹⁾.

5) Кромѣ того, отъ насморка лѣчатся тѣмъ, что нюхаютъ жженую шерсть или навозъ ⁵²⁾. Если же и это не помогаетъ, то прибѣгаютъ къ средству, которое считается хорошимъ и отъ многихъ другихъ болѣзней. Средство это—выпотѣваніе подъ дѣйствіемъ пара. Для этого разжигаютъ огонь и кладутъ на него камни. Раскаленные камни выдаютъ въ маленькое корыто („купава“). Больной садится надъ корытомъ и накрывается одѣялами, причѣмъ отъ времени до времени на горячіе камни поливаютъ воду. Паръ, получаемый такимъ образомъ, остается подъ одѣяломъ и вызываетъ у человѣка испарину. Пропотѣвши, онъ ложится въ постель ⁵³⁾.

6) Зубная боль происходитъ оттого, что въ зубѣ заводится особый зубной червякъ („диш курду“) ⁵⁴⁾, котораго можно умертвить, если сдѣлать отваръ изъ сиреневой („леляка“) коры, чрезвычайно горькой, и держать его на больномъ зубѣ три раза въ день.

7) Отъ боли въ ухѣ нужно взять луковицу порея („прасо“), положить въ горшокъ и поставить этотъ послѣдній въ горячую золу. Горшокъ накрывается дощечкой съ отверстіемъ посрединѣ, надъ которымъ нужно держать больное ухо. А потомъ сваренную луковицу нужно выжать и сокъ влить въ то же ухо ⁵⁵⁾.

8) Отъ головной боли лѣчатся лѣтомъ холодной водой, смачивая ею полотенце, а зимой привязываютъ къ головѣ холодную соленую капусту ⁵⁶⁾.

9) Отъ вереда употребляется печеный лукъ или сахаръ съ мыломъ ⁵⁷⁾.

10) Чирьи лѣчатъ смазывая ихъ чымъ-нибудь чужимъ каломъ ⁵⁷⁾.

11) Бородавки происходятъ оттого, что лягушка брызнетъ на человѣка своей мочой ⁵⁸⁾. Ихъ срѣзаютъ при помощи нитки.

12) Отъ обжога смазываютъ обожженное мѣсто соплями.

13) Чтобы заживить рану, нужно посыпать ее солью.

14) Если у человѣка начнется болѣзнь „санджи“, при которой захватываетъ бокъ, такъ что дышать нельзя, то нужно взять заморскую раковину, привозимую въ Бессарабію изъ чужихъ странъ, и положить ее въ чашку съ водой. Черезъ два часа въ водѣ покажутся звѣздочки; тогда эту воду нужно выпить. Другіе лѣчатъ ту же болѣзнь накидываньемъ горшка на пупъ въ видѣ сухой банки.

15) Отъ „бабицы“ (поноса, происходящаго отъ объяденія) животъ натираютъ отваромъ чеснока въ водѣ ^{58a)}.

16) Отъ поноса у ребятъ также употребляется отваръ чеснока въ водѣ.

17) Если кто-нибудь надорвется при работѣ или сильно оступится при ходьбѣ, то говорятъ, что у него пупъ развязался („гѣбя чѣзүльмуп“). Въ такомъ случаѣ берутъ поваренную соль и посыпаютъ ее на пупъ, на колѣни и на плечи, а кромѣ того, три раза правятъ руки и ноги. Хорошо также поставить на пупъ сухую банку изъ горшка, внутри котораго зажигается пакля. Или, завернувши палецъ въ платокъ, вертѣтъ имъ въ пупѣ, слегка нажимая его. Но если кто знаетъ, то можетъ отыскать подъ мышкой человѣка такую жилу, которую если перевернуть, то пупъ самъ собою завяжется ⁵⁹⁾.

18) Одинъ молодой гагаузъ рассказывалъ мнѣ о слѣдующемъ способѣ лѣченія, произведенномъ надъ нимъ, когда у него послѣ одного ночлега въ степи отнялся языкъ, правая нога и лѣвая рука. Баба знахарка, которую по этому случаю пригласили, взяла обыкновенный мужской кушакъ и стала мѣрить его своимъ правымъ локтемъ. Въ первый разъ она отмѣрила 3 локтя, во второй—два, въ третій — одинъ. Затѣмъ объявила во всеуслышаніе, что послѣ того, какъ стадо коровъ вечеромъ вернется съ поля, больной долженъ встать. „И дѣйствительно“, добавлялъ рассказчикъ, какъ только вернулись съ поля коровы, я всталъ и къ моимъ отнявшимся органамъ тот-

часъ же вернулось прежнее чувство“. Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ передъ собой одинъ изъ случаевъ внушенія.

19) Отъ лихорадки и отъ плачу малыхъ ребятъ просовываютъ три раза на утренней зарѣ чрезъ промоины, сдѣланныя въ землѣ вешними водами, ихъ называютъ „судели“ (водяная дыра). Такія промоины образуются около верхняго края глинистаго обрыва, когда вода, не дойдя до обрыва, сначала просачивается внизъ, а потомъ выроетъ себѣ воронку и, уйдя въ нее, вылетаетъ гдѣ-нибудь на вертикальной поверхности обрыва. Миѣ приходилось самому видѣть такія промсины; онѣ образовали родъ земляной арки ⁶⁰). Вообще наблюдается, чтобы больному лихорадкой отнюдь не давать рыбы ⁶¹).

20) Если человѣкъ одолѣваетъ страхъ, то самое лучшее средство избавиться отъ него, это—плевать себѣ на грудь (по выраженію гагаузовъ: „плевать себѣ на сердце“). Хорошо также выпить съ водою порошокъ или капустныя сѣмечки ⁶²).

21) Если человѣкъ или скотину укусить змѣя, то нужно взять горшокъ съ водой и три куска орѣховаго дерева, положить эти куски въ воду, произнести надъ нею три раза наговоръ и обмыть укушенное мѣсто. Вотъ слова этого наговора:

Зихирь, зихирь, зихирь ураёр
дерея, дери ураёр яхныиы, яхны
ураёр кемиклера, кемикляр саа-
сын. Ким геттирди хабер, ичсин
су, йылан ичсин зихири.

Змѣиный ядъ, змѣиный ядъ,
змѣиный ядъ ударяетъ въ кожу,
кожа ударяетъ въ мясо, мясо
ударяетъ въ кости. Пусть кости
будутъ здоровы. Кто принесъ
извѣстіе (о томъ, что змѣя уку-
сила), пусть выпьетъ воду, змѣя
пусть выпьетъ ядъ ⁶³).

22) Если мальчикъ во снѣ мочится, то чтобы вылѣчить его отъ этого, надо слегка бить его по члену горящей метлой.

23) Если кто хочетъ освободиться отъ военной службы, то долженъ пить больше водки и мало ѣсть, тогда онъ не придется подъ мѣрку.

Кромѣ того, у гагаузовъ существуютъ слѣдующія *примѣты*:

- 1) Глаза или носъ чешутся—плакать ⁶⁴).
- 2) Между бровями чешется—стыдиться.
- 3) Правая ладонь чешется—пріятеля встрѣтить, лѣвая—деньги получать ⁶⁵).

4) Если въ правомъ ухѣ звенить, кто-нибудь вспоминаетъ о твоей добротѣ ⁶⁶).

5) Если вспоминаютъ о комъ-нибудь изъ родныхъ или знакомыхъ, давно отсутствующихъ, то нужно сказать: „Саа-сайды, кулаа чыннасын, ёльдѹ— сейди, топраджи йилинь олсун“ (если здоровъ, то пусть у него въ ухѣ зазвенить, а если померъ, то пусть ему будетъ земля легка).

6) Если кто-нибудь чихнетъ, то нужно сказать: „хайыр олсун“ (да будетъ на добро). Самъ чихающій долженъ перекреститься. Вѣрятъ, что человекъ чихаетъ тогда, когда кто-нибудь его вспоминаетъ. То же самое говорятъ и объ икотѣ ⁶⁷).

7) Рыгать за столомъ считается невѣжествомъ и неприличіемъ. Не соблюдавшаго это правило называютъ собакой.

8) Если всѣ говорятъ, а потомъ вдругъ замолчать, то гдѣ-нибудь случится выкидышъ ⁶⁸).

9) Если у кого-нибудь въ лѣвомъ ухѣ звенить, то онъ рѣшаетъ, что кто-нибудь въ это время дурно про него говоритъ и, задумавши на кого-нибудь, спрашиваетъ своего собесѣдника: „въ которомъ ухѣ звенить“? Если собесѣдникъ отгадаетъ, то значить, что задуманное было вѣрно. Если вѣтъ, то худо говоритъ кто-нибудь другой ^{68a}).

10) Если у кого-нибудь на ногтяхъ рукъ появятся бѣлыя поперечныя полоски, то у него уродится много овецъ ^{68b}).

11) Если обрѣзать ногти и бросить на полъ, то на томъ свѣтѣ ихъ не найдешь; нужно бросать обрѣзки ногтей себѣ сзади за воротникъ ⁶⁹).

12) Если мужчины остригаютъ себѣ волосы, то не бросаютъ ихъ, а втыкаютъ за стрѣху, чтобы вѣтромъ не разнесло, потому что въ противномъ случаѣ будетъ болѣть голова ⁷⁰).

13) Отрывать себѣ заусеницы нельзя, потому что шейтанъ дѣлаетъ себѣ изъ нихъ лапти ⁷¹).

14) Если у кого-нибудь дрожать руки, то говорятъ, что это человекъ скупой ^{71a}). Если у кого длинныя руки, то онъ непременно долженъ быть воръ. У кого руки холодныя, тотъ скоро помретъ.

15) Кольцо нельзя носить на большомъ и на среднемъ пальцѣ.

16) Часто клясться словомъ „Валлаа“ (соответствующимъ нашему

„Ей Богу“ не слѣдуетъ. Надъ такимъ человѣкомъ, который часто клянется, смѣются, говоря ему слѣдующее четверостишіе:

Валлаа, валлаа!
 Башына гирсинь холлаа,
 Гарга сычтын аянына
 Сени да чыырды бамаа.

Ей Богу, ей Богу!
 Пусть твоя голова войдетъ въ
 свиное корыто,
 Пусть ворона испражнится на
 твой лобъ
 И тебя попросить откушать.

17) Мочиться нѣсколькимъ человѣкамъ въ одно мѣсто нельзя, потому что на Страшномъ судѣ нельзя будетъ раздѣлить мочу.

18) Не годится потягиваться, стоя передъ человѣкомъ, а то онъ заболѣетъ ⁷³⁾.

19) Если слѣпой хорошо ориентируется и легко самъ себя находитъ дорогу, то говорятъ, что ему Богъ послалъ двухъ барановъ, которые сидятъ у него на плечахъ и указываютъ путь. Но рассказывать объ этомъ слѣпому не слѣдуетъ, и спрашивать грѣшно. Одинъ человѣкъ въ пьяномъ видѣ сталъ спрашивать, и слѣпой тотчасъ же послѣ того пересталъ находить дорогу.

20) Если взять червоточину изъ дерева, положить ее въ вино и дать кому-нибудь выпить, то тотъ человѣкъ сейчасъ же захмѣлѣетъ и уснетъ.

21) Спать на правомъ боку не хорошо, потому что Ангелъ хранитель, который сидитъ у каждаго человѣка на правомъ плечѣ, оставляетъ его и уходитъ далеко ^{72a)}.

22) Если кто во снѣ издастъ „звукъ“, то говорятъ, что онъ самъ себя будитъ и что послѣ такого звука онъ непремѣнно проснется.

23) Если трещать („чатырдыер“) двери или сундукъ, то въ домѣ будетъ покойникъ ⁷³⁾.

24) Вставъ отъ сна въ рабочій день, не нужно умываться до начала работы, потому что въ противномъ случаѣ дѣло спориться не будетъ. Умываться можно только поработивши хотя бы немного.

25) Если первый человѣкъ, котораго встрѣтишь, идя на работу, трудолюбивый, то работа въ этотъ день пойдетъ хорошо, если же встрѣтишь лодыря, то ослабнешь и хорошо работать уже не будешь ⁷⁴⁾.

26) Если, выѣзжая изъ дому, встрѣтишь женщину съ ведрами,

то нужно посмотрѣть, полныя ли они у нея. Полныя ведра предвѣщаютъ повѣзку счастливую, неполныя—неудачную.

27) Если на пути встрѣтишь волка, то хорошо, если кошку или зайца—не хорошо ⁷⁵⁾.

28) Если встрѣтишь на пути священника, то примѣта нехорошая ⁷⁶⁾.

29) Если кто-нибудь отъѣзжаетъ, а остающіеся хотѣли бы, чтобы онъ не вернулся, то вслѣдъ ему надо бросить камень ⁷⁷⁾.

30) Утираться двумъ лицамъ или болѣе однимъ полотенцемъ нехорошо, потому что они непременно поссорятся между собою ⁷⁸⁾.

31) Когда собираешься рѣзать хлѣбъ, то нужно на нижней его коркѣ сдѣлать ножомъ знакъ креста ⁷⁹⁾. Точно также, когда колютъ скотину, то дѣлаютъ ножомъ крестъ, гдѣ придется ⁸⁰⁾.

32) Нельзя краюшку хлѣба класть нижней коркой вверхъ ⁸¹⁾.

33) Не нужно оставлять на столѣ недоѣденный кусокъ хлѣба, потому что въ немъ заключается счастье того, кто его ѣлъ. Если остатокъ съѣсть кто-нибудь другой, то и счастье къ нему перейдетъ ⁸²⁾.

34) Если оставить на столѣ недопитую рюмку, то дѣти будутъ сопливыя („сумѣкля“).

35) Если выронишь изъ рукъ хлѣбъ или ложку, то гости будутъ ⁸³⁾.

36) Грѣшно немытыми руками брать хлѣбъ ⁸⁴⁾.

37) Если приходится при исполненіи обрядовъ носить своимъ сосѣдямъ угощеніе на тарелкахъ, то посуда и платокъ, въ которомъ оно было завязано, никогда назадъ не берутся ⁸⁵⁾.

38) Если разсыпать соль по землѣ, то на Страшномъ судѣ придется собирать свои рѣсницы глазами, т. е. дотрагиваясь глазами до земли.

39) Все, что остается отъ стола въ прощенное воскресенье (последній день масляницы), не нужно бросать, а отдать коровамъ, чтобы молоко у нихъ было хорошее ⁸⁶⁾.

40) Если ѣсть птичьи лапки, то будешь лгуномъ.

41) Если увидѣть во снѣ, что собаки кусаютъ, то будешь бить; мертвеца—одни говорятъ: къ добру, другіе: самъ умрешь ⁸⁷⁾; свадьбу—кто-нибудь помретъ; что могилу копаешь—самъ помрешь; что купаешься въ чистой водѣ—будешь здоровъ; въ грязной водѣ—заболѣешь ⁸⁸⁾; змѣю—въ постели хлѣбъ ѣсть будешь, т. е.

заболѣешь; рубль—хорошо; мелкія монеты—будутъ слезы; тѣсно-ту—не къ добру; дѣвушку—кто-нибудь обманетъ; солнце или мѣсяць—хорошо; что смѣешься и веселишься—будешь плакать ⁸⁹⁾; домъ—смерть ⁹⁰⁾; волось—заболѣешь; хорошую лошадь—хорошо; худую—къ худу; собаку—встрѣтить злого челоуѣка; яцца—непріятность ⁹¹⁾; вшей на спинѣ—твое счастье другой возьметъ; вшей на головѣ—деньги; выпавшій зубъ или отвалившаяся отъ сапога подметка—кто-нибудь изъ родныхъ умретъ; женатому яблоко—Богъ дастъ ребенка.

42) Если при шитьѣ рубашки путаются нитки, то говорятъ, что тотъ, кому она шьется, будетъ радоваться.

43) Когда надѣваютъ чистую сорочку, то плюютъ въ сторону, какъ бы отгоняя злого духа ⁹¹⁾.

44) Мыть бѣлье мыломъ можно только по понедѣльникамъ и четвергамъ, въ остальные дни—нехорошо ⁹²⁾.

45) Чтобы былъ въ домѣ всякій достатокъ и благополучіе, нужно какъ можно чаще читать „Сонъ Богородицы“ на славянскомъ или молдаванскомъ языкѣ. А если кто неграмотный, то хорошо держать въ домѣ, какъ талисманъ ⁹³⁾.

46) Если у кого-нибудь скотъ постоянно сдыхаетъ, то говорятъ, что ему подбросили на дворъ черепъ скотины изъ злости на хозяина. Въ такомъ случаѣ призываютъ священника отслужить молебенъ и окропить дворъ святой водой, а потомъ устраняютъ обѣдъ.

47) Если продаешь скотину, то сожалѣть ее не нужно, потому что она тогда будетъ не въ пользу новому хозяину.

48) Если у кого-нибудь украдутъ лошадь, то чтобы ее найти, нужно зажечь свѣчи въ церкви, звонить въ церковный колоколь, мазать себѣ глаза священной водой и пить ее. А нѣкоторыя знающія женщины говорятъ въ такихъ случаяхъ особый наговоръ и вертять при этомъ колесо нѣмецкой прялки, поставивши его у дверей. Въ томъ и другомъ случаѣ лошади найдутся.

49) Если совершена какая-либо кража, а воръ неизвѣстенъ, то чтобы узнать его, нужно отслужить молебенъ Св. Минаю („Ай Мина“).

50) Если хотятъ отмстить кому-нибудь за воровство или за что-нибудь другое, то берутъ ячменное зерно и кидаютъ въ кадло въ церкви, чтобы тотъ, на чье имя брошено зерно, такъ же

лопнулъ, какъ и оно. Но говорятъ, что такъ мститъ большой грѣхъ ⁹⁴⁾.

51) Если кто прочитаетъ всю Библию, въ скоромъ времени умретъ.

52) Чтобы во время пожара помѣшать огню распространяться, нужно зажечь восковыя свѣчи и стоять съ иконою около своего дома ⁹⁵⁾.

53) Соръ изъ хаты не нужно выметать за дверь, а жечь на огнѣ ⁹⁶⁾.

54) Если дѣвушку ударить метлой, то она не выйдетъ замужъ ⁹⁷⁾.

55) Если возлюбленная (парочка) какого-нибудь парня выходитъ замужъ за другого, то товарищи подносятъ ему маленькую палочку и говорятъ: „на чиви дишлери карыштырма“ (на тебѣ палочку въ зубахъ ковчирать) ⁹⁸⁾.

56) Чтобы приворожить къ себѣ парня, дѣвушки умываются съ сорочки, въ которой родился ребенокъ.

57) Чтобы приворожить дѣвушку, парни берутъ маленькій кусочекъ крыла летучей мыши, обвертываютъ его волосомъ изъ головы дѣвушки, затыкаютъ въ кору тыввы „сусак“ и продыравливаютъ въ ней нѣсколько дырочекъ. А затѣмъ кладутъ все это въ муравейникъ къ желтымъ муравьямъ („сары карымджа“) и держать тамъ двѣ недѣли. Потомъ вынимаютъ то, что осталось необъѣденнымъ муравьями, и бросаютъ въ рѣчку, чтобы вода унесла. Съ той же цѣлью добываются грабли („тырма“) и вилочки („дирень“), которыя будто - бы остаются отъ летучей мыши, если ее объѣдать муравьи ⁹⁹⁾.

58) Послѣ дождя всегда одолѣваютъ блохи ¹⁰⁰⁾.

59) Когда дымъ изъ трубы поднимается по прямой линіи вверхъ, то будетъ дождь.

60) Если воробей купается въ дождевой водѣ, то еще дождь будетъ ¹⁰⁰⁾.

61) Если галки летаютъ стадами по воздуху и кричатъ, то будетъ дождь.

Ученіе церкви гагаузамъ во многомъ непонятно.

О десяти заповѣдяхъ, данныхъ Моисею, гагаузы, разумѣется, не имѣютъ никакого представленія. Изъ числа грѣховъ, запрещаемыхъ этими заповѣдями, самымъ большимъ считается воровство. Грѣхъ этотъ тѣмъ болѣе тяжкій, чѣмъ старше лицо, его

совершившее. Если человекъ воруетъ въ молодыхъ годахъ (не старше 40 лѣтъ), то, раскаиваясь, онъ можетъ еще получить прощеніе отъ Бога, но если вору свыше 40 лѣтъ, то для него уже нѣтъ прощенія. По мнѣнію гагаузовъ, за каждый родъ кражи у Бога назначено особое наказаніе. Такъ, на примѣръ, если человекъ воруетъ домашнихъ гусей, куръ и другую домашнюю птицу, то послѣ смерти до Страшнаго Суда онъ будетъ присужденъ, въ наказаніе, собирать перья птицъ, которыя будутъ разноситься вѣтромъ.

Прелюбодѣяніе не принадлежитъ къ числу большихъ грѣховъ, потому что гагаузы не имѣютъ даже отдѣльнаго слова для его обозначенія.

Любопытно, что кровосмѣшеніе гагаузы хотя и считаютъ грѣховнымъ, но говорятъ, что до Иисуса Христа оно вовсе грѣхомъ не было, и Спаситель назвалъ его грѣхомъ для того, чтобы отличить христіанъ отъ другихъ народовъ.

Убийство считается очень тяжкимъ грѣхомъ, такъ какъ совершившій его принимаетъ на себя всѣ грѣхи убитаго. Но въ отношеніи этого грѣха у гагаузовъ существуютъ нѣкоторыя разграниченія. Такъ, на примѣръ, грѣшнѣе всего считается убить нищаго или очень бѣднаго человека, а въ особенности калѣку, на примѣръ, слѣпного¹⁰¹). Это самый дорогой гость въ домѣ, и не только грѣхъ его убить, но даже отпустить изъ дому безъ угощенія.

Съ другой стороны, не считается грѣхомъ убить цыгана, жида, конокрада и попа. Последнее ограниченіе, касающееся духовнаго лица, очень странно звучить въ настоящее время при христіанствѣ. Но если прибавимъ къ этому убѣжденіе гагаузовъ, что священники первые изъ всѣхъ людей пойдутъ въ адъ, а также что во всѣхъ самыхъ неприличныхъ гагаузскихъ сказкахъ наравнѣ съ цыганомъ и жидомъ всегда фигурируютъ священникъ, дьяконъ и причетникъ, то можно думать, что все это—отголосокъ какой-то древней вражды между священниками или ихъ предшественниками, языческими жрецами, и народомъ. Объяснять это обстоятельство историческими условіями я бы не рѣшился, потому что подобная вражда далеко не представляетъ изъ себя факта единичнаго, она существуетъ отчасти и у русскаго народа. Не правильнѣе ли было бы отнести появленіе такого рода вѣрованій къ доисторическимъ временамъ, ко временамъ, на примѣръ, языческихъ жрецовъ?

Необходимо добавить, что вышеприведенное върваніе мнѣ передавали далеко не съ убѣжденіемъ въ его истинности, а просто какъ курьезъ. „Народъ молъ нашъ глупъ; чтѣ оныя разсказываетъ, всего не переслушаешь. Вотъ, напримѣръ, говорятъ, будто не грѣхъ убить цыгана, жида, конокрада и попа“.

Что касается современной духовной жизни гагаузовъ, то въ ней нѣтъ ровно ничего такого, что могло бы вызвать появленіе подобныхъ странныхъ върваній. Наоборотъ, отношеніе прихожанъ къ священнику здѣсь гораздо лучше, гораздо почтительнѣе, чѣмъ у русскаго народа. При встрѣчѣ со священникомъ на улицѣ гагаузы мужчины снимаютъ шапку и всѣ, не исключая женщинъ и маленькихъ дѣтей, подходятъ къ нему поды благословеніе и цѣлуютъ руку.

Кромѣ того, гагаузы убѣждены, что отказать въ чемъ-нибудь священнику, если оны проситъ, грѣшно. Будучи крайне суевѣрными, и глядя на поведеніе своего священника, они ищутъ въ немъ объясненія своихъ жизненныхъ удачъ или неудачъ. Такъ, напримѣръ, въ мою бытность въ с. Бешалма, въ 1895 году, тамошніе прихожане разсказывали, что прежній ихъ покойный священникъ былъ человѣкъ очень нехорошаго поведенія, оны публично ругался и дрался со своею женою на улицѣ и вотъ, въ результатѣ всего этого, село постоянно постигали разныя несчастія, въ родѣ неурожаевъ, пожаровъ и т. под. Но какъ только поступилъ новый молодой священникъ, человѣкъ поведенія образцоваго, такъ начались хорошіе урожаи и вообще счастье повернулось въ сторону села. Какъ современные гагаузы высоко ставятъ положеніе священника, можно видѣть, между прочимъ, изъ обычая носить, такъ называемую, „муску“, талисманъ, приготовленный изъ старой священнической ризы. Гагаузы заказываютъ такую муску священнику и носятъ ее на шеѣ вмѣстѣ съ крестомъ или зашитую въ рубашку или въ шапку. Священники дѣлаютъ муску по просьбѣ прихожанъ, при чемъ она обходится около 3 рублей. Кусокъ ризы зашивается въ холстинку чернаго цвѣта, которой придается наружная форма треугольника. На поверхности вышивается мишурный крестъ. Муска, по мнѣнію гагаузовъ, предохраняетъ того, кто ее носить, отъ сумасшествія и другихъ болѣзней. Такъ, напримѣръ, передававшій мнѣ это свѣдѣніе самъ носилъ муску въ теченіе 15 лѣтъ отъ лихорадки ¹⁰³⁾. Происхожденіе обы-

чая носить муску, повидимому, очень древнее, такъ какъ о ней упоминается въ сказкахъ. Въ одной изъ сказокъ муска даже разговариваетъ со своимъ обладателемъ и даетъ ему совѣты въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни.

Изъ числа пословицъ о священникахъ мнѣ удалось записать только три, аналогичныя которымъ есть и у русскаго народа:

1) „Некадар версян попаза, о доймаѣ“.—Сколько ни давай попу, онъ доволенъ не будетъ.

2) Ишдѣрсин, ишдѣрсин, бир гюнъ гельдїянн, йокъ коньдиня файдасы, саадя попазын джебиня“.—Работаешь, работаешь, пройдетъ время, нѣтъ тебѣ прибыли, а (прибыль) только для поповскаго кармана.

3) „Сесля попаз не сѣёлѣер, ама на япеер, сян яцма“.—Слушай, что говоритъ попъ, но что онъ дѣлаетъ, не дѣлай ¹⁰³).

Сюда же нужно прибавить маленькій анекдотъ, рассказываемый о священникахъ:

Попаз дѣшмѣшъ пунара, гидѣрлар ону куртармаа пунардан. О вѣрмеер ельни, деер: „узат ельни сян бана“. О алышык хепъ алмаз, верьмя о бильмеер.

Попъ упалъ въ колодезь. Пришли люди, чтобы его спасти. Онъ не дастъ руки, говорить: „вы дайте мнѣ руку“. Онъ привыкъ все только брать, а давать не умѣетъ.

Въ с. Бешалма, гдѣ мнѣ пришлось ближе познакомиться съ положеніемъ священника, онъ имѣетъ въ настоящее время отведенный ему участокъ земли („Попаз мѣрасы“), 600 р. жалованья въ годъ отъ общества, квартиру и, кромѣ того, пользуется доходами за совершеніе разныхъ требъ, на которыя сама собою установилась нѣкоторая такса. Такъ, напримѣръ, за молитву надъ роженицей въ 40-ой день онъ получаетъ 20 к., за „суада“ (водяное имя)—20 к., за панихиду 40—50 к., за поминовеніе въ великомъ посту—10 к. и т. под.

Что касается національности духовенства въ гагаузскихъ селахъ, то изъ-за Дуная вмѣстѣ съ ними пришли преимущественно священники греки. На это мнѣ указывали въ с. Конгазѣ, гдѣ еще и до сихъ поръ среди гагаузовъ живутъ греки въ числѣ 15-ти семействъ, потомки прежняго греческаго духовенства. Кромѣ того, здѣсь нерѣдко попадаются уже совершенно обрусѣвшіе

священники съ греческими фамиліями. Между новѣйшимъ бессарабскимъ духовенствомъ встрѣчаются чаще всего малороссы и молдаване. Священники же изъ гагаузовъ пока еще очень рѣдки, я слышалъ только объ одномъ, который служить не въ селѣ, а въ г. Кишиневѣ.

Священникъ, долго прослужившій въ гагаузскомъ селѣ, конечно научается говорить со своей паствой на ихъ родномъ языкѣ, но вначалѣ или разговариваетъ съ ними по-молдавански, гдѣ понимаютъ этотъ языкъ, какъ въ с. Конгазѣ и въ Этуліи, или же разговариваетъ только съ тѣми изъ своихъ прихожанъ, которые говорятъ по-русски. Въ такихъ случаяхъ, какъ мнѣ рассказывалъ изъ своей практики одинъ русскій священникъ, бываетъ очень затруднительна исповѣдь. „Выучишь, говорилъ онъ, съ голоса нѣсколько вопросовъ по-гагаузски и задаешь ихъ то одному исповѣднику, то другому, смотря по вдохновенію. А что мнѣ на это отвѣчаютъ вопрошаемые, одному Аллаху извѣстно“.

Самое больное мѣсто гагаузской религіозной жизни это то, что церковное богослуженіе совершается на непонятныхъ для него языкахъ, славянскомъ и молдаванскомъ. Мы уже упоминали раньше, что нѣкоторые священники дозволяютъ своимъ прихожанамъ гагаузамъ читать въ церкви „Отче нашъ“ и „Символь вѣры“ на языкѣ караманли. Вотъ какъ звучитъ по-гагаузски текстъ этихъ двухъ молитвословій:

Молитва Господня. Я гѣклердя олан бобамыз, сенин адын анылсын. Падишахлын гельсинь сенинь куветтин гѣктя-гиби ердя да олсун. Гюньделикъ екьеемизи верь бизя бу гюнь. Хемь бизимъ борчлармызы баашла, ниджяль бизь да бизя борчлу баашла-эрыс. Хемь бизи феналаа кольверьми илля бизи феналыктан куртар.

Символь вѣры. Йынаннарыс бирь Аллаха Бобая, джюмленинь запчысына ери гѣкю, ярадана гѣренлери вѣ гѣрмеенлери вар едяня.

Хемь бирь Аллаха Исус Христоза Аллахын бирь Оолуна изеетлян баштан дуумуш олана, нурдан нур, хак Аллахтан хак Аллаху дуумуш, ама ярадылмамыш Аллахнан бирь тайбьеття дир, себибеня ѣктан вар олду.

Бизимъ-гиби гюнахкерлар ичин, хемь бизимъ хербирь гюнахлармыз йинипъ, тенненипъ Марядан йынсаннукъ кыяфетиня герипъ йынсан олду.

Въ ставроза герильди Паньтос Пилатосун гюнюндя изет чекти гюмюльдю въ ставроза герильди.

Въ киятларын сйленмесиня гора йучь гюнюнъ арасында мезардан дирильди

Въ гюкьяр чыкып Аллахын саа тарафында отурду.

Въ геня бюк куветван геледжекь ёмюлерин въ дерелерин даавасыны кесипь гюрьмаа, онунки даавасынын сону ёктур.

Йынаанырыс бирь азиз руха залчия ёмюръ вереджия Аллахтан аналмыш Аллахнан барабар анылан проорокларын васи етиньянан сйленян.

Йынаанырыс бирь доору Аллага Апостолосларын васи еть етгиди клиселяря.

Йынаанырыс бирь гюнахларын прост-олмасы ичин.

Гелния ёмюрлерин дирильмесини.

Тюкеньяс вақыдадак беклеери. Амин.

Въ бытность мою въ Бессарабіи я слыхаль, что священникъ гагаузъ отецъ Михаилъ Чакыръ работаетъ надъ переводомъ всего богослуженія на гагаузскій языкъ. Но что вышло изъ этой работы, удался ли переводъ отца Михаила, и вошелъ ли онъ въ употребленіе въ гагаузскихъ селахъ, — мнѣ слышать боже не приходилось.

Въ заключеніе не мѣшаетъ сказать два слова о внѣшнемъ порядкѣ богослуженія въ гагаузскихъ селахъ.

При входѣ въ церковь мужчины никогда не вносятъ съ собою въ храмъ ни шапокъ, ни тросточекъ, ни палокъ, все это они раскладываютъ по стѣнамъ церкви снаружи ея, по косякамъ оконъ, по выступамъ фундамента, карнизовъ и проч. Въ самой церкви, мужчины, какъ сказано было выше, становятся впереди, женщины сзади, и такой порядокъ никогда ни на минуту не нарушается. То же самое правило соблюдается и у тамошнихъ болгаръ. Когда, по окончаніи часовъ, священникъ начинаетъ литургію, то всѣ дѣлаютъ низкій поклонъ, касаясь рукою земли. На Великомъ выходѣ и при чтеніи Евангелія всѣ обязательно становятся на колѣна. На клиросѣ въ церкви, кромѣ причетника, поютъ два-три челоувѣка изъ прихожанъ-любителей, но гѣніе это — убійственно. Ужъ не говоря о томъ, что оно бездушно и механично, но, слушая его, получаешь такое впечатлѣніе, какъ будто-бы и пѣвчіе и прихожане всѣ оглохли, до такой степени имъ незнакомы самыя эле-

ментарныя правила гармоніи ¹⁰⁴). Впрочемъ, искусство хорового пѣнія здѣсь вообще не процвѣтаетъ. То же самое довелось мнѣ слышать и въ болгарской церкви въ с. Кирютня. Напѣвы здѣсь общепринятые великорусскіе, но объ этомъ можно только догадываться по отдѣльнымъ обрывкамъ, иногда долѣтающимъ до уха среди общей какофоніи. Дьяконъ и причетникъ, исполняшіе въ послѣднемъ селѣ всѣ духовныя мелодіи, шли съ начала до конца ровно на полтона одинъ выше другого. Кто изъ нихъ былъ правъ, кто виноватъ, я судить не берусь, но какъ сами пѣвцы, такъ и ихъ слушатели не находили въ такомъ пѣніи ничего страннаго.

ПРИМѢЧАНІЕ.

1) Такое же представленіе о Богѣ существуетъ и у малороссовъ.

*) Объясненіе знаковъ помѣщены ниже стр.

А. I. с. 151.

1а—Этому представленію о Богѣ, выведенному мною изъ гагаузскихъ сказокъ, вполне соответствуетъ наивный рассказъ вотяка Лаврентьева Вятской губ., Сарапульскаго уѣзда, Большедорайнскаго волости, дер. Вишуръ-Норья. „Богъ живеть на небѣ и спускается на землю ежегодно около Петрова дня. Онъ караулитъ тогда поля, и у тѣхъ людей, которые его поминають, бываетъ урожай, у тѣхъ же, которые его забыли, побиваетъ поле градомъ. Для того, чтобы было гдѣ Богу ходить по полю, оставляются межи „мувыр“ не менѣе $\frac{1}{2}$ аршина шириной. Если же кто заретъ межу, то Богъ на такого человѣка сердится и урожаю у него уже не будетъ. Послѣ Покрова, когда кончаются полевыя работы, Богъ снова уходитъ на небо.

Въ малороссійскихъ разсказахъ (Винницкаго уѣзда) Богъ также ходитъ по полю, ведетъ разговоры съ крестьянами о посѣвахъ и наказываетъ неурожаемъ непочтительныхъ.

А. I. с. 152.

2) Совершенно такіе же разсказы записаны у великороссовъ, малороссовъ, мурды, вотяковъ и якутовъ.

В. I. с. 229; Г. кн. XIII—XIV с. 250; Б. III с. 83; Д. с. 136, 142; А. I. с. 142—144; Ъ. 1891 в. IV с. 66; М. XII в. 4 с. 303.

3) Такое же вѣрованье записано и у великороссовъ Смоленской губ.

В. I. с. 236.

3а) Такой же разсказъ про лошадей существуетъ и у малороссовъ.

А. I. с. 49; Е. XIX 1887 ноябрь с. 447.

4) У бѣлороссовъ Минской губ. записано, что „злые духи боятся Божьяго дня, изрѣдка участвуютъ въ дѣлахъ человѣческихъ, но зато ночью начинаютъ обходить свои владѣнія“. Впрочемъ, это вѣрованіе принадлежитъ къ числу широко распространенныхъ, суди по тому, что въ

большинствѣ рассказовъ о чертѣ, у всѣхъ народовъ, гдѣ они существуютъ, встрѣчи съ нимъ человѣка происходятъ всегда ночью, до первыхъ пѣтуховъ.

Г. VII с. 31.

5) Это, повидимому, весьма распространенный рассказ. Онъ передается почти съ тѣми же подробностями у малороссовъ украинскіхъ и галиційскіхъ, у великороссовъ, у бѣлороссовъ, у сербовъ—лужичанъ. По корану: „Богъ заставилъ Эблиса поклониться человѣку—Адаму, но Эблисъ не поклонился и за это былъ свергнутъ съ неба“! У вотяковъ вѣрятъ, что Архангелъ столкнулъ дьявола съ неба. Въ прошлое лѣто мнѣ удалось записать отъ черемисовъ Царевококшайскаго уѣзда, Казанской губ., совершенно такой же рассказъ о происхожденіи керемета (злого духа).

В. I. с. 224; Г. VII с. 30 и 1891 № 4 с. 36; Д. с. 142; Б. III с. 82; Е. 1887 июнь и июль с. 242; А. I. с. 189 и 191; Ъ. 1893 в. III с. 402 и 1898 в. III и IV с. 360.

6) По вѣрованію Казанскіхъ татаръ, злой духъ „діу парі“ вѣстъ огонь.

Ж. VI с. 248.

7) У русскіхъ племень есть подобныя же вѣрованья. По мнѣнію великороссовъ, домовый живетъ „за или подь печкой“ или „въ печуркѣ“, у минскіхъ бѣлороссовъ днемъ онъ пребываетъ „въ печи“ или въ „подпечкѣ“, у малороссовъ Сѣдлец. губ. Бѣльск. уѣзда с. Пищанъ (по моей записи)—„подь печкой“, а у галицкіхъ малороссовъ есть рассказъ о „черти у печки“. У мордвы „кудь-ава“ и „кудь атя“, соотвѣтствующіе нашимъ домовымъ, живутъ подь печкой.

З. II. с. 67. и 82; Г. VII с. 31; Ъ. 1898 в. III и IV с. 361; М XII в. 4 с. 281.

8) Великороссы Вологодской губ. имѣютъ такое же вѣрованье. Въ д. Малая Дубровица (Сѣдлец. губ. Бѣльск. уѣз.) я записалъ вѣрованье, что „если выпить не перекрещенную воду, то въ человѣка можетъ войти лихорадка“.

I. с. 120; Ъ. 1898 в. I с. 69.

9) Это вѣрованье я слыжалъ въ дѣтствѣ въ Костромскомъ уѣздѣ. Есть оно и у малороссовъ.

А. I. с. 191.

10) Свистать въ домѣ гагаузы считаютъ грѣхомъ потому, что шейтанъ всегда свисталъ, когда отыскивалъ Адама и Еву въ рай.

Вѣрованье, что свистъ привлекаетъ чертей, принадлежитъ къ числу международныхъ, оно есть: у великороссовъ, у малороссовъ, у поляковъ. У вотяковъ говорятъ, что изба „пуста будетъ“. У грузинъ Телавскаго уѣзда Тифлисской губ. свистаніе въ домѣ, въ особенности ночью, вызываетъ нечистыя силы, а въ м. Бвирилы Шарап. уѣз. не нужно въ домѣ свистать, когда курица сидитъ на яйцахъ, чтобы эти яйца не испортились. Вѣрованье, что свистъ привлекаетъ нечистую силу, есть кромя того въ Греціи, во Франціи и въ Норвегіи. Въ Алжирѣ, въ департаментѣ Константины добрые мусульмане никогда не свистать. Свистъ,

по ихъ мнѣнію, привлекаеть „Djepoц“ (злого духа). То же вѣрованье есть и у карагасовъ въ средней Азіи.

М. II. с. 21; К. с. 112. I с. 126; А. I. с. 88, 187 и 189; Э. XI в. I с. 126; АI. III с. 358; АА. с. 294; АМ. г. 12. № I с. 59; АЗ. в. XVIII 1894 с. 232 и в. XIX 1894 с. 82; Ж. XVII, II с. 152.

11) Въ д. Малая Дубровица (Съдлецк. губ. Бѣльск. уѣз.) малороссы вѣрятъ, что чортъ является въ видѣ черной собаки. По мнѣнію Мордвы-Эрзи (Андрей Пшцакинъ, Симбирской губ., Ардатовск. уѣзда, Пичаурской волос., с. Косогоры) чортъ перекидывается въ черную собаку съ большой шерстью (по моей записи).

12) То же вѣрованье есть у галицкихъ и украинскихъ малороссовъ. Въ Житомирскомъ уѣздѣ записано вѣрованье, очень похожее на гагаузское: „на Пасху, идя въ церковь, берутъ съ собой рубль или 15 коп., кто сколько хочетъ, и когда батюшка скажетъ въ первый разъ „Христосъ воскресъ“—ему нужно отвѣтить: „а въ мене гроши е“. Затѣмъ эти деньги на годъ закапываются подъ крестомъ (полевымъ) и приобретаютъ свойство возвращаться къ ихъ обладателю, кому бы ихъ ни отдать (такъ называемый неразъѣнный рубль).

У великороссовъ Вологодской губ. во время Христовской заутрени, на возгласъ священника: „Христосъ воскресъ“ любитель играть въ карты отвѣчаетъ: „три туза да козырная!“ и отъ этого ему весь годъ должно везти въ игрѣ.

Вѣрованье, что можно продать свою душу чорту и пользоваться за это земными благами принадлежитъ въ числу международныхъ. Достаточно вспомнить Гетевского Фауста и польскаго „Пана Твардовскаго“.

Б. III. с. 86; А. I. 189—190; Ъ. 1895 в. III и IV с. 504; I с. 129.

13) Гагаузскій Юда прежде всего тожественъ по своему имени съ болгарскимъ „Юдой“ и съ русскимъ „Чудо-Юдо“. Что же касается легенды о томъ, что Юда прикованъ цѣпью, то она широко распространена въ Европѣ и Азіи. Съ ней родственна между прочимъ и древне-греческая легенда о Прометѣѣ. У русскаго народа есть вѣрованье, что Христосъ въ день своего воскресенія посадилъ Сатану въ подземелье подъ скалою, заковалъ его въ 12 желѣзныхъ цѣпей и заперъ 12-ю желѣзными замками. Сатана въ продолженіе года грызеть двери, замки и цѣпи, но всякій разъ, какъ только остается ему перегрызать послѣднее звено цѣпи, раздается... „Христосъ воскресъ“ и цѣпи становятся попрежнему цѣлыми“. Юдѣ же соотвѣтствуетъ магометанскій Эблисъ, Дашкаль кавказскихъ горцевъ и Даджалъ оренбургскихъ ногайцевъ. У малороссовъ Винницкаго уѣзда сохранился отголосокъ того же вѣрованья. По ихъ разсказу, вѣтеръ производитъ чортъ, прикованный огромными цѣпами по рукамъ и ногамъ къ каменной стѣнѣ. Черемисы и вотяки точно также объясняютъ себѣ происхожденіе вѣтра отъ живого существа, дующаго губами и прикованнаго на цѣпи, но вотяки считаютъ его шейтаномъ, а черемисы святымъ.

А. I. с. 33; Э. I. с. 310, 311, 323, и 757; Ъ. в. I и II с. 198.

13а) Разсказъ о томъ, какъ чортъ сотворилъ волка и спасается

отъ его преслѣдованія, и вѣрованіе, что волки ѣдятъ чертей, записаны и отъ малороссовъ.

А. I. с. 52.

136) Совершенно такіе же разказы записаны у малороссовъ и у мордвы.

М. XII в. 4 с. 304, Е. 1887 XVIII май с. 196.

14) По названію, а отчасти и по своимъ свойствамъ, гагаузской „Джиды“ соответствуетъ „джини“ казанскихъ татаръ, злой духъ, который бываетъ видимъ въ образѣ собаки, кошки и змѣи, абхазская „Джаджа“—покровительница посѣвовъ или по другимъ источникамъ—богъ земного плодородія, пермяцкіе „чуды“ и корельская „цюнда“ или „сунду“. Быть можетъ, въ связи съ этими духами стоитъ очевидно языческой праздникъ „чуды“, справляемый Смоленскими великороссами, который, кромѣ того, извѣстенъ и у Сѣдлецкихъ малороссовъ (Бѣльскаго уѣзда) подъ именемъ праздника „Чуда“ (по моей записи). Во всемъ остальномъ „Джиды“ вполне соответствуютъ русской вѣдьмѣ.

М. VI с. 254; Л. кн. XVI с. 46; В. I с. 97; М. X в. 6 с. 648; Ъ. 1893 в. III с. 324.

15) Галицкіе малороссы вѣрятъ, что если „взять подъ лѣвый пахъ“ зносокъ (последнее яйцо у курцы) и держать его 9 дней... изъ него выйдетъ чортъ“. У А. Афанасьева (Поэтич. возвр. славян.) сообщается, безъ указанія мѣстности, откуда взято русское повѣрье, что „семилѣтній пѣтухъ снесетъ яйцо, изъ котораго родится огненный змѣй; колдунъ беретъ это яйцо, носитъ у себя за пазухой, или закапываетъ въ нагозъ, черезъ шесть недѣль вылупится изъ яйца змѣй и станетъ ему носить серебро и золото“. Могилевскіе бѣлоруссы имѣютъ совершенно такое же вѣрованіе: „нужно взрастить до извѣстныхъ лѣтъ пѣтуха, подстереть, когда онъ снесетъ яйцо и потомъ яйцо это носить подъ мышкою три дня. Изъ яйца родится змѣй, который будетъ служить вѣрнѣе друга“... По вѣрованію литовцевъ, духъ покровитель Айчваросъ былъ выселенъ старухой изъ яйца чернаго пѣтуха. А. Афанасьевъ сближаетъ это вѣрованье съ греческимъ мифомъ о рожденіи Тифона изъ яйца, зарытаго Герою въ землю.

М. с. 57 № 28; Б. III с. 86 Примѣч.; Г. 1891 № 3 с. 231; З. I. с. 532; Ъ. 1897 в. I. с. 105; Ап. I.

16) По вѣрованію галицкихъ малороссовъ, вѣдьма можетъ принимать видъ собаки, кошки и свиньи; у украинскихъ малороссовъ—видъ: собакъ, кошекъ, птицъ, волковъ и лягушекъ, по вѣрованію вотяковъ, колдуны обращаются въ свиней, сорокъ и кошекъ. Джини казанскихъ татаръ обращается въ собакъ, кошекъ и змѣй. У великороссовъ Воронежской губ. насчитывается 12, а у лужичанъ до 20 предметовъ, въ которые можетъ перекинуться вѣдьма.

Б. III с. 129; А. I с. 197, 204 и 205; М. VI с. 254; М. с. 65; АА. с. 265; БГ. XII в. 3 с. 469.

17) По вѣрованію галицкихъ малороссовъ, вѣдьмы собираются на свои сходки передъ Рождествомъ, Крещеніемъ, Пасхой и Юрьевымъ днемъ. У остальныхъ малороссовъ собираются въ ночь на Ивана Купала, отби-

рають молоко преимущественно на Благовѣщенье, на Юрьевъ день и на Пасху. У вотяковъ—наканунѣ Великаго четверга. У нихъ въ этотъ день ходять гадать на перекрестки дорогъ по тѣмъ звукамъ, которые присутствующіе услышатъ, и гаданье это обще вотякамъ съ остальными нашими инородцами финской расы: Мордвой, Черемисами, Пермьями и Корелами.

А. I с. 198—199; Б. III с. 109; И. с. 65; Ш. X в. 6 с. 648; О. с. 282.

18) Точно такіе же рассказы записаны у малороссовъ украинскихъ, галицкихъ и у великороссовъ.

А. I. 204—205; Б. III с. 95; В. I с. 132.

19) Не имѣетъ ли гагаузское слово „мана“ чего-либо общаго съ такимъ рассказомъ о вѣдмахъ, записаннымъ мною въ с. Малая Дубровица (Сѣдлецк. губ. Бѣльск. уѣз.): „Вѣдмы збераютъ зернага „зъ манны“ и роблють кашу і йдять зъ котичемъ молокомъ для того, ежелі де пуйде до чужого хлыва ,то щобъ хутчіи зробытиса кышкою, щобъ господаръ не пузнавъ“?

20) Галицкіе русины говорятъ, что молоко отъ чужихъ коровъ, добытое вѣдмой, отличается тѣмъ, что если провести черезъ него ножемъ, то на ножъ остаются шерсть и волосы.

Б. III с. 126.

21) Русскіе галичане сѣютъ съ тою же цѣлью подъ дверями щепотку маку. Въ д. Мал. Дубровица (Сѣдлецк. губ. Бѣльск. уѣз.), чтобы душа покойника не возвращалась въ домъ, бросаютъ маку въ дверь. Душа будетъ считать маку и пока не сочтетъ, не вернется (записано мною). У малороссовъ Литинскаго уѣзда „Маку-выдюку“ употребляется какъ предохранительное средство отъ власти мертвецовъ, ходящихъ послѣ смерти. Маку этотъ всегда святятъ и сѣменами его обсыпаютъ домъ, куда ходятъ мертвецы и вѣдмы. Отъ великороссовъ Петрозаводскаго уѣзда и въ прошлое дѣто отъ мѣщанъ города Царевкоокшайска я слыхалъ рассказы о томъ, что человекъ, продавшій свою душу чорту, долженъ ему постоянно давать работу и что, за немѣвнѣемъ другой работы, такіе люди разыпаютъ у себя по двору сѣмена и заставляютъ нечистую силу ихъ собирать.

А. I с. 81; Б. III с. 125.

22) По вѣрованью малороссовъ Литинскаго уѣзда, вѣдмы, отправляясь на свой промыселъ, „снимаютъ съ себя рубашку и намазываютъ все свое тѣло какою-то мазью“.

А. I с. 197.

23.) У казанскихъ татаръ вѣрятъ, что человекъ, увидѣвшій „Джина“, начинаетъ хворать нервическѣй болѣзвью.

Ж. VI 254.

24) По вѣрованью малороссовъ, русалки скачутъ, поютъ и водятъ хороводы. Въ с. Пицацъ (Сѣдлецк. губ. Бѣльск. уѣзда) вѣрятъ, что „русавки“ живутъ на сушѣ, онѣ ходятъ и поютъ въ то время, когда рожъ цвѣтеть. У великороссовъ семикъ называется „Русальной недѣлей“; онѣ бываетъ съ четверга 7-ой недѣли послѣ Пасхи; въ это время русалки выходятъ изъ воды, живутъ на сушѣ и бѣгаютъ по ржамъ. У

словинцевъ есть обычай весной, когда ледъ сошелъ съ рѣки, водить „Русо“, котораго изображаютъ въ видѣ искусственнаго коня. У болгаръ въ лѣтницы (gusalı) носится въ церковь—„русалиа“, растеніе не цвѣтущее, но издающее пріятный запахъ. При чтеніи молитвы его кладутъ себѣ подъ кофъни. Въ древнемъ Римѣ праздникъ rosalia (rosaria, dies rosae, gossationis) справлялся въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ Византіи—послѣ Пасхи, въ Эпирѣ—также въ апрѣлѣ, а въ Албаніи—на Пасхѣ.

Ю. с. 197 Я. с. 222, 223; З. III с. 150; 164, 705, 706; А. I с. 207; М. III с. 89 и IV с. 6; Г. 1900 № 2 с. 163.

25) Для примѣра укажу на два разсказа, записанные у бѣлоруссовъ, о Св. Пятницѣ и объ угодничкахъ божіихъ Пятницѣ и Субботѣ. Вѣрованіе это производить отъ апокрисовъ.

П. 1874 с. 425—426; Е. 1887 ноябрь с. 410 и 415.

26) Тоже есть и у болгаръ.

Р. III с. 40 № 12.

27) Въ великорусскихъ сказкахъ г. Худякова „Среда“ представлена немолодой женщиной, покрытой сверхъ юбки бѣлымъ полотенцемъ.

З. I с. 242.

28) У малороссовъ каждую пятницу вынимаютъ куделю изъ прялки, чтобы ее „нычка“ не прjala. Въ Каневскомъ уѣздѣ гагаузской „Джюма бабасы“ соответствуетъ „жинка Пятница“, которая одной женщиной за тканье въ пятницу содрала кожу. Въ Остерскомъ уѣздѣ „Пятница“ за пряденіе въ пятницу сдѣлаетъ такъ, что у прялки пальцы покорчитъ. По вѣрованію бѣлоруссовъ, Св. Пятница ходитъ по деревьямъ въ видѣ старой бабы и строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы никто не прjалъ въ пятницу. У великороссовъ Тамбовской губ. нельзя прjать въ пятницу и наканунѣ ея. Покровительницей пятницы считается „матушка Прасковea“, которая своимъ непочетницамъ бабамъ можетъ засорить глаза куделью и намывомъ отъ пряжи. У венгровъ въ пятницу нельзя шить, прjать или ткать, а то заболѣетъ кто-нибудь изъ семейства. У мордвы въ разсказѣ о „бабѣ, бывшей въ гостяхъ у солнца“, Шкай-солнце жалуется, что люди, работая въ пятницу, запылили ему землей глаза.

А. I с. 217; М. III с. 95; С. с. XIV; Ъ. 1890 в. I с. 120; АЕ. 1894 в. 3 с. 306; М. XII в. 4 с. 289.

29) Религіозное уваженіе къ Пятницѣ принадлежитъ къ числу вѣрваній широко распространенныхъ. Изъ примѣчанія (28) мы уже видѣли, что у всѣхъ племенъ русскихъ въ пятницу нельзя прjать; сюда можно добавить пословицу великороссовъ „кто въ пятницу дѣло начинаетъ, у того оно будетъ пятиться“. Вѣрваній подобнаго рода у всѣхъ европейскихъ народовъ множество, но мы не собирали ихъ, а имѣемъ относительно этого только случайныя, сдѣланныя мимоходомъ, замѣтки. Такъ, у венгровъ думаютъ, что если курицу посадить на яйца въ пятницу, то она недостаточно храбро будетъ защищать своихъ птенцовъ. У французовъ считается святотатствомъ убить какое либо животное въ Великую Пятницу, въ этотъ день нельзя также путешествовать, и бояться воткнуть въ землю какой-либо рабочей инструментъ, думая, что оттуда сейчасъ же брызнетъ кровь. Въ другихъ мѣстахъ Франція избѣгаютъ въ пятницу всту-

пять въ бракъ, пускаться въ путешествіе, заключать какой-нибудь важный торгъ и даже перемѣнять сорочку, избѣгаютъ сѣять въ этотъ день какія-нибудь сѣмена, дѣлать стирку; думаютъ, что человѣкъ, который ложится въ постель подъ занавѣсками, выстиранными въ этотъ день, подвергается опасности отъ нихъ умереть. Въ средніе вѣка смотрѣли на пятницу, какъ на особенно несчастный день, объясняя, что въ этотъ день умеръ Спаситель. Говорятъ, что Наполеонъ I, который вообще не принадлежалъ къ числу трусливыхъ людей, боялся пятницы. Въ Бельгійскомъ Люксембургѣ въ пятницу также избѣгаютъ вѣнчаться. Ирландцы, у которыхъ принято поститься въ пятницу, объясняютъ этотъ постъ слѣдующими причинами: 1) въ пятницу согрѣшилъ Адамъ, 2) въ пятницу овъ былъ изгнанъ изъ рая, 3) въ пятницу былъ распятъ Христосъ и 4) въ пятницу Каинъ убилъ Авеля. У поляковъ вѣрятъ, что если кто въ пятницу будетъ танцевать, у того высохнутъ ноги; шьющая бѣлье не должна его кончать въ пятницу, въ пятницу нельзя начинать никакой новой работы, ни посѣва, ни сажанія растеній; нельзя отправляться въ путь и вступать въ новую службу, нельзя въ пятницу влѣзть на дерево, а то оно засохнетъ. У Сванетъ боятся работать по пятницамъ, потому что Богъ накажетъ за это весь народъ или пошлетъ градъ, или засуху, или урожая не будетъ. У древнихъ литовцевъ начинали недѣлю съ пятницы, и день этотъ посвящался отдыху и считался днемъ Перкуна. Въ Череповецкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи, въ Вауцкомъ приходѣ, Горской волости, начиная съ 8-ой пятницы по Пасхѣ и до самого Ильина дня, населеніе по пятницамъ не прикасается ни въ какой работѣ, даже въ горячее время сѣнокоса, а на нарушившихъ этотъ обычай налагается штрафъ 3 рубля.

Сюда же надо отнести повѣрья, касающіяся стрижки ногтей въ пятницу. Такъ, въ Нижней Бретани думаютъ, что кто обрѣзаетъ себѣ ногти въ пятницу, удлиняетъ когти дьявола. Въ Норвегіи вѣрятъ, что ногти нельзя стричь въ пятницу, тоже и удикарей полуострова Флориды. Грузины Телавскаго уѣзда говорятъ, что кто не будетъ обрѣзать ногтей по средамъ и пятницамъ, у того никогда не будутъ болѣть зубы. Наоборотъ, въ Швабіи обрѣзаютъ ногти каждую пятницу, чтобы зубы не болѣли. Того же правила придерживаются и въ восточной Помераніи. Далѣе у Семирѣченскихъ киргизовъ пятница считается въ числѣ тяжелыхъ дней. Чуваши, начиная отъ праздника, называемаго Сидзи, и до окончанія полевыхъ работъ справляютъ каждую пятницу; въ этотъ день никто не топить печей и бани и не моетъ бѣлья, а пищу для пятницы приготавливаютъ наканунѣ. Все это дѣлается для того, чтобы Богъ сохранялъ ихъ поля и посѣвы, не побилъ градомъ, не сожегъ молніей и не выбилъ вѣтромъ. Извѣстно, что у магометанъ, соответственно нашему христіанскому воскресенью, еженедѣльно справляется пятница. Тотъ же обычай, неизвѣстно заимствованный ли отъ магометанъ или нѣтъ, существуетъ и у нашихъ черемисовъ—язычниковъ. Я записалъ его въ прошлое лѣто отъ представителей черемисской секты Кугу-сорта, крестьянъ Яранскаго уѣзда Вятской губерніи, которые, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отпали отъ

православія. По словамъ представителей и коноводовъ этой секты, они соблюдаютъ только обычай своихъ предковъ, и если ихъ признали септантами, то потому, что прежде они справляли эти же обычай тайно, а теперь объявили себя открыто язычниками. Ко всему этому надо добавить, что у туземцевъ острова Мадагаскара пятница считается несчастнымъ днемъ, и поэтому каждаго ребенка, родившагося въ этотъ день, уносятъ въ лѣсъ, кладутъ въ яму и оставляютъ тамъ на произволъ судьбы.

Г. с. 1031; АЕ. 1894 в. 3 с. 306; АІ. I № 6 с. 144, №21 с. 501, 1888—89 с. 133, II № 21 с. 481; АО. г. 8—9 № 86—87 с. 136; М. отъ т. VI до IX., т. X с. 264; АЗ. X 1890 с. 82, XIX 1894 с. 87; АВ. I с. 297; АР. II с. 419; Г. 1897 № 3 с. 79; Ж. XVII в. II с. 100; АМ. г. 10 № 11 с. 603; г. II № 7—8 с. 476; м. г. 9 № 5 с. 252.

30) Соответственно гагаузской Воскресенье - Матери въ сказкахъ малорусскихъ, сербскихъ, хорутанскихъ и вѣмецкихъ упоминается „Святая Недѣлька“ *der heilige Sontag*. Онѣ являются тамъ дѣйствующими лицами, помогаютъ странствующимъ героямъ и героинямъ своими совѣтами
З. I. 241.

31) Тоже у болгаръ.

ч. VIII с. 280.

32) Тоже у сербовъ.

Ф. с. 218.

33) Въ Этнографическомъ Обзорѣніи (1892—№ 4 с. 189) есть записка Г. И. Буликковскаго, передающая корельскій вариантъ легенды о сотвореніи міра Богомъ въ соучастіи злого духа „Кару“ или „Кэнчо“. Названіе этого духа чрезвычайно близко по звуку съ болгарскимъ „Кара Кончо“, природа котораго для самихъ болгаръ остается чрезвычайно неясною, а отсюда и съ гагаузскимъ „Караказалъ“.

34) Точно также и астраханскіе ногайцы, вѣря въ существованіе домового, не имѣютъ для него другого названія, кромѣ русскаго.

м. XII в. I с. 29.

35) У Сахарова (Сказ. русск. нар.) говорится, что наши предки (великороссы) на Семеновъ день (1-го Сентября) перебирались въ новые дома, а что въ новый домъ „нельзя перейти безъ домового дѣдушки, котораго и призывали въ новое жилище“. Какъ извѣстно изъ житія святыхъ, Симеонъ Столпникъ жилъ нѣкоторое время въ пустынномъ колодцѣ съ гадами. Не потому ли праздникъ этого Святого и сопоставлялся нашими предками съ домовымъ, который является въ видѣ змѣи? Тѣмъ болѣе, что у великороссовъ Смоленской губ. есть повѣрье, что хвѣвъ не можетъ существовать безъ змѣи. Вѣрованье гагаузовъ въ домового-змѣю раздѣляется еще съ другими народами. Молдаване также вѣрятъ въ существованіе домового добраго духа, который живетъ во всякомъ домѣ въ видѣ змѣи или ужа, и что онъ своимъ свистомъ предупреждаетъ о событіи, которое должно случиться въ домѣ. Поэтому, чтобы не убить своего домового, они не убиваютъ ужей. Албанцы также вѣрятъ въ домашнюю змѣю - покровительницу. Армяне Зангезурскаго уѣзда думаютъ, что каждый домъ имѣетъ змѣю-покровительницу; если ее убить, то счастье навсегда оставитъ домъ.

Всѣ эти вѣрованія, повидимому, составляютъ только осколки широко распространеннаго по всему земному шару культа змѣи, который во всей своей чистотѣ сохранился у народовъ менѣе цивилизованныхъ, а у остальныхъ исчезъ, оставивши послѣ себя только рядъ вѣрованій, связанныхъ со змѣей. Н. Θ. Сумцовъ допускаетъ существованіе этого культа у всѣхъ арійскихъ народовъ, не исключая и славянъ, но на первое мѣсто ставитъ развитіе его у древнихъ грековъ. Между прочимъ, авторъ находитъ остатки этого культа и у малороссовъ въ ихъ вѣрованіяхъ, что ужь, поселившійся въ домѣ, приноситъ этому дому счастье.

Въ этнографической литературѣ намъ удалось найти указанія на существованіе этого культа или его остатковъ въ Европѣ:

Въ древней Греціи и Римѣ, у Готовъ, у современныхъ итальянцевъ и французовъ, у басковъ, въ Скандинавіи, у Албанцевъ, Молдаванъ, литовцевъ, поляковъ, бѣлороссовъ, великороссовъ, малороссовъ, армянъ и калмыковъ.

Въ Азіи: въ древней и современной Индіи, въ Финніи, Вавилонѣ, Персіи, въ Тибетѣ, Битаѣ, у древнихъ Халдеевъ, на островѣ Цейлонѣ, у подножія Гималаевъ, въ Камбоджѣ и въ Башмирѣ.

Въ Африкѣ: въ древнемъ Египтѣ, въ современномъ Верхнемъ Египтѣ, у линковъ и шиллуконъ (въ области Верхняго Нила), въ Абиссиніи, на о-вѣ Мадагаскарѣ, у кафровъ въ Южной Африкѣ, у негровъ Гвинейскаго берега отъ Либеріи до Бенгуелы и въ особенности у дагомейцевъ, у которыхъ цѣлый городъ Видахъ посвященъ змѣиному культу.

Въ Австраліи: у австралийцевъ (жителей материка), на о-вахъ Фиджи и Тонга.

Въ Америкѣ: у ацтековъ, перуанцевъ, натчезовъ, карайбовъ, монитаррисовъ, мандановъ, татуровъ, индѣйцевъ Пуэбло и др.

АС. с. 448; АВ. с. 89; АЖ. с. 175, и 282; АЕ. 1896 в. 3 с. 339; АІ 1888—1889 IV с. 46; АІІ. VI с. № 4 1895 с. 407; АТ. сл. Anguis; З. II с. 566; АА. с. 45; АК. с. 31; АП. I. АЛ. с. 218; АМ. г. 3 т. 3 с. 477 и 480; АР. с. 184—187; АЗ. XVII 1893 с. 187, XVIII 1899 с. 196; АМ. г. 2 т. 2 1887 с. 230, АВ. I с. 146—148. АУ. ч. 2 с. 145 АФ. ч. 2 с. 201—202; АР. I с. 186 и 264; АХ. XLII, II с. 15; Е. XXIV с. 667; Ibid. XXV с. 502 X. VII с. 93; Прим.; Ъ. 1893в. III с. 401, 1893 в. III и IV с. 378; АЧ. с. 122—3.

36) Слово „гогу“, повидимому, заимствовано гагаузами отъ албанцевъ, у которыхъ слово goge-a употребляется тоже, чтобы пугать дѣтей, но въ то же время оно значитъ—каменщикъ и неловкій человекъ, у сербовъ „гога“—каменщикъ, у румынъ găgăse—хлопотать, кудяхтать, у венгровъ gogog—гоготать, отсюда славянское „гоготати“ и русск. „гоготать“.

37) Подобный же обычай забрызгивать домашнего гостинцами, какъ остатокъ древняго жертвоприношенія, есть у великороссовъ. У галицкихъ русиновъ рассказываютъ, что одинъ хозяинъ накормилъ чорта хлѣбомъ и такимъ образомъ спасся отъ мора. По понятіямъ якутъ о эпидеміи—это злые духи, являющіеся въ видѣ безобразной русской старухи. Для умилостивленія старухи-оспы нѣкоторые изъ нихъ ставятъ на столѣ угощеніе, состоящее изъ аладьевъ, лепешекъ, масла, вареной говядины и дичи.

Ц. с. 17; Б. III с. 94; Ъ. 1891 в. III с. 75.

38) Не происходит ли гагаузское „назар“, повидимому, не турецкаго происхождения, отъ русскаго „назоръ“—смотрѣніе, глядѣнье?

аш.

39) У малороссовъ „когда мать отлучаетъ ребенка отъ груди, то ни за что потомъ не возобновить вторично кормленія... очы поганы будутъ для престреты и уроку“ (Кіевск. губ.). Въ дер. Малой Дубровицѣ (Сѣдл. губ. Бѣльскаго уѣз.) говорятъ: если баба отлучитъ ребенка отъ груди, а потомъ пожалѣветъ и снова станетъ кормить, то такой человекъ будетъ людей „заидаты“ и его будутъ всѣ „протывытса“, т. е. такой человекъ, глядя на другого или на скотину, можетъ ихъ сглазить. (Записано мною).

Е. XLII июль с. 79.

40) У галицкихъ малороссовъ, когда хвалишь какую-нибудь чужую вещь, то, чтобы не сглазить, нужно прибавлять: „ні вроку“.

Б. III с. 132.

41) Тоже вѣрованье существуетъ у малороссовъ Холмской Руси.

Ч. II. с. 170.

41 а) Вѣрованье въ возможность сглазить человека или скотину принадлежитъ къ числу международныхъ. Мы нашли на него указанія въ этнографической литературѣ въ Европѣ: у русскіихъ, поляковъ, болгаръ, словенцевъ, эстовъ, албанцевъ, румынъ, грековъ, цыганъ, евреевъ, мингрельцевъ, армянъ, англичанъ и французовъ.

Въ Азіи: у арабовъ, въ Индіи, у китайцевъ, у малайцевъ и у тамилловъ.

Въ Африкѣ: у нубійцевъ, абисинцевъ, въ Тунисѣ и у зулусовъ.

Въ Америкѣ: въ Перу, Чили и во всей Южной Америкѣ.

Ал. II. № 8 с. 169, III с. 249, 319 и 412; А. VII с. 57; АА. с. 232; Ащ. с. 188; АЗ. X с. 110, XIII с. 114.

42) Есть подобный же наговоръ у малороссовъ для того, чтобы выгонять червей, бывающихъ у скота: „естъ въ удовы 9 сыновъ. Изъ 9-ти—7, изъ 7-ми—5, изъ 5-ти—3, изъ 3-хъ—1, изъ одного—ни одного... сіе проговорить трижды“. Тотъ же счетъ отъ 9-ти назадъ употребляется у галицкихъ малороссовъ для лѣченія отъ сглазу. У великороссовъ Енисейской губ. отъ грудицы лѣчатся наговоромъ: „у мураша было 9 женъ, отъ 9-ти до 8-ми, отъ 8-ми до 7-ми и т. д. ... отъ одного до ни одного“ или: „у единого господина 9 женъ, отъ 9-ти женъ 8 женъ и т. д. ... отъ одной жены ни одной жены“. Отъ коновала Тульской губ. Алексинскаго уѣзда я записалъ средство заживить рану только что вырѣзаннаго жеребца: для этого,—по словамъ его, нужно „спустить съ десяти“, т. е.—считать: 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, одинъ, ни одного“ и такъ до трехъ разъ. У казанскихъ татаръ тотъ же способъ лѣченія употребляется отъ разныхъ человѣческихъ болѣзней. Сначала считаютъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и говорятъ:

Отъ девяти да возвратится

Въ пылъ и прахъ да отойдетъ,

а потомъ считаютъ отъ 1 до 7-ми, отъ 1-го до 5-ти, отъ 1-го до 3-хъ и одинъ.

Ъ. 1898 в. III и IV с. 387 и 388; Е. т. 36 январь с. 126; Б. III с. 129; Ж. VI с. 267.

43) У галицкихъ малороссовъ вѣшаютъ скоту на шею на ленточкѣ кусочекъ шкуры отъ старой лапти.

Б. III с. 133.

44) У малороссовъ въ Галиціи вѣшаютъ скоту на хвостъ ленточку („вуплітку“) а ягнятамъ „сасылае ся кыточкі въ ушка“. Въ Украинѣ красныя повязки или ленты служатъ амулетомъ для людей и животныхъ. То же вѣрованье есть въ Шотландіи, Германіи, Индіи, Греціи и Китаѣ.

Б. III с. 133; Е. 1890 XXXI с. 56.

45) Въ д. Малая Дубровица (Сѣдлецк. губ. Бѣльск. уѣз.) скоту „отъ сглазу“ привѣшиваютъ на рога чеснокъ, лукъ и соль. (Записано мною). То же записано и у О. Больберга.

Ч. II с. 151.

46) Въ Проскуровскомъ уѣздѣ отъ „уроковъ“ (сглазу) берутъ „непочатю“ воды и кипятятъ на огнѣ изъ терновника или обручей. Когда уже нагоритъ довольно много жару, берутъ раскаленные угольки и бросаютъ въ горшокъ съ водой, при чемъ послѣ каждого уголька говорятъ наговоръ. Въ Черниговской губ. большого отъ „уроковъ“ поятъ водой, надъ которой напечтано. Въ д. Малая Дубровица (Сѣдл. губ. Бѣльск. уѣз.) отъ „урока“ лѣчатъ тѣмъ, что даютъ больному пить воду, въ которую брошенъ горящій уголь. Остальную воду выливаютъ подъ три дверныя пятки. (Записано мною). У галицкихъ малороссовъ жгутъ въ печкѣ нѣсколько сухихъ вѣтокъ терну, наливаютъ воду въ непочатую миску и бросаютъ въ нее уголь ножомъ 27 кусковъ, потомъ даютъ эту воду пить больному съ 4-хъ сторонъ крестъ на крестъ и остальной водой моютъ все тѣло, а именно: голову, лицо, руки, грудь, животъ и ноги, а потомъ выливаютъ на дверь около петель. У великороссовъ каждому извѣстно выраженіе „поятъ съ уголька“. Въ Смоленской губерніи отъ „суроца“ (сглаза) нужно 4 уголька кинуть въ ковшъ, дать попить человѣку и наврестъ верхнюю часть руки умывать лицо, руки, противъ сердца, а потомъ вылить въ уголокъ, гдѣ завѣсы дверей. Подобное же лѣченіе есть и у болгаръ.

А. I с. 133—134; Б. III с. 133; В. I с. 175; У. V с. 115.

47) Страхиванье съ себя животнымъ налитой на него воды считается признакомъ, что оно угодно Богу въ качествѣ жертвы. Осинскіе вотяки язычники, принося въ жертву своимъ богамъ жеребенка, обливаютъ его водой, а если онъ не встряхнется, считаютъ негоднымъ богамъ и замѣняютъ другимъ. (Записано мною). Тоже у чувашъ. У карагасовъ жертвеннаго коня обливаютъ изъ 7 чашекъ.

М. XIV в. II с. 143.

48).

Сравни. Б. III с. 133; Ж. XVII в. II с. 151.

49) У малороссовъ Проскуровскаго уѣзда болѣзни глазъ лѣчатъ или впусканіемъ въ глазъ женскаго молока, или (отъ бѣльши) дѣлаютъ масло

изъ женскаго молока и смазываютъ глазъ. У великороссовъ Висейской губ. бѣльма также лѣчатъ женскимъ молокомъ.

А. I с. 139; Н. с. 25; Ъ. 1897 в. I с. 72.

49 а) У Якутъ при лѣченіи ячменя на глазу приглашенный знахарь отводитъ больного въ уголь, пристально смотритъ въ глазъ больного и вдругъ вскрикиваетъ; если больной вздрогнетъ,—есть надежда на выздоровленіе, такъ какъ злой духъ, сидѣвшій въ больномъ, тоже испугавшись, оставитъ его.

Ъ. 1891 в. III с. 68.

50) У малороссовъ Проскуровскаго уѣзда отъ болѣзни глазъ обмываютъ ихъ дѣтскою мочою. У великороссовъ Рязанской губ. болѣзни глазъ лѣчатъ примачиваніемъ человѣческой мочою.

А. I с. 139; Ъ. 1896 в. 2 с. 179.

51) Такое же лѣченіе практикуется у малороссовъ Холмской Руси.

Ч. II с. 211.

52) У малороссовъ Харьковской губ. и уѣзда при насморкѣ нюхаютъ зашвенную шерсть, а въ Проскуровскомъ уѣздѣ—жженную муку, пше-но или „устілку“.

А. I с. 113—114.

53) Этотъ способъ лѣченія указываетъ на знакомство гагаузовъ съ идеей русской паровой бани. Мы привыкли называть паровую баню русской, но въ сущности происхожденіе этой бани неизвѣстно. По описанію Геродота, такая баня была у Скивовъ. У грековъ и римлянъ была также горячая баня, но тамъ нагрѣваніе ея происходило безъ помощи пара. Что касается современныхъ намъ народовъ, то, судя по географическому распространенію между ними паровой бани, можно думать, что она скорѣе восточнаго, чѣмъ западнаго происхожденія. Дѣйствительно, въ западной Европѣ паровая баня извѣстна только въ Норвегій, въ предѣлахъ же Россіи она есть у финляндцевъ, корелъ, зырянъ, великороссовъ, бѣлорусовъ, литовцевъ, латышей (представлена была на Римской этногр. выставкѣ), мордвы, черемисъ, вотяковъ, пермяковъ, евреевъ, грузинъ, казанскихъ татаръ и башкиръ. Въ Азіи она есть у китайцевъ и японцевъ. Наконецъ въ сѣверной Америкѣ—у мандановъ и индѣйцевъ Балифорніи.

Аб. в. 2 с. 52; Ац. 1868 статья „1802 г. въ Грузіи Н. Ф. Дубровина“ с. 38; О. с. 195; Ъ. в. III и IV 1894 с. 504 и 514; в. II с. 197; АЫ. II с. 484. АР. с. 408; АЭ. I с. 265; АЛ. с. 287, 431, 448, 589; Г. IV 1889 с. 177; АХ. XLII, II с. 51; АС. 1878 с. 209; 316 и 327, Ibid. II с. 287; АП. I с. 762; А; VII с. 34 и 39; М. XI в. I с. 10; Ж. XIV в. I с. 66; Н. с. 25; АЮ. с. 288; БА. I с. 219.

54) Въ с. Пишаць (Сѣдец. губ. Бѣльск. уѣз.) думаютъ, что въ больномъ зубѣ сидитъ „робакъ“ (червякъ). Чтобы его оттуда выгнать, раскалываютъ новый кирпичъ, льютъ на него воду, въ которой варилося конопляное сѣмя, и шаръ втягиваютъ въ ротъ черезъ слюну на больномъ зубѣ. (Записано мною).

55) Такой же способъ лѣченія практикуется у галицкихъ малороссовъ.

Б. III с. 163 № 19.

56) Отъ головной боли лѣчатся также привязываніемъ къ головѣ

напустныхъ листьевъ у малороссовъ Проскуровскаго уѣзда и у великороссовъ Енисейской губ.

А. I с. 130; Ъ. 1897 в. I с. 73.

57) Тѣже у галицкихъ малороссовъ.

Б. III с. 30 № 4.

57 а) У великороссовъ Рязанской губ. парывы лѣчатъ прикладываньемъ коровьяго помета.

Ъ. 1896 в. 2 с. 179.

58) Есть такое же вѣрованье и у малороссовъ.

Н. с. 29.

58 а) У великороссовъ дѣтямъ при воспаленіи пупка привязываютъ въ тѣпачкѣ толченый чеснокъ. Болѣзнь „бабыци“ есть и у малороссовъ и считается дѣтской.

Ъ. 1897 в. 2 с. 235; 1898 в. 2 с. 166; Е. XLII июль с. 80.

59) Въ Олонецкой губ. повсемѣстно, если начинаются боли въ желудкѣ, когда человекъ, поднимая что-нибудь черезъ силу, надорвался, говорятъ, что „пупъ палъ“ или „пупъ рассыпался“. Въ такихъ случаяхъ деревенскія знахарки „поднимаютъ пупъ“, т. е. ставятъ на животъ сухую банку изъ горшка. Въ Череповецкомъ уѣздѣ Новгородской губ., пользуясь въ томъ же случаѣ тѣмъ же самымъ лѣкарствомъ, выражаютъ, „пупъ сорванъ“ или „пупъ скрянутъ“. А у великороссовъ Ачинскаго округа Енисейской губ. если „сорвать пупъ“, то „правятъ животъ“, т. е. лѣчатъ накладываньемъ горшка на пупъ. Такимъ же образомъ лѣчатъ и въ Житомирскомъ уѣздѣ Волынской губ., у малороссовъ всякую боль живота, а у поляковъ отъ надорванія и колики въ желудкѣ.

Казанскіе татары вѣрятъ, что у человека подъ мышкой есть дырка, въ которую можетъ войти упырь.

Ж. с. 247; Ъ. 1895 в. 3 и 4 с. 500; 1897 в. I с. 83; Ш. с. 96; БЦ. с. 115.

60) Это медицинское средство принадлежитъ къ числу международныхъ и широко распространенныхъ. Въ этнографической литературѣ на него было обращено особенное вниманіе. У насъ А. Афанасьевъ еще въ шестидесятыхъ годахъ замѣтилъ, что въ отношеніи этого средства русскій народъ сходится съ нѣмцами (Поэт. воз. ч. 2 с. 304). Обратили на него вниманіе и нѣмецкіе этнографы (въ журналѣ *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*), но болѣе всего данныхъ о немъ собрано во французской этнографической литературѣ. Тамъ есть даже цѣлая статья объ этомъ обычаѣ М. Н. Gaidoz (въ журналѣ *Melusine*), въ которой собрано большое количество матерьяла подъ заглавіемъ „Un vieux rite médical“. Пользуясь данными этой статьи и прибавивши къ ней матерьялъ по тому же вопросу, найденный нами въ русской этнографической литературѣ, мы постараемся вкратцѣ изложить сущность этого обычая и его географическое распространеніе. Интересующее насъ средство примѣняется вездѣ преимущественно для лѣченія больныхъ дѣтей, но иногда оно прилагается и ко взрослымъ. Изъ собранныхъ его вариантовъ мы видимъ, что идея его заключается только въ пропусканіи черезъ узкія отверстія, но выборъ отверстій чрезвычайно разнообразенъ. Чаще всего практикуется пропусканіе черезъ дерево, растущее изъ одного корня, на серединѣ

своего роста развѣтвляющееся на два ствола и на верхушкѣ снова срастающееся въ одинъ. Такое лѣченье мы находимъ у шведовъ, нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ, испанцевъ, русскихъ, поляковъ, литовцевъ и мингрельцевъ. Но такъ какъ нужныя для него деревья представляютъ сравнительную рѣдкость, то экземпляры ихъ пользуются широкой извѣстностью, и къ нимъ стекается народъ съ далекихъ окрестностей. Такія деревья есть, напримѣръ, въ Пронскомъ уѣздѣ Рязанской губ. Иногда, какъ въ Череповецкомъ уѣздѣ Новгородской губ., развѣтвляющееся дерево, за его рѣдкостью, замѣняется душистымъ деревомъ со сквозными отверстиями въ его стволѣ. А грузины Телавскаго уѣзда пропускаютъ большихъ ребятъ подъ выдавшеюся изъ-подъ земли вѣтвью корня орѣхового дерева. Но это все естественныя отверстія, за немѣнѣемъ же ихъ дѣлаются щели и отверстія искусственныя. Такъ въ Скандинавіи, у поляковъ и у насъ въ губерніяхъ Воронежской, Саратовской, Тамбовской, Нижегородской и Тульской устраиваютъ подобія развѣтвляющагося дерева, раскалывая стволъ обыкновеннаго дерева, по всей его длинѣ. Въ одномъ изъ великороссійскихъ сборниковъ заговоровъ предлагается: „сыщи рябинову дерево, чтобы огростелина была отъ нея, да отсѣки ее, да расколи на двое, да свяжи въ концахъ посконною ниткою и пройди сквозъ рябинову трожды“. А въ житіи Св. Адріана Пошехонскаго читаемъ, что въ старину на Руси „у рябины сквозъ сучіе проишаху дѣти малые и юношы“. Сортъ дерева впрочемъ въ большинствѣ случаевъ не играетъ никакого значенія, но иногда, какъ въ только что приведенномъ примѣрѣ, рекомендуется только извѣстный видъ растенія. Кромѣ рябины, къ числу такихъ растеній принадлежатъ: дубъ, осина, береза, орѣхъ и грабъ (*Carpinus betulus*). Въ нѣкоторыхъ вариантахъ того же обычая искусственныя отверстія въ деревѣ устраиваются еще инымъ способомъ. Сюда относится обычай Камчадаловъ очищаться отъ грѣховъ пролѣзаниемъ сквозъ кольцо, согнутое изъ березоваго прута. А затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ обычаевъ пропускать большихъ дѣтей черезъ отверстія въ разныхъ деревянныхъ издѣліяхъ. Въ Череповецкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи— между ступенями сквозной лѣстницы, во многихъ мѣстностяхъ великороссіи,— у поляковъ и у нѣмцевъ въ Пенсильваніи (происходящихъ родомъ изъ Палатината)—сквозъ хомутъ, въ Югландіи—черезъ воловье ярмо, а въ Бельгіи—между спицами колеса.

Пропусканіе сквозъ отверстія въ землѣ, какъ естественныя, такъ и искусственныя, также широко распространено на земномъ шарѣ. Кромѣ гагаузовъ, мы встрѣчаемъ его въ Индіи, въ Силезіи (въ 17 столѣтіи), въ Скандинавіи, и во Франціи въ Пуатье. Впрочемъ, этотъ способъ пропусканія употребителенъ и не въ однихъ случаяхъ болѣзни. Такъ, напримѣръ, у вотяковъ, если двое поспорятъ о долгѣ, одинъ считаетъ долгъ за другимъ, а другой этого долга не признаетъ, то чтобы рѣшить споръ, подкапываютъ проходъ подъ межей и предлагаютъ обоимъ спорящимъ пролѣзть черезъ этотъ проходъ. Говорятъ, что тотъ, который лжетъ, черезъ этотъ проходъ ни за что не пролѣзетъ, потому что земля его не приметъ. (Записано мною отъ вотяка Лаврентьева, см. примѣч. I а). У

мордвы Саратовской губ. вырываютъ въ землѣ ровъ и пропускаютъ, по показанію очевидцевъ „сквозь оныя“ лошадей. Аналогичный обрядъ существуетъ у Казанскихъ татаръ, которые пропускаютъ свой скотъ черезъ ворота и называютъ это „прохожденіемъ сквозъ землю“, и у чувашъ, которые, такъ же какъ и мордва, роютъ ровъ. У русскихъ въ старину, вмѣсто обыкновенной присяги въ спорныхъ дѣлахъ о землѣ, употребляли обрядъ хожденія по мѣстѣ съ глыбою земли; одинъ изъ тяжущихся клалъ себѣ на голову кусокъ земли, вырѣзанной вмѣстѣ съ травкою, и шелъ по тому направленію, гдѣ должна была проходить граница. Такая же замѣна естественныхъ отверстій въ землѣ, но уже съ лѣчебной цѣлью, практикуется въ Скандинавіи и въ западной Ютландіи, гдѣ берутъ дервь съ кладбища и проходятъ подъ нимъ. Тамъ же большой спускается въ свѣже-вырытую могилу и на него три раза кладутъ землю со словами: „ты пришелъ изъ земли, въ землю ты обратишься и въ день Страшнаго Суда снова воскреснешь“.

Въ природѣ, хотя и рѣдко, встрѣчаются еще камни съ отверстіями. Черезъ такіе камни пропускаютъ также дѣтей. Это наблюдается во Франціи, гдѣ пропускаютъ новорожденныхъ ребятъ передъ крещеніемъ, въ Швейцаріи, въ Ирландіи и въ Греціи. Отсюда же происходитъ суевѣрное уваженіе къ камнямъ съ отверстіями, принадлежащимъ каменному вѣку и находимымъ въ землѣ; такое уваженіе наблюдается въ Германіи. Естественныя отверстія въ камняхъ также замѣняются искусственными. Такъ, напримѣръ, мусульмане имѣютъ обычай проходить между двухъ колоннъ въ извѣстныхъ мечетяхъ, а въ Нивелль (Брабантъ) народъ пролѣзаетъ между каменнымъ столбомъ и стѣной. Близокъ къ этому и обычай армянъ, которые пропускаютъ ребятъ сквозъ отверстіе въ крышѣ.

Все съ той же цѣлью въ нѣкоторыхъ случаяхъ пропускаютъ черезъ отверстія, образуемыя органами людей и животныхъ. Такъ въ Англіи, Шотландіи и въ Провансѣ лѣчатъ дѣтей, протягивая ихъ подъ животомъ осла, а въ Ирландіи берутъ для этого молочную ослицу и одинъ протискиваетъ ребенка ей подъ животъ, а другой передаетъ назадъ черезъ спину. У армянъ отецъ ребенка становится ногами по обѣ стороны порога и въ образовавшееся такимъ образомъ отверстіе пропускаютъ этого ребенка. Такое же лѣченіе пропусканіемъ подъ своими ногами практикуется у мусульманъ въ Пенджабѣ. Отсюда происходитъ европейское суевѣріе, что если переступить ногами черезъ ребенка, то онъ не будетъ расти, а также обычай переступанія мужемъ черезъ беременную жену, чтобы облегчить ей роды, практикуемый у русскаго народа. У Румынъ черезъ больныхъ переводятъ ручныхъ медвѣдей.

Наконецъ практикуется еще пропусканіе черезъ мотокъ нитокъ или черезъ части человѣческой одежды. Первое записано въ Ютландіи. Въ Скандинавіи же и у Прусскихъ Мазуровъ, чтобы предохранить гусенка отъ хищной птицы, пропускаютъ его между двумя штанинами панталонъ, а въ Силезіи пропускаютъ утку черезъ штанину, чтобы предохранить ее отъ воронъ.

Какъ отраженіемъ того же обычая нужно считать гаданіе, которое производятъ дѣвушки въ Англіи. Онѣ пропускаютъ свадебный пирожекъ сквозь обручальное кольцо и кладутъ его подъ подушку, чтобы увидѣть во снѣ суженаго.

Что касается времени, когда должно совершаться пропусканіе, то оно сходится въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ временемъ, принятымъ у гагаузовъ. Такъ у Ирландцевъ оно должно совершаться три утра подъ рядъ въ іюнь, въ Италіи въ день Ивана Купала, а въ западной Ютландіи передъ восходомъ или послѣ заката солнца.

Болезни, которыя такимъ образомъ излѣчиваются, чрезвычайно разнообразны: въ однихъ мѣстахъ лѣчатъ отъ всѣхъ болѣзней, въ другихъ отъ худосочія (армяне), отъ зараженія коклюшемъ (грузины), отъ грыжи (великороссы), отъ болѣзни „сухая стѣнь“ (Тульскіе великороссы), отъ недержанія мочи (великороссы) и отъ лихорадки у взрослыхъ (мингрельцы).

Ъ. 1890 в. I с. 116; 1891 в. 4 с. 229; 1897 в. 2 с. 235; АЕ. 1897 -в. I с. 42, 43, 44, 46, 48; 1892 в. I с. 81; М. XVI 259; АЗ. X 1890 с. III; XIII 1892 с. 117; XIX 1894 с. 85; З. II с. 304; I с. 147; АІ. IX № 1 1898 с. 8; Г. 1892 № 4 с. 118; Ж. VI с. 264 и XVII в. 2 с. 97; М. XII в. 4 с. 316.

61) То же правило соблюдается и у галицкихъ малороссовъ.

Б. III с. 170. № 51.

62) Относительно плеванія себѣ на грудь мы находимъ весьма обширный матеріалъ въ статьѣ М. I. Тучмана (J. M. Tuschmann) во французскомъ этнографическомъ журналѣ *Melusine*. Въ классической древности, говоритъ авторъ, плевали себѣ на грудь, чтобы предохранить себя отъ всякаго несчастія, чтобы не подвергаться вредному вліянію глаза, чтобы избѣгнуть божественной мести. Адвокаты, когда они вели тяжбу, плевали себѣ на грудь три раза, чтобы защититься отъ сглазу. Человѣкъ, который гордился своимъ счастьемъ или наслаждался своей красотой, дѣлалъ то же самое. Затѣмъ существовалъ или существуетъ обычай плеванія въ подобныхъ же случаяхъ въ Европѣ: въ Англіи (Кентъ, Юркъ, Кембриджъ), въ Ирландіи, во Франціи, въ Германіи, въ Пруссіи, въ Силезіи, въ Богеміи, въ Мекленбургѣ, въ Ольденбургѣ, въ Штирии, въ Корсикѣ, въ Сардиніи, въ Калабріи, Неаполѣ, Сорренто, Греціи, о. Корфу, о. Лесбосѣ, въ Албаніи, у словенцевъ, у сербовъ, въ Румыніи, въ Давіи, Швеціи, Норвегіи, Россіи, въ Польшѣ, въ Турціи. Въ Азіи: въ Сиріи; въ Африкѣ: въ Триполи, въ Египтѣ, въ Тунисѣ, въ Уаруа, на Конго, въ Сенегамбіи. Въ Америкѣ: въ англійской Гвіанѣ и въ Пенсильваніи.

АІ. VIII № 6 с. 132 и слѣд.

63) У малороссовъ Проскуровскаго уѣзда есть похожій на это заговоръ тоже отъ укушенія змѣи: „Ганно, Ганцусько. Ты вкусылась, въ ногу впустылась,—идь до сердца—въ вышкы, съ вышокъ—въ кровь, съ кровы—въ вѣсть, съ кости—въ шкуру, зъ шкуры вонъ выйдуть“. Есть подобный же заговоръ и у галицкихъ малороссовъ: „прійшовъ Вонъ, пустивъ жалце въ шкору, зъ шкору—въ мясо, зъ мяса—въ печѣнки, зъ печѣнокъ въ селезѣнки, съ селезѣнокъ,—въ сердце, зъ сердца—въ

селезѣнки, зъ селезѣнокъ—въ печѣнки, зъ печѣнокъ—въ мясо, зъ мяса—въ шкôру, зъ шкôры—вонь“.

А. I с. 122; Щ. IV с. 539.

64) Въ Проскуровскомъ уѣздѣ записано: „якъ зудѣть правая бровь, то будеть плачь. . .“ У великороссовъ Череповецкаго уѣзда: „зачесался лѣвый глазъ—плакать, зачесался правый—радоваться“. Въ Норвегii если чешется переносье—предвѣщаетъ досаду, гнѣвъ, въ Пруссii—носъ чешется передъ новостями. У турецкихъ евреевъ, если есть зудъ въ бровяхъ, значитъ увидѣтъ новыхъ лицъ. У великороссовъ Вологодской губ. глаза чешутся—плакать, носъ—къ покойнику.

Ал. VIII № 2 1897 с. 280; АА. с. 293; А. I с. 85; Г. 1900 № 3 с. 136; i с. 142.

65) Въ д. Малая Дубровица (Сѣдлецк. губ. Бѣльск. уѣз.) говорятъ, что если чешется ладонь, то будешь получать деньги (Запис. мною). У великороссовъ, у болгаръ и въ Норвегii, если чешется правая ладонь—получать деньги, а лѣвая—отдавать. Въ Германii правая ладонь чешется—получать деньги, а лѣвая—гости будутъ. (Записано мною). У турецкихъ евреевъ: правая—отдавать деньги, лѣвая—получать. У татаръ: „ладонь чешется деньги получать“.

Ал. № 12 1897 с. 280; АА. с. 293; З. I с. 187; Г. 1900 № 3 с. 136; I. с. 142; Ж. VI с. 262.

66) Въ д. Малая Дубровица говорятъ: если въ ухѣ „свербить“, то кто-то осуждаетъ. (Записано мною). У великороссовъ: „правое ухо горить—слышать добрыя вѣсти или похвалу, лѣвое—слышать худыя и брань“ или „въ правомъ ухѣ звенить—вспоминаютъ друзья, въ лѣвомъ—корятъ недруги“. У вотяковъ: если въ правомъ ухѣ звенять, то добромъ вспоминаютъ, а въ лѣвомъ—зломъ (Лаврентьевъ см. примѣч. Iа). У малороссовъ: шумъ въ правомъ ухѣ общаетъ радостную вѣсть, въ лѣвомъ—дурную. Въ Норвегii тоже означаетъ зудъ въ ушахъ. Въ Пруссii значитъ, что кто-нибудь думаетъ, вспоминаетъ. У французовъ: въ правомъ ухѣ звонъ—объ васъ говорятъ хорошо, въ лѣвомъ—нехорошо. У поляковъ Люблинск. губ. звонъ въ ушахъ означаетъ, что кто-то вспоминаетъ.

З. I с. 187; АА. с. 293; Ал. I № 21 с. 501; АУ. ч. 2 с. 120.

67) То же самое есть у галицкихъ малороссовъ и у болгаръ. У малороссовъ украинскихъ, если кто чихнетъ, то говорятъ: „на здоровье“. У вотяковъ на свадьбѣ невѣсту угощаютъ нюхательнымъ табакомъ, если при этомъ она чихнетъ, то это считается хорошимъ предзнаменованiемъ, значитъ—свадьба совершится.

Ч. II с. 165; У. У с. 109; Д. с. 123; А. I с. 88.

68) Въ дер. Малой Дубровицѣ въ такихъ случаяхъ говорятъ: „тихоня родился“. (Запис. мною).

68 а) У великороссовъ, если у кого-нибудь звенить въ ухѣ, то онъ долженъ что-нибудь задумать и спросить своего собесѣдника: „въ котормъ ухѣ звенитъ? Если собесѣдникъ отгадаетъ, то задуманное исполнится. У нѣмцевъ то же самое, но если собесѣдникъ отгадаетъ, то—къ счастью, наоборотъ—въ несчастiю. (Записано мною). У поляковъ

Люблинской губер. думаютъ, что если спрошенный отгадаетъ, то звонъ долженъ тотчасъ же перестать.

Ау. ч. 2 с. 120.

68 б) Вѣрованье, что бѣлыя пятна на ногтяхъ что-то предвѣщаютъ, принадлежитъ къ числу международныхъ. Если народы въ чемъ-либо здѣсь и расходятся, то только въ томъ, что предвѣщаютъ сказанныя пятна. У нѣмцевъ (Швабія, Померанія и Баварія), у французовъ (Пуату и Котъ ди Норъ) и на Фарроскихъ островахъ—къ счастью, у Малороссовъ, въ Германіи, Англіи, Норвегіи, Шотландіи, Португаліи и на островѣ Борнеѣ—къ подарку или къ деньгамъ, при чемъ въ Португаліи—къ подаркамъ только въ такомъ случаѣ, если пятнышки на правой рукѣ, если же на лѣвой, то они означаютъ, сколько разъ владѣлецъ ихъ солгалъ. Въ большей части Франціи и въ Андалузіи бѣлыя пятнышки означаютъ, такъ же какъ и въ Португаліи, что человекъ солгалъ. Въ Норвегіи, у нѣмцевъ, англчанъ, на островѣ Ферро, у татаръ и у грузинъ—къ обновѣ въ одеждѣ. У французовъ, какъ кажется, болѣе всего объясненій для бѣлыхъ пятенъ. Кромѣ вышеприведеннаго, мы встрѣчаемъ тамъ еще: пятна—признакъ ревности, они предвѣщаютъ путешествіе, а число ихъ означаетъ: 1) число лѣтъ, которые остается прожить, 2) число произнесенныхъ клятвъ, 3) число грѣховъ и 4) число женщинъ, которыхъ любилъ мужчина (тоже и въ Андалузіи) или число любовниковъ, которыхъ имѣла женщина.

АА.; АЗ. XIX 1894 с. 99; АІ. № 21 с. 481; АМ. г. 10 № 4 с. 246; № 11 с. 603; г. 11 № 7—8 с. 476; г. 12 № 10 с. 519; АМ. VI № 4 с. 396; АО. № VII г. 5 с. 199; Ж, VI с. 262.

69) Вѣрованіе, что обрѣзанные ногти нельзя бросать гдѣ попало,—международное, но объясненія, почему такъ должно быть и что нужно дѣлать съ ногтями, у разныхъ народовъ различны. Въ Европѣ вѣрованье это извѣстно: древнимъ Римлянамъ, древнимъ германцамъ, въ настоящее время: въ Норвегіи, въ Германіи, во Фландріи, на о—въ Исландіи, у французовъ, у литовцевъ, эстовъ, поляковъ, бѣлоруссовъ, малороссовъ и великороссовъ, у басковъ въ Испаніи, у армянъ и у грузинъ. Въ Азіи: у евреевъ, арабовъ, древнихъ персовъ, китайцевъ, въ Малой Азіи. Въ Африкѣ: въ Алжирѣ, въ Марокко, на Гвинейскомъ берегу, у макасара и у басутозовъ. Кромѣ того, у многихъ Африканскихъ и Американскихъ дикарей.

Что касается объясненія этого вѣрованья, то въ этнографической литературѣ мы находимъ слѣдующее: По вѣрованію древнихъ германцевъ, при концѣ міра изъ ногтей будетъ сдѣланъ корабль, въ которомъ лѣби повезетъ дьяволовъ на борьбу съ Богомъ. Исландцы согласно съ этимъ говорятъ, что ногти нужно разрѣзать непременно на три куска, прежде чѣмъ ихъ бросить, потому что Богъ обѣщаль дьяволу всѣ ногти, неразрѣзанные на три части, и этотъ послѣдній будетъ строить изъ нихъ себѣ корабль. Еврейскій писатель XIII столѣтія, Согаръ, говоритъ, что одежда Адама въ раю состояла изъ ногтей, а послѣ грѣхопаденія осталась только на рукахъ. Иные ждуть, что за волосы и ногти ихъ будутъ

поднимать на небо (китайцы и мусульмане), другіе, что въ загробной жизни придется изъ ногтей дѣлать лѣстницу для восхожденія на небо (Бѣлоруссы) или при помощи ихъ карабкаться на стеклянную гору (великороссы). Нѣкоторые, такъ же какъ и гагаузы, думаютъ, что на томъ свѣтѣ каждаго заставятъ собирать свои ногти (малороссы и поляки). Ногти считаютъ смертельнымъ ядомъ для человѣка или для животныхъ (Швабія и Малая Азія). Боятся, чтобы брошенные ногти не были подобраны кѣмъ-нибудь и не послужили бы предметомъ для колдовства (Басуты, мусульманки въ Меккѣ, негры на Гвинейскомъ берегу и французы въ Вогезахъ). Иные прячутъ свои обрѣзанные ногти, чтобы не заболѣть какою-нибудь болѣзью (армяне). Но большинство, повидимому, бросая свои ногти, боится угодить тѣмъ дьяволу: евреи думаютъ, что брошенные ногти—сила и оружіе дьявола, мусульмане изъ Макасара, что подъ ногти прячется дьяволъ, эсты, что онъ дѣлаетъ себѣ изъ нихъ козырекъ для шапки, а малороссы и литовцы, что самую шапку и что это—шапка-невидимка, грузины, что онъ для чего-то собираетъ ногти, баски, что дѣлаетъ себѣ изъ нихъ чашу и т. д.

Относительно того, что нужно дѣлать съ ногтями, мнѣнія народовъ также расходятся: древніе римляне прятали ихъ въ землю подъ счастливое дерево, исландцы, какъ мы уже видѣли, разрѣзаютъ на три части. Иные зарываютъ въ землю или сжигаютъ (арабы, грузины, негры Гвинейскаго берега, древніе персы, французы въ Вогезахъ, мусульманки въ Меккѣ). Иные кладутъ покойнику на гробъ (Бѣлоруссы). Иные прячутъ за пазуху (Эсты, великороссы и малороссы).

АА с. 250; БВ с. 109 Г. 1891 X с. 7; 1891 № 3 с. 7; IV с. 141; А. 1 с. 87; В. II с. 308; АВ. I с. 355; АІ I № 23 с. 549; ІІ № 15 с. 360; № 21 с. 481; АМ. г. 8 т. 8 № 7 с. 376; ІХ № 5 с. 252; г. 11 № 7—8 с. 476; г. 9 № 12 с. 703; г. 10 № 11 с. 603; г. 12 № 7 с. 410; АЗ. XIII 1892 с. 113; М. X с. 93; XI с. 31; XIII с. 161; П. 1890 с. 539.

70) У литовцевъ Трескаго уѣзда волосы затыкаютъ въ стѣнные щели.

Г. III с. 141.

71) Смотр. примѣчан. 69.

71 *) У великороссовъ Вологодской губ.: „руки дрожать—воръ“.

І. с. 142.

72) Малороссы говорятъ, что если потягиваться на человѣка, то онъ или умретъ или заболѣетъ.

А. I с. 88.

72 а) У великороссовъ есть тоже вѣрованье, а потому нельзя на правую сторону плевать, мочиться и т. под.

Б. 1898 в. I с. 69.

73) Тоже у галицкихъ малороссовъ.

Б. III с. 156.

74) Тоже у болгаръ.

У. V с. 112 и VII с. 128.

75) То же самое у великороссовъ Вологодской губ. Профессоръ Сумцовъ въ своей статьѣ: „Заяцъ въ народной словесности“ говорить, что то же самое повѣрье существуетъ во всей Россіи, кромѣ того у поляковъ, у

чеховъ, у лужицанъ, нѣмцевъ, норвежцевъ, французовъ и англичанъ. Впрочемъ, у послѣднихъ повѣрье это въ видѣ исключенія существуетъ въ обратномъ видѣ: т. е. волкъ приноситъ несчастье, а заяцъ—счастье. У караногайцевъ „если поперекъ дороги пробѣжитъ звѣрь, то дорога будетъ счастлива, если заяцъ, то несчастлива. У лезгинъ: встрѣтится лисица—хорошій знакъ, заяцъ—наоборотъ.

1. с. 142, Г. 1891 № 3 с. 69, Л. кн. V 1862 с. 33 и 71.

76) Тоже у галицкихъ малороссовъ. Въ д. Малая Дубровица: будетъ несчастье. (Запис. мною).

Б. III с. 156 № 61.

77) Въ Босгромскомъ уѣздѣ (на моей родинѣ) въ такихъ случаяхъ ищутъ волкъ отъѣзжающему полѣно. У галицкихъ малороссовъ существуетъ пословица: „такъ мні, мамко, хлопці любі, шо за мною камінемъ оуреють“.

Б. III с. 193 № 501.

78) Въ д. Малая Дубровица повѣрье такое же, но вытирающіеся однимъ полотенцемъ не увидятся на томъ свѣтѣ. (Запис. мною).

79) Тоже у галицкихъ малороссовъ и въ Каневскомъ уѣздѣ.

Б. III с. 151; А. I с. 109.

80) Тоже у галицкихъ малороссовъ.

Б. III с. 151.

81) Тоже у малороссовъ Холмской Руси.

ч. II. с. 168.

82) Тоже.

ч. II. с. 167.

83) Тоже у великороссовъ Вологодской губ.

1. с. 141.

84) Тоже.

1. с. 141.

85) Тоже у болгаръ с. Кирятня (Бендерскаго уѣзда) (Запис. мною). Тотъ же самый обычай есть и у бурятъ.

Г. 1891. № 3 с. 161.

86) Тоже у галицкихъ малороссовъ.

Б. III. с. 151. № 20.

87) Тоже.

Б. III. с. 158.

88) Тоже.

Б. III. с. 158. № 79.

89) Тоже.

Б. III с. 158. №№ 84 и 85.

90).

Б. III. с. 158 № 92.

91) У малороссовъ Каневскаго уѣзда, когда надѣваешь чистую сорочку, то нужно предварительно пропустить черезъ нее три раза ножикъ.

А. I. 108.

92) Тоже у болгаръ.

У. V с. 114.

93) Тоже у великороссовъ Вологодской губ. и у малороссовъ.

1. с. 125; Е. XXV май и июнь с. 505.

94) Въ д. Малая Дубровица съ тою же цѣлью собирають масло отъ 9 хозяевъ и, наливъ въ лампаду, несутъ въ церковь, чтобы зажечь передъ иконой, или въ Воскресный день толкутъ въ ступѣ льняное сѣмя или бросаютъ подъ жерновъ горохъ во время обѣдни (Запис. мною).

94 а) У великороссовъ Тамбовской губ. самымъ радикальнымъ средствомъ отъ пожара является обходъ его съ иконою, спасенною ранѣе отъ пожара.

Ъ. 1890 в. I. с. 119.

95) Это повѣрье, какъ кажется, распространено по всей Россіи или по крайней мѣрѣ по Великороссіи, судя по общезвѣстной пословицѣ: „сору изъ избы не выноси“. Есть оно и у болгаръ.

З. I. с. 570; У. VI.

96) Тоже у малороссовъ Холмской Русн.

Ч. II с. 161.

97) Этотъ обычай напоминаетъ малороссійскую „колодку“, т. е. палку, которую привѣшиваютъ парнямъ и дѣвушкамъ на масляницѣ, если онѣ къ тому времени не вступили въ бракъ. У поляковъ тотъ же самый обычай существуетъ подъ названіемъ „kloska“.

98) Вѣрованье это распространено, какъ кажется, по всей Россіи. Есть оно у русскихъ галичанъ, у нашихъ малороссовъ и у поляковъ, У вотяковъ вмѣсто летучей мыши употребляется съ той же цѣлью лягушка.

Б. III с. 140; И. II с. 132, № 9. Д. с. 148; А. I. с. 55; Ibid. III с. 198, Бц. с. 102.

99) Въ д. Малая Дубровица говорятъ: „якъ барзо блохы кусаютъ, то будѣ дощъ“. (Запис. мною).

100) Въ д. Малая Дубровица говорятъ тоже самое. (Запис. мною).

101) Это вѣрованіе, повидимому, происходитъ изъ убѣжденія, что видѣ нищаго, бѣдняка или калѣки можетъ принимать самъ Богъ. И дѣйствительно, въ сказкахъ Богъ является людямъ чаще всего въ видѣ нищаго старика. Но особенно ясно вѣрованіе это сформулировано у киргизъ. Они вѣрятъ въ добраго духа, Кадыра, который можетъ являться въ видѣ нищаго, а потому киргизскій нищій, проходя черезъ аулъ, иногда намѣренно не заходитъ въ нѣкоторыя юрты, желая этимъ показать, что онъ не простой нищій, а Кадыръ, и тѣмъ придать себѣ болѣе значенія.

Г. 1891. № 4 с. 32.

102) Гагаузская „мука“, соответствующая нашей ладонкѣ и польскому „шкальпешу“, есть и у болгаръ. Она представляетъ собою только одинъ изъ видовъ амулетовъ, которые носятъ чуть ли не все человечество.

У. I. с. 88; Ъ. 1898 в. I. с. 72 и 1896 в. 2 с. 264.

103) Въ числѣ сказокъ, записанныхъ отъ латышей, есть слѣдующій разсказъ: „Священникъ и нищій пришли къ источнику и видятъ, лежитъ падалъ, а изъ нея вытекаетъ свѣтлая вода. Тутъ нищій ему и говорить: „падалъ, которую ты видишь, это—ты, а свѣтлая вода, которая изъ нея вытекаетъ,—это слово Божіе, которое ты проповѣдуешь“. Вариантъ

того же разсказа я записалъ отъ малороссіанки с. Пищанъ (Бѣльскаго уѣзда Сѣдлецкой губ.). Онъ былъ мнѣ переданъ по поводу польскихъ ксендзовъ, которыхъ здѣшніе униаты (упорствующіе) сравниваютъ съ падалью.

Вз. с. 161 № 104.

104) О гуцулахъ Г. Коперницкій говоритъ: „немузыкальность гуцуловъ поражала меня прежде всего въ ихъ несогласномъ и фальшивомъ церковномъ пѣніи... вообще они поютъ мало даже на свадьбахъ.

И. XIII с. 31.

IX.

Возврѣнія на природу.

Космографическія и географическія свѣдѣнія у гагаузовъ, какъ и у большинства современныхъ нецивилизованныхъ народовъ, представляются въ видѣ смѣси изъ осколковъ древнихъ мѣоувъ, мѣоувъ позднѣйшихъ и, наконецъ, обрывковъ современныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ школь. Эти свѣдѣнія очень часто противорѣчатъ другъ другу и одно другое исключаютъ, но это не мѣшаетъ имъ уживаться рядомъ не только въ головахъ многихъ людей, но зачастую даже въ одной.

Небо представляется гагаузамъ хрустальнымъ сводомъ, опрокинутымъ надъ нами. Надъ нимъ живутъ Богъ и святые, а наша земля составляетъ небо для міра подземнаго, въ которомъ тоже живутъ люди ¹⁾. Разсказываютъ, что въ старину небо было близко къ землѣ, всего на высотѣ человѣческаго роста. Одинъ человѣкъ жалъ вмѣстѣ съ женою пшеницу, а колосъ пшеницы въ то время шелъ отъ самаго корня до вершины. Ребенокъ у этихъ людей обмарался, и матери нечѣмъ было его обтереть, а потому она подняла его вверхъ, чтобы обтереть объ небо. Но Богъ поднялъ небо вверхъ и вмѣстѣ съ нимъ унесъ наверхъ и урожаи. При этомъ была собака, которая увидѣла, что небо и урожай поднимаются, захватила верхушку колоса и сохранила ее во рту. Съ тѣхъ поръ отъ прежняго длиннаго колоса у человѣка остался только самый верхній конецъ его, такой величавы, какой могъ помѣститься во рту у собаки ²⁾.

Гагаузы думаютъ, что небо открывается на Пасху ³⁾; нѣкоторые видѣли это и рассказываютъ, что сквозь отверстіе видны горящія свѣчи.

Солнце въ сказкахъ гагаузовъ представляется живымъ существомъ, мужчиной, имѣющимъ отца и мать. Въ одной изъ сказокъ его носить ежедневно по свѣту на рукахъ работникъ солнцева отца; завтракъ работнику приносить св. Илья, а обѣдъ св. Петръ. При этомъ предполагается три пути, по которымъ ходитъ работникъ: чѣмъ выше онъ идетъ, тѣмъ солнце слабѣе грѣетъ, а по самому нижнему пути сжигаетъ всѣ сады и иссушаетъ колодцы.

Въ другой сказкѣ солнце представляется молодымъ парнемъ, который полюбилъ храбрую дѣвушку-пастушку и хочетъ на ней жениться. Чтобы достать ее къ себѣ на небо, онъ, по совѣту своей матери, спускаетъ въ ея деревню качель и, когда дѣвушка садится на качель, поднимаетъ ее вверхъ. Но сватовство его оказалось неудачнымъ: двѣ его невѣсты незвѣстно почему ушли отъ него, превратившись одна—въ ласточку, другая—въ козу ^{3а)}.

Въ одной изъ сказокъ описывается, какъ человекъ отправляется въ жилище солнца и спускается для этого подъ землю. Здѣсь, между прочимъ, есть курьезный эпизодъ о томъ, что солнце, возвратясь изъ своего обхода вечеромъ домой, плачетъ и жалуется матери на безстыдство деревенскихъ жителей. „При исполненіи своихъ естественныхъ надобностей, говоритъ солнце, они нисколько не стыдятся меня, выходя прямо на поле, тогда какъ городскіе жители дѣлаютъ это скрытно“. Но этотъ послѣдній эпизодъ гагаузы не только передаютъ въ сказкѣ, они руководятся имъ и въ дѣйствительной жизни, искренно вѣря, что солнце можетъ стыдиться.

Далѣе въ одной изъ сказокъ солнце приравнивается къ святымъ. Вмѣстѣ съ святыми Петромъ и Ильей оно провинилось передъ Богомъ, растопивши у одного человека камень. Богъ посылаетъ ихъ просить у человека прощенія и одобряетъ послѣдняго, когда онъ всѣхъ троихъ угостилъ пощечинами.

Рядомъ съ этими сказками, въ которыхъ солнце представляется существомъ мужескаго пола, мнѣ случалось слышать отъ гагаузовъ выраженіе: „гюн-ана, ай-боба“ (т.-е. солнце-мать, мѣсяцъ-отецъ).

На ряду съ такими древними вѣрованіями, къ которымъ многіе

изъ современныхъ гагаузовъ относятся уже съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, существуетъ мнѣніе сравнительно болѣе новое, что солнце и мѣсяцъ это — что-то въ родѣ фонарей, двигающихся по небесному своду. Такъ, въ одной изъ сказокъ герой (Божій крестникъ) долженъ былъ въ одинъ день вспахать чугунное поле. Но такъ какъ онъ этого сдѣлать не успѣлъ, то волъ, Мургочь, пріятель и помощникъ героя, беретъ солнце на рога, отбрасываетъ его назадъ и такимъ образомъ удлиняетъ день.

Наконецъ между гагаузами ходятъ отголоски самыхъ новѣйшихъ свѣдѣній изъ области космографіи. Такъ, про величину солнца говорятъ, что она равняется величинѣ земли, но солнце очень далеко отъ насъ, а потому и кажется маленькимъ.

Что касается солнечнаго затменія, то оно объясняется различно. Одни говорятъ, что солнце сосутъ въ это время крылатые змѣи („Канатлы йыланнар“) ⁴⁾, другіе, — что его покрываетъ своимъ хвостомъ комета („Йылдыз куйруклу“), и наконецъ третьи, — что Богъ закрываетъ солнце, потому что царскіе люди дѣлаютъ заговоръ, чтобы убить царя, а когда солнце закроется, то они испугаются и разбѣгутся.

Лѣтомъ послѣ полудня гагаузы иногда наблюдаютъ два снопа свѣта, идущихъ отъ солнца въ стороны, и называютъ ихъ „куллак“ (уши). Появленіе такихъ ушей предвѣщаетъ, по ихъ мнѣнію, дождь.

О томъ, что такое луна, мнѣ не удалось найти у гагаузовъ ни одного разсказа, подобнаго тѣмъ, которые повѣствуютъ о солнцѣ, какъ о живомъ существѣ. Лунное затменіе, такъ же какъ и солнечное, приписывается крылатымъ змѣямъ, которые мѣсяцъ сосутъ ⁵⁾. По мнѣнію гагаузовъ, этихъ змѣевъ можно даже увидѣть, если во время луннаго затменія налить въ какой-нибудь сосудъ воды, поставить его противъ мѣсяца и смотрѣть въ воду на его отраженіе. Какъ солнечное, такъ и лунное затменіе гагаузы, подобно многимъ дикимъ народамъ, встрѣчаютъ пальбою изъ ружей, стуканьемъ въ мѣдную посуду и всякаго рода шумомъ, чтобы отогнать крылатыхъ змѣевъ. „Если въ это время быть у насъ здѣсь“, разсказывали гагаузы, „то можно подумать, что война начинается: такой страшный шумъ поднимается по всему селу“ ⁶⁾. Но есть у нихъ и другое объясненіе того же явленія: не змѣи сосутъ луну, а какіе-то люди пытаются снять ее съ мѣста.

Между фазами луны различаютъ: „ени ай“ (новый мѣсяцъ), „бютюн ай“ (полный мѣсяцъ) и „ярым ай“ (половинный мѣсяцъ). Ихъ объясняютъ тѣмъ, что луна въ мѣсячный срокъ переживаетъ цѣлую жизнь, т. е. молодость, зрѣлость, старость, а затѣмъ умираетъ для того, чтобы въ слѣдующемъ мѣсяцѣ снова возродиться.

Когда случится гагаузу въ первый разъ увидѣть молодой мѣсяцъ, то онъ старается послѣ того тотчасъ же посмотреть въ степь, а отнюдь не на дома и людей, чтобы имъ не повредить ⁷⁾. При этомъ замѣчаютъ, куда направлены рога молодого мѣсяца, а также—длины они или вѣтъ. Если рога направлены вверхъ, то весь наступающій мѣсяцъ будетъ мокрымъ, если же вверхъ, то сухимъ ⁸⁾. Если рога длинны, то погода, которая наблюдается въ настоящую минуту, будетъ продолжаться еще долго. Если коротки, то она скоро переѣнится. Если мѣсяцъ бываетъ краснымъ, то говорятъ, что его кусаютъ волки ⁹⁾. Такой видъ мѣсяца вообще считается дурнымъ предзнаменованіемъ: либо градъ пойдетъ, либо убійство случится, либо другое какое-нибудь несчастіе.

Первая четверть луны (новолуніе) считается вообще временемъ неблагоприятнымъ для начала работъ. Въ это время не сѣютъ и не сажаютъ деревьевъ ¹⁰⁾.

Въ фигурахъ, которыя видны на лунѣ, гагаузамъ, такъ же какъ и русскому простолудину, представляются борющіеся Каинъ и Авель ¹¹⁾. Круги около луны зимою предвѣщаютъ крѣпкіе морозы ¹²⁾.

Звѣзды Богъ сотворилъ для красоты. Ихъ на небѣ столько же, сколько людей на свѣтѣ. Каждый человѣкъ имѣетъ свою звѣзду ¹³⁾, величина которой соответствуетъ высотѣ его общественнаго положенія. Такъ, на примѣръ: царскія звѣзды—самыя большія, немного поменьше—звѣзды бояръ и богачей, а самыя мелкія и темныя—это звѣзды бѣдняковъ. Когда человѣкъ умираетъ, то звѣзда его падаетъ, а потому по величинѣ упавшей звѣзды можно судить о томъ, какой человѣкъ умеръ, богатый и знатный или простой и бѣдный.

Изъ числа прочихъ звѣздъ особенное вниманіе обращаютъ на себя: 1) какая-то крупная звѣзда на западѣ, которую называютъ „керван кыран йылдызы“ (звѣзда, подъ которой погибъ караванъ); она появилась на небѣ тотчасъ же послѣ потопа, 2) созвѣдіе Большой медвѣдицы—„араба“ (возъ) ¹³⁾. 3) Млечный путь („саман

блѣ“) — путь, по которому какой-то человекъ тащилъ солому, украденную имъ у своего крестнаго отца ¹⁴⁾.

Облака представляютъ себѣ въ видѣ студня („пача-гиби“) ¹⁵⁾, настолько крѣпкаго, что св. Илья ѣздитъ по немъ на тройкѣ бѣлыхъ лошадей въ огненной телѣгѣ.

Громъ происходитъ отъ шума колесъ этой телѣги ¹⁶⁾. Когда же онъ усиливается, то говорятъ, что св. Илья сердится.

Молнія представляется въ видѣ огненныхъ стрѣлъ, которыя св. Илья бросаетъ въ шейтановъ. Шейтаны въ это время прячутся за человекъ, за скотъ и въ человѣческихъ жилищахъ ¹⁷⁾. Поэтому во время грозы собакъ и кошекъ выгоняютъ изъ дому и отгоняютъ отъ себя. Этому правила придерживаются даже и пастухи въ полѣ ¹⁸⁾.

Когда громъ загремитъ въ текущемъ году въ первый разъ, то берутъ кусокъ желѣза или камень и ударяютъ себя по лбу, для того, чтобы быть здоровымъ ¹⁹⁾.

Человекъ, убитый молніей, считается праведникомъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ это случилось, принято ставить крестъ ²⁰⁾.

О борьбѣ св. Ильи съ нечистой силой гагаузы (изъ с. Балбока Измаильск. уѣзда) рассказываютъ очень интересное вѣрованье. „Осенью, говорятъ они, когда начинаются дожди, можно наблюдать на небѣ два ряда облаковъ: одни — бѣлыя, другія — черныя. Эти оба вида облаковъ встрѣчаются между собою и смѣшиваются, послѣ чего обыкновенно начинается дождь. Говорятъ, что черныя облака принадлежатъ св. Ильѣ, а бѣлыя — змѣю, называемому по гагаузски „евремъ“ ²¹⁾. Сталкиваясь съ бѣлыми облаками, черныя всегда ихъ побѣждаютъ, и когда это случится, то „евремъ“ падаетъ на землю въ видѣ змѣи. Тотъ, кто первымъ увидитъ, долженъ кормить ее 40 дней молокомъ отъ черной козы и прѣсными лепешками. По окончаніи срока, змѣя скидываетъ свою шкуру и оставляетъ тому, кто ее кормилъ, но она представляется этому человекъ въ видѣ угля. Если же шкуру найдетъ кто-нибудь посторонній, то она представляется ему въ видѣ золота, а если возьметъ ее, то будетъ богатъ и счастливъ и деньги у него никогда не переведутся ²²⁾.

Дождь — это вода, которая стекаетъ къ намъ съ неба; она питаетъ источники и рѣки и, черезъ посредство этихъ послѣднихъ, изливается въ море. Изъ моря Богъ перемѣщаетъ воду обратно

на небо при помощи особыхъ людей, которые таскають воду въ мѣхахъ („тулум“). Ёсть во время дождя считается грѣшно, потому что въ это время „Богъ работаетъ“ ²³).

Что такое *радуга* („кушак“), гагаузы не могли мнѣ объяснить, но они вѣрятъ, что если кому-нибудь удастся сквозь нее пройти, то мужчина сдѣлается женщиной, а женщина—мужчиной ²⁴). При появленіи радуги замѣчаютъ, какой изъ цвѣтовъ въ ней виденъ отчетливѣе другихъ: если зеленый, то говорятъ, что будетъ урожай на пшеницу, если—красный, то хлѣба посохнутъ на корню, но будетъ урожай на виноградъ; если же—желтый, то будетъ урожай на ячмень.

Происхожденіе *росы* („чи“) объясняютъ себѣ тѣмъ, что она выходитъ съ воздухомъ („солук“) изъ земли черезъ особыя отверстія ²⁵).

Вихрь выходитъ изъ земли. Если бываетъ очень сильный вѣтеръ, то говорятъ, что гдѣ-нибудь случилось убійство ²⁶). Вихрь, поднимающій столбы пыли, называютъ „яврѹшка“. Думаютъ, что въ вихрѣ летитъ шейтанъ, а потому, если человекъ попадетъ въ него, то непременно заболѣетъ ²⁷). Отъ болѣзни, вызванной вихремъ, нѣкоторыя старухи знаютъ наговоръ. Произнося его, онѣ жгутъ тряпку, вертятъ въ рукѣ и потомъ мажутъ углемъ ея губы и уши больного, ноги и пальцы рукъ. Черезъ два часа послѣ этого нужно умыться.

Огонь („атеш“) считаютъ живымъ существомъ и вѣрятъ, что у него есть душа. Въ честь огня есть особый праздникъ въ день Св. Фоки, какъ это будетъ сообщено въ главѣ: „Народный календарь“. Но, кромѣ огня съ душой, признаютъ еще бездушный огонь („джансыз атеш“), который добывается треніемъ другъ о друга двухъ кусковъ дерева ²⁸). Къ добыванію этого огня прибгають въ случаѣ повальной болѣзни на овецъ. Для этого выбираютъ двухъ холостыхъ парней, одного первенца, а другого послѣдняго сына у матери. Они идутъ на межу („хотар“), отдѣляющую земли села отъ сосѣднихъ, и разводятъ огонь треніемъ одного о другой двухъ кусковъ дерѣва ²⁹). Шутить съ огнемъ считается грѣшно, а ребятамъ, предостерегая ихъ, чтобы они не играли съ огнемъ, говорятъ, что будутъ подъ себя мочаться. Плевать въ огонь нельзя. Если плюнулъ маленькій мальчикъ, то онъ будетъ страдать недержаніемъ мочи, если же взрослый, то рас-

пукнуть шулята. Если кто-нибудь изъ мужчинъ помочится другому на сапоги, то даетъ этимъ возможность потерпѣвшему сдѣлать ему зло. А именно: если потерпѣвшій возьметъ щепотку соли и кинетъ въ огонь, то у того, кто намочилъ ему на сапоги, будутъ болѣть шулята. Но если кто-нибудь самъ, безъ всякаго основанія броситъ соли въ огонь, то у него заболѣтъ половой органъ ²⁰). Въ огонь нельзя кидать старое помело ²¹). Огня изъ хаты никому нельзя давать послѣ заката солнца, потому что дѣти будутъ плакать ²²).

Это объясняютъ тѣмъ, что нѣкоторые предметы притягиваютъ къ себѣ звукъ („сесь чекеер“). Горы не притягиваютъ къ себѣ звука, а долины притягиваютъ.

Земля, какъ говорятъ одни, стоитъ на рогу желтаго („сары“) быка и когда рогъ у этого быка заболитъ отъ усталости, онъ перебрасываетъ землю на другой рогъ, отчего и происходитъ землетрясеніе ²³). Другіе говорятъ, что земля стоитъ на рыбѣ плавающей въ морѣ, а землетрясеніе происходитъ оттого, что рыба вертитъ хвостомъ. Наконецъ новѣйшее объясненіе землетрясенія то, что каменный уголь внутри земли играетъ.

Представленіе о землѣ, какъ о живомъ существѣ, сохранилось, между прочимъ, въ словѣ „ерь-гѣзю“ (глазъ земли). Такъ называютъ небольшое топкое мѣсто, въ которомъ, по мнѣнію народа, нельзя достать дна. Около с. Бешалма указываютъ такое мѣсто, въ которомъ, по рассказамъ жителей, погибли, заблудившись въ ночное время, два человѣка и четыре лошади ²⁴).

Разсказываютъ, что когда землю начали впервые пахать, то она была живая и сильно кричала отъ боли, а борозды отъ плуга наполнялись кровью. Но явился Богъ и сказалъ землѣ: „не плачь и не пускай крови, ты будешь кормить людей, но ты же и съѣшь ихъ всѣхъ“. Съ тѣхъ поръ земля утѣшилась и больше не кричитъ и крови не пускаетъ.

Создавши землю, Богъ поставилъ на четырехъ углахъ ея ангелу. Эти ангелы съ тѣхъ поръ ни разу не спали, они сохраняютъ человѣка отъ всякихъ напастей и, между прочимъ, отъ худыхъ вѣтровъ („фена люзгар“), которые насылаетъ шейтанъ ²⁵). Какъ остатокъ культа земли, у гагаузовъ сохранился обычай цѣловать ее тогда, когда бываетъ большой урожай ²⁶).

О концѣ земли разсказываютъ такъ: если идти или ѣхать всѣ

прямо въ какую-нибудь сторону, то въ концѣ-концовъ непременно приѣдешь къ морю. А если ѣхать по морю на корабль, то непременно приѣдешь къ ледовитому океану, гдѣ темно и дальше ѣхать нельзя. До того мѣста, гдѣ небо сходится съ землей доѣзжалъ только одинъ премудрый царь Соломонъ ³⁸).

Не менѣе чѣмъ космографія, бѣдна у гагаузовъ и *географія*. Изъ сосѣднихъ мѣстностей они знаютъ лучше всего Афонъ („Ай-ндрос“), куда многіе ѣздятъ и ходятъ пѣшкомъ на богомолье. Оттуда богомольцы привозятъ много разныхъ религіозныхъ предметовъ, какъ-то: иконы деревянныя и бумажныя, виды монастырей, „просѣрники“ (печати для просфоръ), которыя прикладываютъ къ колачамъ и т. д. Про Афонъ рассказываютъ, что туда Богъ запретилъ пускать женскій полъ, и даже курицу принести нельзя. Одинъ человекъ сѣлъ на пароходъ и поѣхалъ на Афонъ, но взялъ съ собою въ мѣшкѣ курицу. Началась буря и пароходъ стало сильно качать. Тогда капитанъ заявилъ пассажирамъ: „у кого-нибудь изъ васъ въ мѣшкѣ есть что-нибудь женскаго пола. Выбросьте, а то мы всѣ погибнемъ“. Пришлось тому человеку выбросить свою курицу въ море, и буря тотчасъ же утихла.

Далѣе знаютъ гагаузы Иерусалимъ, куда тоже ѣздятъ ихъ паломники. Думаютъ, что городъ этотъ находится въ самомъ центрѣ земли, а такъ какъ земля вращается вокругъ центра, то если въ Иерусалимѣ лечь спать головой на востокъ, то утромъ проснешься головой на западъ.

Извѣстны гагаузамъ, кромѣ того, еще Крымъ, Старый и Новый Кавказъ, Сибирь и Египеть. Про Крымъ могутъ только рассказать, что тамъ есть горы и что прежде жили татары, а теперь болгары. Старый и Новый Кавказъ находятся по дорогѣ изъ Бассарабіи въ Иерусалимъ. Старый ближе, а Новый дальше. Это жаркая страна, въ которой живутъ одноглазые людоеды („тепя-гѣз“). Сибирь островъ, окруженный со всѣхъ сторонъ моремъ, который находится гдѣ-то очень далеко, дальше Иерусалима. Про Египеть („Мысыр“) знаютъ, что онъ расположенъ гдѣ-то за Иерусалимомъ. Тамъ живетъ много евреевъ. Земли у нихъ очень много, но все неудобная: голый камень. Каждый держитъ у себя по парѣ ословъ и скупаютъ солому, гдѣ только можетъ. Соломой и ослинымъ навозомъ покрываютъ камень и сѣютъ хлѣбъ. Хотятъ эти евреи прийти къ намъ, но не могутъ, потому что между ними и нами постоянно кипятъ

вода. Отъ насъ къ нимъ еще можно прѣхать, но отъ нихъ никакой возможности.

Кромѣ этихъ странъ, гагаузы с. Бешалма вѣрятъ еще въ существованіе какой-то сказочной счастливой страны.

Чтобы закончить настоящую замѣтку о воззрѣніяхъ на природу, нужно привести нѣсколько отрывочныхъ вѣрованій и наблюденій изъ области зоологій.

Лошадь („беегир“). Въ лошади сидитъ шайтанъ, потому что при Рождествѣ Спасителя весь домашній скоть старался накрыть его соломой и только одна лошадь стаскивала солому и сѣно³⁹⁾.

Волкъ („джянвар“). У гагаузовъ сохранились очень ясные остатки культа этого звѣря, вѣроятно, процвѣтавшаго когда-то у ихъ предковъ. Естественно ожидать появленіе такого культа у кочевого народа, живущаго въ степи отъ скотоводства. Самымъ главнымъ неумолимымъ врагомъ его долженъ быть волкъ. Не имѣя возможности избавиться отъ него обыкновенными средствами, такой народъ долженъ былъ испытывать въ отношеніи къ нему религіозный страхъ.

Какъ на остатокъ волчьяго культа, можно указать на „волчьи праздники“, во время которыхъ женщины воздерживаются отъ всякихъ работъ съ шерстью. Думаютъ, что если мужчина выйдетъ въ степь въ томъ платьѣ, которое сработано во время волчьихъ праздниковъ, то волкъ придетъ отобрать отъ него это платье и съѣсть или его самого или хоть одну изъ его скотинъ⁴⁰⁾. Одинъ гагаузь рассказывалъ мнѣ, что у нихъ въ селѣ женщина прядла во время „волчьяго праздника“ шерсть. Вскорѣ послѣ этого появился волкъ и утащилъ ягненка только у этой женщины, не тронувши овецъ у остальныхъ жителей деревни, которые въ „волчій праздникъ“ ничего не работали.

Такъ какъ хлѣвъ для скота устроены здѣсь обыкновенно только о трехъ стѣнахъ, то волку очень легко въ нихъ забраться и утащить любую овцу. А потому понятно, что звѣри эти дѣлаютъ здѣсь не мало вреда. Чтобы избавиться отъ нихъ, устраиваютъ по временамъ лѣтомъ или осенью охоту на волковъ. Заключается она въ томъ, что собирается 15—20 верховыхъ, вооруженныхъ ружьями и палками, и разсыпаются въ разныя стороны по степи. Тотъ, кому удалось поднять волка, даетъ знакъ остальнымъ, и тогда

всѣ охотники вмѣстѣ преслѣдуютъ звѣря, пока не загоняютъ его до смерти.

Дотрогиваться до языка мертваго волка считается очень опаснымъ, потому что человекъ непременно заболѣетъ: начнутся вередя и въ тѣлѣ заведутся черви. Мясо овцы, загрызенной волкомъ, считается ядовитымъ и его не ѣдятъ ⁴²⁾.

На случай встрѣчи со звѣремъ въ степи наединѣ считается лучшимъ средствомъ раздѣться до гола и бросить свое платье, а самому спастись бѣгствомъ.

Въ сказкахъ люди всегда, когда хотятъ прогнать волка, кричать: ху, ху, ху ⁴³⁾.

Говорятъ, что волку особенно нравится ослиное мясо (объ этомъ есть даже пословица) и если ему хоть разъ удалось гдѣ-нибудь съѣсть осла, то будетъ приходиться на то мѣсто въ теченіе 9-ти лѣтъ. Поэтому-то осель, зачуявши волка, страшно реветъ и беспокоится больше всякаго другого скота, чувствуетъ, что волкъ съѣстъ его первымъ.

Умѣнье справляться съ волками при помощи разныхъ таинственныхъ средствъ приписываютъ преимущественно пастухамъ ⁴⁴⁾ а также кучерамъ городскихъ жителей и помѣщичьимъ, которыхъ здѣсь называютъ по-русски — „кучеръ“. Про этихъ послѣднихъ разсказываютъ, что, желая другъ другу насолить, они намазываютъ дышла волчьимъ саломъ, и тогда самыя послушныя лошади ни за что не пойдутъ, сколько ихъ ни бей. А вотъ разсказъ про то, какъ таинственное знаніе пастуха столкнулось со знаніями кучера. Одинъ кучеръ ѣхалъ съ бариномъ изъ Болграда въ Аджянлы. Онъ могъ по желанію, когда и гдѣ угодно, собрать волковъ, и вотъ, проѣзжая по степи и увидя стадо овецъ, пастухъ которыхъ спалъ, вздумалъ подшутить надъ этимъ послѣднимъ. Онъ созвалъ двухъ волковъ, которые бросились на овецъ, а самъ поѣхалъ далѣе. Но и пастухъ былъ не простъ. Проснувшись отъ шума, онъ взялъ свою собственную бурку и сталъ бить по ней палкой что было мочи, грозя пальцемъ по направленію отъѣзжавшаго экипажа. Благодаря таинственнымъ знаніямъ пастуха, каждый ударъ его по собственной буркѣ отзывался на спинѣ кучера, такъ что этотъ послѣдній долженъ былъ вернуться и просить прощенія, потому что вся его спина была въ синякахъ.

Кротъ („кѣр кестевекъ“). Про крота разсказываютъ, что онъ

старается построить 40 могилочек по прямой линіи, потому что тогда Богъ дастъ ему глаза. Но это ему никогда не удается: сдѣлаетъ 10—12 могилочек по прямой линіи, а потомъ непременно свернетъ въ сторону.

Кошка. Держать въ домѣ черную кошку считается очень полезнымъ. Если напиться воды изъ той посуды, изъ которой пила кошка, то губы полопаются и покроются ранами ⁴⁴). Если кошка, сидя на окнѣ, моется, то будутъ гости ⁴⁵).

Мышь („сычан“). Обыкновенная домашняя мышь можетъ обратиться въ летучую („ярасы кушу“), если ей удастся съѣсть кусочекъ просфоры ⁴⁶).

Орелъ („картал“). Стрѣлять въ орла считаютъ большимъ грѣхомъ, потому что Евангелистъ Лука, когда ему нечѣмъ было писать, вырвалъ перо у орла, почему его и изображаютъ всегда съ орломъ ⁴⁷).

Аистъ („лелек“). Кто увидитъ весной въ первый разъ аистовъ, долженъ ихъ сосчитать. Число это укажетъ, сколько кило пшеницы уродится у сосчитавшаго въ наступающее лѣто. То же самое наблюдается и по отношенію къ журавлямъ („турна“).

Кукушка („кукумав“). Если, услышавши въ первый разъ кукушку, сосчитать, сколько разъ она прокукуетъ, то число это также укажетъ число кило пшеницы, которое уродится въ текущее лѣто ⁴⁸).

Если кукушка сядетъ на домъ и начнетъ куковать, то нельзя ждать добра. Но если въ нее выстрѣлить и не попасть, то она проклянетъ домъ, на которомъ сидѣла, и тогда непременно случится несчастье ⁴⁹).

Ворона („гарга“). Зубы, выпадающіе у малыхъ ребятъ, закатываютъ въ хлѣбный шарикъ и, бросая на улицу, говорятъ: „гарга! гарга! на сана кемикъ динь, верь бана демиръ динь“ (т.-е. ворона! ворона! на тебѣ костяной зубъ, дай мнѣ желѣзный) ⁵⁰).

Курица („таук“). Если курица поетъ по пѣтушному, то, чтобы не случилось какого-либо несчастья, нужно ее зарѣзать ⁵¹). Если пѣтухъ поетъ вечеромъ, вмѣсто того, чтобы пѣть въ полночь, то говорятъ, что въ деревнѣ будетъ непременно воровство ⁵²). Когда кладутъ куриныя яйца въ гнѣздо, чтобы курица высидѣла изъ нихъ цыплятъ, то предварительно каждое осматриваютъ на свѣтъ, есть ли въ немъ, какъ выражаются гагаузы, сѣмя, т.-е. черная

точка. Если такой точки не окажется, то яйцо откладываютъ въ сторону, какъ негодное. Очень полезно устраивать гнѣздо для курицы изъ старой мужской шапки.

Ласточка („кырлангач“). Ласточки улетаютъ на зиму въ Турцію; они ѣдятъ тамъ черный перецъ, и тогда ихъ ловятъ. Разорять ласточкино гнѣздо считается грѣхомъ, потому что птица эта строить свое гнѣздо 40 дней. Если разорить его, то въ текущее лѣто она уже не успѣетъ свить новаго и не выведетъ птенцовъ. Ребятамъ, чтобы они не разорали ласточьихъ гнѣздъ, говорятъ обыкновенно, что у нихъ лица будутъ такими пестрыми, какъ ласточкино яйцо ⁵³). Пѣніе ласточки гагаузы, подобно другимъ народамъ, изображаютъ словами, а именно, они говорятъ, что ласточка, прилетая весной, освѣдомляется у женщины, много ли онѣ наткали за зиму: „ишледѣньми, докудунму, гетирь, бян кисимъ гррр... ц“ (т. е. работала ли? ткала ли? Принеси, я разрѣжу гррр... ц“ (звукъ издаваемый ножницами).

Сорока („сакса“). Про сороку говорятъ, что у нея заключено братство („кардашлык“) съ шайтаномъ. А потому чучело сороки хорошо повѣсить въ конюшнѣ, чтобы она защищала лошадей отъ шайтана ⁵⁴).

Черепаха („каплун бука“). Яйца черепахи, какъ наружное средство для натиранія, считаются очень полезными отъ грыжи („дѣкюк“). Поэтому такія яйца цѣнятся здѣсь очень дорого, до 3-хъ рублей штука.

Змья („йылан“). Кто убьетъ змѣю, тому прощается одинъ грѣхъ ⁵⁵), потому что въ змѣѣ непременно находится шайтанъ. Если кто убьетъ это животное, то трупъ его нельзя бросать гдѣ попало, а нужно зарыть въ землю, для того чтобы мухи не перенесли яду на какого-нибудь человѣка.

Полозь („балаѣру“). Кромѣ обыкновенныхъ маленькихъ змѣй, гагаузамъ извѣстны также удавы умѣренныхъ странъ, которыхъ русскій народъ называетъ полозами. По рассказамъ, они водятся еще и теперь въ мѣстахъ, заросшихъ высокой и густой травой, или въ камышахъ, кидаются оттуда на овецъ и проглатываютъ ихъ. Въ отличіе отъ обыкновенной змѣи, полозь всегда ползетъ съ высоко приподнятой головой и „свиститъ какъ человѣкъ“ ⁵⁶). Одинъ гагаузъ изъ с. Хайдаръ рассказывалъ мнѣ, что его односельчанинъ пошелъ разъ въ степь пасти воловъ и въ Хуртопской

долинѣ („Хуртоп кулаанда“) увидѣлъ такую змѣю аршина въ 4 длиною. Онъ ударилъ ее дубиной по головѣ и убилъ на повалъ ⁵⁶). Въ сказкахъ гагаузовъ есть также эпизоды со змѣями, глотающими людей или животныхъ. Въ одной изъ этихъ сказокъ змѣя собиралась проглотить человѣка въ самый лучшій день его жизни; въ другой—она проглотила слона, а въ третьей змѣя собирается проглотить барана, но не можетъ, ей помогаетъ въ этомъ герой сказки Иванъ, отрубая барану рога, за что получаетъ отъ змѣи въ награду волшебное зеркало.

Лягушка. Лягушку убивать грѣшно. Богъ сотворилъ ее для того, чтобы она постоянно очищала воду, которую шайтанъ отравляетъ на пагубу людей ⁵⁶). Когда послѣ дождя появляется много маленькихъ лягушекъ, то думаютъ, что онѣ попадали съ неба.

Ракъ („енгеч“). Ракъ укралъ одинъ гвоздь, которымъ распинали Иисуса Христа. За это Богъ повелѣлъ ему ходить задомъ, а людямъ благословилъ его ѣсть.

Пчела („куан“). Кто воруетъ чужихъ пчелъ, тотъ долго не проживетъ, потому что онѣ дѣлаютъ свѣчи для Бога.

Паукъ. Кто убьетъ паука, тому 40 дней всѣ грѣхи прощаются, потому что паукъ смѣялся надъ Богородицей, что она не умѣетъ такъ искусно ткать, какъ онъ.

Вошь („кехля“). Гагаузы въ наивности своей не хотятъ вѣрить, что есть на свѣтѣ такіе люди, у которыхъ нѣтъ ни одной вши ⁵⁷). Вошь они считаютъ непременной принадлежностью каждаго человѣка,

Божья коровка („калина“). Нашедши Божью коровку, ребята говорятъ ей: „уч, уч калина“ (лети, лети, Божья коровка) ⁵⁸).

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Вѣрованье въ то, что міръ созданъ на подобіе многоэтажнаго зданія, принадлежитъ къ числу международныхъ. Оно есть у малороссовъ, у вотяковъ, у всѣхъ магометанъ и у др. народовъ.

В. *) 1900 в. I—II с. 196.

2) Вѣрованіе это—международное, оно есть: у великороссовъ, малороссовъ, поляковъ, словенцевъ, болгаръ, латышей, киргизовъ, торгоутовъ, жителей малой Азіи, вотяковъ и нѣмцевъ.

*) Объясненія знаковъ помѣщены ниже.

Ъ. 1900 в. I—II с. 205; 1895 в. III и IV с. 438; Бг. 1893. VII. янв., февр. и мар. с. 110.

3) По вѣрованью сербовъ, небо открывается на Крещеніе.

Ф. с. 21.

3 а) У грековъ Геліосъ мужского рода и у малороссовъ то же.

Е. г. I т. IV. 1882. с. 179.

4) У старинныхъ русскихъ гѣтописцевъ было обычно выраженіе, когда рѣчь шла о солнечномъ затменіи, „погиба, съѣдаемо, солнце“. По вѣрованію малороссовъ, „крылатіе вовкулаки“ набрасываются на солнце и оно перестаетъ на время освѣщать и согрѣвать землю.

З. I с. 112; Е. г. I т. IV. 1882. с. 178.

5) Вѣрованіе это—международное и широко распространенное. По мнѣнію малороссовъ, луну во время затменія хотять съѣсть „крылатые вовкулаки“. Затменіе это наводитъ на народъ ужасъ и каждый со слезами начинаетъ молиться Богу, прося отпущенія грѣховъ, и зажигаетъ предъ иконами страстныя свѣчи. Что касается другихъ народовъ, имѣющихъ тавія же вѣрованья, то я привелъ ихъ въ журналѣ „Живая Старина“.

Ъ. 1900. в. I—II. с. 206; БД. с. 97.

6). Также смот. Ъ. 1900. в. I—II. с. 206.

7) То же у болгаръ.

И. VI с. 92.

8) У малороссовъ Проскуровскаго уѣзда, если луна „настане рогами у гору“, то будетъ погода, если внизъ—дождь, а зимою морозъ.

А. I. с. 11.

9) См. примѣч. 5.

10) У малороссовъ Житомирскаго и Винницкаго уѣздовъ первая четверть луны также признается самой трудной, въ теченіе ея нельзя сѣять, жать, пахать и т. д. То же есть и у болгаръ..

А. I с. 10; И. IV с. 32.

11) То же у малороссовъ.

А. I с. 7, 8 и 9.

11 а) Въ Вологодской губ. „мѣсяць въ кругу—къ холодной погодѣ“.

I. с. 143.

12) Это вѣрованіе принадлежитъ къ числу международныхъ. Оно существовало въ древней Индіи, Греціи и въ Римѣ. Въ настоящее время есть: у великороссовъ, малороссовъ, поляковъ, чеховъ, болгаръ, грузинъ, армянъ, китайцевъ и у народа сахо въ сѣверной Африкѣ.

Ъ. 1900. в. I—II. с. 205.

13) У малороссовъ созвѣздіе Большой медвѣдицы называется „Візь“.

А. I. с. 14.

14) То же вѣрованье есть у армянъ, только, по ихъ разсказамъ, человекъ укралъ солому не у своего крестнаго отца, а у сосѣда. Въ заключеніе передается, что ураганъ поднялъ этого человѣка на воздухъ, а солому разбросалъ по небу.

Г. 1900. № 2. с. 170; БЕ. с. 22.

15) Такое же представленіе объ облакѣ имѣютъ: русскій народъ и вотяки.

Ъ. 1900. в. I—II. с. 207.

16) Вѣрованье это международное.

Ъ. 1900. в. I—II. с. 207; Ап. I. с. 518; I. с. 126; ВМ. 1864. II. с. 52 (у монголовъ).

17) Смот. Примѣчаніе 16.

18) То же у поляковъ.

И. II. с. 130. № 77.

19) У малороссовъ Проскуровскаго уѣзда тѣ, у кого болитъ голова, во время грозы берутъ камень и, легонько ударяя себя въ голову, говорятъ: „камень—голова, камень—голова“ и, по ихъ мнѣнію, боль исчезаетъ. У галицкихъ малороссовъ ударяютъ головою въ камень, говоря: „камень—голова“, чтобы вымѣчтаться отъ головной боли. Есть такой же обычай и у болгаръ.

А. I. с. 23; Ч. VI с. 91 и IV с. 93; Б. III с. 91.

20) Это вѣрованье международное.

Ъ. 1900. в. I—II. с. 207; И. III. с. 96. № 6.

21) Змѣя „сврьмъ“ имѣетъ въ своемъ названіи, повидимому, нѣчто общее съ именемъ Св. Еремія, считающагося у болгаръ покровителемъ змѣй. У малороссовъ въ заговорѣ отъ укушенія змѣи также упоминается „чудный Іерема“.

Ч. IV; Г. 1890. III. с. 217.

22) Вѣрованье это въ томъ видѣ, какъ оно мною записано отъ гагаузовъ, представляется довольно сложнымъ, и потому трудно найти для него варианты. Но если разложить его на составные элементы, менѣе сложные, то вариантовъ для нихъ можно найти множество. Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая наше вѣрованье, мы замѣчаемъ въ немъ слѣдующія детали: 1) какое-то метеорологическое явленіе приводится въ связь со змѣей, 2) дѣло идетъ о выкармливаніи змѣи молокомъ и 3) вѣрять, что нашедшій змѣиную шкуру можетъ внезапно обогатиться.

Приведемъ сначала варианты, подходящіе къ первому изъ этихъ простыхъ вѣрованій.

Въ Индіи и до сихъ поръ существуетъ культъ змѣи „кобры“. И вотъ въ одной изъ тамошнихъ провинцій Coorg, принадлежащей Англичанамъ съ 1834 г., вѣрять, что кобра живетъ 1000 лѣтъ, въ концѣ 500 лѣтъ она начинаетъ съезживать и дѣлается блестящей какъ серебро. Все уменьшаясь, къ 600—700 годамъ она не больше одного метра. Еще позже дѣлается цвѣта золота, тогда она не длиннѣе 1-го фута. Когда, наконецъ, она достигнетъ нѣсколькихъ сантиметровъ, то въ одинъ прекрасный день поднимается на воздухъ. Въ воздухѣ кобра умираетъ, снова падаетъ на землю и совершенно исчезаетъ. Если кто-нибудь по оплошности будетъ проходить по этому мѣсту, то непременно получитъ серьезную болѣзнь на кожѣ и постепенно сгніетъ.

У казанскихъ татаръ то же вѣрованье принимаетъ слѣдующую форму: „Если змѣя проживетъ до 100 лѣтъ, то она превращается въ дракона. Дракона подхватываетъ облако и бросаетъ на морской островъ. Очень близко къ этому вѣрованью есть и у Орскихъ башкиръ. По ихъ мнѣнію, змѣя, дожившая до 100 лѣтъ,—„Зиланъ“, до 500 лѣтъ—„Аждаха“, а до 1000—„Юха“. Последняя можетъ принимать на себя образъ чело-

вѣка, животнаго и т. д., но, благодаря Аллаху, она не можетъ дожить до „Юхи“. Чуть только до ея берлоги достигнетъ дневной свѣтъ, какъ облака поднимають ее и уносятъ за гору Каъ, лежащую за Ледовитымъ океаномъ“. У тѣхъ же Орскихъ башкиръ есть много разсказовъ о томъ, какъ змѣя улетаетъ на воздухъ при появленіи облака, молніи, града и т. под. У меня есть одинъ разсказъ, записанный отъ вотняка, который своими глазами видѣлъ, какъ „Ву-муртъ“ (Водяной духъ) поднимался изъ озера. Разсказъ этотъ еще нигдѣ не напечатанъ. Я не передаю его здѣсь, потому что это отвлело бы насъ слишкомъ далеко въ сторону, но онъ замѣчательнъ тѣмъ, что въ мельчайшихъ деталяхъ описываетъ зарожденіе надъ озеромъ водяного смерча. Если прочесть послѣ того башкирскіе разсказы о подниманіи на воздухъ Юхи, какъ они передаются Батыръ-гирей Мухамедовымъ Юлаевымъ (Этнограф. Обзор.), то вы увидите, что и башкирская Юха—тоже не что иное, какъ водяной смерчъ. Башкирское вѣрованье отличается отъ гагаузскаго только тѣмъ, что въ первомъ изъ нихъ змѣя съ земли поднимается на облако, а во второмъ—съ облака падаетъ на землю.

Еще ближе къ гагаузскому подходитъ вѣрованье сербовъ-лужичанъ, которые говорятъ, что *многочислѣй змѣй несется по небу*, и надъ кѣмъ опустится, тому *приноситъ счастье и благословеніе*. Змѣя, приносящая золото, лужичане называютъ „репезну змѣю“. Разсказываютъ, что нѣкоторые въ избахъ ставятъ для него молочную кашу, мясо и другія яства.

У поляковъ Балишской губ. есть подобное же вѣрованье: „Баждыя ужъ, говорятъ они, котораго семь лѣтъ не увидитъ глазъ человѣка и животнаго, обращается въ крылатую змѣю о семи головахъ. Такая змѣя появилась когда-то и летала въ воздухѣ, но солнце опалило ей крылья, она упала и разбилась, ибо Богъ не допустилъ, чтобы она кусала людей. Если ужъ семь лѣтъ не услышитъ звона церковныхъ колоколовъ, то тоже обратится въ крылатого змѣя“.

Что касается другихъ простыхъ вѣрованій, то второе изъ нихъ, т. е. кормленіе змѣи молокомъ, относится къ культѣ этого животнаго, о которомъ мы уже говорили въ предыдущей главѣ, въ примѣчаніи 35.

Сюда же относится довольно широко распространенное повѣрье, что ужъ любить молоко. Едва ли не болѣе всего повѣрье это распространено у поляковъ. Такъ, кромѣ общераспространеннаго убѣжденія, что ужъ сосетъ коровъ и тѣмъ питается, поляки Люблинской губ. разсказываютъ, что ужъ всегда живетъ вблизи отъ коровы и такая корова даетъ обильное молоко: вѣдьма не можетъ у нея отобрать. Но если ужа убить, то корова будетъ стучать объ немъ, будетъ рычать и потомъ умереть. Г. Суницовъ указываетъ то же вѣрованье у малороссовъ Харьковской и Черниговской губ., у словаковъ, словенцовъ, чеховъ, въ Далмаціи, въ Германіи и въ Скандинавіи.

Наконецъ, относительно третьяго изъ гагаузскихъ вѣрованій, что шкура змѣи нашедшему ее приноситъ счастье, мы находимъ его прежде всего у французовъ въ Овернѣ. Тамъ, когда находятъ шкуру змѣи, происходящую отъ ея линіяи, подбирають ее и тщательно берегутъ, въ на-

деждѣ, что это принесетъ счастье. Въ большей части сериѣ можно видѣть одну изъ такихъ шкуръ, привѣшенную въ одномъ изъ угловъ комнаты. Или обвертываютъ эту шкуру вокругъ палки и сохраняютъ въ штабелю вмѣстѣ съ самыми цѣнными предметами. Пастухи считаютъ себя очень счастливыми, когда найдутъ змѣиную шкуру въ своемъ хлѣву. Навошчики также ищутъ ее, чтобы принести счастье своей конюшнѣ.

Другіе народы, какъ поляки, стараются найти съ тою же цѣлью другія части змѣйнаго тѣла, напримѣръ, змѣнное жало, и говорятъ, что кто будетъ такое жало носить при себѣ, тотъ будетъ очень счастливъ. Наряду съ этимъ у поляковъ же существуетъ вѣрованье, что подъ лепиной, на которой росла „ошѣла“ (чужеродное растеніе), живетъ царь ушей. Онъ вдвое больше другихъ своихъ собратіи и, если, сваривши его въ „оливѣ“ (въ оливковомъ маслѣ), жаваться этимъ отваромъ, то изъ стараго можно сдѣлаться молодымъ. Въ Познани записанъ весьма интересный для насъ рассказъ о царѣ ушей, который связываетъ предыдущія вѣрованія съ цѣлымъ рядомъ новыхъ. Около Гнѣзна былъ прежде дугъ въ сторонѣ къ Черневу. Тамъ всегда видали много ушей, и даже ихъ король былъ тамъ. Одному человѣку случилось увидѣть этого короля ушей, у котораго была золотая корона на лбу. Человѣкъ разломилъ *стѣнный платокъ*, а король положилъ на него свою золотую корону. Человѣкъ схватилъ корону и унесъ ее домой. По вѣрованью Бѣлоруссовъ Могилевской губ., когда змѣя несетъ добро и кто-нибудь увидитъ его хоть издали, то стоитъ только сказать три раза: „чуръ“ и разослать „бѣлый платокъ“ на землю, тогда все добро сыплется на платокъ. Малороссы думаютъ, что царь змѣи отличается своей громадной величиной. Если ему показать красный цвѣтъ, то онъ сбрасываетъ свои золотые рожки, и кто сумѣетъ захватить ихъ, будетъ здоровъ, счастливъ и богатъ. Любопытно, что то же самое вѣрованье, только немного измѣненное, встрѣчается у гольдовъ въ Восточной Сибири. По мнѣнію этого народа, счастье и богатство приноситъ рогатая лягушка Отта-Дайлани-Хере-Хунку-Суу. Очень рѣдко приходится встрѣтить гольду такую лягушку, но если счастье ему выпадетъ, то, увидя ее, онъ долженъ снять съ себя что-нибудь: поясъ, шарфъ, халатъ и пр., и бросить лягушкѣ, и если при этомъ лягушка сброситъ свои рога и гольдъ принесетъ ихъ домой, то ему предстоитъ счастье и богатство.

Весь этотъ рядъ вѣрованій подкрѣпляется еще обычаями, смыслъ которыхъ безъ предыдущаго былъ бы не совсѣмъ понятенъ. А именно: у венгерскихъ словаковъ ходятъ (на святки) съ деревяннымъ ужомъ, который сжимается и раздвигается по призыву. Пастъ его красная, на лбу корона изъ позолоченной бумаги. А при обрядѣ „Сая“ записанномъ г. Николандесемъ въ окрестностяхъ Смирны, дѣти наряжаются въ „Саю“. надѣваютъ большіе широкіе штаны, которые завязываются на шеѣ, на голову навязываютъ пару роговъ, ходятъ по домамъ и выкрикиваютъ пѣсню: „Сая пришла, слышите, Сая васъ привѣтствуетъ, ходитъ она отъ двора ко двору. Змѣя поднимается на скалу, она говоритъ: гадъ! гудъ! Она приказала мнѣ лечь у горшка съ бобами“. При этомъ „Сая“

надесть на землю и ложить неподвижно, пока хозяйка не поднесет ему въ награду денегъ или угощеніе. Здѣсь, очевидно, широкіе штаны, скрывающіе руки, должны служить сдѣлать маскирующаго, по мѣрѣ возможности, похожими на змѣю. Ложатся дѣти на землю, тоже подражая змѣѣ. Рога, надѣваемые на голову, соответствуютъ рогамъ змѣйнаго царя у малороссовъ и лягушки у гольдовъ. Отъ словацкихъ колядашковъ смирскіе отличаются тѣмъ, что они не носятъ въ рукахъ изображенія змѣи, а сами стараются изобразить ее. Во всемъ остальномъ оба эти обряда одинаковы.

Ам. г. 2 т. 2. 1887 с. 230; БЗ. с. I; Г. 1897 № 3, с. 19, т. XIII—XIV с. 245; Н. VI с. 245; З. II с. 539, 544; Ам. г. 3 т. 3 с. 477; X. VII с. 17; М. I. с. 105, X с. 104; АА. с. 298—299; АУ. с. 148; АФ. с. 201; Ап. I; БМ. ч. 7. с. 61.

23) То же вѣрованье есть у малороссовъ.
Н. с. 16 № 42.

24) То же вѣрованье есть у галицкихъ гуцуловъ, у армянъ и у черемисовъ Вятской губ.

БД. с. 99; АЗ. XIII 1892 с. 112; Ъ. 1900 в. I—II с. 199.

25) То же объясненіе росы и у малороссовъ.
А. I с. 26.

26) Малороссы Винницкаго уѣзда вѣрятъ, что вихрь бываетъ тогда, когда умретъ самоубійца. Въ д. Добрянкѣ (Сѣдлец. губ. Бѣльск. уѣзд.) когда дуетъ сильный вѣтеръ, говорятъ, что гдѣ-нибудь недалеко кто-нибудь повѣсился и вѣтеръ раскачиваетъ самоубійцу (Запис. мною).

А. I. с. 35.

27) Малороссы вѣрятъ, что сатана производитъ вихрь во время своей свадьбы, а потому, завидя его, крестятся. Человеку, попавшему въ вихрь, грозитъ неминуемая болѣзнь, отъ которой его можетъ спасти только іорданская вода. То же вѣрованье записано и у галицкихъ малороссовъ. Есть оно также у поляковъ, у красноярскихъ ногайцевъ и у другихъ нашихъ восточныхъ инородцевъ.

А. I. с. 33—35; М. IV с. 3; М. XII в. I с. 25; Ы. с. 120; Б. III с. 91 № 2; Ъ. 1890 в. II с. 169; БГ. V в. 3 с. 628.

28) У великороссовъ, наоборотъ, огонь, добытый треніемъ изъ дерева называется „живымъ“ и лѣкарственнымъ. У гуцуловъ „живымъ“ или „Божиимъ“, у сербовъ—„живымъ“, а у чеховъ—„Божиимъ“.

БМ. I с. 699; Е. XXVI августъ с. 409; АЧ. с. 88.

29) У гуцуловъ есть то же самое. Когда въ первый разъ обновляются „козибы“ (шалашы пастуховъ), то добывается треніемъ „живой“ или „Божи“ огонь. Въ великороссіи въ прошломъ столѣтіи добывался такой огонь при освященіи лошадей въ день Фрола и Лавра. Въ Германіи въ 17 столѣтіи добывали огонь во время падежа скота. Въ Олонцкой губ. при новеленіи сибирской язвы, какъ намъ доводилось видѣть лично, разводять при вѣздѣ въ каждую деревню кестры, зажженные отъ живого огня, и заставляютъ всѣхъ прѣзжающихъ черезъ нихъ переходить. У чужащей есть обрядъ прохожденія черезъ ровъ скота и лошадей, сопровождаемый добываніемъ огня помощью тренія. Такой же обрядъ у казанскихъ татаръ, уже выше нами описанный, также сопровождается добы-

ваніемъ живого огня. У вотяковъ живой огонь готовятъ тогда, когда домъ постигнетъ какое-нибудь несчастье, напр. болѣзнь. У Мордвы Саратовской губ. существуетъ совершенно такой же обрядъ, какъ у чувашей, пропусканія скота черезъ ровъ. Но мы приводимъ только ничтожную часть обрядовъ, сопровождающихся добываніемъ живого огня; эти обряды принадлежатъ къ числу самыхъ распространенныхъ на земномъ шарѣ, такъ какъ они составляютъ осколокъ, широко распространеннаго по землѣ культа огня.

Щ. I с. 699; Е. XXVI августъ с. 409. Ж. 4. II с. 97, VI с. 264; И. с. 78; Г. 1892 № 4 с. 118.

30) У малороссовъ плевать въ огонь нельзя, а то будешь на томъ свѣтѣ лизать раскаленную сковороду. Они же говорятъ: „огнемъ нельзя играть, потому что усцисса“. Въ Херсонской губ. дѣтямъ говорятъ: „не плюй на огонь, а то огнень выскочитъ“. Казанскіе татары вѣрятъ, что, если кто плюнетъ въ огонь, то у него будутъ нарывы. Галицкая пословица говоритъ: „огонь святой мститя, якъ го не шануешъ“. Такое же вѣрованье есть и у болгаръ. У великороссовъ Вологодской губ. „въ огонь плевать—пузырь на языкѣ вскочитъ“. Поляки, не дозволяя дѣтямъ плевать въ огонь, говорятъ, что у нихъ будетъ болѣть голова. У монголовъ въ древности также не позволялось плевать на огонь.

А. I с. 45; Ж. VI с. 262 и VII. 140; З. II с. 9—10. I с. 141 ВГ. IV с. 92; Бл. 1864 II с. 89.

31) Тоже у великороссовъ. У малороссовъ нельзя замечать огня вѣшникомъ, которымъ метется хата, для этого есть особыя метелки.

I. с. 142; А. I с. 45.

32) Тотъ же обычай наблюдается у болгаръ и у галицкихъ малороссовъ.

Б. III. с. 150; У. VI с. 89 № 4.

33) Торгоуты думаютъ также, что земля держится на огромномъ сѣромъ быкѣ („бѣ буху“). Вотяки говорятъ, что въ землѣ ходитъ огромный быкъ, такъ что иногда земля колеблется. Такое же вѣрованье есть у сербовъ и у монголовъ.

Д. с. 135; Г. VII с. 263; Е. 1890 XXXI с. 61 и 62.

34) Это вѣрованье существуетъ у малороссовъ, великороссовъ, словенцевъ, въ Венгріи, у вотяковъ, мордвы, сербовъ, болгаръ, въ Персіи и у японцевъ.

А. I. 36—38; З. II с. 162, 164, и 166; Ъ. 1900 в. I—II с. 208; Е. 1890 XXXI с. 61—62.

35) Малороссы также вѣрятъ въ существованіе такихъ пропастей и называютъ ихъ „безодней“.

А. I. с. 40.

36) Въ Холмской Руси причину появленія вѣтровъ приписываютъ какимъ-то четыремъ таинственнымъ существамъ, дующимъ съ четырехъ концовъ земли. У древнихъ египтянъ сѣверный вѣтеръ принадлежалъ Озирису, южный—Ра, западный—Издѣ, а восточный—Неотдѣ. У мордвы есть предположеніе, что земля четырехугольна, на каждомъ углу стоятъ большая бочка, въ каждой бочкѣ сидитъ Варизъ-ава. Эти бочки

заткнуты, по временамъ которая-нибудь бочка открывается, изъ нея вылетаетъ Вармъ-ава и дуетъ съ той стороны, изъ которой вылетѣла.

А. I с. 32, Б. I с. 277, М. XII. в. 4 с. 293.

37) У малороссовъ цѣлуетъ землю при влятвахъ.

А. I с. 36—37.

38) Торгоуты говорятъ что, конца земли никто не видаѣтъ, потому что въ томъ мѣстѣ, гдѣ она сходится съ небомъ, такъ жарко, что нельзя приблизиться даже на нѣсколько сотъ верстъ. Вотяки думаютъ, что земля со всѣхъ сторонъ окружена моремъ, а черемисы, что она плаваетъ на водѣ. Было такое же вѣрованье у древнихъ грековъ и германцевъ.

Э. II. с. 122; Г. VII с. 263.

39) Смотри примѣч. къ предыдущей главѣ (3а).

40) Въ Курской губ. крестьяне ничего не работаютъ изъ шерсти подъ Юрьевъ день изъ боязни, чтобы волки не поѣли за то овецъ.

Э. I. с. 711.

41) То же вѣрованье есть и у болгаръ.

и. VI.

42) У галицкихъ малороссовъ есть пословица: „гулюкають на мені, якъ на вовка“.

Б. III с. 182 № 126.

43) Возврѣніе на пастуха, какъ на колдуна, обще всему сѣверу. Оно есть, напр., въ Архангельской губ.

ж. VIII с. 62.

44) Малороссы вѣрятъ, что у кошки въ хвостѣ находится ядъ, который переходитъ къ людямъ въ видѣ насморка.

А. I. с. 54.

45) Въ д. Малая Дубровица говорятъ: „якъ кышка умываецца, то госты сподіваютьца, сколь лыже хвостъ, то столь буде гощь“ (Запис. мною).

46) Малороссы галицкіе и украинскіе бѣлороссы и поляки имѣютъ то же вѣрованье, но для обращенія въ летучую простая мышъ должна съѣсть не просѣору, а кусочекъ пици, освященной на Пасху.

Б. III с. 142; А. I с. 55; П. 1874 с. 444; ВГ. I с. 294.

47) У малороссовъ также нельзя стрѣлять орловъ.

А. I с. 64.

48) У великороссовъ и у малороссовъ говорятъ, что сколько кукушка въ первый разъ весной прокукуетъ, столько останется лѣтъ жить на свѣтѣ. Такое же вѣрованье и у южныхъ славянъ. Въ Пруссіи кукушка предсказываетъ дѣвушкамъ число лѣтъ, оставшихся до замужества.

А. I с. 61. АА. с. 294; АЕ. 1892 в. 2 с. 182.

49) Такое же вѣрованье существуетъ у вотяковъ. У великороссовъ Рязанской губ., если сова кричитъ на домѣ, то будетъ покойникъ. То же у южныхъ славянъ.

И. с. 71; Ъ. 1898 в. 2. с. 229; АЕ 1892 в. 2 с. 181.

50) У малороссовъ закидываютъ зубъ на печь и говорятъ: „мышко! мышко! на тобі костаного зуба, а мѣні дай залізного“. Объ этомъ обычаѣ мы уже писали въ Этнографическомъ Обзорѣніи 1900 № 1 с. 34.

А. I с. 86; I. с. 112.

51) Это вѣрованье—международное и очень древнее, оно известно

было еще Аристотелю. Существованіе его извѣстно у всѣхъ русскихъ племенъ, у поляковъ, французовъ, въ Германіи, въ Италіи, на о-въ Корсикѣ, въ Сициліи, въ Англіи, въ Босніи у вотяковъ и у грузинъ, а также въ Персіи.

Ъ. 1898 в. 2 с. 229; А. I с. 58; А. I № 21 с. 498; № 2 с. 47; № 6 с. 149; Ам. X 1895 № I с. 52; Ам. VII № 2 1896; АО I 1889 с. 46; г. 5 с. 189; г. 8 № 88—93. с. 288; АЗ. XVIII 1894 с. 230; XIX 1894 с. 90; М. I с. 101, XI с. 32, XIII с. 73; Ам. ч. 2 с. 84; ББ. с. 102; I. с. 142; БЦ. с. 102.

52) Въ д. Малая Дубровица говорятъ, что вечернее пѣніе пѣтуха предвѣщаетъ „одміну погоды“. У великороссовъ шутяють такому пѣтуху ноги и, если онѣ холодныя, то къ покойнику, а если теплыя, то къ гостямъ. Въ Вологодской губ.: пѣтухъ поетъ не во время—дурной признакъ.

З. II с. 106; I. с. 142.

53) У малороссовъ разорять ласточкины гнѣзда считается грѣхомъ. Если трогать ея яйца, то на лицѣ будутъ веснушки.

А. I. 59.

54) Въ д. Малая Дубровица, чтобы домовой не мучилъ лошади, нужно подъ нее подвѣсить дохлую сороку. Въ с. Пищаць сороку вѣшаютъ съ той же цѣлью на воротахъ хлѣва. То же самое есть и у малороссовъ Проскуровскаго уѣзда и у великороссовъ.

А. I с. 62; З. II с. 108.

55) У латышей вѣрують, что тому, кто убьетъ одну змѣю, прощается 9 грѣховъ. У кавказскихъ татаръ всякій, увидѣвшій змѣю, обязанъ ее убить, проклять того, кто, увидѣвши змѣю, не убьетъ ея. У гурийцевъ змѣю рѣдко называютъ ея именемъ, большей частью—проклятою. У грузинъ Телавскаго уѣзда убить змѣю—богоугодное дѣло. Въ с. Гегерети Озургетскаго уѣзда у грузинъ говорятъ, что если встрѣтишь змѣю и не убьешь ее, то на томъ свѣтѣ заставятъ перегрызать ее зубами.

АД. в. 2 с. 12; АЗ. в. IX. 1890 с. 108, XVII 1893 с. 121, XVIII 1894 с. 252, XIX 1894 с. 91.

55а) У бѣлороссовъ о свистѣ змѣйнаго царя рассказываютъ, что онъ такъ силенъ, что слышенъ на всей Литвѣ.

З. II с. 544.

55б) Названіе для полоза у гагаузовъ тоже, что у румынъ, по латыни онъ называется—„bellua“ по гречески—„πελος“, по албански—„bole, у поляковъ—„plus, у гуцуловъ—„болоз“, у малороссовъ и великороссовъ—„полоз“. Рассказы объ этомъ животномъ, которое дѣйствительно существуетъ или еще недавно существовало въ южно-русскихъ степяхъ, записаны отъ народа въ губерніяхъ: Люблинской, Киевской, Бурской, Екатеринославской, Оренбургской и Томской.

Е. 1862 III с. 377; ХХТ 1890 с. 151; Г. 1892 № I с. 191; Ibid. XIII—XIV с. 245; АУ. ч. 2 с. 149; БМ. с. 28 и 33

56) У галицкихъ малороссовъ говорятъ, что въ томъ колодцѣ, гдѣ есть лягушка, вода всегда чистая и здоровая.

Б. III с. 144 № 20.

57) Малороссы говорятъ, что если у какаго человѣка нѣтъ вшей, то это признакъ большого несчастія.

А. I с. 68.

58) Произнесение такой или ей подобной формулы при видѣ божьей коровки принадлежитъ къ числу международныхъ обычаевъ. Оно есть у русскихъ, сербовъ, вотяковъ и нѣмцевъ. Я уже писалъ о немъ въ „Живой старинѣ“: 1900 в. I—II с. 212.

X.

Великаны.

Между великанами гагаузы различаютъ: 1) просто огромныхъ людей и называютъ ихъ „девь“ и 2) „Тепягѣзовъ“, т. е. циклоповъ-людювдовъ съ однимъ глазомъ на темени (отъ словъ: „тепя“—темя, верхушка, макушка и „гѣз“—глазь).

„Девь“ отличаются отъ обыкновенныхъ людей только большимъ ростомъ, судя по тому, что въ сапогѣ у великана, по словамъ гагаузовъ, можетъ помѣститься 21 мѣрка проса. Эти великаны бываютъ обою пола, женятся, выходятъ замужъ и между собою, и съ обыкновенными людьми. Въ одной изъ сказокъ, записанныхъ мною, мы находимъ двухъ такихъ женщинъ - великаншъ — „девь-бабу“. Въ сказкѣ каждое появленіе ихъ сопровождается неизмѣнною полу-рифмованною фразой, а именно, подобно тому какъ въ нашихъ сказкахъ вѣдьма неразлучна съ помеломъ, а Баба Яга съ избушкой на курьихъ ножкахъ, такъ и гагаузская „Девь-бабу“ — „на ходу стучить и скрипитъ палкой, косить тюльпанъ и гіацинтъ, пьеть кофе и курить табакъ“. Въ русскихъ вариантахъ той сказки, о которой мы говоримъ, („Похожденія Лысаго“) „Девь-бабъ“ всегда соответствуетъ Баба-Яга, такъ что, повидимому, между двумя этими мифическими существами есть много общаго. Но еще болѣе общаго у гагаузской „Девь-Бабу“ съ болгарской „Дива-жена“, съ малороссійскими „Диве-бабами“ и „Дзиво-жонами“ польскихъ Гуралей (Карпатскихъ горцевъ). Кромѣ самаго названія, можно замѣтить сходство въ народномъ представленіи объ этихъ существахъ. „Диве-бабы“, по словамъ Вагилевича, приводимымъ у О. Кольберга (Рокисіе III стр. 100), — „злыя мифическія существа женскаго пола, полныя страстнаго стремленія къ общенію съ людьми, хотя съ сердцемъ холоднымъ и безчувственнымъ. Высокій ростъ, видъ истощенный, лицо блѣдное, длинныя растрепанные волосы и обвислыя груди, закидываемыя за плечи, — вотъ ихъ фигура. Живутъ онѣ въ глубокихъ пещерахъ и въ мѣстахъ неприступныхъ“. Подобное же описаніе

болгарской „Дива-жены“ мы находимъ въ Сборникѣ за народ. умотвор. (кн. VII стр. 158 Примѣч.) „Тая жена била покрита съ косми и цѣлото и тѣлото било голо. Нѣнки тѣ и сж били толкова голѣми и увисяжли, щото ги прѣмѣтала прѣзъ рамената, когато да отива нѣйдѣ. Тя била много силна, дива и бѣгала отъ хори...“ А у Халатьянца мы читаемъ объ армянскихъ сказкахъ (Сборн. матер., изд. при Дашк. муз., в. 1, стр. 152), что царевичъ, герой сказки, придя къ „Дѣву, увидѣлъ глубокую яму, опустился внизъ и замѣтилъ тамъ дверь“. Этимъ описаніямъ почти вполнѣ соответствуетъ „Девъ-бабу“ гагаузская, какъ она представлена въ упомянутой мною сказкѣ: „Сила ея такъ велика, что она несетъ на себѣ сорока-ведерную бочку съ виномъ“. Живетъ она въ горахъ: „я шатаюсь отъ горы къ горѣ“ („байырдан байыра урулаѣрум“), говоритъ она пріѣхавшимъ къ ней братьямъ. Жалище бабы помѣщается въ землѣ, въ него приходилось спускаться по лѣстницѣ („йиньди мердивеньданы“), говоритъ сказка. Далѣе въ концѣ повѣствованія Лысый повѣсилъ „Девъ-бабу“ за груди на крючокъ, что свидѣтельствуемъ о длинѣ ея грудей. Наконецъ злость этой великанши, соединенная съ коварствомъ, видна изъ того, что она намѣревалась, опивши пріѣхавшихъ къ ней братьевъ виномъ, отдать ихъ въ жертву своимъ жестокимъ сыновьямъ.

Что касается мужчинъ-великановъ, которые тоже называются „Девъ“, то они менѣе подробно обрисовываются въ гагаузскихъ сказкахъ, но, повидимому, характеръ ихъ такой же, какъ и великаншъ: они также злы, коварны, сильны и стремятся къ общенію съ людьми. Въ тѣхъ изъ сказокъ, которыя представляютъ собою варианты русскихъ, великаны соответствуютъ русскимъ „многоголовымъ змѣямъ“. Любопытно, что въ гагаузскихъ сказкахъ также встрѣчаются „змѣи“ и даже съ тѣмъ же славянскимъ названіемъ „Змѣя“, но они здѣсь представляются просто сильными и смѣлыми людьми, богатырями, только враждебными главнымъ героямъ, на которыхъ лежатъ симпатіи рассказывающаго.

Хотя мои знакомые гагаузы не могли мнѣ ничего сообщить о великанахъ „Девъ“ и великаншахъ „Девъ-бабу“, кромѣ того, что есть въ сказкахъ, и кромѣ повсюду извѣстнаго разсказа о томъ, какъ великанша посадила въ свой фартухъ обыкновеннаго человека вмѣстѣ съ его плугомъ и волами, но они искренно вѣрили, что разсказы о великанахъ вовсе не вымышлены, такъ какъ, по

ихъ мнѣнію, для нихъ существуетъ реальная основа. „И въ настоящее время, говорили гагаузы, попадаются въ землѣ кости великановъ. Намъ самимъ случалось не разъ, разрывая землю, находить тамъ костяки, у которыхъ голова была съ мѣрку величиной, а костями одного человѣка можно было наполнить цѣлую телѣгу“.

Но великановъ „Девъ“ гагаузы все таки относятъ къ старинѣ, къ временамъ давно прошедшимъ, а вотъ „Тепягѣзм“, вполне соответствующіе древне-греческимъ циклопамъ, по ихъ мнѣнію, существуетъ и по настоящее время и живутъ въ Кавказской сторонѣ („Кавказ тарафында“) по рѣкѣ Хамуру (Амуръ?), по дорогѣ въ Іерусалимъ. Какъ это ни странно, но тѣ три варианта сказки о „тепягѣзахъ“, которые передаютъ въ главныхъ чертахъ приключеніе Одиссея у Полифема, по мнѣнію гагаузовъ, не сказки и не выдумки, а настоящая быль, случившаяся еще очень недавно ¹⁾.

Что касается международной сказочной темы объ одноглазомъ великанѣ, пожирающемъ людей и потерявшемъ за это свой единственный глазъ, то мы останавливаться на ней не будемъ, такъ какъ гагаузскіе пересказы ея ничего новаго ни прибавляютъ къ тому, что было уже записано у другихъ народовъ, тѣмъ болѣе, что тема эта очень обстоятельно обработана М. Н. Комаровымъ въ его монографіи „Экскурсія въ сказочный міръ. Москва 1886“. Авторъ приводитъ версіи: арабскую, греческую, румынскую, нѣмецкую, французскую, нѣсколько русскихъ, латышскую, корельскую и др. Но для насъ въ настоящее время интереснѣе всего слѣдующая замѣтка Г. Комарова (стр. 7): „въ 1815 г. Diez издалъ сказку огуцовъ, одного изъ турецко-татарскихъ племенъ, сохранившуюся въ сборникѣ различныхъ преданій изъ исторіи этого народа (Diez. Der neuentdeckte oghuzische Cyklop verglichen mit dem homerischen 1815). Происхожденіе этого сборника относятъ къ XIII или XIV столѣтію“.

Если въ современныхъ гагаузахъ видѣтъ потомковъ средневѣковыхъ огуцовъ или родственныи этимъ послѣднимъ народъ, то конечно, очень интересно сравнить современные гагаузскія версіи съ версіей огуцовъ. Эта послѣдняя версія, даже въ томъ сокращенномъ видѣ, какъ она приводится у г. Комарова, является разработанной во всѣхъ своихъ деталяхъ едва ли не больше, чѣмъ IX пѣснь Одиссея, передающая приключенія Одиссея у Полифе-

ма. Если же сравнить ее со всѣми другими версіями, то по обширности своего сюжета, она можетъ стоять на ряду только съ греческой и арабской, всѣ остальные не больше какъ ея осколки или отголоски, такъ что если огуцкую версію нельзя считать первоисточникомъ разбираемой темы, то во всякомъ случаѣ она очень близка къ этому первоисточнику.

Если же затѣмъ обратиться къ записаннымъ мною версіямъ гагаузскимъ, то мы увидимъ, что онѣ передаютъ всѣ главнѣйшіе эпизоды огуцкой версіи, но въ сильномъ сокращеніи даже по сравненію съ сокращеннымъ пересказомъ ея у г. Комарова. Кроме того, есть разница между ними и въ деталяхъ. У огуцовой разсказывается объ одноглазомъ великанѣ, какъ объ извѣстномъ выродкѣ человѣческаго рода, существовавшемъ какъ феноменъ въ единственномъ числѣ. Ему придается полубожественное происхождение отъ связи нифмы съ огуцкимъ пастухомъ. Современные гагаузы думаютъ, что такихъ великановъ много, они составляютъ отдѣльный народъ, о происхожденіи котораго ничего неизвѣстно. Названіе великана у огуцовъ „депе-гѣц“ совершенно сходится съ гагаузскимъ „тепя-гѣз“ и несомнѣнно происходитъ отъ тѣхъ же самыхъ словъ: „депе“ или „тепя“ — вершина, макушка и „гѣц“ или „гѣз“ — глазъ. Оно указываетъ на мѣсто расположенія у великана его единственнаго глаза. Въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ версій, приводимыхъ у г. Комарова, сходятся между собою только три: огуцкая, гагаузская и сербская, во всѣхъ остальныхъ или глазъ находится на лбу, или мѣсто расположенія его не опредѣлено.

Огуцкая сказка передаетъ борьбу съ великаномъ героя Биссатя, явившагося освободителемъ своего народа отъ кровожаднаго великана-людоеда, истреблявшаго огромное количество огуцовъ, противъ котораго и ранѣе предпринимались безуспѣшные походы и съ которыми заключались договоры.

Въ гагаузскихъ сказкахъ нѣтъ никакого народнаго героя, а разсказывается только случайная встрѣча нѣсколькихъ человѣкъ съ великаномъ-людоедомъ. Люди эти совершаютъ свой подвигъ, руководимые только чувствомъ самосохраненія, и при томъ не сами идутъ къ „тепягѣзу“, а онъ зазываетъ ихъ къ себѣ. Поэтому въ гагаузскихъ версіяхъ нѣтъ ни стрѣлъ, которыя Биссать кидаетъ въ великана, ни эпизода съ сапогомъ „депегѣца“, куда попадаетъ безстрашный герой.

Далѣ въ огуцкой версіи герой самъ прячется въ пещерѣ съ овцами, а великанъ подстерегаетъ его при выходѣ изъ этой пещеры. Въ гагаузскихъ сказкахъ, также какъ въ сербской и въ древне-греческой, люди были насильно заперты великаномъ въ пещерѣ, входъ въ которую былъ заложень огромнымъ камнемъ.

Способъ ослѣпленія великана въ огуцкой версіи одинаковъ съ гагаузской, греческой и сербской, вездѣ втыкается въ глазъ какое-нибудь острое орудіе (большой ножъ, вертелъ, разоженная дубина, заостренное полѣно).

Хитрость, къ которой прибѣгаетъ герой, чтобы спастись отъ великана послѣ его ослѣпленія—овечья шкура, надѣтая на спину—повторяется въ большинствѣ версій, приводимыхъ у г. Комарова, а въ томъ числѣ въ огуцкой и гагаузскихъ.

Затѣмъ у огуцовъ слѣпой великанъ дѣлаетъ еще нѣсколько попытокъ, чтобы умертвить героя. Одна изъ этихъ попытокъ: перстень, надѣтый великаномъ на руку своего обидчика, дающій о себѣ знать, повторяется и у огуцовъ, и у гагаузовъ. Но у огуцовъ герой снимаетъ этотъ перстень со своей руки, а у гагаузовъ не можетъ его снять, а потому отрубаетъ себѣ палець и убѣгаетъ.

Наконецъ, огуцкій рассказъ о сокровищахъ великана и о томъ, какъ герой отрубилъ ему голову, вовсе не повторяется въ гагаузскихъ сказкахъ.

Въ общемъ собранныя мною гагаузскія версіи о Полифемѣ обнаруживаютъ наибольшее сходство съ вариантами сербскими (Караджич. Српск. нар. припов.) и съ малороссійскимъ Воронежской губ. (Афанасьевъ. Русск. сказ. „Лихо одноглазое“).

ПРИМЪЧАНІЕ.

1) Любопытно, что въ той странѣ, на которую указываютъ гагаузы, какъ на мѣсто жительства одноглазыхъ великановъ—людюѣдовъ, т. е. на Кавказѣ, сильно распространено такое же вѣрованье. Въ Абхазіи есть преданіе о великанахъ Адоу или Адоуква, которые будто бы имѣли одинъ глазъ во лбу и жили въ ущельи рѣки Бзыби. Ихъ побѣдили богатыри Нарты. У осетинъ также вѣрятъ въ существованіе древнихъ богатырей Доу или Дзоу, которые также боролись съ Нартами, но борьба эта окончилась поражениемъ Нартовъ. У кабардинцевъ и у черкесовъ есть также преданіе о борьбѣ великановъ-людюѣдовъ съ Нартами. Въ Мингрелии есть преданіе, составляющее буквальное повтореніе сказанія о Гомеровскомъ Циклопѣ. Впрочемъ, такого рода преданія вовсе не состав-

лѣють исключительной принадлежности кавказскихъ народовъ, есть оно и у малороссовъ. Такъ, въ Ушицкомъ уѣздѣ рассказываютъ, что тамъ, гдѣ небо слодится съ землей, живетъ неодолимый чрезвычайно сильный и одноглазый свирѣпый народъ. Сюда же нужно отнести рассказы о „камлукахъ“, записанные мною въ Д. Малая Дубровица (Сѣдл. губ. Бѣльск. уѣз.). Передавались мнѣ эти рассказы тоже не какъ сказка, а какъ истинное происшествіе, случившееся очень давно. По одному изъ такихъ рассказовъ въ старину жилъ сильный народъ „камлуки“ (калмыки?) съ единственнымъ глазомъ во лбу, питавшійся мясомъ дѣтей. Каждая деревня поочередно должна была отдавать ему на съѣденіе по нѣсколькѣ ребятъ. Одна женщина подъ предлогомъ, что хочетъ предварительно обварить своего ребенка кипяткомъ, плеснула горячей водой въ глазъ камлука и убѣжала, а одинъ кузнецъ, спасая своего ребенка, взялся вставить камлуку второй глазъ и, выколотивши ему его единственный глазъ долотомъ съ колотушкой, тоже убѣжалъ. Интересно, что ими калмыковъ встрѣчается также и въ вѣрованіяхъ Вотяковъ. „Калмык—кышно“—женщина, она же и—„Курри—баба“.—Представляется это существо чѣмъ-то въ родѣ сатира съ коровьими ногами и съ длинными зубами или „страшилищемъ мерзкимъ“. Сказка о „Калмык—кышно“ передается, какъ она варилась щи съ человѣческими ногами и руками и какъ дѣвушка, пришедшая къ ней, пробовала убѣжать отъ нея при помощи свиньи и лошади, но неудачно. Вариантъ той же сказки есть и у латышей, но тамъ калмычка называется вѣдьмой.

Не мѣшаетъ добавить, что одноглазые великаны извѣстны и въ Азіи. Такъ, по словамъ Потанина (Греческ. эпосъ и ордынск. фолькл.) Полифему соответствуетъ Монгольск. *Мамыс*, бурятскій—*Маматхай* и тибетскій—*Дыр*.

В. *) 1897 в. III с. 325—326; А. I с. 1; Д. с. 185; И. XVІІІ с. 445; Г. 1894 № 2.

ОБЪЯСНЕНІЯ ЗНАКОВЪ.

- А.—Чубинскій. Труды.
 Б.—О. Kolberg. Pokucie.
 В.—Добровольскій. Смоленскій сборникъ.
 Г.—Этнографическое Обзорѣніе.
 Д.—Г. Верещагинъ. Вотяки Сарапульскаго края. Сиб. 1889.
 Е.—Кіевская старина (журналъ).
 Ж.—Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи.
 З.—Даванасевъ. Поэтическое воззрѣніе славянъ на природу. Москва 1869.
 І.—Иваничій. Вологодская губ.
 И.—Zbiór Wiadomości do Antropol.
 К.—Г. Верещагинъ. Вотяки Сосновск. края. Сиб. 1886.
 Л.—Запис. Кавказ. Отд. Рус. Геогр. Общест.
 М.—Извѣст. Общест. Археол. Истор. и Этнограф. при Императ. Казанск. университетѣ.

*) Объясненія знаковъ помѣщены ниже.

- Н.—Антонович и Драгомановъ. Малоросс. пред.
 О.—И. Н. Смирновъ. Пермски.
 П.—Шейнъ. Белорусск. пѣсни.
 Р.—К. А. Шапкаревъ. Сборникъ отъ болгар. народн. умотворен. Соеія 1891.
 С.—Зинаида Радченко. Народныя пѣсни Гомельскаго уѣзда.
 Т.—Пословицы. В. И. Даля.
 У.—Сборникъ за народн. умотворен. и книж.
 Ф.—Караджич. Обычай.
 Х.—Терещенко. Бытъ русскаго народа.
 Ц.—Сахаровъ. Сказанія русскаго народа. Изд. Суворина.
 Ч.—О. Kolberg. Schemskie.
 Ш.—Германъ Куликовскій. Словарь областного олонцакаго нарѣчія. Спб. 1898.
 Щ.—Головацкій. Пѣсни галицкой и угорской руси. Москва. 1878.
 Ъ.—Живая старина (журналъ).
 Ы.—Н. Харузинъ. Сборникъ для изученія крестьянскаго быта. Москва. 1890.
 Э.—Извѣстия Общест. Любит. Естественн. Антр. и Этногр. Труды этнограф. отд.
 Ю.—Н. Machal. Nakres. slovens. bajael.
 Я.—Каравеловъ. Памятники.
 АА.—Н. Сумцовъ. Культурн. переживан.
 АБ.—Дс-Волланъ. Угро-русскія народн. пѣсни. Спб. 1885.
 АВ.—Dzieje starożytnie narodu litewskiego. F. Narbutt. Wilno. 1835.
 АГ.—Новая Зеландія и остальные острова Южнаго океана. Исторія открытія и постепенной колонизаціи Полинезіи. Соч. Ф. Кристиана и С. Оберлендера кн. 1—1872, кн. 2—1875 г.
 АД.—Сборникъ матерьяловъ, издаваемый при Дашковскомъ музеѣ.
 АЕ.—Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Berlin.
 АЖ.—А. Н. Красновъ. Изъ колыбели цивилизаціи. Письма изъ кругосвѣтнаго путешествія. Спб. 1898.
 АЗ.—Сборникъ матерьяловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа.
 АИ.—Melusine. (Франц. этногр. журн.).
 АИ.—Folke-lore. London. (Англійск. этногр. журн.).
 АК.—Geschichte des alten Aegyptens von Eduard Meyer. Berlin. 1887.
 АЛ.—Algemeine Ethnographie von Friedr. Müller. Wien. 1879.
 АМ.—Revue des traditions populaires. Paris.
 АН.—Начала цивилизаціи. Сера Джона Лэббока. 2 изд. подъ редакц. Корочевского. Спб.
 АО.—La tradition. Paris.
 АП.—А. С. Дембовецкій. Опытъ описанія Могилевской губ. Могилевъ на Дзвиръ. 1882.
 АР.—Ф. Гельвальдъ. Естественная исторія племенъ и народовъ. Изд. Суворина. Спб. 1885.
 АС.—Народы Россіи. Изд. журнала „Природа и люди“. Спб. 1878.
 АТ.—Illustrirtes Wörterbuch der römischen Alterthümer von Anthony Rich.
 АУ.—О. Kolberg Lud. Serya VII Lubelskie.
 АФ.—О. Kolberg. Lud. Serya XIX Kaliskie.
 АХ.—Журналъ министерства народнаго просвѣщенія.
 АЦ.—Вѣстникъ Европы (журналъ).
 АЧ.—Сахаровъ. Сказанія русскаго народа. Изд. Суворина.
 АШ.—Толковый словарь русскаго языка. В. И. Даля.
 АЩ.—Пивчуки. Д. Г. Булгаковскій. Спб. 1890.
 АЪ.—Русскія древности въ памятникахъ искусства. Изд. графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Спб. 1889.
 АЫ.—Е. Н. Водовозова. Жизнь европейскіхъ народовъ.
 АЭ.—П. Я. Пясецкій. Путешествіе по Китаю. Спб. 1890.
 АЮ.—Н. Я. Никифоровскій. Очерки простонароднаго житія-бытія въ Витебской Вѣлорусіи. Витебскъ. 1895.

- БА.—Э. А. Вольтеръ. Матерьялы для этнографіи латышскаго племени Витебской губ. Спб. 1890.
- ББ.—Wojary Medzuzzessy. Studium etnograficzne prz. Adolfa Plezczynskiego. Warsz. 1893.
- БВ.—Первобытная культура. Э. Тейлоръ. Изд. редакц. журнал. „Знаніе“. Спб. 1872.
- БГ.—Wisła. (Польск. этнограф. журн.).
- БД.—Die Huculen. R. Kaindl.
- БЕ.—Н. О. Эмиль. Исслѣдованія и статьи по армянской миеологіи, археологіи, исторіи и исторіи литературы. Москва. 1896.
- БЖ.—О. Kolberg. Lud. Ser. XV. Roznaińskie.
- БЗ.—Н. Сумповъ. Къ вопросу о происхожденіи пѣсни и обряда „Сая“. (Отдѣльный оттискъ Р. Ф. Вѣстника).
- БІ.—Historja literatury rowzszehnej J. A. Swięcickiego. Z biblioteki dzieł wubogow. Warsz. 1901.
- БІІ.—Скѣны и ихъ соплеменники ераійцы. В. Мошковъ. Варшава. 1896.
- БІІІ.—Животъ и обычаи црногорца написао В. М. Г. Медковичъ У Новомъ Саду. 1860.
- БІІІІ.—Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.
- БІІІІІ.—Kłosy. (Польскій иллюстр. журн.).
- БІІІІІІ.—Естествознаніе и Географіа. (Журн.).
- БІІІІІІІ.—Иванъ. Восточно-Сибирск. Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ.
- БІІІІІІІІ.—Преданія о народныхъ русскихъ суевѣріяхъ, повѣрьяхъ и нѣкоторыхъ обычаяхъ. Заимствовано изъ „Словаря Русскихъ суевѣрій“, изданнаго въ 1782 г. Москва. 1861.
- БІІІІІІІІІ.—О. Kolberg. Lud. Ser. XVII.
- БІІІІІІІІІІ.—Ястребовъ. Обычаи турецкихъ сербовъ. Спб. 1886.
- БІІІІІІІІІІІ.—Гербертъ Сенсеръ. Таинственный міръ. Переводъ съ англійск. Сиб. 1899.
- БІІІІІІІІІІІІ.—Сesky Lid (Чешск. этногр. журн.).
- БІІІІІІІІІІІІІ.—Живописная Японія. Эме Бомбера. Спб. 1870.
- БІІІІІІІІІІІІІІ.—М. А. Racinet. Le costume historique... Paris. 1888.
- БІІІІІІІІІІІІІІІ.—Wojary Medzuzzessy. Studium etnograficzne prz. Adolfa Plezczynskiego. Warsz. 1893.
- БІІІІІІІІІІІІІІІІ.—Черемисы Арбанской волости. Н. Троицкой. Казань. 1893.
- БІІІІІІІІІІІІІІІІІ.—Міръ Вожіи. (Журн.).
- БІІІІІІІІІІІІІІІІІІ.—В. Качановскій. Памятники болгарскаго народнаго творчества. Сиб. 1882.
- БІІІІІІІІІІІІІІІІІІІ.—Das Fürsetntum Bulgarien. Von Constantin Jireček. Wien. 1891.
- БІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІ.—О. Партиціи. Древняя исторія Галичыны. Львовъ 1894.
- БІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІ.—Исторія вѣтшей культуры. Ф. Готтевротъ. Изд. М. О. Вольфа.
- БІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІ.—И. Казанцевъ. Описаніе киргизъ-кайсака. Сиб. 1867.
- БІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІ.—Das deutsche Volk. In Schilderung von Eduard Duller. Leipzig. 1847.
- БІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІ.—О. Kolberg. Lud. Ser. IX.
- БІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІ.—О. Kolberg. Lud. Ser. XVIII. Kieleckie.
- БІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІ.—Чтенія въ Общест. исторіи и древн. Росс.
- БІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІ.—Biblioteka Wisły. Warsz. 1889.
- БІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІ.—О Huculach. Rys historyczny. Sofron Witwicki. Lwow 1873.
- БІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІ.—Шейковский. Бытъ подолянъ. Киевъ 1860.
- БІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІ.—Сборникъ матерьяловъ по этногр., изд. при Дашковскомъ музеѣ.
- БІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІІ.—О. Kolberg. Mazowsze. Kraków. 1888.

В. Мошковъ.

Очерки Пошехонья. ¹⁾

ВЪРОВАНІЯ.

а. Злые духи.

Чортъ. Нечистую силу, т. е. чорта, народъ рѣзко отдѣляетъ отъ домового, водяного и т. п. существъ. Въ то время, какъ существа второго разряда могутъ жить съ человѣкомъ и въ мирѣ, могутъ дѣлать и зачастую дѣлаютъ даже добро, чортъ приноситъ человѣку одно только зло.

Названія, какія носитъ чортъ въ народѣ, это: „чортъ“, „черный“, „дьяволь“, „сатана“, „бѣсъ“, „окаянный“, „врагъ“, „поганый“, „сомуститель“, „нечистый“, „супостать“, „лукавый“, „луканька“ и т. п.; вообще, народъ избѣгаетъ, особенно къ ночи, называть чорта по имени: „чортомъ“ „дьяволомъ“ и т. п., а называетъ его онъ „лукавый“ или „супостать“.

Черти обитаютъ въ аду, откуда и являются на землю, чтобы приносить зло людямъ. На землѣ излюбленнымъ мѣстопребываніемъ чертей являются болота. „Сидитъ, какъ чортъ на болотѣ“, „было бы болото, а черти найдутся“, говорятъ народныя поговорки.

Всѣ черти подчиняются одному главному „сатанѣ“. Онъ посылаетъ ихъ на землю дѣлать зло людямъ, ему они отдають отчетъ

¹⁾ Въ „Этн. обзорнѣ“ уже помѣщались „Очерки Пошехонья“ А. В. Цалова, а именно: въ кн. 35-ой—Семейные права и обычаи (отношеніе къ женщинѣ, бракъ; увеселенія); въ кн. 39-й.—Народныя гаданья: въ 40-41-й.—Краткія географическія и экономическія свѣдѣнія. Селенія; жилище и его принадлежности (съ рис.), Пища и питье.

Кромѣ того, имъ же въ „Живой Старинѣ“ за 1893 г. № 4 была помѣщена статья: Народный говоръ въ Пошехонскомъ уездѣ Ярославской губерніи; въ томъ же журналѣ 1893 г. № 3: Молитвы, заговоры и заклинанія, записанныя въ Пошехонскомъ уездѣ.

въ сдѣланныхъ ими поступкахъ; усердныхъ чертей онъ награждаетъ, а лѣнивыхъ, малоспособныхъ дѣлать зло—наказываетъ.

Являясь на землю, черти превращаются въ людей или въ различныхъ животныхъ, чаще всего въ черную кошку или собаку. Всего болѣе черти боятся ударовъ грома и молніи. Отъ нихъ они прячутся на межахъ, а также подъ шляпку „яруйки“ (чортовъ грибъ—*Boletus satanas*). Нерѣдко прячутся они за спину людей; тогда молнія, поражающая чорта, можетъ поразить и человѣка. Чтобы избѣгнуть этого, слѣдуетъ креститься при каждомъ ударѣ грома. Крестное знаменіе отгонитъ стоящаго за спиною чорта.

У каждаго человѣка, по народному вѣрованію, постоянно находится дьяволъ, который и наводитъ человѣка на разныя дурныя мысли и пожеланія. „Чортъ попуталь“, „бѣсъ попуталь“—обычныя народныя выраженія. Очень часто чортъ наталкиваетъ человѣка на мысль о самоубійствѣ и всячески подсобляетъ ему въ исполненіи этого намѣренія. Недаромъ говорятъ про самоубійцу, что онъ „чорту баранъ“ или же „чорту кочерга“. По народному вѣрованію, на томъ свѣтѣ чортъ вѣдитъ на самоубійцахъ, какъ на лошадяхъ, или катается на нихъ, обративъ ихъ въ барановъ, или же мѣшаетъ ими, какъ кочергой, уголья въ гееннѣ огненной.

По народному повѣрью, чортъ выдумалъ и водку, чтобы, благодаря ей, вести на пагубу большее количество людей.

По общераспространенному вѣрованію, черти похищаютъ иногда дѣтей некрещенныхъ, подмѣнивая ихъ, или же дѣтей, проклятыхъ своими родителями. Изъ первыхъ выходятъ затѣмъ русалки, лѣшіе и т. п. „нѣзнати“, вторыхъ же возвращаютъ они иногда и обратно родителямъ.

Зачастую дьяволъ входитъ въ человѣка, и тотъ становится „бѣсноватымъ“. „Бѣсноватыхъ“, къ слову замѣтимъ, нашъ народъ отличаетъ отъ безумныхъ или сумасшедшихъ. Въ то время, какъ безуміе послѣднихъ проявляется постоянно, во все время, безуміе бѣсноватыхъ проявляется только тогда, когда къ бѣсноватому приближаются какіе-нибудь священные предметы: „крестъ“, „иконы“ и т. п. При приближеніи къ нимъ этихъ предметовъ они выходятъ изъ себя, произносятъ страшныя, богохульныя, кощунственныя слова и стараются плюнуть на священные предметы. При этомъ, слабую въ обычное время женщину не могутъ удержать иногда пять-шесть здоровыхъ сильныхъ мужчинъ.

О бѣсноватыхъ ходить въ народѣ много разказовъ. Приведемъ одинъ изъ нихъ. „Однажды, въ отсутствіи мужа, сидѣла женщина у окна своей избы. Въ это время (дѣло было около полуночи) къ окну подошелъ какой-то человѣкъ и легонько постучалъ въ окно. Съ самыхъ этихъ поръ съ женщиной сдѣлался какой-то страшный переломъ. Она перестала ходить въ церковь, перестала ходить на исповѣдь и къ св. причащенію и перестала, наконецъ, носить шейный крестъ. При одномъ видѣ креста съ нею дѣлаются ужасныя конвульсіи, она начинаетъ биться и выкрикиваетъ скверныя богохульныя слова, причеиъ у нея появляется такая необычная сила, что ее съ трудомъ могутъ сдерживать нѣсколько здоровыхъ мужчинъ“...

Черти вступаютъ иногда въ плотскую связь съ женщинами. Обыкновенно это бываетъ тогда, когда молодая женщина, за отсутствіемъ или смертію мужа, начинаетъ сильно тосковать по мужѣ. Тогда нечистый является къ такой женщинѣ въ образѣ мужа и вступаетъ съ нею въ плотскую связь. По нѣкоторымъ разсказамъ, нечистый летаетъ къ такимъ женщинамъ въ видѣ огненного змѣя; долетая до избы, онъ рассыпается и обращается въ мужа тоскующей женщины. Въслѣдствіе такой плотской связи между женщиной и нечистымъ происходитъ иногда ея беременность. Беременность эта длится иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и затѣмъ проходитъ безслѣдно, такъ какъ нечистый тотчасъ же похищаетъ родившееся дитя. Женщины, находящіяся въ связи съ нечистымъ, обыкновенно быстро сохнутъ, чахнутъ и очень скоро умираютъ.

У каждаго человѣка имѣется ангель-хранитель, охраняющій его отъ всякаго зла; есть и дьяволъ, толкающій его на зло. Ангель-хранитель находится всегда по правую сторону человѣка, дьяволъ по лѣвую. Поэтому никогда не должно плевать направо, такъ какъ направо находится всегда ангель.

Домовой. Домовой или, какъ его называютъ крестьяне, „самъ“ „хозяинъ“—есть существо, имѣющее наружность хозяина дома. Видѣть его удастся очень рѣдко и, если удастся увидѣть домового, то это предвѣщаетъ для дома несчастіе. Хозяева обыкновенно стараются угодить домовому тѣмъ, что приобрѣтаютъ кошку такой масти, какую любитъ домовой. Если хозяинъ дома брונеть, то и кошку нужно приобрѣтать черную и т. д. Если домовой не взлю-

бить кошку, то онъ зачастую бросаетъ кошку прямо съ печи такъ, что та отшибаетъ задъ, быстро послѣ этого чихнетъ и умираетъ. Домовой обыкновенно предупреждаетъ хозяевъ относительно несчастій, имѣющихъ случиться въ семьѣ: передъ несчастіемъ въ домѣ раздастся трескъ, слышатся шаги; собаки и кошки безъ всякой видимой причины бываютъ встревожены и т. д. Иногда, желая предсказать хозяину его смерть, домовой гаситъ изъ-за плеча хозяина находящуюся въ рукахъ его свѣчу, понятно въ томъ случаѣ, если хозяинъ находится въ комнатѣ одинъ. Трескъ стѣнъ—дѣло домового. Когда затрещитъ стѣна, спрашиваютъ домового: „къ худу или къ добру?“ и домовой отвѣчаетъ глухимъ голосомъ: „къ худу“ или же „къ добру“...

Въ каждой избѣ есть свой домовой. Зла людямъ домовой не дѣлаетъ, но иногда не прочь съ ними пошутить. Такъ, онъ наваливается иногда на спящаго и душитъ его. Домовой иногда стучитъ по ночамъ въ подъзбицѣ, возится за печкою, громыкаетъ въ поставцахъ посудой и т. п. Иногда онъ сонныхъ щекочетъ. Любимое мѣстопребываніе домового это: голубецъ, порогъ у входной двери, мѣсто подъ шесткомъ и мѣсто подъ печкой.

Домовой любитъ тѣ семьи, въ которыхъ живутъ въ полномъ согласіи, и тѣхъ хозяевъ, которые бережно относятся къ своему добру, которые въ чистотѣ и порядкѣ содержатъ свой домъ и дворъ.

Трудолюбивымъ и заботливымъ хозяевамъ домовой самъ помогаетъ въ ихъ хозяйствѣ: даетъ скоту кормъ, расчесываетъ гривы лошадамъ и т. д. и т. д. Зато нерадивымъ хозяевамъ, а также тѣмъ, которыхъ онъ не взлюбилъ, домовой старается всячески вредить: онъ заѣзживаетъ по ночамъ лошадей, мучитъ и бьетъ скотину, забиваетъ ее въ уголь или подъ ясли, засоряетъ навозомъ дворъ, сбрасываетъ съ печи кошку, такъ-что она отшибаетъ себѣ задъ, давить каждую ночь во снѣ хозяина и хозяйку.

Переходя въ новый домъ, хозяинъ ночью ходитъ въ старый домъ, кланяется на всѣ четыре стороны и приглашаетъ домового пожаловать въ новый домъ. Въ новомъ домѣ, въ подъзбицѣ или же на чердакѣ, ставится и угощеніе домовому: ломоть хлѣба съ солью и чашка водки. Заботливыя хозяйки ставятъ это угощеніе домовому и въ обычное время. Чтобы домовой не душилъ, не

слѣдуетъ спать на спинѣ, не слѣдуетъ спать возлѣ пороговъ или поперекъ пола.

Дворовой. Дворовой, какъ и домовый, имѣетъ наружность хозяина дома. Живетъ на дворѣ. Той скотинѣ, которую онъ не влюбилъ, онъ причиняетъ много вреда. Чтобы дворовой полюбилъ скотину, стараются покупать скоть такой шерсти, какой цвѣтъ волосъ у хозяина. Если хозяинъ брюнетъ, то скотину стараются прибрѣтать черной масти и т. д. и т. д. Покупая новую скотину, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поступаютъ такъ: на порогѣ хлѣва хозяинъ кладетъ свой поясъ. Когда купленная скотина перешагнетъ черезъ порогъ и войдетъ въ хлѣвъ, хозяинъ кланяется на всѣ четыре угла хлѣва, говоря: „батюшко-дворовушко! полюби скотинушку“.

Дворовой по своимъ качествамъ представляетъ изъ себя того же домового, но только съ болѣе злымъ, мстительнымъ характеромъ. Дворовой, полюбившій своего хозяина, нерѣдко воруетъ у сосѣдскихъ дворовыхъ овесъ и сѣно для домашнихъ животныхъ. Вслѣдствіе этого между дворовыми зачастую бываютъ драки. Видѣть двороваго удается весьма рѣдко. Если кому-нибудь удастся увидѣть двороваго или дворного, то это предвѣщаетъ несомнѣнное несчастье. Въ одной деревнѣ жила женщина со своимъ мужемъ богато и счастливо. Мужъ уѣхалъ однажды въ дальнюю дорогу. Въ отсутствіе его женщина вышла разъ вечеромъ на дворъ, гдѣ и увидала, что мужъ ея ходитъ около телѣги. Это былъ дворной.. Вскорѣ послѣ этого мужъ этой женщины слюбился съ работницей, жившей у него въ домѣ, и выгналъ изъ своего дома жену.

Овинникъ. Овинникъ, духъ обитающій въ овинахъ, имѣетъ видъ громаднаго чернаго кота, величиною съ дворовую собаку, съ горящими, какъ уголья, глазами. Овинникъ или подовинникъ всегда находится въ ямѣ подъ садиломъ. Онъ наблюдаетъ за кладкой сноповъ на овинѣ, за порядкомъ сушки его и т. д. Особенно строго онъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы овины не топились въ такъ называемые именинные дни. Этими днями считаются: день Феклы „заревницы“ 23 Сентября, Воздвиженіе день-14 Сентлбра и день Покрова Пресвятыя Богородицы 1 Октября.

Въ этотъ день всѣ овины бываютъ именинниками и топить ихъ въ этотъ день не слѣдуетъ. При несоблюденіи этого овинникъ наказываетъ неосторожнаго владѣльца овина пожаромъ, а иногда при удобномъ случаѣ, даже и убиваетъ его. Не позволяеть точно

также овинникъ сушить хлѣба во время сильныхъ вѣтровъ и безжалостно больно за это наказываетъ. Чтобы задобрить овинника, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поступаютъ такимъ образомъ: въ день св. Козьмы и Даміана старшій въ домѣ приносить въ овинъ пѣтуха и на порогѣ отрубаетъ ему голову и ноги. Эту голову и ноги онъ бросаетъ затѣмъ на крышу избы для того, чтобы въ домѣ велись куры.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣвушки обращаются къ овиннику съ разспросами о своей судьбѣ. Обыкновенно поступаютъ въ данномъ случаѣ такимъ образомъ: въ ночь на Новый годъ, между вторыми и третьими пѣтухами, дѣвушка должна одна идти къ овину. Здѣсь она поднимаетъ подолю платья на голову и, оголивъ свой задъ, вставляетъ его въ окно сушила. Овинникъ долженъ погладить задъ рукою.

Если овинникъ погладитъ задъ голою рукою, то дѣвушка будетъ жить замужемъ бѣдно, погладитъ мохнатою рукою—будетъ жить богато. Иныя въ садило суютъ руку, а по тому и судятъ, что если никто не тронетъ, то въ дѣвкахъ сидѣть; голой рукою погладитъ по рукѣ—бѣдно жить придется замужемъ, погладитъ мохнатою рукою—придется жить богато.

Кикимора. Кикимору народъ представляетъ въ видѣ крохотной старушки. Днемъ она сидитъ за печкой, а по ночамъ выходитъ проказить съ веретеномъ, прялкой и начатой пряжей. Она беретъ то и другое и садится прясть, чаще всего на голубцѣ. Ночью можно слышать, какъ свиститъ у кикиморы въ рукахъ веретено, и какъ свертывается съ прялки куделя. Въ то время какъ прядетъ она, кикимора постоянно подпрыгиваетъ на одномъ мѣстѣ. Видѣть кикимору удается рѣдко, и если кто изъ домашнихъ увидитъ кикимору, то въ домѣ будетъ непремѣнно несчастье—чаще всего умереть ктонибудь изъ домашнихъ. Иногда кикимора и озорничаетъ надъ домашними: она по цѣлымъ ночамъ расхаживаетъ по полу, стучитъ ногами, гремитъ посудой, иногда бьетъ горшки и т. д.

Очень часто кикимора выцѣпываетъ у куръ перья. Чтобы кикиморы не вредили курамъ, вѣшаютъ подъ куриной напестью доскутъя кумача, горлышко отъ разбитаго глинянаго умывальника или же, наконецъ, „куричьяго бога“. „Куричій богъ“ это камень, нерѣдко попадающійся на поляхъ, съ одною или нѣсколькими сквозными дырочками.

Полудница—полевой духъ, обитающій въ засѣянныхъ хлѣбомъ поляхъ. Народъ представляетъ полудницу въ видѣ высокой, красивой дѣвушки, одѣтой во все бѣлое. Лѣтомъ, во время жатвы, она ходитъ по полосамъ ржи и кто въ самый полдень работаетъ, тѣхъ беретъ за голову и начинаетъ вертѣть, пока не натрудитъ шею до жгучей боли. Эта же полудница заманиваетъ въ рожь малыхъ ребятъ и заставляеть ихъ долго блуждать тамъ.

Лѣшій. Лѣшаго называютъ крестьяне: „онъ“, „мужичекъ“ иногда „вольной“. Путникамъ онъ является иногда въ видѣ мужичка, одѣтаго въ кафтанъ и подпоясанаго краснымъ кушакомъ. Лѣвая пола кафтана запахнута за правую, а не наоборотъ, правый лапоть надѣтъ на лѣвую ногу, а лѣвый на правую. Глаза у лѣшаго горять, какъ раскаленные угли. Вообще же лѣшій измѣняетъ свой видъ: иногда онъ ростомъ равняется съ высочайшими елями и соснами, иногда онъ дѣлается ниже травы. Подъ его властію находятся все звѣри и птицы, которые и повинуются ему. Иногда лѣшій перегоняетъ стада мѣстныхъ звѣрей изъ одной чащи въ другую. Въ каждомъ лѣсу имѣется свой особый лѣшій. Говоритъ лѣшій не говоритъ, но часто и громко свиститъ, хлопаетъ въ ладони и гагайкаетъ. Лѣшій обладаетъ способностью „перекидываться“, т. е. принимать на себя образъ прохожаго, женщины, животнаго и т. п. Существеннаго вреда людямъ лѣшій не дѣлаетъ, но часто зло и жестоко шутитъ надъ ними. Стоитъ лѣшему „обойти“ человѣка, какъ тотъ заблудится и пропутается на знакомомъ мѣстѣ цѣлую ночь. Иногда лѣшій заводитъ путника такимъ образомъ въ непроходимую лѣсную тропу, въ болото и т. п.

Отъ проказъ лѣшаго легко отчураться молитвою и крестомъ. Заблудившемуся путнику, кромѣ того, полезно бываетъ снять съ себя одежду и, выверотивъ ее, снова надѣть на себя. Совѣтуютъ точно также передѣть въ данномъ случаѣ рукавицы съ правой руки на лѣвую или же обувь съ правой ноги на лѣвую и обратно.

Въ лѣсахъ лѣшіе кладутъ свои тропы: кто вступить на тропу лѣшаго, тотъ заболѣетъ или же заблудится.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣрятъ, что лѣшіе заводятъ къ себѣ женщинъ и дѣвушекъ и живутъ съ ними, вступая съ ними въ плотскую связь.

Въ заключеніе замѣтимъ, что общеизвестные рассказы о лѣшихъ все болѣе и болѣе уничтожаются въ Пошехоньѣ вмѣстѣ

съ истребленіемъ лѣсовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губ., вмѣсто прежнихъ дремучихъ лѣсовъ, на существованіе которыхъ въ прежнее время показываетъ самое названіе нѣкоторыхъ селеній („Сосновець“, „Яловець“, „Раменьє“, и т. п.) остались въ настоящее время только незначительные лѣсные участки, въ которыхъ трудно заблудиться даже и незнакому съ мѣстностью путнику.

Полевой, полевикъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ духъ этотъ, какъ и лѣшій, называется „вольной“. Народъ представляетъ его въ видѣ маленькаго уродливаго человѣка. Ночью можно видѣть иногда мельгающіе въ потьмахъ огоньки—это бѣгаютъ другъ за другомъ полевики. Иногда можно слышать, какъ они поютъ пѣсни (голосъ слышно, а словъ разобрать нельзя), свистятъ, хлопаютъ въ ладоши или же кричатъ.

Видѣть полевика издали, а также слышать его пѣніе или свистъ удастся рѣдко и это всегда случается передъ какимъ-нибудь несчастіемъ. Одна женщина сидѣла въ полночь у окна избы безъ огня. Вдругъ она услышала пѣніе безъ словъ, прерываемое по временамъ свистомъ, и черезъ нѣсколько секундъ увидала, какъ вдоль деревни проѣхалъ полевикъ на тройкѣ лихихъ коней. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого вся деревня выгорѣла до тла. Полевики, какъ и лѣшіе, любятъ шутить надъ человѣкомъ, заставляя его блудиться ночью по полямъ. Излюбленное мѣстопробываніе полевика перекрестки дорогъ, а также межевыя ямы.

Водяной. „Водяной“, „водяникъ“ или „дѣдушка водяной“ является въ народномъ представленіи человѣкомъ, одѣтымъ въ красную рубаху, съ большою бѣлою бородою. Онъ любитъ по ночамъ сидѣть на берегу возлѣ глубокихъ мѣстъ, на камняхъ, выдающихся изъ воды, а также на мельничныхъ колесахъ. Въ каждомъ мельничномъ пруду имѣется свой водяной. Поэтому мельники стараются особенно дружить съ водянымъ. Если мельникъ не будетъ угождать водяному, то послѣдній ежегодно будетъ ломать у него плотину. Для умилостивленія водяного мельники кидаютъ въ омутъ хлѣбъ, а иногда льютъ водку. Въ глухихъ мѣстахъ Пошехонья сохранилось доннынѣ глухое преданіе о томъ, что въ прежнее старое время мельники, желая задобрить водяного и сохранить плотину при весеннихъ разливахъ отъ размыва, топили какого-нибудь запоздавшаго пѣшехода въ мельничномъ пруду.

Жертва для убійства выбиралась всегда подъ хмѣлькомъ, и скоропостижная смерть ея объяснялась обыкновенно собственною ея неосторожностью. Въ настоящее время нѣкоторые мельники кидаютъ для умилостивленія водяного дохлыхъ животныхъ въ шкурѣ.

Водяной, въ противоположность домовому, отличается крайнимъ недоброжелательствомъ къ людямъ и въ высшей степени злобнымъ характеромъ. Онъ быстро топить всѣхъ, кто передъ купаньемъ забываетъ осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, а также тѣхъ, кто не имѣетъ на шеѣ креста. Часто топить, наконецъ, водяной и тѣхъ людей, которые купаются въ рѣкѣ до восхода солнца, послѣ заката и, наконецъ, въ самый полдень. Кроваподтеки въ видѣ синяковъ на тѣлѣ, замѣчаемые на трупахъ вынутыхъ изъ воды утопленниковъ, служатъ, по народному мнѣнію, доказательствомъ того, что эти лица побывали въ когтяхъ у водяного. Трупы утопленныхъ людей водяной зачастую подолгу не отдаетъ. Чтобы отыскать тѣло утопленника и похитить его изъ объятий водяного, поступаютъ такимъ образомъ: берутъ горшокъ, кладутъ въ него горячихъ угольевъ, сыплютъ ладану и, прилѣпивъ къ нему одну или двѣ восковыхъ свѣчи, пускаютъ на воду. Горшокъ, проплававъ нѣсколько времени по водѣ, непременно, по народному убѣжденію, долженъ остановиться на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ подъ водою трупъ утопленника.

Водяного стараются задобрить и рыбаки, которые пускаютъ первую пойманную рыбу обратно въ рѣку. Если не задобрить водяного, то онъ рветъ у рыбаковъ сѣти, въ противномъ же случаѣ нагоняетъ имъ въ невода множество рыбы. Почти въ каждой рѣкѣ указываютъ такія мѣста, гдѣ купаться опасно, гдѣ зачастую тонуть люди. Мѣста эти считаются народомъ обиталищемъ водяныхъ.

Русалки. Русалки—блѣднолицыя, съ зелеными распущенными волосами женщины, живущія въ рѣкахъ и озерахъ. Въ русалокъ, по народному мнѣнію, обращаются обыкновенно души утопленницъ, а также души дѣтей, умершихъ некрещеными. Русалки по ночамъ выходятъ изъ рѣкъ и расчесываютъ свои длинные зеленые волосы, съ которыхъ струится вода. Если встрѣтится съ ними человекъ, то онъ или топятъ его, или же защекочиваютъ до смерти. Вообще же про русалокъ въ Пошехоньѣ народъ знаетъ мало и рассказы о нихъ встрѣчаются рѣдко.

Банникъ. Нечистый духъ, обитающій въ банѣ. Такъ какъ въ

банныхъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ моются рѣдко, а въ большинствѣ случаевъ моются въ печахъ, то и разсказы о „банномъ“ или „банникѣ“ встрѣчается мало. Отмѣтить слѣдуетъ, что въ баню ночью париться ходить одному не слѣдуетъ, такъ какъ можетъ человѣка задушить банный. Точно также не слѣдуетъ ходить париться въ баню безъ креста. Для баннаго оставляется всегда въ банѣ вѣникъ, кусочекъ мыла и немного воды въ кадѣ. По другимъ сказаніямъ, баня является уже прямо-таки обиталищемъ чертей.

б. Добрые духи.

Ангелы, по народному вѣрованію, созданы Богомъ. Число ихъ безмѣрно велико. Въ большинствѣ случаевъ крестьяне знаютъ, что ангелы раздѣляются на девять чиновъ или ликовъ, по степени ихъ приближенія къ Богу. У каждого человѣка есть свой ангелъ хранитель, который постоянно сопутствуетъ человѣку и который наставляетъ человѣка на добрыя дѣла. Ангелъ-хранитель всегда находится по правую сторону человѣка, поэтому, какъ уже сказано раньше, никогда не слѣдуетъ плевать направо. Когда человѣкъ дѣлаетъ доброе дѣло, то ангелъ-хранитель радуется, когда, напротивъ, онъ грѣшитъ, то плачетъ. По смерти человѣка ангелъ-хранитель несетъ его душу къ Богу.

О происхожденіи духовъ намъ приходилось слышать такой разсказъ: сначала были одни только ангелы, надъ которыми главнымъ былъ Сатанаилъ, а за нимъ Миха. Сатанаилъ возгордился и захотѣлъ сдѣлаться Богомъ. Тогда Господь послалъ на него Мihu, который сразился съ Сатанаиломъ и его приверженцами и низринулъ ихъ на землю. Всѣ низринутые духи и сдѣлались нечистою силою: кто изъ нихъ упалъ въ воду—тотъ сдѣлался водянымъ, кто въ лѣсъ—лѣшнымъ и т. д. Послѣ этой побѣды Господь отнялъ „илъ“ отъ Сатанаила и придалъ Михѣ. Такъ и стали называться, затѣмъ, архангелъ Михаилъ и Сатана.

в. Богъ и св. угодники Божіи.

О Богѣ народъ имѣетъ въ общемъ правильное христіанское понятіе. Впрочемъ, еще въ недавнее, говорятъ, время бывали случаи, что народъ смѣшивалъ пр. Троицу съ пр. Богородицей.

Довольно распространены въ народѣ сказанія о хожденіи І. Христа по землѣ, но такъ какъ сказанія эти ничего не представляютъ особеннаго сравнительно съ записанными уже въ другихъ мѣстахъ, то и передавать ихъ здѣсь мы не будемъ.

Изъ легендъ объ І. Христѣ укажемъ на одну, именно на то, что, будто бы, онъ послалъ людямъ письмо съ изъявленіемъ своей воли; копіи съ этого письма встрѣчаются въ народѣ довольно часто.

Приводимъ здѣсь одну изъ такихъ копій:

Свитокъ Іерусалимскаго Знаменія. Во святомъ градѣ Іерусалимѣ бысть явленіе предивное: во святой Божьей церкви спаде съ небеси камень малъ студень, а тяготень; его никто не исповѣдять. А спаде онъ въ Пятокъ во дни патріарха Іереміа ко стѣнамъ каменнымъ. И нача молебны пѣть по три дни и три ночи, а на четвертый день этотъ камень развалишася на двое и обрѣтоша въ томъ камени свитокъ Богомъ написанъ.

Тако рече Господь: людіе мои послушайте челоувѣколюбія моего. Азъ есмь Богъ Вашъ и вы людіе послушайте моего челоувѣколюбія и сего Божескаго наказанія и посланія. Аще кто послушаетъ съ вѣрою заповѣди моя и будетъ хранить ихъ, тотъ челоувѣкъ въ жизни своей получитъ счастье и упокоеніе живота своего и дамъ ему жизнь вѣчную. Аще же кто не послушаетъ, приметъ отъ меня клятву. И пишу къ вамъ посланіе, да возлюбите другъ друга; матерною бранью не бранитесь и блуда не творите. Аще кто въ который день матерно избранится — у того въ тотъ день Божіею кровью запекутся уста. А возлюбленная Мати моя и Присно-Дѣва Марія за ваше скверное дѣйство приступаше ко мнѣ и слезно просиша: „о сыне мой, Боже! отврати! да покаются неподобніи!“ Аще бы за васъ грѣшныхъ и окаянныхъ не просила бы возлюбленная Мати моя, то давно бы я васъ убилъ и голодною смертію вы померли бы за вашу матерную брань и злое дѣло. Но азъ на васъ потерплю для Пречистыя Матери Моея. Воспокойтеса отъ вся злыя и матерныя, скверныя брани и блуда. Аще кто въ блудъ впадетъ, тотъ не только душу погубляетъ, но со всѣмъ тѣломъ и составы сквернитъ... Словеса мои Божіи не могутъ мимо итти, ибо лѣта ваши состарѣваются и времена оканчиваются и страшный судъ готовится, Престоль Божій поставляется, святыя книги раскрываются и тайныя дѣла ваши обя-

вляются. Ангелъ же хранитель отойдетъ отъ васъ... И вы людіе живите въ любви и совѣтѣ и праздники чтите, среду и пятокъ, и воскресеніе, для того, что въ воскресеніе Господь нашъ Иисусъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, а въ среду совергоша жидови убити Христа, а въ пятокъ сотвори Богъ перваго человѣка и въ тотъ же день жидове распяша Господа нашего Иисуса Христа. Который человѣкъ въ воскресный день трудъ прилагаетъ, собираетъ на главу свою вѣчный огонь и во всѣ шесть дней не съестъ счастья. Налущу на васъ многіе невѣрные языки и спущу на васъ морозы великіе и градъ. О, горе тому священнику, который дѣтей своихъ духовныхъ страху Божию не учитъ, а сего Божьяго писанія въ церкви не читаетъ передъ всѣмъ народомъ. Аще кто грамотъ умѣетъ или неумѣетъ и будетъ держать въ домѣ сіе посланіе, исполнится домъ того всякаго блага и при смерти своей онъ узритъ самого Господа Бога, подающаго ему благословеніе и благодать. Аминь“.

Изъ сказаній о пр. Богородицѣ слѣдуетъ отмѣтить одно: говорить, что пр. Богородица при рожденіи Христа терпѣла такіа муки, что была по колѣно въ крови.

Что касается до различныхъ апоффрикическихъ сочиненій, вращающихся въ народѣ, то изъ нихъ всего чаще встрѣчаются „Совѣтъ пр. Богородицы“, „Страсти Христовы“ и сказаніе Климентя Іерусалимскаго о двѣнадцати Пятницахъ. О первомъ изъ этихъ сочиненій мы говорить не будемъ, такъ какъ оно распространено повсемѣстно въ Россіи. „Страсти Христовы“ есть не что иное, какъ выдержки изъ апокрифическаго евангелія Никодима о страданіяхъ Господа нашего Иисуса Христа ¹⁾. Что касается до сказанія о двѣнадцати пятницахъ, то приводимъ это сказаніе здѣсь цѣликомъ.

„Сказаніе Климентя, патріарха Іерусалимскаго, о двѣнадцати пятницахъ.“

Аще кто въ пятницу на первой недѣлѣ великаго поста постится—отъ непріятелей сохраненъ будетъ.

Аще кто въ пятницу на страстной недѣлѣ постится—отъ напраслины сохраненъ будетъ.

¹⁾ Объ этомъ сочиненіи см. ст. нашу „Страсти Христовы“. Яросл. губ. Вѣд. ч. в. 1893 г. № 17.

Аще кто въ пятницу предъ Вознесеніемъ постится—отъ воднаго потопленія сохраненъ будетъ.

Аще кто въ пятницу предъ днемъ Св. Духа постится — отъ меча сохраненъ будетъ.

Аще кто въ пятницу передъ Ивановымъ днемъ постится—отъ трясавицы сохраненъ будетъ.

Аще кто въ пятницу предъ Ильинымъ днемъ постится — отъ молніи сохраненъ будетъ.

Аще кто въ пятницу передъ Успеньевымъ днемъ постится—отъ мученія сохраненъ будетъ.

Аще кто въ пятницу передъ Косьмой и Даміаномъ постится—отъ скорби, болѣзней и напасти сохраненъ будетъ.

Аще кто въ пятницу передъ днемъ Михаила Архангела постится—того душа на томъ свѣтѣ перейдетъ черезъ огненную рѣку.

Аще кто въ пятницу передъ Рождествомъ постится—того имя написано будетъ въ книгѣ живота.

Аще кто въ пятницу передъ Богоявленіемъ постится — при смерти узритъ Пр. Богородицу*.

Вмѣстѣ съ сказаніемъ о двѣнадцати пятницахъ мы очень часто встрѣчали и такое добавленіе къ нимъ:

„Аще кто идетъ на войну—помяни крестъ и копіе Господне и спасутъ тебя отъ непріятелей.

Аще кто идетъ въ путь, да помянетъ св. Николая Чудотворца.

Аще начинаешь домъ строить—помяни трехъ святителей и будетъ тебѣ благодатное житіе.

Аще нападетъ на тебя звѣрь—Георгія побѣдоносца помяни и спасетъ тебя.

Аще кто въ огородѣ садитъ — евангелиста Луку да помянетъ и будетъ урожай.

Аще спать ложится—Ангела хранителя помяни и спасетъ тебя отъ ночного духа.

Аще скоту давать пить или ѣсть пойдешь—проси Божьяго благословенія.

Аще самъ начинаешь ѣсть—огради себя крестнымъ знаменіемъ.

Аще входишь въ новый домъ—помяни небесныя силы.

Аще кто идетъ косить—Савватія да помянетъ, и поможетъ ему.

Аще сѣять поля идешь — Іоакима и Анну помяни, и урожай будетъ всему

Аще въ лѣсъ пойдешь—помани царя Соломона, и онъ поможетъ тебѣ“.

Относительно угодниковъ Божіихъ въ народѣ ходитъ много различныхъ легендарныхъ апокрифическихъ сказаній, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

г. Понятія и вѣрованія о стихіяхъ и физическихъ явленіяхъ; о царствахъ природы.

Каждый человѣкъ на небѣ имѣетъ свою звѣзду. Когда человѣкъ умираетъ, то звѣзда его падаетъ съ неба.

Небо безпредѣльно. На небѣ находится рай. Рай открывается разъ въ годъ въ день св. Пасхи. Ключи отъ рая находятся у св. Апостола Петра.

Солнце—это огненный шаръ, плывущій по небу. Бранить солнце грѣшно. Интересно повѣрье, что ящерицы, грѣясь на солнцѣ, „пьютъ солнце“, т. е. уменьшаютъ его теплоту. Поэтому-то крестьяне и избиваютъ безжалостно ящерицъ наравнѣ съ змѣями.

Мѣсяць. Пятна на мѣсяцѣ—это Каинъ, убившій Авеля и взятый за свой грѣхъ на мѣсяць. Передъ новолуніемъ мѣсяць „омывается;“—тогда бываютъ лѣтомъ дожди. Кто увидитъ народившійся мѣсяць съ правой стороны, тотъ будетъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца имѣть во всемъ удачу, кто увидитъ его слѣва—тотъ будетъ испытывать неудачу. О метеорологическихъ примѣтахъ по мѣсяцу будетъ сказано ниже.

Радуга. О радугѣ народъ только и знаетъ, что она пьетъ воду. Крутая радуга къ ведру, пологая къ ненастью.

Вообще, свѣдѣнія пошехонскихъ крестьянъ о свѣтилахъ небесныхъ и небесныхъ явленіяхъ очень ограничены, отрывочны и спутаны. Такой фактъ объясняется очень просто: мѣстному крестьянину весьма рѣдко приходится наблюдать ихъ. Значительную часть года небо бываетъ покрыто тучами, въ лѣтнія ночи звѣзды едва замѣтны на небѣ, да и крестьянинъ, утомленный тяжелой работой, спитъ въ это время. Зимомъ вечера крестьянинъ проводитъ въ избѣ, такъ какъ на улицѣ стоятъ или мятели, или же жгучіе морозы. Мало того, холмистая поверхность Пошехонскаго уѣзда, покрытая лѣсами, оставляетъ почти постоянно видимую для глаза только

небольшую часть небеснаго горизонта. Отсюда и краткость, и отрывочность, и неясность народных свѣдѣній о небесныхъ свѣтилахъ.

Громъ и молнія. Громъ и молнію производитъ пророкъ Илья, вѣздящій по небу на огненной колесницѣ и побивающій нечистую силу огненными стрѣлами. Черти, избѣгая ударовъ св. пророка Ильи, прячутся по межахъ, подъ шляпки „чертовыхъ грибовъ“ („яруекъ“ — *boletus satanas*) и за спиною людей. Чтобы отогнать ихъ отъ себя, человѣкъ долженъ креститься при каждомъ ударѣ грома, иначе молнія, пущенная на черта, можетъ поразить и стоящаго впереди его человѣка. Люди, убитые грозою, считаются праведными. Повсемѣстно вѣрятъ, что пожаръ, происшедшій отъ молніи, нельзя потушить водою: его можно только залить молокомъ или же можно прекратить его, бросивъ въ пылающее зданіе великоденное яйцо. При первомъ ударѣ весенняго грома просыпаются отъ своего зимняго сна лягушки. Вода послѣ перваго громоваго удара считается цѣлбною: кто умоется ею, тотъ будетъ здоровъ въ теченіе цѣлаго лѣта. Чтобы предохранить домъ отъ ударовъ молніи, зажигаютъ въ домѣ Богоявленскую свѣчу (иногда писанную).

За послѣднее время въ народѣ сталъ распространяться все болѣе и болѣе правильный взглядъ на грозу, какъ на естественное явленіе, взглядъ выносимый крестьянами изъ школы.

Огонь. Остатки почитанія огня и до сихъ поръ сохранились въ нѣкоторыхъ народныхъ повѣрьяхъ и обычаяхъ. Плавать на огонь—грѣхъ; мочиться на огонь не слѣдуетъ: огонь изсушитъ тебя заживо. Кидать экскременты въ огонь не слѣдуетъ, такъ какъ у того, кому принадлежать эти экскременты, сволочѣтъ ж..у. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ огонь считается даже, какъ бы разумнымъ, одушевленнымъ существомъ. Не слѣдуетъ, на примѣръ, во время пожара носить вещи изъ жилого горящаго дома по направленію къ другому строенію, такъ какъ пламя „потянетъ“ и перебросится на это строеніе (какъ бы не желалъ отдать того, что у него вырываютъ). Рассказываютъ, что одинъ крестьянинъ, помогая вытаскивать вещи изъ горящаго дома, тайкомъ унесъ рукавицы и снесъ ихъ къ себѣ домой. И что же? Пламя тотчасъ же перекинулось съ горящаго дома на домъ вора. О томъ, что огонь употребляется во множествѣ гаданій, мы уже говорили выше.

Вода. Что мы только что сейчасъ говорили объ огнѣ, должны

сказать и о водѣ. Плевать, мочиться, видать экскременты въ воду считается грѣхомъ.

Земля. Землю народъ называетъ „мать“ сыра земля. Плевать на землю грѣхъ. Земля, подобно огню, представляется въ нѣкоторыхъ случаяхъ существомъ, какъ бы одушевленнымъ. Если у человѣка умирающаго выступаютъ на тѣлѣ темныя пятна, то говорятъ, что это „земля у него выступаетъ на тѣлѣ“, что это „земля его къ себѣ зоветъ“. „Отъ человѣка, который въ скоромъ времени умереть—пахнетъ землею“. Если ребенокъ на вѣсъ весьма тяжелъ, то говорятъ, что „его тянетъ земля“. Такой ребенокъ скоро умереть. Если ребенокъ растетъ пухлымъ и нѣжнымъ, то говорятъ, что его „нѣжитъ земля“. Такой ребенокъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ.

Въ подтвержденіе справедливости своихъ словъ часто клянутся землею: „поглоти меня мать сыра земля, если я лгу!“ „разступись подо мною мать сыра земля“ и т. п. Уѣзжая надолго на чужую сторону, нѣкоторые берутъ съ собою и щепотку родной земли, которую зашиваютъ въ ладонку.

Деревья. Слѣды языческаго поклоненія деревьямъ встрѣчаются въ народѣ и до сихъ поръ. Такъ, въ Пошехонскомъ уѣздѣ, близъ села Ильинскаго, въ Лугахъ есть родникъ и близъ него роща. Роща эта почитается какъ бы священнойю. Ежегодно въ Ильинъ день совершается сюда крестный ходъ, послѣ котораго бываетъ гулянье. Деревья этой рощицы увѣшиваютъ разноцвѣтными доскутками. Обычай принимать больныхъ сквозь дуплистыя деревья существуетъ и доселѣ. Обычай этотъ существовалъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ съ давнихъ поръ. Такъ, въ житіи преп. Адриана игумена, Пошехонскаго чудотворца, мы читаемъ: „обычай же имѣяху по вся годы мнози изъ близъ сущихъ весей и градовъ людіе въ бывающій день пятничной предъ праздникомъ св. пророка Іліи приходити къ реченному древу рябинѣ. Приходящу же и священницы изъ ближайшихъ весей и приношаху образъ святаго мученицы Парасковы, нареченныя пятницы, молебныя пѣнія совершающе. Люди же для полученія здравія сквозь оное древо пронимаху дѣти своя и иніи же совершеннаго возраста и сами пролазаху и полуцаху исцѣленія“.

Близъ села Θεодоринскаго находится часовня. Возлѣ этой часовни есть нѣсколько камней, на которыхъ, будто бы, стояла

преп. Феодора. Камни окружены священными соснами. Болящiе зубами грызутъ кору этихъ сосенъ ¹⁾).

Деревья, подобно одушевленнымъ существамъ, чувствуютъ на себѣ „легкую“ и „тяжелую руку“. Одинъ человекъ обладаетъ легкой, счастливою рукою: посадить такой человекъ дерево и оно непременно отродится. Другой человекъ обладаетъ тяжелою рукою: какъ бы осторожно онъ ни пересаживалъ дерево — оно никогда у него не отродится.

Изъ сказанiй объ отдѣльныхъ деревьяхъ извѣстно сказанiе объ осияхъ. На этомъ деревѣ удавился Иуда-предатель. Поэтому-то и листья осины трепещутъ при самомъ малѣйшемъ дуновенiи вѣтерка, а осенью листья осины принимаютъ ярко-красный цвѣтъ, — цвѣтъ крови.

Всѣ деревья и травы въ ночь на Ивановъ день получаютъ способность переходить съ мѣста на мѣсто и разговаривать другъ съ другомъ.

Металлы и минералы. Въ вышеупомянутомъ с. Феодоринскомъ есть камни, на которыхъ, будто бы, стояла пр. Феодора. Камни эти — обыкновенные валуны. На одномъ изъ этихъ камней находится нѣсколько чашеобразныхъ углубленiй. Эти углубленiя и почитаются слѣдами, оставленными св. Феодоромъ на камнѣ. Въ углубленiяхъ скопляется дождевая вода, вода эта почитается цѣлебною. Отъ самыхъ камней откалываютъ кусочки и держатъ ихъ на зубахъ во время зубной боли. Уродливые камни съ дырочками употребляются при лѣченiи лихорадки или, по мѣстному, „вомохи“: ихъ обливаютъ водою и водою этою поятъ больного. Камни, извѣстные подъ названiемъ чертовыхъ пальцевъ (фульгуриты), употребляются въ видѣ порошка при лѣченiи порѣзовъ.

Лѣкарственное употребленiе различныхъ камней и минераловъ описано нами подробно въ отдѣлѣ о народной медицинѣ.

Среди мѣстнаго населенiя весьма распространены различныя легенды о нѣкоторыхъ необыкновенныхъ предметахъ изъ растительнаго и животнаго царства. Укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Разрывъ-трава. Человекъ, обладающiй этою травою, легко

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. ст. нашу: „Слѣды языческаго поклоненiя деревьямъ въ народныхъ вѣрованiяхъ въ Ярославской губерни“. Яросл. губ. Вѣд. ч. н. 1898 г. № 191.

можетъ разрушать всѣ желѣзные замки и оковы. Достаточно ему прикоснуться этою травою до желѣзнаго замка, какъ онъ распадется самъ-собою.

Неразмѣнный рубль. Рубль этотъ обладаетъ способностью возвращаться обратно въ карманъ своего обладателя. Чтобы получить неразмѣнный рубль, поступаютъ такимъ образомъ: берутъ въ карманъ серебряный рубль и отправляются за Христовскую утреню. Когда священникъ говоритъ народу „Христосъ воскресъ“, тогда желающій имѣть неразмѣнный рубль отвѣчаетъ „англюзъ маго“. Послѣ Христовской заутрени серебряный рубль и получаетъ свои чудесныя свойства.

Пѣтушиное яйцо. По народному повѣрью, каждый пѣтухъ въ теченіе своей жизни долженъ непременно снести одно яйцо. Яйцо это должно взять и носить въ теченіе нѣсколькихъ недѣль подъ мышкою. По истеченіи этого времени изъ яйца вылупится ужъ; ужъ этотъ и будетъ носить деньги хозяину дома.

Косточка-бужатка. Косточка эта изъ курицы. Если человѣкъ носить эту косточку на шеѣ, то онъ будетъ всегда просыпаться въ то время, когда захочетъ.

Косточка-невидимка. Владѣющій этою косточкою можетъ, по своему желанію, сдѣлаться въ какое угодно время невидимымъ. Чтобы достать косточку-невидимку поступаютъ такимъ образомъ: берутъ черную кошку, такую, у которой нѣтъ ни одного бѣлаго волоска. Кошку эту кидаютъ въ кипящую воду и варятъ. Затѣмъ, ставъ передъ зеркаломъ, должно брать всѣ кости этой кошки въ ротъ поочередно одну за другою. Когда въ ротъ будетъ взята косточка-невидимка, тогда, конечно, въ зеркалѣ не увидишь своего изображенія.

Приворотная вилка. Слѣдуетъ взять лягушку и закопать ее живьемъ въ муравейникѣ. Черезъ нѣсколько дней муравьи начисто объѣдятъ мясо лягушки. Тогда изъ костей ея слѣдуетъ выбрать одну кость, напоминающую собою вилы, и другую, напоминающую собою грабли. Если дотронуться до кого-либо грабелями, то можно приворожить этого человѣка къ себѣ. Напротивъ, для того, чтобы отворожить человѣка отъ себя, слѣдуетъ дотронуться только „вилами“.

Трава-араратъ. Съ помощью этой травы можно добыть всѣ

волшебныя травы. Траву эту слѣдуетъ вырывать въ ночь на Ивановъ день.

Цвѣтъ папоротника. Чтобы добыть этотъ цвѣтъ, слѣдуетъ идти въ ночь на Ивановъ день въ самое глухое мѣсто лѣса, гдѣ растеть папоротникъ. Придя на мѣсто, гдѣ растеть папоротникъ, должно ножомъ обвести вокругъ себя черту и, затѣмъ, подъ папоротникъ постлатъ чистую скатерть. Около полуночи въ лѣсу будутъ раздаваться страшные крики и возлѣ черты будутъ появляться бѣсы въ видѣ различныхъ чудовищъ. Бѣсы будутъ угрожать смергью тому, кто находится въ очерченномъ кругѣ, но онъ отнюдь не долженъ оставлять его. Въ самую полночь папоротникъ расцвѣтетъ золотыми цвѣтами и одинъ изъ этихъ цвѣтовъ упадетъ на скатерть. Тутъ, находящійся въ кругу, долженъ будетъ испытывать еще большіе страхи отъ нечистой силы, но онъ не долженъ оставлять завѣтнаго круга. Перейти же его нечистая сила не въ состояніи. Если человѣкъ выдержитъ искусь и не умретъ со страху, то при первомъ пѣніи пѣтуховъ вся нечистая сила исчезнетъ, и въ рукахъ у него будетъ цвѣтъ папоротника.

Обладающій цвѣтомъ папоротника во всякое время видитъ, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ находятся подъ землею клады и другія сокровища. Кромѣ того, этотъ цвѣтъ обладаетъ и свойствами разрывъ-травы.

е) Суевѣрные обряды, обычаи и примѣты относительно жилья и его принадлежностей, пищи, одежды, занятій. Вѣрованія и предразсудки относительно людей: люди—чудовища, оборотни, знахари, колдуны, нѣкоторыя части человѣческаго тѣла, физическія отправления и т. п.

Суевѣрія и предразсудки неразрывно связаны съ жизнью нашего простолюдина: они предшествуютъ ему до рожденія и не разлучаются съ нимъ до самой его смерти. Жизнь человѣческая представляетъ изъ себя много необъяснимыхъ явленій, много задачъ, для разрѣшенія которыхъ простолюдинъ напрягаетъ всѣ силы своего ума и продуктомъ такихъ усилій является масса суевѣрій и примѣтъ.

Эти суевѣрія и примѣты начинаются не только съ рожденія человѣка, но даже предшествуютъ ему.

Чтобы произвести ребенка мужескаго пола въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, во время совершенія супружескаго акта, кладутъ подъ головы шапку. Если животь у беременной женщины остроконечный, то она разрѣшится отъ бремени мальчикомъ, если же округлый, то дѣвочкою. Если беременная женщина во время своей беременности чувствуетъ постоянную изжогу, то она родитъ ребенка съ волосами. При рожденіи ребенка замѣчаютъ, сколько бугорковъ имѣется на дѣтскомъ мѣстѣ: столько и дѣтей родитъ еще женщина.

Дѣти, родившіяся съ большими волосами на головѣ, будутъ богаты и счастливы. Тотъ ребенокъ, который не кричитъ во время совершенія надъ нимъ таинства крещенія, — не жалець въ здѣшнемъ мѣстѣ. Ребенокъ, родившійся лицомъ къ землѣ, не будетъ долго жить.

При крещеніи наблюдаютъ, потонуть или нѣтъ волосы ребенка, остриженные и закатанные въ воскъ. Если да, то ребенокъ умретъ, если нѣтъ, то онъ будетъ жить долго.

Воспринимающіе ребенка при крещеніи должны хорошо помнить, что какова (по внѣшнему виду) первая кума у воспріемника, такова у него и первая будетъ жена. Къ слову замѣтимъ, что духовное родство народъ считаетъ только между воспріемникомъ и воспріемницей.

Въ теченіе перваго года у ребенка не должно обстригать ногтей, въ противномъ случаѣ изъ него выйдетъ воръ. Никогда не должно качать люльку въ то время, когда въ ней нѣтъ ребенка, иначе ребенокъ умретъ. Отнимать ребенка должно въ Страстную пятницу. Не должно въ шутку покрывать ребенка рѣшетомъ — онъ не будетъ расти. Не должно мочиться, держа на рукахъ ребенка, — иначе у него изо рта будутъ течь слюны...

При ѣдѣ не должно давать доѣдать кусокъ другому лицу, такъ какъ тотъ съѣстъ у перваго всю его силу. Не должно давать другому допивать послѣ себя изъ ковша или чапки, чтобы не узнали твои мысли. Если за ужиномъ ввечеру вся пища въ горшкахъ будетъ съѣдена, то на утро будетъ ведро. Доѣдай изъ блюда дочиста — въ Питеръ уѣдешь. Кто не доѣдаетъ изъ блюда дочиста — у того жена будетъ корявая. Отрѣзывай и ѣшь ломоть хлѣба изъ-подъ горбушки первый, и тебя постоянно будутъ любить дѣвушки. Если соль будетъ просыпана на столѣ, то будетъ ссора.

Не слѣдуетъ солить хлѣбъ, обмакивая въ солонку—такъ поступилъ Іуда. Если поджечь хлѣбъ или пирогъ въ печи, то хозяйку хватили ночью за ж.у (имѣли соітус). Если хлѣбъ испечется необычайной формы, то въ домѣ будетъ несчастіе. Если ложка упадетъ со стола на полъ, то въ домѣ будутъ гости.

При метеніи избы отнюдь не должно давать метельщицѣ замечать свои ноги вѣнникомъ— въ противномъ случаѣ тебя не будутъ любить дѣвушки. Если самоваръ жалобно поетъ при разогрѣваніи, то это не къ добру—въ домѣ будетъ покойникъ. Если стѣны трещать, то въ домѣ будетъ покойникъ.

Если уголья „стрекаютъ“ изъ печи, то въ домѣ будутъ гости. Полѣно дровъ откатится въ печи—къ гостямъ. Если хозяйка уронить изъ охапки дровъ одно полѣно на полъ, то точно также будутъ въ домѣ гости. Никогда не слѣдуетъ плевать на огонь, мочиться, а тѣмъ болѣе кидать экскременты („ж.у сволочеть“). Если загорится сажа на „целѣ“ печи, то въ домѣ будутъ гости. Когда въ домѣ украдутъ что-нибудь, тогда берутъ остатокъ украденной вещи (напримѣръ, лоскутокъ изъ матеріи, изъ которой шито украденное платье) и замазываютъ въ „целѣ“ печи. Лоскутокъ будетъ тамъ сохнуть и тлѣть. Такимъ же образомъ будетъ сохнуть и тлѣть и воръ, укравшій вещь. Въ иныхъ мѣстахъ вмѣсто лоскутка замазываютъ въ „целѣ“ печи живую мышь.

Если трещать иконы, то въ домѣ будетъ покойникъ. Если отъ жары „разорветъ“ икону, т. е. на иконѣ появится трещина, то въ домѣ случится несчастіе. Иконы народъ называетъ часто „богами“; ту полочку, на которой онѣ стоятъ, онѣ называетъ „божницею“. Стоять въ шапкѣ въ комнатѣ, гдѣ иконы,—грѣхъ, свистать точно также грѣхъ (Въ Вол. губ. говорятъ, что не слѣдуетъ свистать въ избѣ, чтобы не высвистать домового). Иконы никогда не покупаютъ, а мѣняютъ (конечно на деньги).

Если горитъ во время пожара икона, то надъ этимъ мѣстомъ появляется высокій столбъ пламени, наподобіе горящей свѣчи. Точно такое же явленіе бываетъ и тогда, когда горитъ во время пожара человекъ.

Повсемѣстно вѣрятъ, что иконы могутъ „поновляться“, т. е. икона, бывшая ранѣе почернѣвшею, дѣлается вдругъ новою. О такихъ „чудотворныхъ“ иконахъ существуетъ много рассказовъ,

случаевъ такихъ „поновленій“ весьма много. Приведемъ здѣсь нѣсколько разсказовъ о чудотворныхъ иконахъ.

1). Такъ, въ приходѣ села Вознесенья, близъ г. Пошехонья, „поновился“ цѣлый иконостасъ и въ свое время стекалась сюда масса богомольцевъ.

2). Въ селѣ Бѣломъ случилось разъ „поновленіе“ иконы, и дѣло объ этомъ производилось сѣфициальнымъ путемъ. Никакого поновленія, конечно, не оказалось.

3). Однажды въ гѣдавнее время несли иконы преподобномученика Адріана по деревнямъ Соколовской волости въ мѣстности Ухтома. Одинъ крестьянинъ, пахавшій въ полѣ, увидалъ это и замѣтилъ вслухъ: „вотъ Адріанъ преподобный по міру собирать пошелъ“. Едва проговорилъ онъ эти слова, какъ тотчасъ ударилъ громъ, и молнія поразила на смерть и мужика, и лошадь, на которой тотъ пахалъ.

4). Одна бѣдная крестьянка желала принять въ свой домъ икону преподобномученика Адріана, но не имѣла денегъ для того, чтобы заплатить за молебень. Такъ какъ взаимы никто ей денегъ не давалъ, то она и вынуждена была заложить свой послѣдній праздничный сарафанъ и на полученныя деньги приняла икону. Молебень въ домѣ крестьянки былъ отпѣтъ, но когда хотѣли взять икону и вынести ее изъ избы, то икона оказалась столь тяжелою, что присутствующіе не могли ее поднять. Послѣ долгихъ разспросовъ узнали, что деньги, которыя заплатила крестьянка за молебень, были ея послѣдними деньгами. Деньги возвратили крестьянкѣ и икона безъ труда была вынесена вонъ.

5). Въ деревнѣ Усовѣ, Пошехонскаго уѣзда, Горинскаго прихода, у одной келейницы была икона, ликъ которой окончательно стерся, и икона эта употреблялась хозяйкой вмѣсто покрышки. Вдругъ изъ трубы этой кельи по ночамъ стали замѣчать сосѣди большой столпъ выходящаго пламени. Въ то же время хозяйкѣ иконы приснилась Божія Матерь и повелѣла ей поставить свой образъ на божницу. Келейница исполнила это, и въ слѣдующую же ночь икона эта „поновилась“, т. е. сдѣлалась совершенно новою.

Очень многія повѣрья приурочены къ свѣчамъ и ладану, которые хранятся у крестьянъ вмѣстѣ съ иконами на божницахъ.

Особенное значеніе нашъ народъ придаетъ свѣчамъ „вѣнчальнымъ“. Свѣчи эти тщательно сохраняются вмѣстѣ съ иконами въ кіотахъ или просто на полкахъ передъ иконами. Уже во время самаго бракосочетанія народъ замѣчаетъ по вѣнчальнымъ свѣчамъ, кто изъ брачующихся скорѣе умретъ. У кого вѣнчальная свѣча сгоритъ болѣе во время бракосочетанія, тотъ скорѣе и умретъ.

Во время трудныхъ родовъ вмѣстѣ съ прочими народными средствами употребляется, между прочимъ, и зажиганіе вѣнчальныхъ свѣчъ. Вѣнчальныя свѣчи зажигаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ точно также во время грозы и пожара, чтобы отвратить отъ дома громовые удары или начавшійся пожаръ. Таковую же силу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ приписываетъ свѣчамъ „богоявленскимъ“ и „пасхальнымъ“, т. е. свѣчамъ, съ которыми стояли въ эти праздники въ церкви. „Богоявленскія“ или же „вѣнчальныя“ свѣчи зажигаютъ, наконецъ, и въ изголовьѣ умирающаго, когда послѣдній долго мучится въ предсмертной агоніи.

„Четверговая“ свѣча, т. е. свѣча, принесенная изъ церкви въ Великій Четвертокъ, обладаетъ, по народному повѣрью, способностью уничтожать чары колдуновъ и прогнать вѣдьмъ.

Что касается до ладана, то, по народному вѣрованію, онъ обладаетъ свойствомъ прогонять отъ человѣка нечистыхъ духовъ. Поэтому-то до сихъ поръ въ народѣ весьма распространенъ обычай носить на шеѣ ладанку, т. е. мѣшечки съ зашитымъ въ немъ ладаномъ. Обычай этотъ восходитъ къ глубокой древности. Какъ извѣстно, всѣ языческіе народы съ незапамятныхъ временъ носили на тѣлѣ мѣшечки - амулеты.

Очень много повѣрій приурочивается къ домашнимъ животнымъ и насѣкомымъ.

Крупные черные тараканы въ домѣ къ богатству, и морить ихъ во многихъ семьяхъ считается за тяжкій грѣхъ. За нѣскольکو дней до пожара, какъ замѣчаютъ нѣкоторые, тараканы оставляютъ тотъ домъ, въ которомъ будетъ пожаръ. Если между мелкими тараканами-прусаками появятся бѣлые, нужно ожидать сильнаго мороза.

Въ NN, одномъ изъ большихъ, но глухихъ селъ Пошехонскаго уѣзда, жила молодая вдова-солдатка Фекла; жила она одиноко въ своей кельѣ на самомъ краю села. Это было въ сороковыхъ или пятидесятихъ годахъ текущаго столѣтія.

Хотя издревле про солдатокъ сложилось присловье, что „солдатка—мірской человекъ“, что солдаткѣ все позволяется,—а ужъ „чего ей хочется, то николи (никогда) не грѣхъ“, однако про молодую Феклу нельзя было сказать ничего худого. Честно и не заворно вдовѣла она третій годъ, нанимаясь въ поденныя работы къ своимъ односельчанамъ и добывая себѣ этимъ насущный кусокъ хлѣба.

Ничего худого не могли сказать сосѣди про молодую Феклу, но врагъ силенъ: попуталъ онъ и бѣдную бабу. Слюбилась Фекла съ сосѣднимъ парнемъ, а тамъ пришло время—и забеременѣла отъ него. Беременность свою она такъ искусно скрывала ото всѣхъ, что никто не могъ даже и подумать, что Фекла беременна, тѣмъ болѣе, что никто и не подозрѣвалъ, что Фекла начала „баловать“...

Была ночь на Свѣтлое Христова Воскресеніе. Во всѣхъ домахъ NN свѣтились огоньки—вездѣ готовились къ встрѣчѣ великаго праздника. Въ церкви давно уже началось чтеніе „Дѣяній“, народъ изъ отдаленныхъ деревень понемногу собирался къ свѣтлой заутрени... Свѣтился огонекъ и сквозь занавѣшенное оконце Феклиной келейки. Но не встрѣчей Свѣтлаго Праздника была занята въ это время молодая вдова: нѣтъ, заперевъ наглухо двери, она мучилась родами, одна-одиношенька. По счастью, схватки были несильны и непродолжительны, и Фекла скоро стала матерью.

Стыдъ и боязнь за будущее охватили душу молодой бабы.

— „Что сосѣди теперь скажутъ? думала баба. „Срамъ одинъ только будетъ: проходу не дадутъ мнѣ—засмѣютъ... а какъ кормиться будетъ? съ этимъ на работу не пойдешь найматься: придется по міру собирать идти“,—такъ думала Фекла, и сердце ея защемило отъ ужаса за свою неприглядную будущность, а руки ея все крѣпче и крѣпче сжимали шейку малютки.

Еще одно крѣпкое судорожное движеніе пальцами рукъ, раздался слабый не то хрипъ, не то стонъ, и малютки не стало живыхъ...

Закопать малютку въ подъизбицѣ было для Феклы дѣломъ полчаса...

Между тѣмъ раздался громкій торжественный благовѣстъ къ Свѣтлой заутренѣ...

Фекла поспѣшно прибралась въ кельѣ, одѣлась въ лучшую одежду и отправилась въ церковь...

— „Теперь никто ничего не подумает—никому и въ голову ничего не придет“, думала Фекла, идя къ церкви и отъ слабости еле передвигая ногами.

— „Чтой то это, matka, на тебѣ лица нѣтъ“, замѣтила въ церкви Феклѣ одна изъ ея сосѣдокъ.

— „Неможется что то... головушку всю разломило... простудилась должно быть“, равнодушно отвѣчала Фекла.

Сосѣдка вполнѣ удовлетворилась такимъ отвѣтомъ...

Прошло съ тѣхъ поръ нѣсколько дней. Фекла окончательно оправилась отъ родовъ. Все дѣло, какъ говорится, было и „пшито и крыто“.

Но Богъ судилъ иначе...

По селу понесли иконы. По старинному обычаю причтъ съ св. иконами ходилъ о Пасхѣ изъ дома въ домъ и служилъ молебны. За иконами ходили почти всѣ сельчане.

Принесли, наконецъ, иконы и въ Феклину келью.

Священникъ сдѣлалъ возгласъ и началъ молебенъ. Старикъ дьячекъ дребезжащимъ голосомъ зачѣлъ пасхальныя стихиры...

Какъ вдругъ въ это время послышался необычайный шорохъ. Изъ-за печки и изъ всѣхъ щелей Феклиной кельи показались мѣрныя черныя крупныя таракановъ. Богомольцы съ ужасомъ попятились къ дверямъ. Между тѣмъ легіоны таракановъ двигались по стѣнамъ и по потолку въ стройномъ порядкѣ и все по одному направленію: быстро сползли они на полъ и собрались огромной кучей надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ въ подъязбицѣ былъ похороненъ у Феклы ребенокъ.

На Феклѣ, какъ говорится, лица не было...

Между тѣмъ тараканы совершенно неподвижно сидѣли до тѣхъ поръ, пока не окончился молебенъ. Тогда снова полчища ихъ двинулись въ стройномъ порядкѣ на стѣны и въ какія-нибудь 5—6 минутъ скрылись по щелямъ и за печью, такъ что не видно стало болѣе ни одного таракана...

Священникъ вопросительно глядѣлъ на Феклу...

Скрываться долѣе было невозможно...

Съ плачемъ упала молодая баба на колѣна передъ священникомъ и въ присутствіи всѣхъ рассказала свой грѣхъ...

Крысы и мыши появляются въ домѣ передъ бѣдою: онѣ выживаютъ хозяевъ вонъ изъ дома.

Если курица запоетъ пѣтухомъ, то это не къ добру: въ домѣ быть покойнику. Купивъ пѣтуха, не слѣдуетъ нести его съ мѣста покупки домой женщиной. При несоблюденіи этого условія сосѣдскіе пѣтухи будутъ бить его и онъ будетъ трусливъ. Въ томъ случаѣ, если пѣтуха обижаютъ другой пѣтухъ, слѣдуетъ поймать обидчика и дать поклевать его обиженному. Съ тѣхъ поръ обиженный пѣтухъ почувствуетъ храбрость и будетъ бить своего обидчика. Чтобы свой пѣтухъ билъ чужого пѣтуха, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кормятъ своего пѣтуха на заслонкѣ поутру въ Великій четвертокъ.

Если пѣтухъ умереть, то въ домѣ случится непременно несчастье: кто-нибудь умереть, случится пожаръ или же, наконецъ, для всего семейства годъ будетъ тяжелымъ.

Если у пѣтуха вырвать изъ хвоста два хвостовыхъ пера или, какъ ихъ называютъ, косички, то пѣтухъ будетъ и слабъ, и трусливъ и его будутъ обижать не только сосѣдскіе пѣтухи, но и курицы. Чтобы курицы и пѣтухи не заходили въ чужой дворъ или огородъ, поймавъ ихъ въ огородѣ, протискиваютъ сквозь то отверстіе въ изгороди, сквозь которое они попали въ огородъ. Чтобы куры не теряли своихъ яицъ, натираютъ имъ задній проходъ солью. Когда молодая курица снесетъ первое яйцо, тогда хозяйка должна взять это яйцо и погладить имъ по головѣ мужа, приговаривая: пускай у „Чернушки“ (имя курицы) будетъ столько иичекъ, сколько у ММ (имя мужа) на головушкѣ волосковъ“...

Кошку мучить грѣхъ. Первая встрѣча человѣка на томъ свѣтѣ будетъ съ кошкой: если онъ жестоко обращался съ кошками, то кошка будетъ мучить и царапать его. Покупать кошку нельзя—её можно только мѣнять: на промѣнъ даютъ за нее 2 к. Убивать кошку грѣхъ. Когда кошкодавы убиваютъ кошекъ, то они непременно приговариваютъ: „не я тебя бью—хозяинъ бьетъ“. Новопріобрѣтенную кошку слѣдуетъ ткнуть мордою въ печную заслонку. Если кошка лежитъ на столѣ, то это не къ добру—она кого-нибудь изъ семьи „вылживаетъ“, т.-е. кто-нибудь изъ семьи непременно умереть. Точно также бываетъ не къ добру, если кошка почасту и подолгу спитъ на изголовьи чьей-нибудь по-

стели. Въ данномъ случаѣ она непременно „вылежить“ владѣльца этой постели и онъ умретъ.

Вши въ головѣ появляются къ деньгамъ—къ богатству. Дикая птица, залетѣвшая въ окно, предвѣщаетъ покойника, покойника предвѣщаетъ также и то, если за кроватью больного заскребеть мышь или на кровлѣ дома сядетъ воронъ.

Самыя незначительныя пережѣны въ человѣческомъ организмѣ служатъ ему предзнаменованіемъ будущаго. Чешется лѣвая ладонь—деньги получать (получка будетъ вѣрнѣе, если ладонь почесать объ дерево), правая—отдавать; колѣно чешется—молиться на колѣняхъ въ чужой церкви; подошва—идти по незнакомой дорогѣ; локоть—спать на чужой постели; переносѣ чешется—къ покойнику, кончикъ носа чешется—придется въ рюмочку смотреть, т. е. выпивать. Звенить въ правомъ ухѣ—хвалить, въ лѣвомъ—бранять. Если за ногтями появятся бѣлыя пятнышки,—это „обновки“: въ скоромъ времени у тебя будутъ обновы. Если на головѣ появится перхоть,—у тебя впереди будетъ много горя. Если прядь волосъ выбьется у женщины изъ косы, то это предвѣщаетъ дорогу. Если въ головѣ или бородѣ появится въ первый разъ сѣдой волосъ, то не вырывай его: это твое счастье. Если перхоть появится на головѣ сзади, то, значить, у человѣка было много горя, но оно прошло. Если горять щеки, то значить, кто-нибудь сплетничаетъ про тебя. Если шумить въ ушахъ, то будетъ сырая погода. Если на губахъ появятся прыщи, то это признакъ того, что обладатель ихъ съ кѣмъ нибудь цѣловался ночью.

Множество примѣтъ и повѣрій относится къ сну и свовидѣніямъ. Никогда не слѣдуетъ спать вдоль пола, („вдоль пола кладутъ только покойниковъ“), а непременно слѣдуетъ стлать постель поперекъ пола. Не слѣдуетъ стлать постель у порога дверей: этого не любятъ домовой.

Не слѣдуетъ спать беременной женщины на животѣ: грѣхъ. Спать на спинѣ не годится—будетъ душить домовой.

Праздничный сонъ исполняется только до обѣда. Рыбу во снѣ видѣть—предвѣщаетъ несчастье. Вода чистая—къ радости. Вода мутная—къ слезамъ. Серебряныя деньги—къ слезамъ. Мѣдныя деньги—къ слезамъ. Ягоды—къ слезамъ. Изгородь видѣть во снѣ—предвѣщаетъ сплетни. Съти изъ нитки—сплетни, напраслина. Плакать во снѣ—предвѣщаетъ радость. Зубы вынимать изо

рта—предвѣщаетъ смерть близкаго лица. Кровь—родныхъ видѣть. Собаки—видѣть друга. Лошадь во снѣ видѣть—свиданіе съ недругомъ: „Лошадь-ворогъ“. Печь топящаяся—будетъ бѣда. Покойникъ снится—къ дождю или снѣгу. Дрова—къ неприятели. Солома къ „содому“, т.-е. будетъ въ домѣ шумъ. Сѣно—тоже. Дѣвица—къ диву. Ребенокъ мальчикъ—къ прибыли. Ребенокъ дѣвочка—къ убыли. Нагнѣмъ себя видѣть—будетъ напраслина. Беременную женщину видѣть—сплетни. Рѣка снится—къ рѣчамъ, т.-е. придется съ кѣмъ-нибудь долго разговаривать. Свадьба—къ сварѣ, т.-е. къ ссорѣ. Утопленникъ—къ мокрой погодѣ. Блины—къ письму. Вино—виновату быть. Пирогъ—къ письму. Пиво—къ диву. Чай—нечаянность. Полотно—къ дорогѣ. Корова—къ реву. Медвѣдь—къ замужеству. Вши—къ деньгамъ. Гору видѣть—получить горе ¹⁾. Громъ слышать—получить ударъ. Дымъ—къ ненастной погодѣ. Звѣзды—свиданіе съ родными. Молнія—получить болѣзнь. Огонь—къ морозу. Радуга—къ перемѣнѣ погоды. Солнце—будешь копать землю. Ангель—быть въ церкви и молиться. Звонъ колокольный—получить извѣстіе отъ незнакомыхъ людей. Икона—вспомнить о грѣхѣ. Попа видѣть—сотворить грѣхъ. Пѣніе церковное слышать—болѣзнь родственника. Церковь видѣть—получить болѣзнь. Волосы стричь—получить убытки. Пальцы рукъ видѣть—считать деньги. Бабу простоволосую видѣть—ссориться съ кѣмъ-нибудь. Родныхъ видѣть—получить отъ нихъ извѣстіе. Врага видѣть—получить примиреніе въ тяжбѣ. Ребенка видѣть—къ радости. Родственника кровнаго видѣть—скорое его возвращеніе или смерть. Барабанный бой слышать—получить испугъ или страхъ. Большимъ себя видѣть—кто-нибудь изъ родныхъ выздоравливаетъ отъ болѣзни. Драку знакомыхъ видѣть—скорое съ ними свиданіе. Играть въ карты—идти въ путь-дорогу. Голыхъ людей видѣть—увидѣть пьяныхъ. Падать во снѣ—„растеть въ это время человекъ“. Плачущаго видѣть—увидать разгульнаго человека. Пляшущихъ видѣть—напиться пьянымъ. Пьянаго видѣть—упасть въ грязь или воду. Пѣсни слышать—жалобы на родныхъ и друзей слушать. Разсчитать вести съ кѣмъ-нибудь—въ долѣ бывать. Дворъ непокрытый видѣть—деньги отдавать.

¹⁾ Дальнѣйшія данныя записаны въ Пошехонскомъ у. С. Я. Деруновымъ. „Матеріалы для народнаго свѣтоolkователя“. Этн. Обзор. т. XXXVI.

Избу развалившуюся видѣть, дворъ или какое-нибудь строеніе—отъѣздъ хозяина изъ дома или же отъѣздъ его самого или кого-нибудь изъ домашнихъ. Печища, печь видѣть—быть подъ надзоромъ у сильнаго и властнаго человѣка. Чернила видѣть—получить письмо. Воробьевъ чириканье слышать—услышать бабьи разговоры. Ворона видѣть—получить извѣстіе. Голубей видѣть—цѣловаться съ любимыми людьми. Гусыню видѣть—увидѣть отца или мать. Гуся—отца или брата увидѣть. Индѣйку—увидѣть богатую женщину. Индюка—тоже богатаго человѣка. Кошку—увидѣться съ врагомъ. Корову—хорошо поѣсть. Куръ—работать тяжело. Овецъ—получить богатство. Пѣніе птицъ слышать—вести разговоры съ друзьями. Пѣтуха пѣніе слышать—къ хорошей погодѣ. Сороку видѣть—къ гостямъ. Филина крикъ слышать—несчастіе услышать. Рыбу видѣть—рыдать, плакать. Улей видѣть—получить богатство. Луга зеленые видѣть—къ счастью въ домѣ. Лѣсъ дремучій видѣть—солдатъ увидѣть. Поле съ хлѣбомъ видѣть—жить богато и довольно. Кукушки кукованіе слышать—скоро придется умереть.

Значительное вліяніе на жизнь человѣка, по мнѣнію простолюдина, оказываютъ встрѣчи. Встрѣча со священникомъ предвѣщаетъ неудачу; чтобы избѣжать этой неудачи, слѣдуетъ при встрѣчѣ со священникомъ бросить вслѣдъ послѣдному булавку. Неудачу предвѣщаетъ и встрѣча съ женщиною, неудачу предвѣщаетъ и заяцъ, перебѣжавшій дорогу. Увидѣть народившійся мѣсяцъ справа предвѣщаетъ удачу во всѣхъ дѣлахъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца, слева—неудачу. Найти старое желѣзо, особенно подкову—приносить счастье. Найденная подкова, прибитая къ порогу торговаго заведенія, приноситъ удачу въ торговлѣ.

Тяжелые и легкіе дни играютъ немаловажную роль въ жизни человѣка. Понедѣльникъ—тяжелый день; въ понедѣльникъ не должно начинать никакого важнаго дѣла. Изъ мѣсяцевъ тяжелымъ считается май. Дѣти, рожденныя въ маѣ, бываютъ болѣзненны. По мѣстному повѣрью, лучше избѣгать бракосочетаній въ маѣ, такъ какъ обвѣнчавшіеся въ маѣ въ жизни обыкновенно „маются“ (страдаютъ).

Вѣра въ дурной и хорошей, добрый глазъ точно также весьма распространена. Человѣкъ часто хвораетъ отъ того, что его „сглазили“ („отспали“, какъ выражаются въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Яро-

славской губерніи). Отъ болѣзни „сглазу“ больного опрыскиваютъ водою съ „урошныхъ“ камней (камни уродливые, съ дырочками). Точно также весьма распространено и вѣровавіе въ тяжелую и легкую руку. Человѣкъ, обладающій легкой рукою, какое бы дѣло ни сталъ дѣлать—всегда оно кончится у него удачно.

Очень много примѣтъ относительно погоды. Лошади обыкновенно фыркаютъ передъ дождемъ; галки, воробьи и голуби купаются къ дождю, собаки ѣдятъ траву къ продолжительному ненастью; то же самое предвѣщаютъ и пузыри, вскакивающіе на водѣ отъ дождевыхъ капель. Галки „говорятъ“ (во многихъ мѣстахъ удержано это образное выраженіе поэта: „галицы свою рѣчь говоряхуть“...)—къ дождю; комары и мошки толкуются къ ведру; ведро же предвѣщаетъ и паутина, носящаяся въ воздухѣ; курица стоять на одной ногѣ—къ стужѣ; кошка спитъ, закрывши голову, тоже къ стужѣ. Если божья коровка (coccinella), взятая на руку, быстро слетаетъ прочь, то это предвѣщаетъ ведро, въ противномъ случаѣ—ненастье. Если ледъ падаетъ весною на дно рѣкъ, то предвѣщаетъ неурожайный годъ. Лягушки квакаютъ къ ненастью. Если лягушки начинаютъ осенью прятаться глубоко въ воду, то это предвѣщаетъ скорое наступленіе осени. Между прочимъ, существуетъ повѣрье о томъ, что будто-бы у лягушки при наступленіи осени зарастаетъ ротъ. Мимоходомъ замѣтимъ, что лягушки, вообще, пользуются нелюбовью простого народа. По однимъ рассказамъ, въ лягушку обращена дочь, проклятая матерью; по другимъ—баба, полоскавшая въ пятницу бѣлье. Ласточки низко вьются къ ненастью, высоко—къ ведру. Если закатъ солнца ясенъ, то на слѣдующій день будетъ ведро; если наоборотъ—ненастье. Крутая радуга къ ведру, пологая—къ ненастью. До Ильина дня облака ходятъ по вѣтру, послѣ Ильина дня начинаютъ ходить противъ вѣтра. Кстати замѣтимъ, что объ этомъ существуютъ и разговорки: до Ильи ночь дожда не умолитъ, а послѣ Ильи баба фартукомъ нагонитъ.

Если ласточки и стрижи съ вечера высоко летаютъ и при этомъ слышенъ ихъ крикъ или свистъ крыльевъ, то на другой день нужно ждать хорошей погоды.

Чистое небо при закатѣ солнца предвѣщаетъ хорошую погоду, покрытое тучами—ненастье. Круги вокругъ мѣсяца предвѣщаютъ

вѣтеръ. Если звѣзды блестятъ ярко, то зимою будетъ морозъ, а лѣтомъ жара. Мутныя звѣзды къ дождю.

Большая роса поутру—къ хорошей погодѣ, сумракъ—къ дождю. Дымъ изъ трубъ опускается по землѣ зимою къ теплой погодѣ, лѣтомъ къ ненастью; зимою дымъ поднимается столбомъ—къ морозу.

Зимою воробьи чирикаютъ къ снѣгу. Гуси и утки если зимою спрячутъ свой носъ подъ крыло, то будетъ морозъ.

Дрова трещать и шипятъ въ печи передъ сырой погодой. Отъ отхожихъ мѣстъ слышится сильный запахъ къ дождю.

Соль сырѣетъ передъ дождемъ. Передъ дождемъ точно такъ же сырѣетъ и табакъ въ табакеркѣ.

Если подъ вынутымъ изъ печи горячимъ хлѣбомъ смокнетъ то мѣсто, гдѣ онъ лежалъ, то будетъ дождь. Если при рѣзаніи хлѣба мякоть хлѣба пристаеетъ къ ножу, то будетъ продолжительная дождливая погода.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пошехонскаго уѣзда крестьяне вѣрятъ, что облака иногда падаютъ съ неба на землю въ видѣ студенистой прозрачной массы. И дѣйствительно: намъ не разъ приходилось слышать разсказъ о томъ, что куски облаковъ не разъ падали, будто бы, на землю. Разсказчики говорили, что это было въ ненастные года, и облака тогда стояли такъ низко, что какъ-будто задѣвали за крыши домовъ. Послѣ сильнѣйшаго дождя разсказчики находили на землѣ куски бѣлой студенистой массы, которая таяла въ рукахъ какъ снѣгъ, превращаясь въ воду. (Объ этомъ явленіи говорить и Клёденъ въ своей Всеобщей географіи 2 т.).

Нѣкоторыя примѣты относятся къ различнымъ частямъ одежды. Никогда не слѣдуетъ давать пришивать на себѣ пуговицу къ илатю: такимъ образомъ можно пришить себѣ память. Если случится надѣть рубаху на лѣвую сторону, то значить быть вскорѣ битому (т.-е. кто-нибудь побьетъ).

Вѣрованіе въ „закрутки“, „заломы“ и „прожины“ до сихъ поръ встрѣчается въ народѣ.

„Закрутка“—это нѣсколько стеблей ржи, скрученныхъ на корню вмѣстѣ съ произнесеніемъ извѣстныхъ заклинаній. „Закрутка“ дѣлается на полосѣ съ тою цѣлью, чтобы отнять у хлѣба „спорынью“ т.-е. „спорость“. И хорошая полоса хлѣба, благодаря закруткѣ, даетъ мало грудъ, и съ этихъ грудъ намолотится меньше обычна-

го, т.-е. хлѣбъ будетъ не „умолотенъ“. Самый хлѣбъ съ такой полосы будетъ расходоваться чрезвычайно быстро — будетъ не въ „споръ“. Въ одномъ духовномъ стихѣ грѣшная душа говорить о себѣ:

У коровушекъ молочко выдаивала,
У хлѣбушка спорынью отънимывала“...

Производить „закрутки“ колдуны и знахари съ цѣлью повредить досадившему имъ человѣку. Уничтожить „закрутку“ можетъ только „знахарь“ же. Если простой человѣкъ, не знающій слова, уничтожить закрутку, то его поразитъ какое-нибудь несчастье: болѣзнь, смерть и т. п.

„Заломъ“ есть та же закрутка, но только стебли хлѣба не только закручены, но и надломлены. Цѣль и значеніе „залома“ тѣ же, что и „закрутки“, только заломъ считается сильнѣе закрутки.

„Прожинь“ — это узенькія полоски выжатой ржи, шириною вершка въ полтора и длиною во всю полосу или во все поле. Хлѣбъ возлѣ прожина не помятъ, такъ что кажется, какъ-будто кто-то сдѣлалъ прожинъ, летая по воздуху. На томъ полѣ, гдѣ сдѣланъ прожинъ, никогда не будетъ урожая. „Прожины“, „закрутки“ и „заломы“ дѣлаютъ колдуны при помощи нечистой силы. Чтобы сдѣлать прожинъ, колдунъ подвязываетъ къ ногѣ св. икону и ѣдетъ на ней по полю, какъ на лыжѣ. Уничтожить „прожины“, „закрутки“ и „заломы“ могутъ только знахари.

Вѣра въ колдуновъ и знахарей еще до сихъ держится въ народѣ въ глухихъ мѣстахъ уѣзда.

Знахарь, это, по народному мнѣнію, человѣкъ, знающій различныя заговоры, снадобья, травы и т. п. средства, которыя онъ и употребляетъ на пользу или вредъ людямъ. Знахарь дѣйствуетъ безъ помощи нечистой силы. Совсѣмъ иное дѣло колдунъ. Онъ вступилъ въ союзъ съ нечистой силой, которая и помогаетъ ему во всемъ. Колдунъ, какъ и знахарь, употребляетъ въ своей практикѣ и нашептыванія, и травы, и различныя снадобья, но употребляетъ исключительно только во вредъ людямъ. Колдунъ никому и никогда не дѣлаетъ пользы, а постоянно вредъ — это вторая черта, отличающая его отъ знахаря.

Чтобы сдѣлаться колдуномъ необходимо продать свою душу дьяволу, который и беретъ себѣ эту душу тотчасъ же, какъ толь-

ко колдунъ умереть. Вслѣдствіе то этого смерть колдуна или колдуньи бываетъ крайне мучительна. Чтобы видѣть, какъ черти потащатъ душу колдуна изъ его тѣла, слѣдуетъ въ потолокъ избы, гдѣ лежитъ колдунъ, вынуть сучекъ и въ образовавшееся такимъ образомъ отверстіе смотрѣть въ избу. Такимъ образомъ можно увидѣть, какъ черти мучатъ умирающаго колдуна. По народному мнѣнію, колдунъ долженъ мучиться въ предсмертной агоніи до тѣхъ поръ, пока не передастъ своихъ знаній другому лицу. Тогда только прекращаютъ черти его мученія, вытаскиваютъ душу изъ тѣла и несутъ въ адъ. Передача колдовскихъ знаній совершается путемъ передачи другому лицу какого-то таинственнаго корешка. Рассказываютъ про одного колдуна такой случай. Пришло время умирать колдуну, но никому не удавалось ему передать своихъ таинственныхъ, нечистыхъ знаній, такъ какъ никто не желалъ ими воспользоваться. Въ то время, какъ колдунъ мучился въ предсмертныхъ мученіяхъ, въ избѣ никого не было, кромѣ внука его, десятилѣтняго мальчика. Мальчику настрого было приказано родителями не брать ничего изъ рукъ дѣда, дабы по невѣдѣнію не получить и тотъ таинственный корешокъ, о которомъ мы упоминали выше. Мучась въ предсмертной агоніи, колдунъ подозвалъ мальчика и велѣлъ подать стоявшій въ углу вѣнникъ. Мальчикъ, ничего не подозрѣвая, подалъ его. Колдунъ тихонько всунулъ въ него корешокъ и велѣлъ мальчику отнести вѣнникъ обратно въ уголь. Принявъ вѣнникъ въ руки, мальчикъ взялъ въ руки и таинственный корешокъ, съ которымъ перешла къ нему вся сила колдовства. Старый колдунъ черезъ нѣсколько минутъ умеръ, и въ ту же ночь приступили къ мальчику цѣлыя подчища бѣсовъ, требуя, чтобы онъ назначилъ имъ работу. Цѣлую ночь они не давали мальчику спать. Тогда родители мальчика обратились за помощію къ знахарю. По совѣту послѣдняго, они развѣяли по вѣтру мѣшокъ муки и, когда съ наступленіемъ ночи, бѣсы явились къ мальчику, то онъ, по совѣту родителей, сказалъ имъ, чтобы они собрали до разсвѣта всю развѣянную по полю муку. Этого сдѣлать бѣсы не могли и съ тѣхъ поръ оставили мальчика въ покоѣ.

Колдунъ, по народному мнѣнію, можетъ тревожить людей и вредить имъ и послѣ своей смерти. Поэтому, когда колдунъ умереть, то въ задъ ему слѣдуетъ забить осиновый колъ. Если это сдѣлано, то колдунъ будетъ лежать въ могилѣ спокойно.

Чтобы сдѣлать безвредными дѣйствія колдуна, употребляются различныя средства: заговоры, травы и т. п.

„Трава одолѣнъ, читаемъ мы въ одномъ народномъ цвѣтникѣ, отъ всякаго колдовства. Трава одолѣнъ растеть на сырыхъ мѣстахъ, сама въ четверть, цвѣтъ голубой. Ее нужно вырвать въ маѣ девятаго дня. На мѣсто ея нужно положить куриное яйцо. Угодна та трава держать при себѣ отъ колдовства. А въ случаѣ порчи человѣка давать пить—очень полезна“.

Въ настоящее время о колдунахъ ничего не слышно, но лѣтъ двадцать пять тому назадъ повсюду указывали лицъ, подозрѣваемыхъ въ колдовствѣ. Еще на нашей памяти въ д. Ледникахъ разъяренные крестьяне хотѣли сжечь въ срубѣ старуху, заподозрѣнную въ колдовствѣ. Спасло несчастную только вмѣшательство мѣстнаго овященника.

Кромѣ „заломовъ“, „прожиновъ“ и „закрутокъ“ (эти вещи дѣлають, впрочемъ, и знахари), колдуны часто портятъ женщинъ, т. е. дѣлають ихъ „кликушама“. Въ прежнее время такихъ кликушъ было многое множество. Въ обыкновенное время такія женщины вполне здоровы, но въ церкви, во время пѣнія Херувимской пѣсни, съ ними дѣлается истерика, сопровождаемая громкимъ крикомъ. Нѣкоторыя женщины во время этого пронзительнаго крика выкрикивають имя того, кто ихъ испортилъ. Нѣкоторыя „кликуши“ впадаютъ въ припадокъ не только во время Херувимской пѣсни, но и вообще въ то время, какъ къ нимъ приближаются какіе-нибудь священные предметы, какъ напр. крестъ, евангеліе и т. д. Лѣтъ двадцать тому назадъ кликушъ встрѣчалось многое множество, нынѣ, напротивъ, о нихъ ничего не слышно. По крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ въ дѣтствѣ я не припомню ни одного Богослуженія въ церкви, которое не прерывалось бы истерическими возгласами женщинъ, нынѣ не слышно ихъ совсѣмъ и не слышно, что есть какія-то кликуши.

Что касается до знахарей, то ихъ въ настоящее время встрѣчается весьма много. Замѣчательно то обстоятельство, что знахари въ деревнѣ уживаются бокъ о бокъ съ земскою медициною.

Такъ, напримѣръ, въ д. Лебедевѣ, верстахъ въ восьми отъ фельдшерскаго пункта имѣется знахарь, близъ с. Села Семеновскаго, гдѣ находится фельдшерскій пунктъ, имѣется тоже знахарь, близъ г. Пошехонья имѣется тоже нѣсколько знахарей и т. д.

Дѣятельность знахарей весьма разнообразна и разбивается въ вѣкоторомъ родѣ на специальности.

Такъ, существуютъ знахари-лѣкаря: они лѣчатъ различныя болѣзни кореньями, травами, различными снадобьями и, чаще всего, заговорами и нашептываніями. Въ свою очередь и знахари-лѣкаря точно такъ же специализируются. Такъ, еще въ недавнее время въ г. Попехоньѣ жила знахарка Фодорущка. Исключительную специальность ея составляло лѣченіе „дурной болѣзни“. Кроме „дурной болѣзни“, она не бралась лѣчить никакую другую болѣзнь.

Есть знахари-отгадчики. Знахари этой категоріи помогаютъ отыскивать украденное. Особенно славился еще въ недавнее время одинъ изъ таковыхъ знахарей—Левушка въ Николю-Раменской волости. Одинъ человекъ, хорошо знавшій Левушку (священникъ, его духовный отецъ), передавалъ намъ, что знахарь этотъ для отгадыванія уходилъ въ сосѣднюю, совершенно пустую комнату, садился на скамью и, глядя въ уголокъ, думалъ объ украденной вещи, думалъ долго и настойчиво и, въ концѣ концовъ, онъ какъ воочью видѣлъ, гдѣ находится эта вещь. Такъ, по крайней мѣрѣ, передавалъ Левушка вышеуказанному лицу секретъ своего знахарства.

Есть знахари, специальность которыхъ составляетъ привораживаніе мужчины къ женщинѣ или женщины къ мужчинѣ и, наоборотъ, отвораживаніе ихъ.

Есть, наконецъ, знахари, совмѣщающіе въ себѣ всѣ эти отрасли, знахари специалисты на всѣ руки.

Относительно дѣятельности знахарей народъ судить различно: по мнѣнію однихъ, знахари дѣйствуютъ извѣстными имъ тайными средствами безъ всякой помощи нечистой силы, по мнѣнію другихъ, знахари, хотя и входятъ въ сношенія съ нечистой силой, но не въ такія тѣсныя и близкія, въ какихъ находятся съ нею колдуны. Знахари могутъ приносить человѣку не только пользу, но и вредъ. Такъ они могутъ дѣлать „закрутки“, „заломы“, „прожины“ (нѣкоторые утверждаютъ, впрочемъ, что это дѣлать могутъ только колдуны), они могутъ напускать на людей различныя болѣзни и т. д. Болѣзни они напускаютъ на людей по водѣ, по вѣтру и т. д. Выйдетъ знахарь на улицу и начнетъ читать наговоръ; налетитъ вѣтеръ и подхватитъ слова наговора; на кого

„пахнеть“ затѣмъ на перваго этого вѣтеръ, тотъ и получить болѣзнь. Особенно развито у мѣстныхъ знахарей умѣнье „наговаривать килы“. „Килы“ это большія опухоли по всему тѣлу. Умѣющій знахарь можетъ путемъ наговора посадить кому угодно и на какую угодно часть тѣла килу, т. е. опухоль. Снять посаженную килу можетъ и другой знахарь, владѣющій искусствомъ сажать килы. Увѣренность въ томъ, что знахари могутъ садить и снимать килы, и доселѣ глубоко коренится въ народѣ, особенно на сѣверѣ Пошехонскаго уѣзда.

Относительно вѣдмъ въ народѣ ходятъ самыя неясныя и спутанныя рассказы. Вѣдьма отличается отъ остальныхъ женщинъ тѣмъ, что имѣеть хвостъ. По ночамъ она летаетъ на помелѣ по воздуху на шабашъ, въ гости къ нечистой силѣ. Вѣдьмы, обыкновенно, по ночамъ выдѣиваютъ у коровъ молоко. Вотъ и все, что знаетъ пошехонецъ о вѣдьмахъ.

Нѣсколько полнѣе въ данномъ случаѣ его свѣдѣнія объ оборотняхъ или обмѣнкахъ.

Оборотнемъ можетъ, прежде всего, сдѣлаться каждый человѣкъ. Достаточно ему выйти въ лѣсъ, воткнуть въ пенъ ножъ и перекувырнуться черезъ него, произнеся извѣстное заклинаніе, такъ онъ превратится въ волка, медвѣдя или другое животное, по его желанію. Порыскавъ, гдѣ ему нужно, онъ долженъ придти опять къ тому же пню и перекувырнуться въ обратную сторону, и онъ дѣлается тотчасъ же снова человѣкомъ. Но если кто-нибудь въ отсутствіи оборотившагося человѣка вынетъ изъ пня ножъ, то этотъ человѣкъ долженъ уже на всю жизнь остаться оборотнемъ.

Въ оборотней чаще всего обращаются колдуны и вѣдьмы, чтобы, принявъ на себя видъ того или другого животнаго, имъ было удобнѣе вредить людямъ. Эти же колдуны и вѣдьмы могутъ превращать людей въ различныхъ животныхъ.

Оборотнями бываютъ часто клады. Клады кладутся съ заклятіемъ или безъ заклятія. На томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ кладъ, этотъ кладъ является очень часто людямъ въ видѣ какого-нибудь неодушевленнаго предмета или какого нибудь животнаго.

Нѣкоторые, напримѣръ, въ лѣсу, вдали отъ всякаго жилища встрѣчали пѣтуха, зажженную восковую свѣчу и вообще такіе предметы, которымъ быть здѣсь никакъ не полагается. Все это клады. Если удастся подойти къ такому обернувшемуся кладу, то слѣ-

дуетъ ударить его наотмашь, и онъ тотчасъ же рассыплется золотомъ и серебромъ. Но это будетъ въ томъ случаѣ, если кладъ не „за-
клятой.“ „Заклятой“ кладъ достать гораздо труднѣе: нужно знать,
какое заклятіе лежитъ на кладѣ. На нѣкоторыхъ кладахъ лежитъ
такое заклятіе, что получить кладъ можетъ только тотъ, кто про-
льетъ человѣческую кровь и т. п. Вырывать земляной кладъ, не
зная заклятія, на немъ положеннаго,—безполезная трата труда и
времени. Едва дороются до такого клада, какъ онъ снова погру-
зится въ землю и т. д. и т. д.

Кромѣ вышеупомянутыхъ временныхъ оборотней, есть оборотни
постоянные, а именно:

Лягушки. Въ лягушку, по однимъ рассказамъ, обращена жен-
щина, мывшая въ пятницу бѣлье, а по другимъ, мать, проклятая
дочерью.

Кукушка. Дочь потеряла ключи и мать прокляла ее, вслѣдствіе
чего она и обратилась въ кукушку. По мнѣнію нѣкоторыхъ, ку-
кушка и ястребъ одна и та же птица, принимающая, по своему
желанію, то видъ кукушки, то видъ ястреба.

Сорока.—Въ птицу эту обращена была Маринка безбожница.

Въ заключеніе замѣтимъ, что слово „обмѣнъ“ въ смыслѣ обо-
ротень и доселѣ употребительно для выраженія о человѣкѣ хит-
ромъ, ловкомъ, въ смыслѣ бранно-ласкательномъ.

По общераспространеннымъ рассказамъ, на землѣ въ прежнее
время жили люди великаны. Рассказы о нихъ, а также людодѣдахъ,
одноглазыхъ встрѣчаются исключительно только въ народныхъ
сказкахъ.

Что касается до другихъ необыкновенныхъ людей, то всего чаще
можно слышать рассказы о гермафродитахъ и разбойникахъ, а
также о людяхъ полуживотныхъ.

По народному убѣжденію, человѣкъ иногда можетъ совокуп-
ляться съ животнымъ. Въ скотоложствѣ чаще всего обвиняютъ
обыкновенно пастуховъ, но иногда указываютъ случаи и ското-
ложства женщинъ. Послѣднія отъ такого противуестественнаго
совокупленія и рожаютъ зачастую дѣтей, похожихъ столько же
на человѣка, сколько и на животныхъ.

Гермафродиты извѣстны въ народѣ подъ названіемъ „двух-
сбруйныхъ“. Если гермафродитъ дѣвушка съ мужскими половыми
членами, то такой гермафродитъ называется „сѹпарень“.

Что касается до разбойниковъ, то рассказы о нихъ—рассказы прошлаго. Такъ намъ привелось слышать много рассказовъ о разбойникѣ Базанѣ, подвизавшемся въ Подорвиновской волости около пятидесяти лѣтъ тому назадъ. Этотъ Базанъ является, по рассказамъ, какимъ-то полумифическимъ существомъ. Такъ, съ однимъ небольшимъ ножомъ въ рукахъ онъ проходилъ сквозь тысячную толпу людей; онъ обладалъ разрывъ-травой, отъ которой спадали наложенныя на него оковы. Разъ его посадили въ тюрьму. Онъ нарисовалъ мѣломъ на полу лодку, сѣлъ въ нее самъ, посадилъ товарищей и въ одну секунду очутился на свободѣ.

Къ слову замѣтимъ, что разбой въ Пошехонскѣ были не рѣдкость еще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

Къ физическимъ человѣческимъ недостаткамъ народъ имѣетъ какое-то предубѣжденіе: такъ, колдуны бываютъ, по преимуществу, горбатые, или рыжіе (рыжій цвѣтъ волосъ въ нашей мѣстности считается недостаткомъ), косые легко могутъ сглазить и т. д. и т. д.

Вѣрованіе въ дурной глазъ и доселѣ держится въ народѣ. Дурнымъ глазомъ обладаютъ чаще всего косые, кривые, люди съ сросшимися бровями и т. п. лица, обладающія нѣкоторыми физическими недостатками. Достаточно такому человѣку поглядѣть на другого человѣка, какъ тотъ тотчасъ же захвораетъ. Особенно подвержены сглазу маленькія дѣти. Поэтому-то въ первое время послѣ рожденія ребенка его скрываютъ отъ глазъ постороннихъ лицъ и стараются никому не казать. „Сглазить“ замѣняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ словомъ „отспать“. Отъ сглазу вспрыскиваютъ больного наговоренною водою.

Кромѣ сглазу, народъ вѣритъ въ „оговоръ“. Растетъ, напримеръ, ребенокъ вполне здоровымъ, но вдругъ встрѣчаетъ его сосѣдка и говоритъ матери: „экой какой у тебя паренекъ-отъ здоровый!“ Слова эти говорятся „не въ добрый часъ“ и ребенокъ ими оговаривается. Съ этого времени онъ начинаетъ чахнуть, худѣть и хворать... Разъ одна женщина вышла вскорѣ послѣ родовъ на улицу и разговорилась съ другою женщиною. Въ это время подошла къ нимъ третья женщина и, обратившись къ первой, сказала: „что ты, Марья, такъ рано на улицу выходишь!..“ Слова эти сказаны были „не въ добрый часъ“, и женщина была оговорена. Тутъ же почувствовала она ознобъ, слегла въ постель и вскорѣ умерла.

Оговорить человѣка могутъ не только его враги, но и близкія ему лица; оговорить ребенка можетъ собственная его мать. Мало того, оговорить можетъ, наконецъ, человѣкъ самъ себя. Поэтому-то въ разговорѣ крестьяне часто и вставляютъ: „въ часъ молвить“, „не оговориться бы“ и т. п. „Въ часъ молвить, я ни разу не хворалъ зубами“ и т. п.

Отъ оговора употребляются тѣ же самыя средства, что и отъ сглаза.

Очень много суевѣрій соединяется съ различными частями человѣческаго тѣла.

Если у ребенка имѣется на тѣлѣ родимое пятно, то это признакъ, что мать младенца украла что-нибудь во время беременности. Остриженные волосы не слѣдуетъ видать въ огонь—иначе будетъ болѣть голова. Нѣкоторые хранятъ при себѣ остриженные ногти до самой смерти: на томъ свѣтѣ, говорятъ они, придется лѣзть на высокую гору—въ это время и пригодятся ногти. Если прядь волосъ выбьется изъ подъ платка, то это предвѣщаетъ дорогу.

У кого есть на тѣлѣ бородавки, тотъ долженъ найти на кладбищѣ кость мертвеца и потерять ею бородавки во время послѣдняго звона: бородавки отъ этого пропадутъ.

„Зѣвается“—всегда къ гостямъ.

Если человѣкъ чихнетъ, то это значить непременно сбудется то, о чемъ онъ думалъ въ данное время. Когда человѣкъ чихнетъ, ему говорятъ: „будь здоровъ“, „салфеть вашей милости“, и иногда въ шутку: „быкъ ср.ъ на вашу мордочку“.

Если першить въ горлѣ, то непременно кто-нибудь спѣшить.

Если икаешь, то это значить, что кто-нибудь тебя поминаетъ. Въ шутку говорятъ при этомъ: „поминаетъ свинья изъ-за угла“

Если разговоръ между разговаривающими оборвется и всѣ замолчатъ, то это значить, по мнѣнію однихъ, что въ это время пролетѣлъ тихій ангелъ, по мнѣнію же другихъ, что въ это время дуракъ родился.

Кто встанетъ съ лѣвой ноги, тотъ будетъ сердиться цѣлый день.

При ходьбѣ не закладывай руки за спину, въ противномъ случаѣ скоро овдовѣешь.

Никогда не должно свистать въ избѣ: по мнѣнію однихъ, это грѣхъ, такъ какъ въ избѣ находятся св. иконы, по мнѣнію же

другихъ, свистать не слѣдуетъ, такъ какъ этимъ свистомъ можно высвистать изъ избы домового.

Если долго не находятъ какой-нибудь вещи, то „подвязываютъ черту бороду“. Для этого ножку у стола перевязываютъ платкомъ и говорятъ: „чертъ, чертъ, поиграй, да назадъ отдай“. Если кто-нибудь забудетъ въ домѣ шапку или рукавицы, то это значитъ, что этотъ человѣкъ опять за чѣмъ-нибудь вернется.

Чтобы не болѣла спина при жнитвѣ ржи, затыкаютъ за поясъ траву „кошачьи яйца“ („котовы мудѣ“). Поступаютъ для этого и такъ: услыхавъ въ первый разъ весною крикъ журавлей, катаются по землѣ, приговаривая: „журавль, журавль, у тебя шея коломъ, а у меня спина колесомъ“.

При покупкѣ или мѣнѣ животныхъ и другихъ предметовъ всегда бьютъ по рукамъ. Это знакъ того, что торгъ совершенъ.

Если продается лошадь, то поводъ продаваемой лошади передается отъ продавца къ покупателю „изъ полы въ полу“.

При продажѣ лошади лошадь непременно передается покупателю съ „обротью“, т. е. съ мочальной веревкою. Съ веревкою передается покупателю и корова.

Пожеланія и привѣтствія, употребляемые народомъ, весьма разнообразны. Укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

„Миръ дорогой“,—при встрѣчѣ съ путникомъ.

„Бесѣдѣ вашей“, когдаходишь къ разговаривающимъ. Въ отвѣтъ на это говорятъ: „бесѣдовать милости просимъ“.

„Хлѣбъ да соль“—обѣдающимъ. Въ отвѣтъ говорятъ: „хлѣба кушать“; иногда въ шутку: „хлѣба ѣсть, да негдѣ сѣсть“, или же: „въ хлѣвъ зашелъ, такъ дверей ищи“.

„Богъ на помощь!..“ „Богъ въ помощь!“ „Помогай Богъ“—привѣтствія работающему.

„Рыба на уду!“—привѣтствіе удильщику.

„Богъ милости послалъ!“ привѣтствуютъ пришедшіе изъ церкви тѣхъ, кто оставался дома.

Ношеніе амулетовъ и талисмановъ весьма распространено. Все го чаще носятъ на шеѣ ладонки. Ладонки есть ничто иное какъ небольшой зашитый мѣшечекъ съ ватой и ладонемъ, взятыми отъ какой-нибудь мѣстной, особенно чтимой иконы. Ношеніе на шеѣ ладонки считается крестьянами средствомъ, предохраняющимъ человѣка отъ всякаго зла вообще, а въ частности отъ различныхъ болѣзней.

Кромѣ ладонки, нѣкоторые носятъ на шеѣ янтарь отъ „дурного глаза“.

Изъ другихъ амулетовъ народные цвѣтники указываютъ намъ слѣдующее:

Трава адамова глава... и корень ея имѣть при себѣ (должно) начальникамъ и всѣ будутъ покорны“ (т.-е. имѣ).

„Трава чемерица. Эту траву вырвать на Ивановъ день. Корень ея годенъ носить при себѣ съ воскомъ. Когда пойдешь въ судъ, то всякъ судья сдѣлаетъ въ твою пользу.

Трава чернобыль. Подъ корнемъ ея есть уголь. Хорошо подъ корнемъ ея вырвать этотъ уголь и имѣть при себѣ ко всякому счастью и будетъ удача во всемъ, а рвать его іюня 24-го.

Трава папорть. Траву эту пронять сквозъ золотую или серебряную цѣпочку и носить при себѣ, и никакой человѣкъ не можетъ на тебя зла помыслить.

Секретъ о пчельной маткѣ. Взять изъ улья пчелиную матку и одолѣнъ-корень и залѣпить въ воскъ и носить при себѣ, весьма хорошо это и полезно.

Трава одолѣнъ растетъ на черной землѣ, цвѣтъ рудожелтый и листъ, какъ хлопчатая бумага. Корень ея (должно) имѣть при себѣ начальнымъ людямъ. А вырвать его іюня мѣсяца 24 дня утромъ.

Трава змѣица растетъ по бугоркамъ и стелется по землѣ; цвѣтъ ея бѣлый, едва знать. Съ нею, до чего коснется просить у людей, то все сдѣлается въ твою пользу. Если у мужчины просишь, то положи подъ правую руку, если у женщины, то подъ лѣвую.

Трава алота растетъ въ сырыхъ мѣстахъ, листовъ два продолговатые, зеленоглянцовые; цвѣтъ кисточкой бѣлой. Корень ея хорошо имѣть при себѣ торговымъ людямъ для счастья.

Трава прострѣль растетъ на сырыхъ мѣстахъ, сама въ четверть, цвѣтъ голубой. Вырвать ее нужно мая 10 дня. Угодна та трава держать при себѣ.

Трава плакунъ отъ злобы и напасти. Трава плакунъ растетъ въ стрѣлу; цвѣтъ ея багровъ, корень рогатый. Хорошо изъ того корня сдѣлать крестъ и носить на себѣ—тогда не бойся врага и супостата. Богъ сохранить тебя отъ всякаго бѣдствія. А рвать ее второго дня августа.

Секретъ мельникамъ. Взять шерсти черного козла и оной

окурить мельницу, а пепелъ имѣть при себѣ—и будетъ спорынья и прибыль во всемъ.

Средство къ рыболовству. Когда пойдетъ у человѣка изъ носа кровь, то оную кровь высуши и имѣй при себѣ, и будешь много ловить рыбы.

Секретъ о дѣвичьемъ волосѣ. Взять выдернуть у дѣвушки изъ головы съ корнемъ волосъ и оный завязать узломъ и носить при себѣ, а дѣвушка та будетъ поражена къ тебѣ любовью страстно.

Къ числу амулетовъ принадлежатъ точно также и сорочка, въ которой родится иногда младенецъ. Если сорочку эту носить на шеѣ, то будетъ счастье и удачи въ теченіе цѣлой жизни.

Если носить на себѣ барсучью шерсть, то къ тебѣ благосклонны будутъ всѣ начальствующіе лица. Въмѣсто барсучьей шерсти можно носить для той же цѣли на себѣ „вихорево гнѣздо“. Вихорево гнѣздо есть не что иное, какъ атрофированныя, недоразвившіяся конечныя вѣточки на какой-либо вѣткѣ березы. Послѣдняя кажется поэтому издали какъ бы подрѣзанною или подстриженною.

е. Посты, обѣты, святыя мѣста.

Обычай поститься въ дни, установленные церковью, и до сихъ поръ крѣпко держатся въ народѣ, хотя за послѣднее время многіе стали и отступать отъ этого обычая. Такъ, за послѣднее время молодежь чаще и чаще стала нарушать постъ въ среды и пятни, оправдывая себя тѣмъ, что кромѣ скоромной пищи и питаться нечѣмъ въ извѣстное время года, какъ, напримѣръ, въ Петровъ постъ. Впрочемъ, посты Великій и Успенскій чтятся строго. Постъ Успенскій по значенію своему сравнивается съ Великимъ. Менѣе строго выполняются посты Филипповки—предъ Рождествомъ Христовымъ и Петровки. Про послѣдній постъ говорятъ въ шутку, что его выпросили у св. Апостола Петра бабы, для того, чтобы въ теченіе этого поста имъ можно было поприкопить сметанки и масла.

Великій постъ выполняется такъ строго, что въ теченіе его не ѣдятъ даже рыбы, кромѣ дней Благовѣщенія, Вербнаго Воскресенія и Лазаревой Субботы. Нѣкоторые въ теченіе всего Великаго Поста не ѣдятъ по средамъ и пятницамъ съ масломъ. Въ

Успенскій постъ рыбу ѣсть точно такъ же считается грѣхомъ, хотя многіе и ѣдятъ рыбу. Въ остальные посты считается дозволеннымъ ѣсть и рыбу.

Во всѣ посты безусловно воспрещается ѣсть мясо, молоко, яйца и масло скоромное въ какомъ бы то ни было видѣ и въ какомъ бы то ни было количествѣ.

Кромѣ постовъ, установленныхъ церковью, нѣкоторыя старухи держатся обычая поститься по понедѣльникамъ или понедѣльничаютъ¹⁾, а также держать усиленный постъ по пятницамъ (см. выше о 12 пятницахъ).

Въ постъ въ день усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи запрещается народнымъ обычаемъ ѣсть всѣ овощи, имѣющіе шаровидную форму, какъ напр. капусту, рѣпу, картофель и т. п.

Обычнымъ видомъ обѣтовъ является хожденіе на богомолье. Обѣты даются въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ жизни. Иная женщина не имѣетъ дѣтей, имѣетъ которыхъ сильно желаетъ, и вотъ она даетъ обѣщаніе, если у нея родится сынъ или дочь, сходить на богомолье туда-то. У иной женщины мужъ сильно пьетъ, и она даетъ обѣтъ сходить на богомолье въ такой-то монастырь, чтобы мужъ оставилъ пьянство. Иной начинаетъ какое-нибудь рискованное дѣло и даетъ обѣщаніе, въ случаѣ благополучнаго окончанія его, сдѣлать то-то. Даются обѣты по случаю болѣзни, при постигшемъ несчастіи и т. д. и т. д.

Наиболѣе употребительная форма обѣтовъ—это хожденіе на богомолье въ различные монастыри. Чаше всего идутъ, конечно, въ ближайшіе монастыри, обладающіе какими-нибудь мѣстными святынями: чудотворными иконами, мощами и т. д. Впрочемъ, нерѣдко совершаются паломничества и въ отдаленные монастыри, по преимуществу въ Соловецкій, въ Троицко-Сергіевскую Лавру, въ Кіево-Печерскую Лавру, въ Старый Іерусалимъ и на Афонъ.

Кромѣ хожденія на богомолье, даются обѣщанія и другого рода, а именно: поставить свѣчу такому-то образу, пожертвовать въ церковь какой-нибудь предметъ изъ церковной утвари—напр. крестъ, евангеліе, ризы и т. п., жечь передъ образомъ неугасимыя лампы и т. д. Слѣдуетъ замѣтить, что мѣстные крестьяне

¹⁾ Объ этомъ см статью нашу: „Понедѣльничанье“. Яр. губ. Вѣд. 1895 г. № 181.

жертвуютъ на храмы много и охотно, и мѣстные храмы на нужду жаловаться не могутъ.

Изъ „прощъ“ слѣдуетъ указать: 1. на часовню близъ с. Феодоринскаго, около г. Попехонья. По народной легендѣ, на этомъ мѣстѣ явилась одному благочестивому мужу преп. Феодора и велѣла выстроить на этомъ мѣстѣ часовню. На близъ лежащихъ камняхъ находятся углубленія. Эти углубленія, по народному мнѣнію, есть слѣды св. Феодоры. И камни, и вода, скопляющаяся въ углубленіяхъ ихъ, и, наконецъ, около стояща сосны считаются чудотворными. 2. Часовня близъ с. Кештомы. На мѣстѣ этой часовни подвизался, будто бы, преп. Леонидъ, сподвижникъ преподобномученика Адріана. Народное преданіе объ этомъ, впрочемъ, ничѣмъ не подтверждается. 3. Роша близъ с. Ильинскаго въ Лугахъ и источникъ въ ней, о которыхъ мы уже говорили выше. Во всѣ указанныя мѣста въ извѣстные дни въ году въ мѣстныхъ церквяхъ совершаются крестные ходы, такъ что духовенство почитанію этихъ прошъ старается придать церковный характеръ. Впрочемъ, и почитаніе этихъ прошъ народомъ все болѣе и болѣе слабѣетъ.

Во всѣ праздничные дни народъ считаетъ работать грѣхомъ. Но подъ словомъ работа слѣдуетъ понимать въ данномъ случаѣ тяжелую, заправскую работу. Дѣлать небольшую, нетрудную работу не грѣхъ и въ праздникъ. Такъ, если въ праздникъ грѣхъ пахать, жать, сѣять, боронить, то за то не грѣхъ сходить за грибами, не грѣхъ половить рыбы бреднемъ и т. п.

Кромѣ обычныхъ церковныхъ праздниковъ во всемъ Попехоньѣ справляются такъ называемыя мольбы¹⁾ или обѣщанные праздники. Эти обѣщанные праздники образовались такимъ образомъ: первоначально крестьяне извѣстной деревни давали обѣщаніе брать въ деревню иконы по случаю избавленія деревни отъ какого-нибудь несчастья: холеры, пожара и т. п. Затѣмъ тотъ день, въ который „поднимали“ иконы, стали праздновать, какъ настоящій праздникъ. Въ настоящее время почти во всякой деревнѣ справляютъ въ теченіе года двои, а то и трои мольбы.

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ предметѣ см. ст. нашу: „Мольбы въ Ярославской губерніи“. „Русскій Паломникъ“ 1900 г. № 22.

ж. Народный календарь.

1 января. Новый годъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ обычай въ ночь на новый годъ заваливать у сосѣдей калитки. Молодежь деревенская отправляется къ какому-нибудь дому, чаще всего къ такому, гдѣ есть дѣвушка-невѣста, и заваливаетъ входъ на крыльцо снѣгомъ, дровами, бревнами, оставленными повозками и т. п. Затѣмъ отправляются къ другому дому и т. д.

5 января. Крещенскій сочельникъ. Въ этотъ день не слѣдуетъ ничего ѣсть „до воды“, т.-е. до тѣхъ поръ, пока не принесутъ изъ церкви освященную богоявленскую воду. Привнесенною водою окропляютъ избы и дворы, а также всѣхъ домашнихъ животныхъ. По народному убѣжденію, Богоявленскую воду слѣдуетъ пить не иначе, какъ натошакъ. По народному же убѣжденію, Богоявленская вода никогда не портится, хотя бы она простояла нѣсколько лѣтъ. По общераспространенному вѣрованію, въ полночь на Богоявленіе, какъ только наступитъ великій праздникъ, вода во всѣхъ озерахъ, рѣкахъ и рѣчкахъ колышется. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣрятъ, что если заморозить Богоявленскую воду, то на ней изобразится крестъ ¹⁾.

6 января. Богоявленіе Господне, или Крещеніе Господне. Повсемѣстно считается грѣхомъ мыть бѣлье ранѣ истеченія недѣли со дня праздника на рѣкѣ, на которой происходило крещенское водоосвященіе, такъ какъ вода эта, *по народному убѣжденію*, въ теченіе семи дней сохраняетъ свою святость.

Нѣкоторые въ подтвержденіе этого обычая приводятъ слѣдующее соображеніе: извѣстно, говорятъ, что, когда погружается въ воду крестъ, то и нечистая сила бѣжитъ отъ него. Но если будутъ въ проруби полоскать бѣлье, то нечистая сила схватится за бѣлье и выйдетъ наверхъ, такъ какъ бѣлье несвяченое.

По общераспространенному убѣжденію, всѣ, кто родился о святкахъ, должны погрузиться въ прорубь послѣ освященія воды. Обычай этотъ выполняется, правда, немногими, тѣмъ не менѣе два года тому назадъ мы сами видѣли, какъ двое въ сильный морозъ выкупались въ проруби. Такое купанье прошло для нихъ безвредно.

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. статью нашу: „Св. Богоявленская вода въ народныхъ вѣрованіяхъ“. Яр. Губ. В. ч. н. 1899 г. № 4.

2 февраля. Срѣтеніе Господне. Въ этотъ день зима съ лѣтомъ встрѣчается; лѣто зиму по щеки ударяетъ: „полно тебѣ зимѣ зимовать—пора мнѣ лѣту лѣтовать“.

11 февраля. Св. Власій считается покровителемъ скота. Почитаніе его выражается тѣмъ, что ему служатъ молебны во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается скота: при постановкѣ, на примѣръ, новаго двора, при эпизоотіи и т. д.

29 февраля. Св. Кассіанъ. Високосный годъ считается годомъ несчастливымъ. „Касьянъ сердито посмотрѣлъ“, говоритъ въ данномъ случаѣ народъ.

1 марта. Св. Евдокіи. Начало весны. Несмотря на это, по народному убѣжденію, послѣ Евдокіи еще „собачку въ сидячку заносить снѣгомъ“.

4 марта. Герасима Грачевника. Къ этому дню прилетаютъ грачи.

9 марта. Сорока мучениковъ. Къ этому дню прилетаютъ до сорока различныхъ птицъ. Въ этотъ день пекутъ изъ тѣста жаворонковъ.

17 марта. Алексѣя, человѣка Божія. Съ горъ потоки бѣгутъ.

25 марта. Благовѣщеніе. Въ этотъ день грѣшно работать какую бы то ни было работу. „Въ Благовѣщенье птица гнѣзда не завиваетъ, дѣвка косы не заплетаетъ“. Кукушка оставлена Богомъ безъ гнѣзда за то, что она хотѣла было завить его въ Благовѣщеневъ день“. Съ этого дня сидѣть съ огнемъ по вечерамъ считается уже грѣхомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ этотъ день заворовываютъ воры, чтобы имѣть счастье во весь годъ.

1 апрѣля. Кое-гдѣ существуетъ обычай обманывать другъ-друга.

17 апрѣля. Св. Зосима считается покровителемъ пчелъ. Почитаніе его выражается точно такъ же, какъ и почитаніе Св. Власія.

23 апрѣля. Егорьевъ день. Св. Георгій Побѣдоносецъ считается покровителемъ всего домашняго скота. Въ этотъ день сгоняютъ скотъ въ первый разъ на поля. Передъ сгономъ служатъ, гдѣ это можно, молебенъ свм. Георгію. Сгоняютъ скотъ вербой, освященной въ Вербное Воскресенье.

Св. Георгій считается въ то же время и поводителемъ всѣхъ лѣсныхъ и хищныхъ животныхъ—волковъ, медвѣдей и т. п. „Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ“, говоритъ поговорка. „Жилъ

былъ, рассказываетъ сказка, записанная мною въ Пошехонскомъ уѣздѣ, одинъ волкъ старый-престарый. Онъ не могъ ужъ рыскать по лѣсу и сталъ онъ погибать съ голоду.

Вышелъ волкъ въ чистое поле и закричалъ: „Егорій, Егорій, я ѣсть хочу!“ Тогда Егорій сказалъ ему: „ступай на дорогу—встрѣтишь ты жеребенка: возьми и съѣшь его“. Волкъ пошелъ и, дѣйствительно, встрѣтилъ жеребенка. Но едва онъ приблизился къ нему, какъ тотъ лягнулъ его, такъ что волкъ потерялъ и остальные зубы. Снова вышелъ волкъ на поле и снова закричалъ: „Егорій, Егорій, я ѣсть хочу!“ Тогда Егорій сказалъ ему: „ступай на дорогу—встрѣтишь козла: возьми и съѣшь его“. Волкъ пошелъ, и дѣйствительно, встрѣтилъ козла. Козелъ увидѣлъ, что дѣло плохо, и поднялся на хитрости. „Вотъ что, волкъ, сказалъ онъ. Ты становись подъ горку, а я на горку. Ты раскрой ротъ, а я разбѣгусь, да прямо тебѣ въ ротъ вскочу“. Согласился на это волкъ. Козелъ разбѣжался, да такъ ударилъ рогами въ волка, что у того только искры изъ глазъ посыпались, а козла и слѣдъ простылъ. Пошелъ волкъ опять на поле и закричалъ: „Егорій, Егорій, я ѣсть хочу!“ Ступай, сказалъ Егорій, на дорогу, на дорогѣ той идетъ пьяница портной—возьми и съѣшь. Пошелъ волкъ на дорогу и встрѣтилъ онъ на дорогѣ пьяницу портного. „Портной, портной, я тебя съѣмъ!“ сказалъ ему волкъ. „Гдѣ тебѣ меня съѣсть: я и въ брюхо тебѣ не уберусь“, возразилъ портной. „Давай-ка, сначала, а тебя смѣряю, уберусь ли я тебѣ въ брюхо“... Согласился волкъ. Тогда схватилъ портной волка за хвостъ да и давай его бить желѣзнымъ аршиномъ. До тѣхъ поръ билъ, пока тотъ не издохъ.

21 мая. Св. Константина и Елены. Съ этого дня начинаютъ сѣять ленъ.

4 июня. Павлы-навозницы. Съ этого дня начинаютъ возить навозъ на поля.

23 июня. Аграфены Купальницы. Съ этого дня начинаютъ купаться. Купаться до этого дня грѣхъ.

24 июня. Ивана Купала. Въ ночь на Ивана купала расцвѣтаетъ папортникъ. Деревья въ эту ночь переходятъ съ мѣста на мѣсто, и всѣ растенія другъ съ другомъ разговариваютъ. Въ эту ночь собираютъ лекарственныя и волшебныя травы.

20 июля. Ильинъ день. Илья-пророкъ ѣздитъ по небу на огненной колесницѣ и поражаетъ молніей нечистую силу. Последняя пры-

чется по межахъ и за людей. Поэтому то и люди иногда убиваются грозю. Чтобы отогнать отъ себя нечистую силу, слѣдуетъ при каждомъ ударѣ грома креститься. Для огражденія отъ ударовъ молніи зажигаютъ, обыкновенно, пасхальныя свѣчи. Про пожаръ, происшедшій отъ молніи, говорятъ, что онъ произошелъ отъ „Божьяго милосердія“. Такой пожаръ нельзя потушить водою. Его можно потушить только или молокомъ, или же бросивъ въ горящее зданіе пасхальное яйцо.

Работать въ Ильинъ день считается великимъ грѣхомъ, такой же грѣхъ работать и въ Ильинскую пятницу, т.-е. въ пятницу передъ Ильинимъ днемъ. Кто работаетъ въ эти дни, того убьетъ молнія или же поглотитъ его имущество.

Послѣ Ильина дня купаться считаютъ грѣхомъ. Одни говорятъ, что въ Ильинъ день „олень ступаетъ въ воду“. Послѣ Ильина дня облака начинаютъ ходить не только по вѣтру, но и противъ вѣтра и дожди собираются скорѣе. „До Ильи дождя и пошъ не умолить, а послѣ Ильи баба фартукомъ нагонитъ“.

27 июля. Св. Пантелеймонъ считается цѣлителемъ отъ всѣхъ болѣзней. Ему служатъ молебны для освобожденія отъ какой-нибудь болѣзни.

30 июля. Св. Іоаннъ Воинъ считается покровителемъ воровъ и ему молятся передъ кражею.

1 августа. Первый Спасъ. „Спасъ на водѣ“. Совершается крестный ходъ на воду. Съ этого дня начинаютъ ѣсть ранній горохъ. Защищать горохъ до этого дня считается грѣхомъ. Пчеловоды приносятъ въ этотъ день въ церковь для освященія пчелиныя соты.

6 августа. Второй Спасъ. „Спасъ на горѣ“. До этого дня считается грѣхомъ ѣсть плоды и огородныя овощи (за исключеніемъ огурцовъ и ягодъ). Нѣкоторые приносятъ въ этотъ день въ церковь для освященія яблоки.

15 августа. Успеніе пр. Богородицы. Успенскій постъ называется народомъ: „Успенскимъ“, „Оспожинками“, „Госпожинками“, „Спожинками“, и т. д. Въ Успеневъ день жницы для того, чтобы у нихъ не болѣла послѣ жнитва спина, катаются по нивѣ, приговаривая: „нивка, нивка, отдай мнѣ мою силку“.

Съ Успенева дня, по народному вѣрованію, у лягушекъ зарастаетъ ротъ, и онѣ перестаютъ квакать.

16 августа. Третій Спасъ. „Спасъ на полотнѣ“.

18 августа. Св. Флора и Лавра. Святые эти считаются покровителями лошадей. Въ этотъ день ихъ купаютъ въ водѣ.

29 августа. День усѣкиновенія главы св. Иоанна Крестителя. Въ этотъ день считается грѣхомъ рѣзать и ѣсть всѣ круглыя овощи, какъ напр. яблоки, картофель, капусту. Если въ этотъ день срѣзать кочанъ капусты, то изъ него потечетъ кровь.

1 сентября. Симеона Столпника. Съ этого дня начинаютъ сидѣть съ огнемъ по вечерамъ ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ этотъ день дѣти дѣлаютъ гробикъ изъ капустной кочерыжки, кладутъ въ него блохъ, клоповъ, и таракановъ и закапываютъ этотъ гробикъ въ землю съ тою цѣлю, чтобы насѣкомыя эти не плодились въ домѣ.

4 сентября. Икона Неопалимой Купины считается охранительницей отъ пожаровъ. Её выносятъ постоянно во время пожаровъ и обходятъ съ нею незагорѣвшіяся еще строенія, чтобы предохранить ихъ отъ пожара.

8 сентября. Рождество Пр. Богородицы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ этого времени начинаютъ „засидка“, т. е. начинаютъ сидѣть по вечерамъ съ огнемъ.

14 сентября. Воздвиженіе. Овинные именины. (См. выше).

1 октября. Покровъ Пр. Богородицы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наканунѣ этого праздника гадаютъ. Гадающая дѣвушка должна наканунѣ праздника испечь небольшой ржаной хлѣбъ и „обдѣлать“, т. е. измять и отрепать пучокъ льна. Вечеромъ хлѣбъ и ленъ относится гадающею въ овинъ и ставится на колосники (положенные горизонтально жерди, на которыя ставятъ для просушки снопы хлѣба) со словами: „мой суженый, мой милый, приходи сегодня въ ригу на работу, насмотрился, изъ окошка покажися“. Потомъ дѣвушка должна дожидаться появленія суженаго, стоя посрединѣ гумна. Онъ долженъ показаться въ окнѣ, въ которое бросаютъ снопы въ овинѣ; говорить съ нимъ ничего не надо. Когда ударятъ къ утренѣ, то хлѣбъ и ленъ нужно взять обратно домой и хранить. Обыкновенно же гадающія дѣвушки трясуться оставаться ночью въ пустомъ овинѣ, а, положивъ хлѣбъ и ленъ на колосники, уходятъ домой спать; когда же раздастся благовѣстъ къ утренѣ,

¹⁾ О засидкахъ см. ст. нашу въ Яр. Губ. Вѣд. ч. в. 1898 г. 182.

то идутъ и уносятъ хлѣбъ и ленъ. Конечно, суженаго они уже не увидятъ, но за то такой хлѣбъ и ленъ имѣютъ чудодѣйственную силу привораживать сердца. Если дѣвушка захочетъ приворожить парня, то должна дать ему съѣсть кусочекъ хлѣба и положить въ карманъ нитку изъ вороженнаго льна, при условіи, чтобы тотъ ничего не подозрѣвалъ, иначе ворожба не подѣйствуетъ.

Въ этотъ праздникъ дѣвушки не работаютъ, а собравшись въ одномъ домѣ, танцуютъ и поютъ пѣсни. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранилась старинная пѣсня:

„Покровъ праздничекъ приходитъ,	Съ нелюбимымъ ли страданье?
Что-то намъ онъ приготовить?	Иль велитъ въ дѣвкахъ остаться,
Съ другомъ милымъ ли вѣнчанье,	Замужъ больше не сбираться“...

На бесѣдѣ, бывающей въ этотъ день, замѣчаютъ, кто за кѣмъ ухаживаетъ. Счастливымъ знакомъ считается получить дѣвушкѣ отъ парня въ этотъ день какой-нибудь подарокъ, кромѣ, однако, ножницъ и иголки:

„Если миленькій колечко	Должно знать, мое сердечко,
Подаритъ въ Покровъ любя,	Полюбилась ему я“,

такъ поется въ одной народной пѣснѣ.

28 октября. Св. Параскевы Пятницы. Празднованіе Пятницы распространено въ народѣ весьма сильно. Кромѣ указанныхъ выше двѣнадцати пятницъ, народъ почитаетъ еще девять пятницъ послѣ Пасхи, которыя и празднуетъ, какъ храмовые праздники. Такъ, напримѣръ, въ с. Фодорковѣ празднуется 10-я пятница, въ Дмитріевскомъ девятая ¹⁾).

1 ноября. Св. Космы и Даміана. Святые эти считаются покровителями куръ.

24 ноября. Св. вм. Екатерина считается покровительницею свадебъ и помощницею при трудныхъ родахъ.

30 ноября. Св. Андрей считается покровителемъ свадебъ ²⁾).

24 декабря. Рождественскій сочельникъ. Въ этотъ день не ѣдятъ ничего до появленія вечеромъ звѣзды. Обычаи святочные,

¹⁾ Подробно о празднованіи Пятницы въ Пошех. уѣздѣ см. ст. нашу: „Празднованіе Пятницы въ Пош. уѣздѣ“. Яр. Губ. Вѣд. ч. н. 1895 г. № 128.

²⁾ См. статью нашу: „Св. Андрей Первозв. и Св. Екатерина въ нар. вѣрованіяхъ“ Жив. Стар. 1899 г. № 4.

а именно переряживанье и гаданье—общеизвестны и говорить о них мы не будем.

Масляница. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранился слѣдующій обычай: всѣ „молодые“, т. е. обвѣнчавшіеся въ теченіе истекшаго года, въ одинъ изъ масляничныхъ дней съѣзжаются въ ближайшее торговое село или городъ на гулянье. Здѣсь они катаются, гуляютъ, пьютъ въ трактирахъ чай и, затѣмъ, во свояси возвращаются по домамъ.

Такое масляничное гулянье молодыхъ извѣстно подъ названіемъ „кочки“ или „горки“.

Еще на нашей памяти въ нѣкоторыхъ селахъ устраивались проводы масляницы. Въ большую повозку запрягали гусемъ нѣсколько лошадей; на каждую лошадь садился верховой, выпачканный сажей, въ разорванной одеждѣ, съ кнутомъ или метлою въ рукахъ. Всюду на упряжь и даже на шею себѣ участники процессіи навѣшивали какъ можно больше колокольчиковъ и погремушекъ.

Повозка вся увѣшивалась вѣнками и въ нее сажался пьяный, съ выпачканнымъ лицомъ, въ разорванномъ рубищѣ. Иногда пьяный переряживался въ женское платье. Подлѣ пьянаго, изображавшаго собою масляницу, ставили боченокъ съ пивомъ, напротивъ—раскрытый сундукъ съ пирогами, аладьями, пряженцами, рыбою и яйцами, съ другой стороны—штофъ вина, а въ руки ему давали большую чарку съ виномъ. Въ такомъ видѣ поѣздъ ѣздилъ изъ деревни въ деревню. Это означало, что масляница ѣдетъ домой.

Обычай прощаться другъ съ другомъ въ прощенное воскресенье существуетъ и до сихъ поръ повсемѣстно въ Пошехонскомъ уѣздѣ. Прощаться всегда приходятъ младшіе къ старшимъ, ниже стоящіе къ выше стоящимъ. Прощаются только родственники или близкіе знакомые. Придя къ старшему, младшій кланяется ему въ ноги, иногда же довольствуется простымъ поклономъ, говоря: „прости меня, Христа ради, если въ чемъ согрѣшилъ противъ тебя“. На это старшій отвѣчаетъ: „меня прости, Христа ради“. Послѣ этого оба цѣлуютъ другъ друга.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пошехонскаго уѣзда въ прощенное воскресенье ходятъ прощаться на могилки со своими усопшими родителями или родственниками.

Въ прощенное же воскресенье „сжигаютъ масляницу“. Для

этого молодежь собираетъ по домамъ хворостъ, щепки, солому, дрова, худыя кадки и т. п. и все это складываетъ въ одну груду на полѣ. Вечеромъ въ прощенное воскресенье эта грудка зажигается. Когда она сгоритъ, тогда уже молодежь расходится по домамъ. Въ заключеніе нельзя не отмѣтить общераспространеннаго обычая, чтобы зятя въ прощенное воскресенье пріѣзжали къ своимъ тещамъ на заговѣнье.

Великій постъ. На середокрестной или крестопоклонной недѣлѣ во многихъ мѣстахъ пекутъ кресты изъ тѣста по числу лицъ, находящихся въ семьѣ. Въ одинъ изъ крестовъ запекаютъ мелкую серебряную или мѣдную монету. Затѣмъ всѣ семейные берутъ по кресту. Тотъ, кому въ крестѣ достанется монета, будетъ жить весело и счастливо цѣлый годъ.

Великій Четвертокъ. Въ великій четвертокъ пережигаютъ соль въ печи на угольяхъ. Эта соль называется четверговой и считается радикальнымъ средствомъ при всевозможныхъ заболѣваніяхъ. Ею лѣчатся люди, ее же даютъ, какъ лѣкарство, и скоту.

Въ великій четвертокъ, по народному повѣрью, не слѣдуетъ спать подъ землею. Нѣкоторые въ великій четвертокъ встаютъ по утру рано, еще до восхода солнца, отправляются подъ куриную напестъ и здѣсь окачиваются водою. Это дѣлается съ тою цѣлью; чтобы въ теченіе цѣлаго года не испытывать никакой болѣзни и всегда быть здоровымъ. Въ великій четвертокъ кормятъ на заслонкѣ пѣтуха; послѣ такой покормки пѣтухъ слѣдается храбрымъ и сильнымъ и будетъ бить сосѣдскихъ пѣтуховъ.

Великій Четвертокъ считается однимъ изъ самыхъ счастливыхъ дней въ году. Поэтому хозяйка стараются въ этотъ день подѣлать понемногу всякаго дѣла.

Святая недѣля. Въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресенье стараются не спать. Во время Христовой утрени зажигаютъ костры.

По общераспространенному повѣрью, солнце при восходѣ своемъ въ первый день Пасхи играетъ и пляшетъ на небѣ.

Въ первый день Пасхи открывается свѣтлый рай и тотъ, кто умретъ въ этотъ день, попадетъ прямо въ рай, какъ бы онъ грѣшнень ни былъ. Поэтому-то въ первый день св. Пасхи и умираютъ одни только праведники.

Первое Христовское яйцо, полученное въ день св. Пасхи, обла-

дасть чудеснымъ свойствомъ никогда не портиться. Пасхальное яйцо, брошенное въ горящее зданіе, прекращаетъ пожаръ. Пасхальнымъ яйцомъ гладятъ домашнихъ животныхъ, преимущественно лошадей для того, чтобы они были здоровы.

Въ первый день Пасхи и грѣшникамъ, мучающимся въ аду, дается облегченіе отъ адскихъ мукъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ такой обычай: молодежь замѣчаетъ другъ за другомъ, кто изъ нихъ не былъ за свѣтлой заутреней. Проспавшаго свѣтлую заутреню обливаютъ водою или въ тотъ же день, или же на другой день Христова дня. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычай этотъ приурочивается не къ Свѣтлomu Христову Воскресенію, а къ Новому году.

Въ первый день Пасхи должно ложиться спать засвѣтло: кто этого не исполняетъ, у того будетъ куриная слѣпота.

Что касается до священныхъ пасхальныхъ свѣдѣй: куличей, яицъ и т. д., то народъ считаетъ эти свѣдѣя за святыню и ѣсть ихъ прежде всякой другой пищи натошакъ.

Во время хожденія о Пасхѣ по домамъ со св. иконами, послѣдніа чаще всего ставятся на кадку съ житомъ, которое и идетъ, затѣмъ, для поѣва.

Обычай ходить послѣ свѣтлой заутрени на могилки христосоваться съ умершими родственниками распространенъ повсемѣстно.

Желающіе исцѣлиться отъ глухоты идутъ въ первый день Пасхи на колокольню и здѣсь, во время звона, становятся подъ большой колоколъ.

Имѣющій на тѣлѣ бородавки долженъ найти на кладбищѣ кость мертвеца и ею тереть бородавки во время пасхальнаго колокольнаго звона: бородавки отъ этого пропадутъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ считаютъ нужнымъ, чтобы бабы въ первый день Свѣтлаго Христова Воскресенія ходили на колокольню и звонили, отъ этого, будто бы, лень у нихъ выйдетъ долгій и волокнистый.

Повсемѣстно принято первое пасхальное яйцо хранить до слѣдующаго года. Этимъ яйцомъ, обыкновенно, и заговляются.

Расписываютъ яйца рѣдко, но за то красятъ постоянно. Для окраски яицъ въ красный цвѣтъ употребляютъ сандалъ или же фуксинъ (анилинъ), въ синій—анилинъ, въ зеленый—листья березы, въ желтый—луковья перья.

Оминая недѣля. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣти-подростки въ Омино воскресенье „окликають молодыхъ“, т. е., подойдя къ дому, гдѣ есть молодые, называютъ ихъ по имени. Последніе угощаютъ ихъ за это лакомствами. Съ Оминой недѣли начинаются „гулянья“, т. е. сборища и игры деревенской молодежи на улицѣ.

Недѣля Мироносицъ. Воскресенье этой недѣли называется „бабьимъ праздникомъ“.

Вознесенье. Въ этотъ день дѣвушки готовятъ сообща яичницу. Парни къ этому не допускаются. Взявъ яичницу съ собою, онѣ обходятъ затѣмъ всѣ поля, засѣянные хлѣбомъ. Послѣ этого яичница съѣдается. Дѣвушки катаются, затѣмъ, по травѣ, приговаривая: „рости трава къ лѣсу, а рожь къ овину“.

Вспыхвѣтское заговѣнье. Заговѣнье на Петровъ постъ чаще всего называется „крапивнымъ заговѣньемъ“, такъ какъ парни и дѣвушки на гуляньѣ въ этотъ день жгутъ другъ друга крапивой.

Семикъ. Поминовение усопшихъ. Завиваніе вѣнковъ. Завитые на березѣ вѣнки остаются до Троицына дня.

Троицынъ день. Цвѣты, съ которыми стояли въ этотъ день въ церкви, сохраняются въ божницѣ вмѣстѣ съ вербомъ. Дома въ этотъ день украшаютъ снаружи и изнутри молодыми березками. Въ Троицынъ день (а въ другихъ мѣстахъ въ Духовъ день) дѣвушки срываютъ завитые вѣнки и пускаютъ ихъ на воду. Та, у которой вѣнокъ потонетъ, въ томъ году помретъ, у которой поплыветъ—выйдетъ замужъ. Въ какую сторону вѣнокъ поплыветъ—въ ту сторону она и выйдетъ замужъ.

Духовъ день. Въ этотъ день считается грѣхомъ копать или разрыхлять землю, а также вбивать въ землю колья, такъ какъ земля въ этотъ день именинница.

А. В. Баловъ.

Г. Пошехонье Ярославской губ.

СМѢСЬ.

Суевѣрія относительно волковъ.

*Когда везешь кросна черезъ чужое поле,
замыкай ихъ. (Народная примѣта).*

При встрѣчѣ съ волкомъ или «волчьимъ стадомъ» крестьяне считаютъ нужнымъ для безопасности обратиться къ нимъ съ привѣтствіемъ: — «Здравствуйте, молодцы! вы идите своей дорогой, а я пойду своей!»

Или говорятъ такъ:

— «Ну, иди, *пустыня*, своей дорогой!» Увѣряютъ, что если поговорятъ съ волками по-хорошему, то они не тронуть — свернуть съ дороги и пойдутъ сторонкою.

Волкъ, по народному мнѣнію, большой шутникъ: ночью онъ часто бросается къ человѣку подъ ноги и валитъ его, единственно для того, чтобъ пошутить и позабавиться надъ страхомъ оторопѣлаго путника. Главнымъ начальникомъ надъ всѣми волками и покровителемъ ихъ считается св. Егорій, а, по мнѣнію крестьянъ Краснинскаго уѣзда, волки находятся подъ властью Честнаго Лѣса или лѣсного царя, который часто принимаетъ видъ бѣлаго волка. Св. Егорій и Честной Лѣса то посылаютъ волковъ на стада, то запрещаютъ имъ дѣлать нападенія на домашнихъ животныхъ. Волкамъ они покровительствуютъ и даже наказываютъ людей или животныхъ, истребляющихъ волковъ.

Съ просьбой о заступничествѣ и покровительствѣ скоту, при выгонѣ стада, пастухи обращаются то къ св. Егорію, то къ Честному Лѣса, и кладутъ имъ въ лѣсу приношенія и относы.

Св. Егорій и Честной Лѣса — покровители волковъ. Поэтому, чтобы пріобрѣсти расположеніе Честнаго Лѣса, оставляли въ лѣсу на съѣденіе волкамъ овечку, — и овца та уже не считалась собственностью хозяина, по народной поговоркѣ: «обречѣнная скотина въ домѣ не животина». — И сейчасъ вѣрятъ, что у вора бываетъ и хорошая и дурная рука, что у волка зубъ бываетъ и хорошій и дурной, — говорятъ, что если волкъ съ хорошимъ зубомъ съѣстъ скотину — послѣ того скоть здоровъ бываетъ и ведется хорошо.

Волкъ, по мнѣнію крестьянъ Смоленской губерніи, легко поддается заговорамъ и внушеніямъ. Нѣкоторые крестьяне не пригоняютъ своихъ коровъ ночью въ хлѣвы и закуты, а оставляютъ ихъ пастись на поляхъ

и лугахъ, предварительно побывавъ у знахаря. Знахарь читаетъ заговоръ отъ волковъ у себя дома; послѣ чего коровы и лошади, какъ думаютъ, безопасно могутъ ночевать въ лѣсу и въ полѣ, безъ всякой охраны и надзора.

Въ селѣ Даньковѣ Смоленскаго уѣзда бабы, по фамиліи Брашовой, всегда оставляли коровъ въ полѣ и въ ночное время. Другія Даньковскія бабы идутъ вечеромъ встрѣчать коровъ, а бабы Брашовой бредутъ «къ старикю, а тотъ нашептываетъ что-то противъ волка». Года два тому назадъ эти бабы чрезъ свою лѣность авились четырехъ коровъ, которыя въ одну ночь были растерзаны волками. Стали хозяйки упрекать Емельяна въ обманѣ и недѣйствительности его заговора, — Емельянъ отвѣтилъ: «Да вы, бабы, пришли ко мнѣ поздно, когда уже волки расправились съ коровами».

Бываетъ, по мнѣнію крестьянъ, насылъ волковъ. Волки нападаютъ на стадо не по своей охотѣ, а по приказу знахаря или колдуна, который изъ мести насылаетъ ихъ на стадо своего врага.

Въ селѣ Даньковѣ былъ крестьянинъ Максимъ Брашовъ, который считался колдуномъ и, по мнѣнію односельчанъ, обладалъ способностью насылать волковъ.

Крестьянка села Данькова Анастасія Наумова передавала, что разъ волки, вслѣдствіе насыла ихъ Максимомъ Брашовымъ, забрались въ хлѣвъ и переѣли тамъ овецъ.

Старикъ изъ деревни Киселевки Смоленскаго уѣзда зналъ пастуха, который имѣлъ большое вліяніе на волковъ — «дѣлалъ съ ними, что хотѣлъ». — «Я былъ у него подпастушемъ», рассказываетъ киселевскій старикъ. «Разъ пасу я съ нимъ стадо, а волкъ подкрадывается къ овцамъ. Пастухъ не унываетъ — смѣется и говоритъ мнѣ: «смотри, что сейчасъ будетъ дѣлать волкъ!» Съ этими словами онъ бросилъ палку, а волкъ съ ожесточеніемъ ухватилъ ее зубами и, вмѣсто овцы, потащилъ въ лѣсъ».

Есть какая-то символическая связь въ народномъ суевѣріи между волками и кроснами. Во многихъ уѣздахъ смоленской губерніи кросна играютъ нѣкоторую роль въ обрядахъ, имѣющихъ цѣлью предохранить стада отъ нападенія волковъ.

Въ селецкой волости Бѣльскаго уѣзда при перенесеніи кросенъ, въ случаѣ надобности, изъ одной деревни въ другую непремѣнно замыкаютъ замкомъ нити кросенъ; бабы говорятъ при этомъ: «мы замыкаемъ зубы волку, чтобъ онъ не трогалъ овецъ»; крестьяне Ельнинскаго и Смоленскаго уѣздовъ также держатся этого обычая; бывали случаи задержанія лицъ, везшихъ незамкнутыя кросна; нарушителей стариннаго обычая штрафовали сельскимъ сходомъ и пили съ нихъ водку.

Въ Прудковской волости Смоленскаго уѣзда, когда выгоняютъ въ первый разъ скоть, кладутъ нить подъ ноги и говорятъ: «какъ мой нить согласенъ — чтобы такъ скоть нашъ былъ согласенъ, и чтобъ волки его не трогали».

В. Н. Добровольскій.

„Родительскіе сухарики“.

Обычай «родительскихъ сухариковъ», сохранившійся въ Рыбинскомъ уѣздѣ, заключается въ слѣдующемъ.

Когда невѣсту совершенно уже снарядить всеѣмъ необходимымъ приданымъ, то родители невѣсты въ тѣ сундуки, гдѣ положено ея главное имущество, кладутъ во всеѣ уголки сундуковъ сушенаго хлѣба. Хлѣбъ этотъ рѣжется отъ цѣлаго корова и всегда бываетъ ржаной, черный; рѣжетъ его мать невѣсты мелкими частями, каждую часть непременно съ корочкой, а не одинъ мякишъ; все это засушивается въ печи утромъ въ день сговора. Сухарики мать же кладетъ въ углы сундуковъ, а отецъ кладетъ деньги: шѣдныя, старинныя, или полтинники, и тоже старинныя.

Все это очень строго должно сохраняться невѣстою и послѣ замужества до самой ея смерти, а если у нея будутъ дѣти, то эти деньги она должна класть своимъ дочерямъ или дарить изъ рода въ родъ внучатамъ, племянникамъ и т. д. Сухарики должны храниться въ чистотѣ; во время какой-либо болѣзни, печали, скуки она можетъ ихъ поѣсть немного, соблюдая большую нравственную и тѣлесную чистоту.

13-го октября этого года мнѣ удалось видѣть у кр-ки дер. Григорово, Николокориской вол., Рыб. у., Евлампіи Тар-овой сохранившіеся «родительскіе сухарики» и деньги. Первые были положены въ тоненькій шѣшочекъ, а деньги въ уголкахъ двухъ сундуковъ, и все это хранилось, по ея словамъ, уже 53 года. Обычай этотъ здѣсь и сейчасъ еще очень распространенъ.

Ив. Костоловскій.

Критика и библиографія.

Бѣломорскія былины, записанныя А. Марковымъ. Съ предисловіемъ проф. В. Ө. Миллера. Изд. Этнографическаго Отдѣла Имп. О. Л. Е., А. и Ө. Москва 1901. Стр. XVI+618. Ц. 2 р. 50 коп.

До послѣдняго времени Архангельская губернія по отношенію къ сохраненію былевого эпоса занимала третье мѣсто въ ряду другихъ областей (Олонецкая губернія, западно-сибирскій районъ). Въ 1894 году одинъ изъ собирателей народныхъ пѣсенъ, г. Истомино, рѣшился даже утверждать, будто въ ней былина представляетъ рѣдкое явленіе; такое заявленіе будетъ до нѣкоторой степени понятно, если мы сопоставимъ обширность территорій съ количествомъ записанныхъ на ней былинь — 31. Первая поѣздка А. В. Маркова на Бѣлое море, состоявшаяся въ августѣ 1898 года, дала пять прекрасныхъ былинь, которыя и были въ слѣдующемъ году напечатаны въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н.» (т. IV, кн. 2-я, стр. 661—725) съ предисловіемъ и замѣчаніями проф. В. Ө. Миллера. Привѣтствуя новыя записи, какъ «цѣнное пополненіе нашего былиннаго эпоса», проф. Миллеръ выражалъ надежду, что архангельскій инвентарь былинь еще можетъ быть пополненъ, такъ какъ эта обширная губернія еще далеко не изслѣдована такъ обстоятельно этнографами, какъ Олонецкая. Интересныя старинки еще могутъ бытовать въ непосѣщенныхъ этнографами мѣстахъ» (стр. 4, отд. отт.). Вторичная поѣздка г. Маркова въ ту же мѣстность — селеніе Зимнюю Золотцу, находящуюся на восточномъ, такъ называемомъ, Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, блестящимъ образомъ оправдала предсказаніе пр. Миллера: результатомъ ее явился сборникъ, заглавіе котораго выписано выше, содержащій въ себѣ 116 №№ старинъ. Въ прекрасной вступительной статьѣ «Былинная традиція на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря» г. Марковъ знакомитъ читателя съ состояніемъ былевого эпоса въ посѣщенной имъ мѣстности. Первымъ необходимымъ условіемъ сохраненія былевой поэзіи является досугъ, которымъ могутъ располагать крестьяне, принужденные во время лѣтнихъ промысловъ жить по трое въ промысловыхъ избушкахъ, отдѣленныхъ одна отъ другой большими разстояніемъ. Другимъ важнымъ условіемъ служатъ малое развитіе грамотности среди населенія. Далѣе г. Марковъ указываетъ на присутствіе интереса къ старинамъ, не заглушаемаго какими-нибудь животрепещущими событіями, и, наконецъ, на сочувствія идеаламъ свободной силы, воспѣваемымъ въ былинахъ, и пониманіе выводимыхъ

въ нихъ типовъ, сохранившееся до-сихъ поръ благодаря тому, что сѣверный крестьянинъ не испыталъ на себѣ тяжести крѣпостного права. Всѣ эти обстоятельства объясняютъ живучесть и свѣжесть былинной традиціи въ Зимней Золотицѣ, съ которой въ этомъ отношеніи нельзя, кажется, поставить на ряду ни одной мѣстности: въ обоихъ селахъ Зимней Золотицы (Нижняя и Верхняя Золотица), заключающихъ въ себѣ всего 170 дворовъ, насчитывается около 25 сказателей и сказательницъ. Самъ г. Марковъ выслушалъ 5 сказателей и 6 сказательницъ, изъ которыхъ самой выдающейся оказалась Аграфена Матвѣевна Крюкова¹⁾, пропѣвшая собирателю 60 старинъ, составляющихъ, по его счету, около 10,300 стиховъ. Для уясненія себѣ значенія этихъ цифръ, припомнимъ, что столько стиховъ приблизительно пропѣли въ общей сложности Гильфердингу два лучшихъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ сказателей—Калининъ и Троимъ Рабининъ. Правда, остальные сказатели не могутъ равняться съ этой первоклассной пѣвицей, но все же и среди нихъ можно указать на выдающихся сказателей—таковъ, напримѣръ, Гаврила Леонтьевичъ Крюковъ, неграмотный старикъ 77 лѣтъ, пропѣвшій болѣе 4,500 стиховъ. Отдѣльные старинки отличаются, за немногими исключеніями, необыкновенною сматостью, которая нисколько не мѣшаетъ однако стройности въ развитіи дѣйствія, отсутствіемъ повтореній, выдержанностью эпическихъ типовъ и строго эпическимъ складомъ.

Повидимому, былины были распространены, а до въѣздовой степени и теперь хранятся, въ значительной части Архангельской губерніи. Упомянутое выше число 31 составляетъ слѣдующимъ образомъ. Въ самой Золотицѣ еще въ 60-хъ годахъ свящ. Розановъ записалъ 6 старинъ (изданы въ «Былинахъ стар. и нов. записи» Тихонравова и Миллера, II, №№ 5, 15, 32, 44, 49, 67); въ Шенкурскомъ уѣздѣ—8 (Кирѣевскій I стр. 46, 77; II, 45, 67, 83; III, 9, 52, 81); въ Онежскомъ уѣздѣ и городѣ Онегѣ—6 (Кир. I 52, 86, II 11; III 41, 58; IV 72); въ Архангельскомъ у.—7 (Кир. IV 1, 6, 12, 18, 22, 38, 46); въ городѣ Мезени—4 (Тих. и Милл. II №№ 8, 31, 51, 68). А. Д. Григорьевъ въ первую свою поѣздку изслѣдовалъ, такъ называемое, Поморье, а во вторую—до 60 деревень по теченію р. Пинеги; результатъ—167 №№ старинъ. По словамъ г. Григорьева, старинны, какъ можно было узнать изъ опросовъ, находятся, сверхъ перечисленныхъ мѣстностей, еще въ Кемскомъ и Печорскомъ уу. (см. его отчетъ въ Изв. Отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н. т. V, кн. 2-я, стр. 13, отд. отд.).

Записи самого г. Маркова охватываютъ два различные района, хотя онъ и записывалъ только въ Золотицѣ. Дѣло въ томъ, что А. М. Крюкова родомъ съ Терскаго берега и строго различаетъ старинны, вывезенныя ею изъ родной деревни, и старинны, «понятныя» ею уже на Зимнемъ берегу частью отъ свекра, частью отъ другихъ лицъ. Терскихъ старинъ въ сборникѣ 41 (№№ 1—41; сверхъ того № 89 сказательница А. Ва-

¹⁾ Ей была присуждена Имп. Общ. Люб. Е., А. и Э. бронзовая медаль за заслуги въ дѣлѣ сохраненія произведеній народной поэзіи.

сильева переяла у поморки Александры родомъ съ Терскаго берега). Изъ этого перечисленія видно, что старины сохранились въ Архангельской губ. почти вездѣ, гдѣ живетъ русское населеніе. Таково въ общемъ состояніе былинной традиціи на крайнемъ сѣверѣ¹⁾.

Возвратимся однако къ самому сборнику. Г. Маркову удалось записать болѣе десятка старинъ съ совершенно новыми сюжетами, что одно уже дѣлаетъ его сборникъ чрезвычайно цѣннымъ, такъ какъ, при весьма важущемъ разнообразіи сюжетовъ, былины, заключающіяся въ изданныхъ до сихъ поръ сборникахъ, въ сущности представляютъ варіаціи приблизительно 40 сюжетовъ (см. В. Миллеръ, Очерки р. нар. слов., стр. 30). Въ числу такихъ новыхъ старинъ принадлежитъ записанная въ 2-хъ вариантахъ (№№ 49 и 79) старина «Идолище сватается за племянницу кня. Владимира». Идолище, царшшо невѣрної, приходитъ на корабли въ гавань Кіевъ-градъ (любопытное представленіе приморскаго жителя) и требуетъ, чтобы князь Владимиръ отдалъ за него свою племянницу Марю Митрѣвну. На собранномъ совѣтѣ «люди добрыи, хресьяна православныи» отказываются защищать племянницу князя, и Владимиру приходится отпустить ее съ Идолищемъ, котораго дорогой убиваютъ сопровождающіе Марю Митрѣвну богатыри. Далѣе интересны былины (№№ 50 и 80) о новгородскомъ кн. Глѣбѣ Володьевичѣ и Маринѣ Байдаловнѣ, любовницѣ Ильи Муромца (ср. № 4), захватывающей корабль кн. Глѣба В. и пытающей его отравить его самого, но погибающей отъ его руки. Здѣсь любопытно упомянаніе моря Корсунскаго и Маринкина города Корсуня, представляющее, можетъ быть, отголосокъ торговыхъ сношеній Руси съ Византіей и опасностей, встрѣчавшихъ русскаго купца на великомъ «пути изъ варягъ въ греки». Былина № 72 со старымъ заглавіемъ «Женитьба Добрыни» представляетъ совершенно новое содержаніе. Въ прежнихъ былинахъ невѣста Добрыни являлась въ видѣ «поленницы», презрительно отвѣчавшей на нападеніе Добрыни: «Я думала комарники покусываютъ, — Ажно русскіи могучіи богатыри пошалаиваютъ» и даже сажавшей его въ карманъ (ср. Бѣл. был. № 62). Тутъ же она оказывается дочерью короля Микулина или Никулинина; Добрыня сватается за нее, угрожая въ случаѣ отказа взять ее «боѣшъ, съ той да дракой проволитною». Настасья Микулична уговариваетъ отца выдать ее добровольно, и былина оканчивается мирной свадьбой. — Затѣмъ заслуживаетъ вниманія большая сводная былина «Камское побоище», записанная въ двухъ вариантахъ съ отрывкомъ 3-го (№№ 81, 94, 104); она уже была напечатана со статьею г. Маркова, посвященной ей разбору въ «Юбилейномъ сборникѣ въ честь В. Θ. Миллера (стр. 150—162). Вотъ въ краткихъ словахъ ея содержаніе: Идолище поганое съ огромной силой подступаетъ къ Кіеву; испуганный Владимиръ разсылаетъ богатырями ярлыки, приглашая ихъ на «Камское побоище». Собравшіеся богатыри, во главѣ

¹⁾ Лѣтомъ текущаго года гг. Григорьевъ и Марковъ совершили новыя поездки, первый — къ сѣверу отъ г. Пинеги по рр. Кулою и Мезени (записано 207 №№ старинъ), а второй — по Терскому и Зимнему берегу и по рр. Онегѣ и Сѣв. Двинѣ (70 былинь).

которыя стоятъ Самсонъ Коль(у)баевъ, Кольбановъ, прежде всего прирують въ гридняхъ княженецкихъ; кн. Владимиръ, попробовавшій было уговаривать ихъ, получаетъ грозный окрикъ отъ Ильи Муромца и удаляется изъ гридни. Наконецъ, богатыри вступаютъ въ бой съ силой невѣрной и побѣждаютъ ее, при чемъ Идолице падаетъ отъ руки Ильи М. Этотъ основной разсказъ осложненъ различными эпизодами, не всегда удачно прилепленными. Такъ, передъ боемъ Идолице спрашивается о силѣ и аппетитѣ Ильи М., хвастаясь своимъ, и, получивъ на свое хвастовство насмѣшливый отвѣтъ, велитъ «палачамъ немлосъливимъ» казнить обидчика—неумѣстныхъ въ данномъ случаѣ подробности, перенесенныя механически изъ былины о встрѣчѣ Ильи М. съ Идолицемъ въ палатахъ кн. Владимира. Въ самомъ боѣ богатырей видны заимствованія изъ былины о гибели богатырей: хвастовство, возстаніе побитой силы, окончательная гибель ея по молитвѣ богатырей. Оканчивается былина поединкомъ Добрыни съ бабой латынгоркой, причѣмъ побѣжденный Добрыня отъ стыда бросается на копьѣ. Несмотря на нѣкоторыя несообразности, спайка, произведенная неизвѣстными намъ слагателями былины, была довольно искусная. Все это дѣлаетъ былинну чрезвычайно интересной. За историческимъ комментариемъ отсылаемъ къ указанной статьѣ г. Маркова.

Коротенькая былина (№ 32) объ Иванѣ Дудоровичѣ и его двоюродной сестрѣ Софьѣ-царевичѣ, племянницѣ князя Владимира, разсказываетъ о томъ, какъ ихъ убиваютъ какіе-то мужики, заподозрившіе ихъ въ сожительствѣ. Дѣтомъ нынѣшняго года г. Марковъ записалъ 3 новыхъ варианта этой странной былины, которые разъяснили ее: Софья Волховична, уже не племянница кн. Владимира, обручается съ Ив. Дудоровичемъ, но братья ея убиваютъ жениха и показываютъ его голову Софьѣ; та упрекаетъ братьевъ, прося убить и ее, что тѣ и исполняютъ. — Сверхъ перечисленныхъ, въ новыхъ былинахъ относятся менѣе интересныя: «Ждань-царевичъ» (№ 34), «Встрѣча двухъ купцовъ въ кабацѣ» (№ 55) и «Будуческая дочь и царь» (№ 56). Былинну о «Боѣ Добрыни со Дунаемъ» (№ 99), которую проф. Миллеръ причислялъ къ новымъ (см. пред. стр. XII), въ сущности, такой считать нельзя, такъ какъ она входитъ въ качествѣ эпизода, въ былинну о Добрынѣ, записанную Гильфердингомъ въ Пудожскомъ у. (см. I № 49). Правда, тутъ съ Добрыней бьется Алеша Поповичъ, но подробности боя совпадаютъ, за исключеніемъ конца: у Гильф.—Илья М. миритъ богатырей, заставляя ихъ побрататься, у г. Маркова *исударь* Илья М. упрекаетъ Дуная за хвастливую надпись на шатрѣ, а, по приѣздѣ въ Кіевъ, докладываетъ кн. Владимиру. «Обсудили Дунаюшка Ивановъ, Посадили Дунаюшка въ темны погребы да немножко, немало—на семнадцать лѣтъ». Образъ дѣйствій противника Добрыни скорѣе подходитъ къ пылкому Дунаю, чѣмъ къ хитрому Алешѣ, который въ той же былинѣ, въ концѣ уже, не рѣшается сопротивляться Добрынѣ; вѣроятно, имя Дуная и стояло въ первоначальномъ изводѣ былины. Нужно замѣтить, что въ сборникѣ г. Маркова встрѣчается и еще нѣсколько старинъ, до сихъ поръ входившихъ только въ качествѣ составныхъ частей въ извѣстныя былины. Въ такимъ можно отнести,

напримѣръ, старину «Туры и турицы» (№ 13), въ прежнихъ сборникахъ являющуюся началомъ былины о Василіи Пьяницѣ и Батыгѣ. Любопытна старообрядческая окраска, приданная этому эпизоду: Богородица выноситъ изъ церкви и закапываетъ въ землю «вѣру старинную, шчо старину... вѣру православную». — Далѣе, сюда же принадлежитъ «Женитьба Дуная» (№ 10), гдѣ Дунай не добываетъ невѣсты князю Владимиру, тогда какъ въ записанныхъ до сихъ поръ вариантахъ эти два мотива всегда стояли вѣсть. — и нѣкоторыя другія старины.

Изъ остальныхъ былинъ заслуживаютъ вниманія рѣдкія былины, записанныя г. Марковымъ въ прекрасныхъ вариантахъ.

Изъ числа такихъ былинъ слѣдуетъ указать на былинну (№ 11) о богатырѣ Сухматѣ (Суханѣ), былины о двѣнадцатилѣтнемъ богатырѣ Михайлѣ Даниловичѣ (№ 12, 76), былины о Козарушкѣ Петровичѣ (№ № 16, 17, 102, 110), былинну про Илью-разбойника, кума темнаго (№ 54). Очень интересна по своей полнотѣ и стройности былина (№ 48) о князѣ Борисѣ Романовичѣ (= Данилѣ Ловчанинѣ); новый вариантъ вызываетъ потребность въ пересмотрѣ мѣстнаго проф. В. Миллера о сурзальскомъ происхожденіи этой былины. Что касается такихъ старинъ, которыя пользуются болѣе широкимъ распространеніемъ, то и тутъ бѣломорскіе варианты почти всегда даютъ новыя интересныя подробности. Особенно слѣдуетъ отмѣтить былинну: «Кн. Романъ и Марья Юрьевна» (№ 18). На бѣломорскомъ вариантѣ гораздо болѣе, чѣмъ на собранныхъ Кирѣевскимъ (У стр. 92, 96), отразилось вліяніе сказаній о похищеніи Соломоновой жены; такъ, кн. Романъ живетъ въ Царьградѣ и далѣе въ Иерусалимѣ, похищаетъ его жену Васька Таракашка сынъ Заморенинъ (ср. напр. Тих. и Милл. II № 67: Соломонъ и Василій Окульевичъ). Новыми чертами являются слѣдующія: кн. Романъ отправляется за данью въ какую то Большую землю; жену его похищаютъ, заманивъ обманомъ на корабль (весьма распространенный сказочный мотивъ); Васька дѣйствуетъ по приказанію Идолица, которое далѣе называется царщемъ Грубіянищемъ (заимствованіе изъ стиховъ о Егоріи Храбромъ); бѣжавшую Марью Юрьевну переправляетъ черезъ Почайрѣку (см. Дарья-рѣки—Кир. У стр. 95) чудесный перевозчикъ, дѣлающійся потомъ невидимымъ; Марья Юрьевна является къ кн. Роману, собирающемуся уже жениться, переодѣтой, причемъ узнаваніе происходитъ при посредствѣ перстня, опущеннаго въ чару.

До сихъ поръ я говорилъ собственно о былинахъ, но въ сборникѣ г. Маркова есть также историческія пѣсни, изъ которыхъ самой замѣчательной слѣдуетъ признать пѣсню «Семейная жизнь Петра I» (№ 60), представляющую единственную въ своемъ родѣ поэтическую біографію Петра, такъ какъ до сихъ поръ были известны только отдѣльныя пѣсни, касавшіяся почти исключительно военныхъ событій Петровскаго царствованія. Начало пѣсни, стереотипными чертами описывающее рожденіе Петра Алексѣевича, еще находитъ параллели, но дальнѣйшее нельзя ни съ чѣмъ сопоставить. Мы узнаемъ, какъ царевичъ скоро научился грамотѣ и всему, чему надобно, и какъ настало время женить его. Царевичъ отказывается же-

ниться въ каменной Москвѣ, и Алексѣй Михайловичъ, по его просьбѣ строить для него Петербургъ, куда и увѣзжаетъ Петръ съ молодой женой, носящей эпископское имя Настасьи Королевичны, дочери невѣрнаго короля шведскаго; здѣсь у нихъ родится сынъ Федоръ (заимствованіе изъ пѣсенъ объ Иванѣ Грозномъ), который, подросши, оказывается приверженцемъ старой вѣры, за что отецъ и сажаетъ его въ тюрьму. Когда царица приходитъ просить за сына, Петръ въ гнѣвѣ такъ грозно топаетъ ногами, что царевичъ умираетъ отъ страха; постригни жену въ монашенки, Петръ переряживается плотникомъ и дѣлаетъ предложеніе Екатеринѣ Алексѣевнѣ, приготовлявшей кушанье на артель. Старина кончается веселой свадьбой. Такимъ образомъ, нашъ сѣверъ, сохранившій вообще наиболѣе живыя воспоминанія о великомъ преобразователѣ (см. *Е. Барсова*, «Петръ В. въ народныхъ преданіяхъ сѣвернаго края»), подарилъ намъ теперь пѣсню о его семейныхъ отношеніяхъ, дышащую необыкновенной свѣжестью историческаго воспоминанія. Кромѣ этой пѣсни, являющейся едва ли не лучшимъ № во всея сборникѣ, г. Марковымъ изданы прекрасныя пѣсни изъ цикла Ивана Грознаго и нѣк. другія. Новинкой оказывается историческая пѣсня, которой г. Марковъ далъ заглавіе: «Шведская война при Екатеринѣ II» (№ 41). Въ ней разсказывается о нападеніи на Москву короля шведскаго, желающаго выдать царицу Екатерину Алексѣевну за своего сына; благодаря помощи «предводителя большаго» (имя его пѣвица А. М. Крюкова забыла и предположительно говорила: не Захаръ ли Григорьевичъ Чернышевъ?), Екатеринѣ удается убить короля и истребить всю его силу. Эта пѣсня не имѣетъ почти ничего общаго съ солдатскими пѣснями о шведской войнѣ, изданными Гильфердингомъ и Кирѣевскимъ, и, повидимому, вообще не можетъ относиться къ войнѣ, такъ какъ главное вниманіе обращено въ ней на личные отношенія шведскаго короля къ Екатеринѣ; не вѣрнѣе ли повтому предположить, что бѣломорская пѣсня представляетъ поэтическое воспоминаніе о сватовствѣ шведскаго короля Густава IV за внучку Екатерины, вылившееся въ эпическую форму нападенія невѣрнаго царя?

Какъ ни велика вышла рецензія, далеко еще не исчерпанъ интересный матеріалъ, доставляемый «Бѣломорскими былинами».

Поимно цѣнности содержанія, сборникъ снабженъ всѣмъ необходимымъ для научной разработки заключающихся въ немъ данныхъ: къ нему приложенъ словарь мѣстныхъ и старинныхъ словъ, указатели предметовъ и именъ и списокъ былицъ по содержанію, съ указаніемъ параллелей въ другихъ изданіяхъ. Последнее особенно важно, такъ какъ, если указатели еще прилагались къ нѣкоторымъ изъ прежнихъ сборниковъ¹⁾, то списокъ былицъ съ указаніемъ параллелей является у г. Маркова впервые. Въ такомъ дѣлѣ, при подавляющей массѣ матеріала, все накопляющагося съ каждымъ годомъ, конечно, неизбежны нѣкоторые пропуски. Можетъ быть,

1) Именно къ сборнику Тих. и Милл. и части сб. Кирѣевскаго; послѣднимъ указателемъ, составленнымъ Безсоновымъ, пользоваться, впрочемъ, довольно неудобно.

не бесполезнымъ будетъ указаніе, что къ рѣдкой старинѣ «Илья-разбойникъ, кумъ темный» (№ 54), кромя варианта Гилье. I № 10, имѣется еще сказочная параллель у *Иванчикова*, «Матеріалы по этнографіи Вологодской губ.» (Труды Этн. Отд. т. XI т. 1 стр. 198); тамъ собственныхъ именъ нѣтъ, но врядь ли можно усумниться въ ближайшей связи этой сказки съ нашей былинной. Къ сюжету «Илья М. и Идолнице» по недосмотру не приведены варианты изъ сборника Рыбникова: I № № 15, 16, 17 (= Гилье. № 48, III № 7 (= Гилье. № 144); 8, 9. Сказка, касающаяся первой повѣзки Ильи М., помѣщена у Добровольскаго не на 419 стр., а на 399.

Жаль, что напѣвовъ былинъ приложено только два, хотя, впрочемъ, этотъ недостатокъ будетъ пополненъ: этнографъ-музыкантъ г. А. Масловъ, сопровождавшій г. Маркова въ его послѣднюю повѣзку, записалъ въ числѣ другихъ напѣвовъ, между прочимъ, и напѣвы нѣкоторыхъ старинъ, изданныхъ г. Марковымъ, и, какъ мы слышали, собирается въ непродолжительномъ времени выпустить въ свѣтъ свои музыкальныя записи.

Пожелавъ въ интересахъ науки широкаго распространенія сборнику г. Маркова, выразимъ надежду увидать поскорѣе его продолженіе.

Н. В. В.

E. J. W. Gibb, *A History of Ottoman Poetry*. London, 1900. Vol. I, XVIII+454¹⁾.

Едва ли не единственнымъ руководствомъ исторіи турецкой литературы²⁾ долгое время являлось сочиненіе барона I. Hammer-Purgstall'я: „Geschichte der Osmanischen Dichtkunst“ (Pest, 1836—1838, 4 т.). Хотя его работа и поражаетъ необыкновеннымъ трудолюбіемъ, однако представляетъ ничто иное, какъ словарь османскихъ поэтовъ, матеріалъ для котораго авторъ черпалъ изъ многочисленныхъ тезвире (біографико-библиографическихъ словарей). Лишь въ 1891 году профессоръ СПб. университета, В. Д. Смирновъ издалъ свой «Очеркъ исторіи турецкой литературы»³⁾; это была первая попытка набросать общими штрихами картину развитія османской литературы.

Теперь англійскій ученый, Э. Гиббъ уже извѣстный своими переводами турецкихъ поэтическихъ произведеній, сказочныхъ сборниковъ и т. п., задумалъ обширный трудъ, посвященный исторіи османской поэзіи⁴⁾.

Въ исторіи османской поэзіи авторъ различаетъ два главныхъ направленія. Съ начала XIV вѣка, — когда среди малоазійскихъ турокъ зародилась

¹⁾ Читано 14-го февраля на засѣданіи Восточной Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

²⁾ Также очерки, какъ L. B. Donato, *Della letteratura dei Turchi*, Venezia 1688, S. Toderini, *Letteratura turchesca*, Venezia, 1787 сохранили только библиографическій интересъ. Очеркъ османской поэзіи, написанный г-жей Dora D'Istria (*La poésie des Ottomans*, Paris, 1877), читается легко, но вообще страдаетъ поверхностностью.

³⁾ См.: Всеобщая исторія литературы, В. Корша и А. Кириичникова, т. IV.

⁴⁾ Со временемъ авторъ надѣется издать также исторію прозы.

искусственная поэзія, — и до половины XIX вѣка османская литература находилась подъ гнетомъ персидской лирики, изъ-подъ котораго ей лишь на мгнѣ удавалось высвободиться. Въ 1859 году въ османской литературѣ произошелъ благодѣтельный переломъ. Мистико-философское направленіе, давно застывшее въ арабско-подражательныхъ формахъ, смѣнилось, хотя и не безъ борьбы, потокомъ европейскихъ идей, которыя вдохнули въ поэзію новую жизнь.

Впервые имя «османлы» слышится въ самомъ концѣ XIII вѣка. Одаренные беззапятною храбростію, османлы¹⁾ (незначительное кочевое племя) были войны рагъ excellence; въ области наукъ и литературы они не внесли самобытныхъ чертъ, охотно подражая сосѣдямъ, болѣе ихъ просвѣщеннымъ. Тѣснимые въ Средней Азій Чингизь-ханомъ, вторгнувшимся съ восточными тюрками въ Среднюю Азію изъ-за Оксуса, османлы, во главѣ со своимъ вождемъ, Сулейманъ-шахомъ, продвинулись черезъ Персію и Арменію въ Малую Азію.

Иконійскій сельджуцкій султанъ Ала-эддинъ благосклонно ихъ принялъ. Когда Эръ-Тогулъ, сынъ Сулейманъ-шаха и отецъ Османа, призналъ себя вассаломъ султана иконійскаго, тотъ отвелъ имъ поселенія въ сѣверо-западной части своего малоазійскаго государства, на границѣ съ византійскими владѣніями. Черезъ тѣхъ же сельджуковъ къ османамъ шла персидская образованность. Въ Персіи уже съ XI вѣка торжествовала мистическая проповѣдь суфіевъ. Возникнувъ на почвѣ нео-платонической философіи и буддійскихъ воззрѣній²⁾, суфизмъ особенно развилъ трансцендентальное ученіе. Какъ отраженіе идеи истиннаго бытія, душа, окруженная тѣломъ, стремится къ воссоединенію съ изначальнымъ источникомъ свѣта и красоты. «Я былъ сокрытымъ сокровищемъ», — говоритъ Богъ въ одномъ хадисѣ (преданіе); я восхотѣлъ, да познаютъ меня, и я создалъ тварей, да познаютъ меня». Дологъ путь къ «царству незримаго»; лишь избранныки достигаютъ таинственнаго сліянія съ божествомъ; но то блаженство, которое они вкушаютъ, порывая связи съ землей, невыразимо человеческими словами: блѣдые образы, взятые изъ обиходной жизни, даютъ только тусклое, даже условное представленіе о сверхчувственномъ бытіи. Народы Азій, на глазахъ которыхъ рушились могущественныя державы, рано познали суетность земной жизни; ихъ заражала и увлекала мысль о загробномъ блаженствѣ, вѣнчающемъ страданія. Не только возвышенное ученіе суфіевъ о назначеніи человѣка, проникнутое мрачнымъ взглядомъ на міръ, но даже самыя формы мышленія, самыя образы мысли были съ жаромъ восприняты османами. Однако персидское вліяніе, открывавшее передъ невѣжественнымъ народомъ, еще недавними кочевниками, міръ мысли и грезъ, таило въ себѣ губительные зародыши. «Несмотря на изящество и благородство, въ которое облечена персидская поэзія, она,

1) Собственно, названіе «османлы» возникло уже въ Малой Азій: такъ названа была смѣсь нѣсколькихъ западно-тюркскихъ племенъ (гузовъ, ихъ вѣтви сельджуковъ, части туркменовъ и т. д.).

2) Впрочемъ, самъ Е. Gibb склоненъ изводить суфизмъ только изъ нео-платонизма.

повидному, обладала могуществомъ Горгоны, убивая проблескъ самобытности въ литературѣ того народа, который только дерзалъ глядѣть на нее¹⁾.

На протяженіи пяти слишкомъ вѣковъ, которые захватываютъ эпоху персидскаго вліянія, нѣсколько разъ мѣнялся характеръ османской поэзіи, покорно шествовавшей за своими наставникомъ, — Персией.

Въ началѣ XIV вѣка монгольскія орды распатали государство сельджуковъ малоазійскихъ; безсильное, оно пало подъ напоромъ кочевниковъ; но на его развалинахъ возникли новыя государства, образовалась т. наз. «Западная турецкая декаархія», которая сохраняла литературныя преданія, завѣщанныя ей сельджуками. Однако политическая разобщенность сказалась и на литературѣ. Связанный съ дѣтства со своею родиною, обыкновенно самостоятельнымъ городомъ, поэтъ писалъ на своемъ нарѣчьи, такъ что лишь очень немногія произведенія могутъ быть названы османскими. Пестрая смѣсь нарѣчій ярко выдѣляетъ произведенія эпохи «Декаархій».

Сперва поэзія носила строго-мистическій отпечатокъ. Мевлана Джелалъ-эддинъ Руми, свѣтло персидской поэзіи, затмилъ собою другихъ поэтовъ въ глазахъ османовъ. Его вліяніе, надолго поразившее воображеніе какъ его современниковъ, такъ и потомковъ таинственностью своихъ образовъ, подавляло въ нихъ искру самостоятельности; достоинство поэта опредѣлялось большимъ или меньшимъ подражаніемъ «нашему владыкѣ», — какъ его называли въ Малой Азій. Его звѣзда зашла только тогда, когда въ Турцію проникло болѣе близкое народу вліяніе его предшественника, Низами, — романтизмъ. Хотя турецкіе историки (Аали, XVI в.) пытаются объяснить перемѣну нашествіемъ Тимура, въ войскѣ котораго находились персидскіе поэты, однако связи съ Персией могли и сами собою естественно врѣснуть. Итакъ, во вторую половину этого перваго періода литературнымъ вождемъ турокъ сталъ болѣе ранній поэтъ, Низами (ум. 1203), авторъ знаменитой «Хамсы» (Пятерницы). Его поэзія имѣла также большое значеніе въ выработкѣ изящнаго слога.

Со середины XV вѣка начинается новый (второй) періодъ османской поэзіи. Умные османскіе султаны того времени объединили снова, уже подъ своею властью, тѣ мелкія княжества, на которыя раскололось малоазійское сельджукское государство. Бакъ языкъ государственный, языкъ османовъ сталъ съ того времени единственнымъ выразителемъ литературныхъ стремленій турокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поэзія порвала связи съ разговорною рѣчью. Отражая на себѣ воззрѣнія высшаго сословія, для котораго только и было доступно иноземное, персидско-арабское образованіе, поэзія поселила глубокой разладъ въ турецкомъ народѣ. Равнодушная къ жизни своего народа, османская поэзія питалась образами, восхищенными ею у современныхъ персидскихъ поэтовъ, Хафиза и Джами. Къ наиболее замѣчательнымъ поэтамъ принадлежатъ Али Ширъ Неваи (ум. 1500), Ахмедъ-паша (ум. 1497), который прославился своими переводными сочиненіями, и Баки (ум. 1600), особенно извѣстный приверженностью къ персидскимъ поэтамъ.

1) См. E. Gibb, стр. 30.

Когда въ Персіи вліяніе Хаѣиза и Джами смѣнилось индійскимъ направлеиіемъ, внесеннымъ Урѣи и Фейзи, Турція, какъ покорный, безгласный слуга, облеклась также въ новый нарядъ (Несѣи). Третій періодъ, обнимающій собою XVIII вѣкъ, представляетъ одну изъ самыхъ грустныхъ страницъ османской поэзіи. Рабское преклоиеніе передъ иноземщиной дошло до того, что свои слова были изгнаны изъ языка, какъ недостойныи высокой поэзіи; далеко не такъ частые намеки на родную жизнь, какіе позволяли еще себѣ прежніе поэты, подвергались преслѣдованіямъ. Среди согласнаго хора поэтовъ, исполненныхъ грубаго презрѣнія къ отечеству, выдѣляется слабый голосъ Наби (ум. 1712), который, наперекоръ общему теченію, писалъ дидактическія произведенія (въ назиданіе своему сыну), но и онъ, увь, развивался подъ вліяніемъ персидскаго поэта Саба.

Въ началѣ XVIII вѣка Турція очутилась въ безвыходномъ положеніи. Въ Персіи поэзія клонилась къ упадку. Она не могла уже выставить ни одного имени, которое силою своего вліянія направляло бы османскую поэзію. Сперва поэзія было поддавалась вліянію персидскаго поэта Шевкета, внесшаго въ нее нѣкоторую живость. Но скоро въ Турціи вспыхнуло недовольство противъ гнета персидской поэзіи, — недовольство, отголоски котораго слышались уже въ концѣ XVII вѣка въ поэзіи Сабита. Лишенное однако силы, движеніе заглохло, и снова, хотя и ненадолго, восторжествовала персидская поэзія; она дѣлала отчаянныя усилія, чтобы сохранить за собою былое величіе. На помощь Турціи явился Европа.

Старая азіатская школа была низвергнута, въ обиталищѣ косности вторглось новое вѣяніе, такъ чуждое исламу. Впервые познакомилъ своихъ соотечественниковъ съ европейскими воззрѣніями Шиваси-ѳенди, выступивъ въ 1859 году съ переводами изъ французскихъ поэтовъ. Его примѣръ встрѣтилъ горячее сочувствіе въ даровитомъ его ученикѣ, Намыкѣ-Кемаль-бейѣ. Спустя двадцать лѣтъ (1879) государственный дѣятель, Абд-ул-хаккъ Хамидъ-бей, воспитанный на европейской литературѣ, перенесъ на турецкую почву западно-европейскіе размѣры. Въ Турціи стали раздаваться призывы къ единенію съ народомъ. Дотогѣ равнодушныи къ меньшей братіи, османскіе поэты начали прислушиваться къ біенію сердца своего народа и черпать вдохновеніе въ народныхъ пѣсняхъ: такъ, въ 1899 году въ «турецкихъ стихотвореніяхъ» Мехеммеда Эминъ-бея, вращавшагося въ Анатоліи среди солдатъ и крестьянъ, впервые прозвучалъ голосъ народа.

Неслышанная дерзость молодыхъ поэтовъ, обратившихъ взоры на «гауровъ», вызвала страстныи нападки со стороны закоренѣлыхъ изувѣровъ, которые вѣчески тормозятъ движеніе, направленное къ просвѣщенію. Пока еще незначительныя, слѣдствія богатнаго вліянія европейской литературы все больше и больше будутъ сказываться. «Умственная сила османовъ,» — говоритъ Гиббъ, — ни съ чѣмъ не сравнима; тѣ, кто такъ рѣзко подписалъ надъ ними приговоръ, какъ надъ народомъ, который погруженъ въ непробудный сонъ или разбитъ неизлѣчимымъ параличемъ, — тѣ лица еще разъ обнаружили, какъ шатко сужденіе, основанное на незнаніи и на предубѣжденіи¹⁾.

1) См. E. Gibb, стр. 136.

Теплыми словами, полными искренней (о, если бы основательной!) вѣры автора въ будущность Турціи, и заканчивается первая книга, представляющая введеніе въ историю османской поэзіи и ея общій обзоръ.

Во второй книгѣ Гиббъ, ярый защитникъ турокъ, подробно обозрѣваетъ османскую поэзію перваго періода (1300—1450).

Еще до паденія малозвійскаго сельджукскаго государства, въ Коніи образовался небольшой кружокъ людей, которые святостью жизни внушали къ себѣ благоговѣніе народа. Въ своихъ мистическихъ произведеніяхъ, писанныхъ на ихъ родномъ языкѣ, — персидскомъ, они воспѣвали страстную любовь души, томимой въ земныхъ оковахъ. Среди нихъ наибольшимъ значеніемъ пользовался персъ Джалалъ-вдинъ Руми. Юношей переселился онъ со своимъ отцемъ въ Турцію; какъ человѣкъ нылкій, онъ отдалъ новой родинѣ свои богатые силы. Онъ основалъ знаменитый орденъ дервишей, — «мевлеви», изъ котораго вышелъ одинъ изъ извѣстныхъ поэтовъ, Шейхъ Галибъ (ум. 1795). Его Месневи, написанныя, какъ и другія его произведенія, на персидскомъ языкѣ, быстро распространились среди мусульманскихъ мистиковъ, — отъ Средиземнаго моря до Битайской стѣны. Въ Коніи долго сохранялась о Руми память между благодарными учениками. Но не ему принадлежитъ громкая слава основателя западно-турецкой поэзіи. Думаютъ, что онъ турецкаго языка и вовсе не зналъ. Веледъ Челеби, ученый членъ ордена «мевлеви», открылъ въ его громадномъ «Диванѣ», заключающемъ до 1,000,000 стиховъ, какихъ-нибудь два-три турецкихъ стиха, да и тѣ, быть можетъ, интерполированы какимъ-нибудь переписчикомъ. Проникнутый воззрѣніями своего незабвеннаго отца, Руми, Султанъ Веледъ (ум. 1312) изложилъ его ученіе въ поэмѣ «Рубабъ-наме» (Книга люти), — произведеніи, впервые написанномъ на турецкомъ языкѣ. Образнымъ языкомъ, изящнымъ и легкимъ, поэтъ молить Бога слить его личное бытіе со всеобъемлющимъ, истиннымъ бытіемъ такъ, какъ капля воды расплывается въ необозримомъ океанѣ.

Другой старый турецкій мистикъ — Юнусъ Имре (ум. 1307—1308). Слегка уклоняясь отъ ученія Руми, онъ развиваетъ иногда въ месневи и газеляхъ пантеистическія воззрѣнія. Основная его мысль — конечное единство всѣхъ вещей. Разъ усвоивъ такую точку зрѣнія, онъ уже безъ колебанія отождествляетъ себя съ Богомъ, «который создалъ человѣка изъ сѣмени и изъ яйца произвелъ птицу». Человѣкъ искренній, онъ не скрываетъ своихъ взглядовъ въ аллегорическихъ образахъ; вотъ почему біографы, смущаемые къ тому же его грубоватымъ языкомъ, не охотно говорятъ о немъ. Наибольшее вниманіе снискалъ себѣ поэтъ Ашикъ-паша (ум. 1332). Внукъ знаменитаго перса, Баба-Ильяса, возмущившаго противъ сельджукскаго султана, Гяса-уддина, дервишей, онъ отличался необыкновеннымъ подвижничествомъ, такъ что къ его могилѣ стекался на поклоненіе огромныя толпы народа. Какъ объясняетъ уже заглавіе его поэмы, «Гарибъ-наме» (Книга странника), онъ повторяетъ старыя суфійскія пѣсни о бренности земнаго міра; онъ сравниваетъ человѣчество съ дорогой, растянувшейся

между небомъ и землею; тѣло человѣка представлено, какъ четырехвратный градъ, черезъ который души проходятъ, направляясь къ небу.

Наряду съ мистическимъ теченіемъ въ поэзію уже со середины XIV вѣка начали врываться свѣтскіе элементы. Впрочемъ, поэты, державшіе шти своєю дорогой, мало встрѣчали сочувствія среди общества. Отъ поэта Теотазани, предпринявшаго (въ 1354 году) переводъ Бустана, Сади, сохранилось только нѣсколько стиховъ, о которыхъ случайно вспоминалъ Веледъ Челеби въ рассказѣ о Гарибъ-наме, Ашика-паши.

Другой поэтъ—кади Бурханъ-уддинъ (ум. 1398), знаменитый политическій дѣятель, выдержавшій упорную борьбу съ мамлюками изъ-за Эрзинджана. Долго онъ былъ извѣстенъ только какъ писатель-теоретикъ, составившій руководство къ юриспруденціи и грамматическій трактатъ. Десять лѣтъ тому назадъ Британскій музей приобрѣлъ рукопись «Дивана» Бурханъ-уддина, пока единственную въ Европѣ. Пылкаго Бурханъ-уддина не удовлетворяла строгая мораль мистиковъ, витавшихъ въ заоблачныхъ сферахъ. Далекій отъ подражанія, онъ и въ формѣ стихотвореній оставался самимъ собою, онъ чуть ли не одинъ вводилъ въ поэзію народныя «туюги» (особый видъ четверостишій)¹⁾.

„Въ истомѣ не кажутся ль очи твои миндалямъ,
А мушки и кудри вѣдь право приманка?
Я счастливъ, что зрѣлъ твои сочныя губы уже.
Въ ничтожномъ семъ мірѣ еще что возможно?“

„Не скрыть намъ отъ Бога никакъ ничего,
Ни добрыхъ дѣяній, ни нашихъ грѣховъ.
Такъ, дай, вивочерпій, мнѣ чашу вина! —
Исчезнетъ пусть въ сердцѣ печаль и тоска!“

Такъ, въ погонѣ за чувственными удовольствіями поэтъ заглушалъ тревожныя мысли о Богѣ.

Къ концу XIV вѣка, въ правленіе султана Баязида Молниеноснаго (1390—1403) выступаютъ первые османскіе поэты: Ахмедъ, авторъ Сухейль и Весна²⁾, Ниязи и Сулейманъ. Хотя Ниязи, какъ предтеча «древнихъ поетовъ» — романтиковъ (Ахмеда и Шейхи) оказалъ большое вліяніе на современныхъ ему поетовъ (даже напр., на Ахмеда-пашу, XV вѣка), его произведенія, довольно равнодушно приняты обществомъ, скоро были забыты, и отъ нихъ уцѣлѣли теперь жалкіе обрывки.

Родомъ изъ Бруссы, Сулейманъ Челеби (ум. послѣ 1403 года) сталъ однимъ изъ любимѣйшихъ поетовъ Турціи. Слушая однажды проповѣдь, онъ до глубины души былъ возмущенъ дерзкими словами вольнодумца, вздумавшаго сравнивать Ису (Иисуса Христа) съ Мохаммедомъ. Увлеченный религіознымъ рвеніемъ, онъ и написалъ свою поэму «Мевледи Наби».

¹⁾ Съ личностью и произведеніями Бурханъ-уддина можно познакомиться изъ статьи П. Меліоранскаго, см. Восточныя Записки, СПб. 1895, стр. 131—152.

²⁾ Впрочемъ, изъ его поэмы дошелъ только одинъ байтъ, сохранный Ашикъ-Челеби.

(Рожденіе пророка). Его страстная поэма, исполненная безмѣрными восхваленіями пророка, отразила на себѣ навѣсныя воззрѣнія народа, жаднаго до разныхъ легендъ и чудесъ. Съ тѣхъ поръ, ежегодно въ день рожденія Мохаммеда народъ толпится въ мечетяхъ, слушая съ затаненнымъ вниманіемъ отрывки изъ поэмы. Самъ духовный глава мусульманъ, султанъ тщательно хранитъ священный вѣками обычай ¹⁾.

Братковременное правленіе Сулеймана (1403—1410), сына Баязида Молниеноснаго, вызвало расцвѣтъ османской поэзіи. Шумный дворъ высокоаго покровителя литературы стягивалъ въ Адрианополь наиболѣе образованныхъ лицъ. Увлекаемая историческими условіями, османская поэзія приходила все въ большее соприкосновеніе съ литературными пріемами и направленіями, господствовавшими въ Персіи. Среди поэтовъ, украсившихъ дворъ Сулеймана, — какъ Хамзеи, авторъ поэмы «Хамза», Шейхъ-оглу и Ахмеди Дан, авторъ «Дженгъ-наме», въ которой изображена борьба Сулеймана съ братьями изъ-за власти, — наиболѣе яркимъ выразителемъ новыхъ вѣяній является Ахмеди.

Турецкій биографъ, Ташъ-Кюпрю Заде, рассказываетъ, что знаменитый шейхъ Экмелъ-уддинъ, содержавшій въ Банрѣ школу, прозрѣлъ въ юношѣ поэтический даръ: «а ты», — сказалъ онъ Ахмеди, — будешь поэтомъ и, пренебрегши «общими науками» (метафизикой), обратишься къ «частнымъ наукамъ» (словеснымъ наукамъ)». На родинѣ ему вскорѣ выпалъ случай развернуть свой талантъ. Когда Тимуръ задержалъ въ Амасіи наступательное движеніе своихъ полчищъ, благодарный поэтъ посвятилъ ему хвалебную касиду, которая такъ понравилась великому завоевателю, что онъ ввелъ молодого поэта въ свой избранный кругъ. Вращаясь среди льстиваго двора, Ахмеди сохранилъ непоколебимую честность и смѣлость, не разъ поражавшую грознаго хана. Однажды онъ былъ приглашенъ султаномъ въ баню. Спрошенный имъ, какъ онъ цѣнитъ его слугъ, которые окружали его въ то время, поэтъ сталъ восторгаться ихъ необыкновенными достоинствами. «А я чего стою», сказалъ наконецъ Тимуръ? Восемьдесятъ аспровъ (140 аспровъ = піастръ = 7—8 коп.) оторосилъ поэтъ хана. Сначала пораженный, Тимуръ однако все также благоволялъ къ поэту, пока тотъ не удалился въ Адрианополь къ султану Сулейману. Въ Адрианополѣ и сложилось главное произведеніе Ахмеди, «Искендеръ-наме» (турецкая Александрія). Хотя нить разсказа ведется у Ахмеди вообще такъ же, какъ у Низами, турецкій поэтъ сохраняетъ извѣстную самостоятельность, и его поэма имѣетъ большое историческое значеніе, такъ какъ она своего рода энциклопедія, въ которой отражается духовная жизнь турокъ конца XIV вѣка.

По смерти Ахмеди (1413) вождемъ романтическаго направленія сталъ его ученикъ, Шейхи. Огромное вліяніе оказалъ на него также Хаджи Бейбрамъ изъ Ангоры. Знаменитый ученый, славившійся своими врачебнымъ искусствомъ, Шейхи вносилъ въ романтическія произведенія во-

¹⁾ Въ Россіи поэма Сулеймана Челеби запрещена, такъ какъ содержитъ рѣзкія нападки на Іисуса Христа.

звышенное философское освѣщеніе. Въ своей поэмѣ «Хусревъ и Ширинъ» (взяцный переводъ поэмы Низами) авторъ влагаетъ въ уста мудреца Бузургъ-Умида глубокія слова о всеобъемлющемъ логосѣ, создающемъ міръ. Со стороны формы его поэма представляетъ даже новшества: какъ тонкій эстетикъ, онъ искусно вплетаетъ въ повѣствованіе лирическія пьесы, избѣгая тѣмъ утомительнаго однообразія.

Въ томъ же XIV вѣкѣ выдвинулось новое философское ученіе, основателемъ котораго явился Фазль-уллахъ (ум. 1401—1402), прозванный Эль-Хуруфи, такъ какъ онъ находилъ особое, кабалистическое значеніе въ буквахъ ¹⁾. Въ своемъ мистическомъ произведеніи «Истива-наме» (Книга восхожденія) Фазль-уллахъ развиваетъ главные положенія ученія:

1) высшее счастье человѣка заключается въ таинственномъ знаніи всѣхъ вещей какъ на небѣ, такъ и на землѣ;

2) скрытое знаніе содержится въ Коранѣ; но ключъ къ его уразумѣнію находится у Фазль-уллаха или у его преемника, который сообщаетъ върующимъ тайну;

3) человѣкъ, созданный по образу Божію, —широкосмъ, «стронъ», на которомъ Богъ воссѣлъ, сотворивъ міръ, наконецъ объектъ ангельскаго поклоненія;

4) такъ какъ въ Коранѣ и религіозныхъ обязанностяхъ скрывается особый, непостижимый смыслъ, то буквальное толкованіе «столповъ вѣры» лишено значенія.

Такимъ образомъ, ученіе Фазль-уллаха ничто иное, какъ старая погудка на новый ладъ; въ немъ широко отразились суфійскія воззрѣнія.

Ярымъ приверженцемъ ученія Фазль-уллахъ былъ Несими, больше всего увлеченный суфійскою идеей обожествленія человѣка. Долго скитался онъ между различными учеными, но ни одинъ изъ нихъ не могъ успокоить смятенную душу поэта. Только когда онъ сошелся съ Фазль-уллахомъ, съ его глазъ спала пелена. Въ восторгѣ разглашалъ онъ тайну его ученія, повторяя, какъ и Мансуръ Халладжъ: «я — истина, я — истина». Тщетно друзья молили Несими быть осторожнѣе. Говорить, что на увѣщанія брата своего, Шаха-Хандана, поэтъ отвѣчалъ выразительными стихами:

„Океанъ-море пришло въ волненіе,
 Вся вселенная пришла въ движеніе,
 Въковчяныя времена открылися;
 Какъ же вѣдающему притворствовать?
 Небеса и земля—абсолютный Богъ
 Лютя и барабанъ возглашаютъ: я Богъ!“

(пер. В. Д. Смирнова).

Жертва изувѣрныхъ улемовъ, Несими погибъ на плахѣ въ Алеппо въ 1417 или 1418 году. Однако даже враги его уважали въ Несими святого, тѣмъ болѣе, что поэтъ искусно примирялъ ученіе Фазль-уллаха съ

¹⁾ Такъ, восемнадцать буквъ перваго стиха „Фатихи“ (первая глава Корана)—аллегорическое изображеніе 18000 міровъ, и т. д.

Кораномъ. Мученическая смерть Несими еще сильнѣе разожгла религиозную ревность въ его ученикахъ. Вдохновленный своимъ учителемъ, Реѣш, такой же беспокойный искатель истины, написалъ (въ 1409 г.) на турецкомъ языкѣ поэмѣ «Бешаретъ-наме» (Книга благовѣствованія), въ которой онъ популяризовалъ, — какъ бы мы сказали, — взгляды Фазль-уллаха.

Преслѣдуемая духовными властями, секта хуруѣевъ все же прозябала до середины XVII вѣка; но она больше не произвела ни одного общественнаго учителя.

Средина XV вѣка, завершившая первый періодъ османской поэзіи, ознаменовалась появленіемъ величайшаго турецкаго поэта, Языджи-оглу Мехеммеда (ум. 1453). Сынъ «катиба» Салахъ-уддина, автора метеорологическаго трактата, Мехеммедъ велъ строгую подвижническую жизнь. Скучное питаніе, напряженныя молитвы изнурили силы Мехеммеда. Въ безсонныя ночи ему грезился образъ пророка, окруженнаго сонмомъ святыхъ, и убѣждалъ подвижника, въ назиданіе правовѣрнымъ, прославить его въ поэмѣ. Вылившаяся изъ страстной души поэта, его поэма Мухаммедіе (стихотворное переложеніе его религиознаго трактата на арабскомъ языкѣ), хотя и не блестящая особенными красотоми, стала однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ въ народѣ произведеній. Въ своей поэмѣ Языджи-оглу затронулъ сложные вопросы, манящіе воображеніе своею таинственностью, — начиная отъ сотворенія міра и кончая загробной жизнью. Соблазненные громкимъ успѣхомъ поэмы, многіе поэты пытались поддѣлаться подъ ея духъ; но и до сихъ поръ Мухаммедіе Языджи-оглу все такъ же бессмертно среди турокъ, между тѣмъ какъ его неудачливые завистники давно уже забыты.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ богатое содержаніе перваго тома труда E. Gibb'a, написаннаго въ увлекательной формѣ и оживленнаго многочисленными стихотворными переводами. Авторъ долго изучалъ какъ турецкую, такъ и персидскую поэзію: онъ не только внесъ въ свою работу новый матеріалъ, неизвѣстный даже I. Hammer-Purgstall'ю; онъ вскрылъ также тѣ основныя причины, которыя толкали Турцію въ объятія иноземной литературы; онъ пытался даже объяснить *ходъ* исторіи османской поэзіи, складывавшейся подъ непосредственнымъ давленіемъ персидскихъ образцовъ.

Однако долги, исключительныя занятія востокомъ породили въ авторѣ естественную односторонность. Очарованный широкимъ благородствомъ характера турокъ, E. Gibbъ впадаетъ въ ошибки, желая подорвать силу общепризнанныхъ идей. Онъ отрицаетъ вообще въ турецкомъ племени склонность къ фанатизму. Преслѣдованія сектантовъ, думаетъ онъ, вызывались естественными соображеніями. «Если судьба Несими», — говоритъ E. Gibb, — «какъ бы противорѣчить такому утвержденію, то не слѣдуетъ забывать, что онъ былъ осужденъ на казнь въ городѣ, расположенномъ на границѣ турецкаго государства, людьми не турецкаго, но арабскаго происхожденія»¹⁾. До такихъ парадоксовъ не доходилъ даже извѣстный

¹⁾ см. E. Gibb, стр. 387.

туркологъ, Н. Vámbéry ¹⁾). Гнусныя звѣрства, совершавшіяся недавно на глазахъ всей Европы, еще разъ доказали, какъ нетерпимы турки къ христіанамъ. Впрочемъ, если стать на турецкую точку зрѣнія, то избиеніе христіанъ представится какъ единственный путь оздоровленія Турецкой имперіи.

Также натянутымъ является сходство между Турціей и Западной Европой XIV—XV вѣковъ. Уже съ конца XIII вѣка европейская образованность смутно начала тяготиться опекой схоластики. Сперва слабое, броженіе усиливалось все болѣе и болѣе, подогреваемое тщательнымъ изученіемъ античной литературы. Такъ, подготавливался въ Италіи пышный расцвѣтъ гуманизма, охватившій вскорѣ и другія страны. Но между новымъ ученіемъ, требовавшимъ свободы личности, и узко-догматической флософіей Корана не много найдется точекъ соприкосновенія.

Особеннымъ возраженіемъ подвергается общій планъ работы. Какъ истый англичанинъ, E. Gibb особенно не интересуется народной литературой. Между тѣмъ, неизысканная народная турецкая поэзія могла бы больше внушить симпатіи въ туркамъ, тѣмъ напыщенная, безцвѣтная искусственная литература. Молчанье автора тѣмъ страннѣе, что самъ же онъ вскользь отмѣчаетъ ея влияніе на поэтическій складъ такихъ людей, какъ напр., Бурханъ-уддинъ. Между отдѣльными періодами азіатской школы грань не такъ рѣзка, какъ кажется нашему автору; различіе выражается скорѣе во внѣшней формѣ. Если въ четвертый періодъ обнаружился упадокъ поэзіи, то вовсе не потому, что въ Персіи не было поэтовъ, достойныхъ подраженія. Нѣтъ, причины тому гораздо глубже; онѣ коренятся во всеобщемъ разложеніи Турціи, подтачивавшемъ ее съ XVІІІ вѣка какъ извнѣ, такъ и внутри.

Будетъ ли благотѣльно европейское влияніе? До сихъ поръ реформы кончались неудачей, и ни млядо-туркамъ, ни отдѣльнымъ талантливымъ личностямъ не возродитъ уже «больного челоуѣка», въ безнадежности котораго единодушно соглашались современные путешественники, русскіе и иностранные.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни были значительны въ нашихъ глазахъ недостатки труда E. Gibb'a, къ тому же еще и не доведеннаго до конца, онъ заслуживаетъ всеобщаго сочувствія. Искусственная турецкая поэзія, развивавшаяся подъ влияніемъ иноземныхъ образцовъ, не скоро дождалась бы изслѣдователя, который отнесся бы къ своей темѣ такъ любовно, какъ E. Gibb.

Вл. Гордлевскій.

Finnisch-ugrische Forschungen. Zeitschrift für finnisch-ugrische Sprachund volkskunde nebst Anzeiger, unter Mitwirkung von Fachgenossen heransgegeben von E. N. Setälä und Kaarle Krohn. Helsingfors-Leipzig. Band I, 1-2.

Не только въ Финляндіи и Венгріи, но и въ другихъ странахъ во-

¹⁾ См. Der Islam im XIX Jahrhundert. L. 1875 II. Die Völker des Islams.

просы, связанные съ финновѣдѣніемъ, издавна уже привлекали къ себѣ огромное вниманіе. Разнообразный этнографическій матеріалъ, словари, изслѣдованія изъ области языковѣдѣнія, археологій и культуры, монографіи о финскихъ народностяхъ, населяющихъ необъятную Русь, являлись отдельными изданіями или находили радушный пріютъ въ газетахъ (губернскихъ вѣдомостяхъ), журналахъ, трудахъ, такъихъ, какъ напр., *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, *Suomi, Nyelvtudományi Közlemények* (при Венгерской академіи наукъ) или Труды археологическихъ съездовъ, Извѣстія Общества Исторіи, Археологій и Этнографіи, Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго университета, Труды Этнографическаго отдѣла, Этнографическое Обозрѣніе, Живая Старина и т. д. Однако обиліе матеріала, который, будучи написанъ на недоступныхъ языкахъ или разбѣянъ въ мелкихъ изданіяхъ, терялъ свое значеніе, еще болѣе подчеркивало назрѣвшую потребность въ ученомъ органѣ, который объединялъ бы разрозненныя силы финнологовъ. Уже въ 1892 году, подъ влияніемъ *Indogermanische Forschungen* (журнала, руководимаго Бругманомъ и Штрейтбергомъ), въ Гельсингфорсѣ зародилась среди ученыхъ мысль объ изданіи такого же журнала, посвященнаго финновѣдѣнію; но только въ этомъ году профессорамъ Александровскаго университета, Э. Н. Сетяля (*Setälä*) и Б. Круну (*Krohn*) удалось воплотить долго желанную мечту, и весело вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ *Finnisch-ugrische Forschungen*, открывающійся теплою памяткою о проф. М. А. Кастрѣаѣ, имъ котораго занимаетъ одну изъ самыхъ увлекательныхъ страницъ въ лѣтописяхъ финновѣдѣнія. Одушевленный горячею любовью къ отечеству, онъ беззаветно отдавъ ему свои силы, и краткая, и краткая, и плодотворная работа неутомимаго изслѣдователя сохранила яркій слѣдъ въ исторіи этнологіи финскихъ народностей. Личность незабвеннаго ученаго вселяетъ бодрость въ его соотечественниковъ; проникнутые тою же жаждой истины, финляндскіе ученые, Сетяля (филологъ) и Крунъ (фольклористъ) предприняли, въ знаменательный годъ 50-лѣтія со времени учрежденія воеводы финскаго языка, изданіе, захватывающее финновѣдѣніе со всѣхъ сторонъ.

Въ кругъ его входятъ:

- 1) археологическія изслѣдованія о географическихъ границахъ, размѣненіи финско-угорскихъ народовъ, ихъ столкновеніи съ другими народами;
- 2) антропологическія изслѣдованія финско-угорскихъ народовъ, въ связи съ этнографіей и археологіей;
- 3) финское языковѣдѣніе (общіе вопросы, взаимныя отношенія между финско-угорскими языками, ихъ отношеніе къ т. наз. урало-алтайскимъ и индоевропейскимъ языкомъ, фонетика, транскрипція финско-угорскихъ языковъ); вопросы общаго языковѣдѣнія, освѣщаемыя изслѣдованіями надъ финско-угорскими языками;
- 4) начальная исторія и древняя культура финско-угорскихъ народовъ, основанная на показаніяхъ языка;
- 5) религіи, мифологія, нравы и обычаи финско-угорскихъ народовъ;

6) народное творчество финско-угорских народов (вопросы о его происхождении, первобытной формѣ, о географическомъ распространеніи и историческомъ развитіи, въ связи съ соприкосновеніемъ финско-угорскихъ народовъ съ индоевропейскими и иными народами). Съ особенною внимательностью будетъ изслѣдываться финскій эпосъ, Калевала, его возникновеніе и постепенное сліяніе составныхъ его частей;

7) методика народовѣднія, въ особенности методы (географо-историческіе), выработанные покойнымъ профессоромъ Ю. Бруномъ (J. Krohn);

8) исторія финновѣднія;

9) планы и программы для новыхъ изслѣдованій въ области финновѣднія ¹⁾.

Наибѣе широкій планъ *изслѣдованій*, редакція исключаетъ, конечно, печатаніе сырого матеріала; но зато она ведетъ погодную исчерпывающую полноту библіографію, подчиненную строгой системѣ. Всякому извѣстно, какъ кропотлива эта работа, и мнѣ кажется, на «Этнографическомъ Обзорѣннѣ» лежитъ обязанность облегчить редакціи «Finnisch-ugrische Forschungen» этотъ нелегкій трудъ правильнымъ веденіемъ *текущей* библіографіи нашихъ великорусскихъ, приволажскихъ, азиатскихъ губернскихъ вѣдомостей, вообще русской этнографической литературы, такъ или иначе соприкасающейся съ финновѣдніемъ. Это — *ближайшая* задача, и она не требуетъ особыхъ усилій.

Среди плеяды громкихъ именъ, украшающихъ первый выпускъ «Finnisch-ugrische Forschungen», выдѣляется имя профессора О. Доннера, автора «Обзора исторіи финскаго языковѣднія (Öfersikt af den finsk-ugriska språkforskningens historia, H: fors. 1872). Хотя проф. О. Доннеръ преподаетъ въ Александровскомъ университетѣ санскритъ, однако онъ не ограничивается рамками своей касседры. Съ самаго основанія Journal de la Société Finno-Ougrienne онъ долго велъ обзоры успѣховъ финновѣднія. Въ сжатомъ, но ясномъ очеркѣ набрасываетъ проф. О. Доннеръ исторію изслѣдованій «Урало-алтайскихъ языковъ», начиная съ невольнаго языковѣда, пѣвнаго шведскаго офицера, Штраденберга, который впервые выдѣлилъ «суйгуровъ», т. е. финско-угорскіе народы, какъ особый членъ семьи «татарскихъ народовъ», обитающихъ, по его мнѣнію, въ сѣверной и восточной части Европы и Азіи. Сперва проф. Доннеръ разсматриваетъ изслѣдованія о мнимой связи между урало-алтайскими языками и языками другихъ группъ, отвергая не только теорію датскаго ученаго, Раска, о скандской семьѣ языковъ и «стуранскую» теорію Макса Мюллера, но также и вопросъ о связи между урало-алтайскими языками и клинописью сумироакадскихъ племенъ; точно также воззрѣнія Г. Фонъ-Винклера о сродствѣ японскаго языка съ урало-алтайскими языками не вызываютъ въ немъ большого сочувствія. Вторую часть своего очерка проф. Доннеръ посвящаетъ изслѣдованіямъ о взаимной связи от-

¹⁾ Какъ замѣтилъ уже, вѣроятно, читатель, я для краткости обозначалъ терминомъ „финновѣдніе“ финно-угровѣдніе, основываясь на терминологіи акад. Ф. Ф. Фортунатова.

дѣльныхъ вѣтвей урало-алтайской семьи языковъ. Не соглашаясь съ Винклеромъ, для котораго ве подлежитъ никакому сомнѣнію вопросъ объ общемъ происхожденіи урало-алтайскихъ языковъ, проф. О. Доннеръ думаетъ, что только тщательныя изслѣдованія (подобныя работѣ Кастрѣна о самоѣдскихъ языкахъ) могутъ установить болѣе тѣсное сходство; пока же, известная связь открывається въ законахъ гласной гармоніи (Бѣглингтъ) и мѣстоименныхъ образованій (Адамъ, Ф. Мюллеръ ¹).

Проф. Э. Н. Сетяля, разобравъ различные способы транскрибированія финско-угорскихъ языковъ, представилъ свой опытъ транскрипціи, требующій точной, фонетической записи, въ которой обозначена сила, высота и длительность звука. Работа проф. Сетяля, предлагающая однообразіе въ транскрибированіи, представляетъ большое научное значеніе, и, вѣроятно, наши языковѣды такъ или иначе откликнутся на призывъ проф. Сетяля и выскажутъ о ней свое мнѣніе.

Проф. I. I. Миккола, авторъ изслѣдованія «Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen» (H: fors. 1894), расширяетъ область своихъ изысканій. Между прочимъ, онъ обнаружилъ еще старинное славянское слово въ финскомъ языкѣ, сохранившееся только въ сербскомъ языкѣ (одѣва, финск. ativo (обозначающее известное родство).

Д-ръ Г. Вихманъ печатаетъ «Этимологическіе этюды изъ области пермскихъ языковъ»; въ одномъ онъ выясняетъ этимологию слова «чүгѣс»; съ одной стороны, какъ думаютъ вотяки, оно обозначаетъ духа, насылающаго болѣзни, съ другой стороны, подъ этимъ терминомъ подразумѣвается жертвенная церемонія, во время которой изгоняется злой духъ. Въ другомъ этюдѣ онъ разбираетъ названіе города Казани; если городъ основанъ болгарами, народомъ тюркскаго происхожденія, какъ думаетъ Ильминскій, Бунникъ и Радловъ, то названія его: Хозан, Хузан, сохранившіеся у чувашей, представляютъ фонетическій эквивалентъ болгарскаго названія «Казань». Так. обр., въ этой этимологіи находятъ себѣ опору воззрѣніе, что чувашскій языкъ стоитъ въ органической связи съ тѣмъ языкомъ, который господствовалъ въ болгарскомъ государствѣ. Третій этюдъ доказываетъ иранское заимствованіе въ зырянскомъ языкѣ, вошедшее впоследствии и въ другіе финскіе языки, именно д-ръ Г. Вихманъ возводитъ зырянское слово пѣбѣгъ къ пехлевійскому пірекъ (письмо).

Вообще, лингвистическій отдѣлъ журнала крайне богатъ; въ немъ обсуждаются различныя темы изъ различныхъ финско-угорскихъ языковъ (эстонскаго, венгерскаго, прапалавскаго).

Не меньшія достоинства заключаетъ въ себѣ фольклорный отдѣлъ, который можетъ натолкнуть нашихъ изслѣдователей народной литературы и этнографіи на важныя открытія. Его главнымъ руководителемъ является проф. К. Брунъ. Преклоняясь передъ памятью своего отца, проф. Юлиуса

¹) Впрочемъ, еще недавно Ж. Галеви (J. Halévy) высказалъ мысль о близости чиселъ въ турецкомъ и венгерскомъ языкѣ. См. Revue Orientale. 1901. № 1—2.

Круна, автора исторіи финской литературы (народной и письменной), К. Крунъ кладетъ въ основу его взгляды, высказанные въ изслѣдованіи: «Языческое богопочитаніе у финскаго племени», и задается вопросомъ, «Когда и гдѣ возникли финскія заклинательныя руны?» Въ общихъ чертахъ ходъ его мысли таковъ. Такъ какъ ни у лапландцевъ, стяжавшихъ себѣ громкую славу заклинателей, ни у остяковъ или вогуловъ, до сихъ поръ сохранившихъ атрибутъ шаманства, барабанъ, изслѣдователи не могли записать заклинательныхъ рунахъ, самъ собою падаетъ вопросъ объ ихъ возведеніи къ финско-угорской порѣ, потому что заклинанія вотяковъ, черемисовъ, чувашей слагались уже подъ великорусскимъ вліяніемъ. Въ тому же отрицательному отвѣту вынуждаетъ проф. К. Круна изслѣдованіе вопроса о возможномъ происхожденіи заклинаній изъ финско-мордовской поры. Правда, д-ръ Г. Паасоненъ находитъ вообще большое сходство между финской и мордовской поэзіей. Однако тщательный анализъ *тэски* о хмѣлѣ, широко распространенной среди мордвы, эстонцевъ, шжоры, русскихъ кереловъ, отвергаетъ такой взглядъ; скорѣе всего, это славяно-литовское наслѣдіе, переданное съ одной стороны русскими—мордвѣ, съ другой стороны, латышами—эстамъ, отъ которыхъ пѣсня зашла и къ финнамъ. Послѣ того, проф. К. Крунъ начинаетъ рѣшать вопросъ, не могутъ ли заклинательныя руны быть достояніемъ прафинской эпохи. Хотя этотъ отвѣдъ еще не конченъ, однако отрицательная точка зрѣнія автора уже выяснилась, и для подтвержденія своей мысли онъ обращается къ изученію заклинательныхъ рунахъ эстонцевъ.

Работа проф. К. Круна, трезвая и проникательная, вѣроятно, возбудитъ къ себѣ вниманіе: съ одной стороны, она можетъ пролить свѣтъ на исторію нашихъ заговоровъ, уже затронутую проф. В. Ф. Миллеромъ¹⁾; съ другой стороны, въ ней проф. К. Крунъ поднимаетъ важный методологическій вопросъ о взаимодѣйствіи въ народномъ міровоззрѣніи языческихъ и христіанскихъ элементовъ, — вопросъ, которому онъ думаетъ когда-нибудь посвятить особое изслѣдованіе.

Вто же перу принадлежитъ рецензія на работу Б. А. Франссилы о великомъ дубѣ (см.: Балева, 2-ая руна); молодой авторъ, изучивъ многочисленные варианты этой пѣсни, опредѣлялъ основные ея типы и вѣстѣ съ тѣмъ отвергъ мисологическое толкованіе ея, какъ грозоваго дерева или облака, застилающаго солнце и разсѣяемаго молніей.

М-ръ У. Т. Сиреліусъ знакомитъ насъ съ изслѣдованіемъ венгерскаго этнографа, Я. Янко (Janó János). Исполненный горячей любви къ минувшимъ судьбамъ своего народа, графъ Зичи (E. Zichy) предпринялъ въ 1897—98 гг. (уже третье) путешествіе, задачи котораго сводились къ изученію матеріала, хранящагося въ финляндскихъ и русскихъ музеяхъ, и къ изученію тѣхъ мѣстъ, на которыхъ вѣвсегда обитали венгры (угры). Недавно вышла первая часть трудовъ экспедиціи, занятая изслѣдованіемъ Янко о происхожденіи рыболовства у венгровъ. Изучая на-

¹⁾ См.: Ассирійскія заклинанія и русскіе народные заговоры, *Русскія Мысли*, 1896. VII.

званія рыболовныхъ снарядовъ, названія рыбъ, Янко пытается опредѣлить истонныя границы угорскаго племени (между Уральскимъ хребтомъ и Волгой, между среднимъ теченіемъ р. Урала и 55° сѣв. шир.). Богатый матеріалъ, собранный Я. Янко, долго будетъ служить главнымъ источникомъ венгерской этнографіи, хотя м-ръ У. Т. Сиреліусъ и не скрываетъ крупныхъ методологическихъ промаховъ автора.

Д-ръ Г. Викманъ излагаетъ взгляды проф. Сетэля на древнѣйшую исторію финско-угорскихъ народовъ, высказанные имъ въ рецензіи на монографію проф. И. Н. Смирнова о восточныхъ финскихъ инородцахъ, которыя тотъ представилъ въ Академію наукъ для соисканія Уваровской преміи. Для нашихъ историковъ и этнографовъ, занимающихся исторіей финскихъ народовъ и ихъ столкновеніемъ съ русскимъ народомъ, «отзывъ» проф. Э. Н. Сетэля явится необходимымъ, надежнымъ пособіемъ въ собствен-

ствахъ, большае значеніе представляетъ материалъ, напечатанный проф. Сетэлемъ, подъ заглавіемъ: «Финновѣдѣніе, какъ у насъ». Въ Россіи вообще финновѣдѣніе процвѣтаетъ очень слабо: не говоря о Дерптѣ, только въ Казани учреждена съ 1885 году кафедра финскихъ нарѣчій. Между тѣмъ, столичный СПб. университетъ, въ которомъ сосредоточено изученіе восточныхъ языковъ, до сихъ поръ еще не имѣетъ финско-угорскаго отдѣленія 1).

Своею краткою замѣткою мы хотѣли обратить вниманіе на этотъ воспитательный журналъ, въ которомъ, уже вызвавшій въ насъ Мандельштама. Мы не сомнѣваемся, что и наши финнологи, путемъ подробнаго разбора, чѣмъ мы могли то сдѣлать, также вынесутъ изъ нея пріятное впечатлѣніе.

Л. А. Гордлевскій.

Р. S. Во избѣжаніе возможныхъ пропусковъ въ «Биографіи финско-угорскаго языка и народо-вѣдѣнія» редакція «Finnisch-ugrische Forschungen» обращается съ просьбою присылать ей отписки, вырѣзки изъ газетъ и журналовъ, или, если это почему-либо затруднительно, сообщать ей заглавія своихъ работъ, съ обозначеніемъ мѣста изданія, числа страницъ и краткимъ обзоромъ содержанія.

Адресъ: Финляндія, Helsingfors, Merilinna, Английскій музей, Finnisch-ugrischen Forschungen, или Москва, Политехническій музей, въ редакцію «Этнографическаго Обозрѣнія» (для проф. Э. Н. Сетэля).

П. А. Поляновъ. Снотолкователь, притисываемый мусоромъ, проф. Романовъ и ветхозаветному патриарху Иосифу, сыну Иакова. (Джагангль о бли- текстъ, русская транскрипція и русскій переводъ). Изд. подъ редакціею проф. Калмаса.

1) Когда наша замѣтка была уже набрана, мы узнали, что д-ръ О. Калмась отыарываетъ тамъ съ января 1902 года курсъ финскаго языка.

Н. О. Катанова. Каз. 1901. 39 стр. (Изъ «Ученыхъ Записокъ» И. Каз. Ун.).

Среди нашихъ тюркологовъ одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ проф. Н. О. Катановъ, председатель Общества Исторіи, Археологіи и Этнографіи, который не только самъ обнародываетъ матеріалы и изслѣдованія, но и поощряетъ въ тому другихъ лицъ.

Подъ его редакціей недавно вышелъ мусульманскій сонникъ, переведенный съ джагатайскаго языка П. А. Поляковымъ. Какъ въ Средней Азій, такъ и въ Европейской Россіи «Снотолкователь Юсифа» пользуется среди киргизовъ и татаръ большою распространенностью, и для исторіи міровоззрѣнія турецко-татарскихъ народовъ представляетъ глубокий интересъ. Какъ извѣстно, научное изученіе сновъ обнаружило ихъ связь и зависимость отъ впечатлѣній дня, отображающихся подчасъ въ необычныхъ сочетаніяхъ. Съ этой точки зрѣнія въ сонникахъ, кажется намъ, могутъ сохраняться «перешитки», символы, которые, несмотря на ихъ современную ирраціональность, нѣкогда таили въ себѣ реальный смыслъ. Хотя общій тонъ толкованій мусульманскихъ сновъ подсказанъ кочевымъ, пастушескимъ бытомъ, хотя мусульманство наложило также на нихъ свой отпечатокъ, однако древніе элементы еще кое-гдѣ мелькаютъ (напр., культъ предковъ); и широкое сравнительно-историческое наблюденіе надъ толкованіемъ сновъ у различныхъ народовъ освѣтитъ ихъ отдаленныя взаимныя соприкосновенія¹⁾; быть можетъ, въ немъ найдеть подтвержденіе антропологическая теорія Э. Ланга.

Насколько можемъ судить по бѣглому сличенію, переводъ г. Полякова — точенъ; попадаютъ, впрочемъ, синтаксическія ошибки (напр., §§ 46, 51). Упомянемъ также, что «Снотолкователь» сопровождается указателемъ, облегчающимъ поиски и справки.

Вообще, изданіе переводовъ тюркскихъ текстовъ, руководимое такимъ знатокомъ тюркскихъ нарѣчій, какъ проф. Катановъ, должно радовать изслѣдователя народной литературы. Мы только думаемъ, что транскрипція является излишней, если текстъ не представляетъ фонетической записи, важной для филологіи.

Вл. Г.

Вейденбаумъ Е. Г. Кавназовѣдѣніе. I. Кавказскіе этюды. Изслѣдованія и замѣтки. Тифлисъ. 1901.

«Литература Кавказа», — говорится въ предисловіи, «богатая отдѣльными специальными сочиненіями, еще болѣе обильна изслѣдованіями и замѣтками, иногда весьма цѣнными, разбросанными по изданіямъ ученыхъ обществъ, журналамъ и газетамъ... Изданіе наше имѣетъ поэтому, главнымъ образомъ, въ виду дать интересующимся возможность пользоваться

¹⁾ Такъ, отмѣтимъ странное совпаденіе во взглядѣ на пчелу, какъ символъ доброй жены, съ мнѣніемъ греческаго сатирика VII вѣка до Р. Хр. (Симонида), см. А. Деревницкій. Ж. мин. нар. пр. 1901. № 10. Отд. клас. филол., стр. 37—Въ «Снотолкователѣ» встрѣчаются противорѣчія (см., напр., объясненія снѣга §§ 82 и 93), вызывающіяся скудостью матеріала.

такого рода матеріалами, иногда неизвѣстными даже и специалистамъ». Издатели гг. Иоаннисиани и Теръ Израеліанцъ поставили себѣ трудную задачу—приучить большую публику къ серьезному отношенію къ Кавказскому краю, возбудить въ нихъ интересъ къ кавказовѣднію.

Нельзя только не сожалѣть, что первый опытъ оказался не совсѣмъ удачнымъ. Изъ всѣхъ «цѣнныхъ» матеріаловъ издатели, какъ видно, отдали предпочтеніе «Исслѣдованіямъ и замѣткамъ» г. Вейденбаума и наполнили ими весь первый выпускъ своего изданія. Книга начинается статьей о попыткахъ восхожденія на вершину Большого Арарата, при чемъ заглавіе статьи не соотвѣтствуетъ содержанию ея, ибо попытки восхожденія исключаютъ дѣйствительное восхожденіе на вершину горы, о чемъ идетъ рѣчь въ статьѣ. Затѣмъ авторъ говоритъ о священныхъ рощахъ и деревьяхъ у кавказскихъ народовъ, приводитъ свои путевыя замѣтки отъ Батума до Артаина, далѣе переходитъ къ Тотлебену, Потемкину, Ермолову и Паскевичу, къ пребыванію Пушкина на Кавказѣ и проч.—Всѣ эти исслѣдованія и замѣтки извлечены изъ слѣдующихъ изданій: двѣ статьи изъ выпусковъ кавказскаго отдѣла импер. русск. геогр. общества, 7 статей и замѣтокъ изъ газ. «Кавказъ», 4—изъ иллюстрированнаго приложенія «Тифл. Л.» , 1 статья—изъ брошюры «Кавказская поминка о Пушкинѣ», изданной г. Величко въ 1899 году, и 1—составлена, главнымъ образомъ, по матеріаламъ проф. Цагарели: «Грамоты и другіе историческіе документы, относящіеся къ Грузіи» (т. 1, С-Пт., 1891 г.). Большая часть трудовъ г. Вейденбаума напечатана была въ тифлискихъ изданіяхъ въ самое новѣйшее время (въ 1898—1901). Нѣкоторые изъ нихъ, прежде чѣмъ попасть въ печать, должны были подвергнуться строгой редакціи.

Такиа «исслѣдованія и замѣтки», которыми заполненъ первый выпускъ «Кавказовѣднія», могли бы попасть развѣ въ библиографическій указатель, для книжекъ же кавказовѣднія можно было бы воспользоваться работами Услара, Ерицова, Герсеванова, Цагарели, Патканова, Марра, Баратова, ихтаристовъ (Алишана), и др. Въ своемъ предисловіи издатель говоритъ: «Извлеченіе ихъ (статей и замѣтокъ) изъ журналовъ и газетъ и снабженіе, въ случаѣ надобности, примѣчаніями принялъ на себя Е. Г. Вейденбаумъ». Г. Вейденбаумъ, къ сожалѣнію, не знатокъ туземныхъ языковъ и поэтому не можетъ пользоваться статьями изъ туземныхъ журналовъ и газетъ. Можетъ быть, издатели совсѣмъ не думаютъ воспользоваться туземными изданіями! «Кавказовѣдніе» выиграло бы много, если бы издатели въ вопросахъ, касающихся этнологіи, исторіи, географіи Кавказа, прибѣгали и къ туземнымъ литераторамъ. Какое важное значеніе могутъ имѣть туземныя литературы въ дѣлѣ ознакомленія публики съ Кавказскимъ краемъ, ясно показываетъ слѣдующій примѣръ: въ «Кавказовѣдніе», между прочимъ, вошла замѣтка г. Вейденбаума «Первая грузинская газета», перепечатанная изъ иллюстрированнаго прибавленія «Тифл. Листка» отъ 8 октября 1900 г. Но еще за 9 мѣсяцевъ до того и подъ тѣмъ же заглавіемъ въ газ. «Иверія» вышла замѣтка М. Дусанашвили (см. «Иверію» за 1900 г. № отъ 3 января, зам. «Первая грузинская газета»). Въ февралѣ того

же года въ журналѣ «Кребули» началось печатаніе изслѣдованія «Исторія грузинскихъ періодическихъ изданій — журналовъ и газетъ». (Кребули, №№ II и III). Еще раньше объ этомъ же предметѣ писалъ я въ «Квали».

А. Хахановъ.

„Втакъ“ (Потокъ), Литературно-научный сборникъ, подъ редакціей В. Патазьяна. Посвященъ памяти Г. А. Джаншиева. Тифлисъ, 1901 г. Стр. 420. Цѣна 1 р. 50 к.

На-дняхъ вышелъ изъ печати на армянскомъ языкѣ издан- ный сборникъ «Втакъ». Помимо общаго литературнаго интереса, который онъ представляетъ (въ сборникѣ нѣтъ ни одной переводной вещи), онъ интересенъ еще и тѣмъ, что въ немъ впервые появляются статьи, посвященныя почти всѣмъ сторонамъ культурной жизни армянъ. Въ литера- турный отдѣлъ вошли, главнымъ образомъ, произведенія, написанныя подъ впечатлѣніемъ недавнихъ ужасовъ въ турецкой Арменіи.

Въ этнографическомъ отношеніи интересенъ второй отдѣлъ. Тутъ прежде всего отмѣтимъ статью Г. Аджарьяна: «Происхожденіе армянъ и доисто- рическая эпоха». Въ статьѣ этой сгруппированы всѣ свѣдѣнія, добытыя, за послѣднее время относительно хиттитскаго вопроса и разселенія наро- довъ индо-европейскаго племени. Г. Аджарьянъ прямо отождествляетъ хит- титовъ съ армянами. Статья В. Суреньянца: «Мѣсто армянской архитек- туры въ исторіи искусства», имѣетъ большой интересъ для армянской литературы, такъ какъ до сихъ поръ не было еще цѣльнаго, системати- чески изложеннаго изслѣдованія даннаго предмета. Далѣе идетъ статья Е. Шахъ-Азиза объ «Армянскихъ монастыряхъ и объ ихъ роли въ жизни армянъ». Статья Г. Хатисьяна есть сводъ матеріаловъ по языку и нарѣчіямъ армянъ. Въ статьѣ «Значеніе и методъ изслѣдованія обычнаго права армянъ» Л. Назарьянца, авторъ, говоря объ отсутствіи писанныхъ источниковъ по праву армянъ, высказываетъ ту мысль, что это право можетъ быть восстановлено, главнымъ образомъ, на основаніи обычнаго права. Г. Ванцянянъ въ краткомъ очеркѣ: «Наши стилисты и нашъ языкъ» трактуетъ объ образованіи современнаго литературнаго языка армянъ. Въ статьѣ Р. Ханазадьяна «Малая Азія и проектируемыя желѣзныя дороги» много интереснаго относительно экономическаго быта турецкихъ армянъ. Кромѣ названныхъ статей, во второмъ отдѣлѣ помѣщены еще слѣдующія статьи: К. Басмаджьяна — объ археологическихъ раскопкахъ недалеко отъ Эчмиадзина, Ю. Веселовскаго — «о вліяніи западной Европы на литера- туру армянъ» и М. Берберьяна — «Сабать Шахъ-Азизъ», критико-біогра- фической этюдъ.

Цѣль сборника благотворительная. Вырученная сумма пойдетъ на уси- леніе средствъ открытыхъ покойнымъ Джаншиевымъ въ турецкой Арменіи сиротскихъ пріютовъ.

Л. Н—нцъ.

Эминскій Этнографическій Сборникъ, издаваемый при Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ. Вып. I. Этнографическіе матеріалы,

собранные А. Мхитарьянцомъ. Москва, 1901, стр. XIII + 302 + Приложение.

Матеріалы, помѣщенные въ этомъ сборникѣ, не снабжены русскими переводомъ, но къ нимъ приложено на русскомъ языкѣ предисловіе редактора (Г. А. Халатянца), которое мы отчасти и воспроизводимъ.

Настоящее изданіе, говорится въ предисловіи, выходитъ въ свѣтъ какъ первый выпускъ «Энинского Этнографическаго Сборника». Оно заключаетъ въ себѣ этнографическіе матеріалы, собранные среди населенія Александропольскаго уѣзда (Эрив. губ.), извѣстнаго въ древности подъ именемъ Ширака. Матеріаламъ этимъ самъ собиратель даетъ скромное названіе—«Брохи изъ Ширакскихъ амбаровъ», славившихся въ древности.

Задача редакціи въ этомъ случаѣ состояла въ томъ, чтобы *сдѣлать* выборъ изъ представленнаго собирателемъ разнообразнаго матеріала и это отобранное *расположить* въ научномъ порядкѣ. Содержаніе настоящаго сборника таково:

I. Устная народная литература. Сказки: 1) Крестьянскій сынъ; 2) Счастливый сынъ; 3) Габрмани; 4) Рыба въ образѣ человека; 5) Сынъ охотника Шабура; 6) Младшій царевичъ.

Рассказы 1) Безжалостный Петръ (апостолъ); 2) Попадья-пекарша; 3) Древо познанія добра и зла; 4) Мачеха и ея пасынокъ; 5) Остроумный крестьянинъ; 6) Совѣтъ воробья; 7) Ученый котъ; 8) Котъ и мыши; 9) Кошка и левъ; 10) Безстрашная лягушка; 11) Признательность льва; 12) Левъ и мышь; 13) Кающійся разбойникъ; 14) Зять, живущій у тестя; 15) Юноша-воръ; 16) Совѣтливый судья; 17) Честолюбивый князь; 18) Дервишъ-обманщикъ; 19) Шальной попъ; 20) Завѣтъ крестьянина; 21) Обѣдѣвшій богачъ.

Пословицы (до 1500 номеровъ, расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ).

Приговья—Пожеланья; Проклятья; Заклинанья; Ласкательныя выраженія; Угрозы; Материнскія наставленія; Плачъ по умершимъ.

Загадки и Скороговорки (1—10)—стр. 152—161.

II. Вѣрованія, семейные нравы и обычаи, образъ жизни и занятія. Вѣрованія 1. Суевѣріе. а) Изъ рассказовъ бабушки. б) Изъ рассказовъ дѣдушки; с) Молитвы бабушки и дѣдушки. 2) Предразсудки 1—94 и Легенды:—Объ Иисусѣ, какъ красильщикѣ и плотникѣ, о св. Георгіи, о Богородицѣ, объ епископѣ Григоріи Агривандаци. 3) Сны и толкованіе ихъ 1—81 4) Лѣченіе: а) Отрывки изъ лѣчебника бабушки; б) Дѣтскія болѣзни. 5) Колдовство, чародѣйство и ворожба—1—63 съ 19-ю литографическими снимками образцовъ талисмановъ.—Изъ рассказовъ дѣдушки.

Семейные нравы и обычаи: 1) Свадьба («посольство», «башлугъ», стговоръ, обрученье, свадебный праздникъ).—2) Народные обычаи 1—20 3). Важнѣйшіе праздники въ году: 1. Новый годъ.—2. Рождество.—3. Св. Саргисъ.—4. Срѣтеніе Господне.—5. Великій постъ.—6. Серетка.—7. Вербное воскресеніе.—8. Великій пятокъ.—9. Пасха.—10. Вознесенье.—11. Св. Карапетъ (Предтеча).—12. Праздникъ розъ (Преображеніе Господне).—13. Успеніе Богородицы.—14. Воздвиженіе св. Креста.

Образъ жизни и занятія: 1. Жизнь земледѣльца 2. Образцы условій, касающихся земледѣлія. 3. Дѣленіе на классы въ сельской общинѣ. 4. Оброки, уплачиваемые крестьянамъ.

Въ приложеніи помѣщенъ краткій словарь Александропольскаго или Ширакскаго нарѣчія.

Печатаются и скоро выйдутъ въ свѣтъ слѣдующіе выпуски «Эмни-скаго этнографическаго сборника»:

Выпускъ II. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Турецкой Арменіи С. Айкуні: часть I — Народный эпосъ и сказки.

Выпускъ III. Заимствованныя изъ турецкаго языка слова въ армянскомъ языкѣ, лингвистическое изслѣдованіе Г. Ачаріана.

ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ.

Владимирскія Губернскія Вѣдом. 1900. 1-17, 20. Матеріалы для исторіи Владимирской губерніи (продолженіе). 2—4. Святки въ народной Руси („Прав. Вѣстн.“). 3. Январскія примѣты. Замѣтено изъ новой работы *А. С. Ермолова*: „Сельское Хозяйство и Лѣсоводство“. 6—7. Село Лазарево, Муромскаго уѣзда. Изъ путевыхъ замѣтокъ *Н. Добрыкина* (Главнымъ обр., подробное описаніе храма въ селѣ). 10. Владимирская губернія (Замѣчательныя мѣста и мѣстности). 12. Некрологъ *В. Е. Языкова*, „одного изъ труженниковъ по заселенію Приамурскаго края и присоединенія его къ Россіи“. („Амурск. Газ.“). 13. Народная Русь, *А. Коринфская*. Рецензія. („Прав. Вѣстн.“). 14. Великая пятница въ повѣрьяхъ русскаго народа. („Прав. Вѣстн.“). 15. Пасхальныя веснянки. („Прав. Вѣстн.“). 17. Село Липи, Муромскаго уѣзда. Популярная замѣтка *Н. Добрыкина*. 18. Преполовенье въ повѣрьяхъ русскаго народа. („Прав. Вѣстн.“). 21. Сѣнокосъ въ повѣрьяхъ русской деревни. („Прав. Вѣстн.“). 22—23. Памяти *Н. М. Карамзина*. („Прав. Вѣстн.“). 24—25. Озимая запашка въ повѣрьяхъ русскаго народа. („Прав. Вѣстн.“). 24. Правила въ руководство комиссіи *И. Моск-аго Археол. Общества* по сохраненію древнихъ памятниковъ. 26. Губ. гор. Владимиръ. Краткія историч. свѣдѣнія. 26—30. Краткіе статистическіе очерки Владимирской губ. 27. Городъ Суздаль.—Краткія историч. свѣдѣнія. 28. Городъ Муромъ. Краткія историч. свѣдѣнія. 28. Городъ Шуя. Краткія историч. свѣдѣнія. 29. Городъ Иваново-Вознесенскъ. Краткія историч. свѣдѣнія. 29. Село Кохма. 31. Пантелей—цѣлитель въ сказаніяхъ русскаго народа. („Прав. Вѣстн.“). 33—37. Владимирскіе кустари на выставкѣ въ городѣ Шуѣ, *А. Б.* 35, 38, 43. Первый областной съѣздъ изслѣдователей исторіи и древностей Суздальской области. („Прав. Вѣстн.“). 37. Некрологъ протоіерея *М. И. Хераскова* (дѣятеля гор. Владимира). 37. Рождество Пресвятой Богородицы въ повѣрьяхъ русскаго народа. („Прав. Вѣстн.“). 42. Завимки. („Прав. Вѣстн.“). 44. Объ упадкѣ кустарныхъ промысловъ, *Н. Сперанскаго*. 44—47. Матеріалы для исторіи медицины во Владимирской губ., *А. В. Смирнова*. 45. Вопросный листокъ отъ пѣсенной комиссіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Медъ и его лѣчебныя свойства. (Изъ „Прав. Вѣстн.“).

Съ № 21 въ приложеніи печатался „Указатель содержанія неофициальной части Владимирскихъ Губернскихъ Вѣдомостей съ 1838 — 1900 года включительно“.

Журналъ Мин. Нар. Провс. 1901, январь. *К. Тіандеръ*. О происхожденіи имени Пермь.—*И. Дюкашговъ*. Проповѣдническая дѣятельность св. Андрея и св. Нины въ Грузіи.—*А. Пододимъ*. Примитивныя формы общественнаго быта.—Критика.—*Францегъ*. Новая этнографическія карты Сѣв. Чехіи.—*В. Качановскій*. Рецензія на Mittheilungen der Schlesischen Gesellschaft für Volkskunde von F. Vogt und O. Jiritschek. Вып. I—IV. 1895—97 гг. и на Narodopisny slovník Ceskoslovanský Cesky lid.—Февраль. *В. Сергеевичъ*. Древности русскаго земледѣнія (прод.).—*Е. Будде*. Изъ исторіи русскаго литературн. языка конца XVIII и начала XIX в.—Критика. *О. Времловскій*. Три новыя книги о Дальнемъ Востока.—*Ю. А. Кулаковскій*. Разборъ труда *Ф. Брауна* „Разысканіе въ области гото-славянскихъ отношеній“. I СПб. 1899 г.—Мартъ. *И. А. Тисомировъ*.

О составѣ зап.-русскихъ, такъ называемыхъ, литовскихъ лѣтописей.—*В. И. Сергиевичъ*. Древности русск. землевладѣнія (прод.).—Критика. *Р-цъ*, Славяновѣдѣніе и его пропаганда въ русск. обществѣ. Апрель. *В. И. Сергиевичъ*. Древности русск. землевладѣнія (оконч.).—*М. Рубцовъ*. Къ вопросу о „Хожденіи“ Трифона Коробейникова въ Св. Землю въ 1582 г. (доказывается подлинность „Хожденія“).—Критика. *С. Кульбакинъ*. Рецензія на трудъ ак. Ягича: „Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache“. 1900.—Май. *И. Н. Ждановъ*. Повесть о королевѣхъ Валтасаръ и былинны о Самсоѣ-Святогорѣ. I—II (Продолженіе не появилось вслѣдствіе кончины автора 11 іюля).—*И. А. Тихомировъ*. О составѣ зап.-русскихъ, такъ называемыхъ литовскихъ лѣтописей (оконч.).—Критика. *Э. Э. Лямбекъ*. Litteratur und Sprache der Singhalesen von Wilhelm Geiger. Strassburg. 1901.—*М. Попруженко*. Опись рукописей въ библиотекѣ при св. Синодѣ на болгарската църква въ Соеня—описи и наредѣ Е. Спространовъ. Соеня. 1900.—Юнь. *И. М. Красноперовъ*. Нѣкоторые данныя по географіи Смоленскаго и Тверскаго края въ XII в.—Критика. *Н. Дебольскій*. Разборъ книгъ И. Я. Гурлянда „Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ до конца XVII в.“ и „Новгородскія ямскія книги 1586—1631 г.“, изданныхъ въ Ярославль въ 1900 г.—*А. И. Соболевскій*. Рецензія на трудъ В. Н. Перетца „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы“. СПБ. 1900. *А. И. С. Некрологъ* В. В. Качановскаго († 11 апрѣля). Июль. *Н. П. Павловъ-Сильванскій*. Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси.—*Н. В. Шляковъ*. Ермакъ Тимофеевичъ лѣтомъ 1581 года.—*Е. А. Сидоровъ*. Литературное общество „Арзамасъ“.—Критика. *Л. Ш.* Новыя изданія Академіи Наукъ въ области фольклора и лингвистики. „Матеріалы по изученію чукотскаго языка и фольклора“, собранные въ Колымскомъ округѣ В. Г. Богоровомъ. Ч. I.—*С. П. Шестаковъ*. Некрологъ пров. Д. Θ. Вязьева († въ мартѣ).—*А. Н. Деревинскій*. Некрологъ пров. Л. Ф. Воеводскаго († 21 апр.). Августъ. *В. И. Модестовъ*. Конецъ неолитическаго вѣка и его населеніе въ Италіи.—Критика. *И. А. Лавровъ*. Разборъ книги Л. А. Погодина, „Изъ исторіи славянскихъ передвиженій“.—*Θ. И. Успенскій*. Разборъ книги: Schlumberger L'Épopée Byzantine à la fin du dixième siècle. II partie. 1900.—Рецензія на книгу *А. П. Валуевъ* (Мунтъ), „По великой русской рѣкѣ“. Очерки и картины Поволожья. СПБ.—Отчетъ о III книгѣ Трудовъ Владимірскаго ученой архивной комисіи. 1901 г.—Сентябрь. *В. И. Сергиевичъ*. Завладѣнчество въ древней Руси.—*И. А. Бодуэнъ-де-Куртене*. О смѣшанномъ характерѣ войскъ языковъ.—Критика. *В. А. Цанченко*. О нѣкоторыхъ трудахъ по изученію древне-германскаго наслѣдованія и родовыхъ союзовъ.—*К. Θ. Тиандеръ*. Рецензія на Ел. Н. Meuser. Deutsche Volkskunde. 1898.—*А. С. Архангельскій*. Некрологъ И. Н. Жданова.—Октябрь. *А. И. Соболевскій*. Изъ исторіи русскаго языка.—Критика. Отчетъ *Г. Манделштама* о 2-хъ первыхъ выпускахъ новаго журнала „Finnisch-Ugrische Forschungen“. Zeitschrift für finnisch-ugrische Sprach-und-Volkskunde nebst Anzeiger (Гельсингфорсъ-Лейпцигъ), издаваемого пров. Сетелъ и пров. Крѣвомъ.—Ноябрь. *М. Ключковъ*. Къ вопросу о смѣдникахъ.—*А. А. Шахматовъ*. Обще-русскіе лѣтописные своды XIV и XV вв. Глава V (см. сент. и ноябрьск. кн. за 1900 г.).—Критика. *Хр. Лопаревъ*. Разборъ диссертациі А. А. Васильева: „Византия и арабы. Политическія отношенія Византии и арабовъ за время Аморийской династіи“. СПБ. 1900.—*И. Ивановскій*. Рецензія на книгу А. Гумилевича „Основы социологіи“. Пер. подъ ред. прив.-доц. В. М. Гессена. СПБ. 1899.—*М. Г. Попруженко*. Разборъ труда Н. Овсянаго: „Болгарія и болгары, съ картой Балканскаго полуострова“. Издано при содѣйствіи Военно-учебнаго Комитета Главнаго Штаба. СПБ. 1900. 365 стр.—Некрологи: *М. И. Сухомякинъ* († 8 іюля); *А. Н. Львовъ* († 11 августа).

Историческій Вѣстникъ 1901. 1, сд. *Н. И. Мамаевъ*. Записки. (Очерки изъ быта казанскихъ помѣщиковъ). *Е. Романовъ*. Плащаница 1566 года (въ Могилевскомъ перд.-археолог. музей).—*С. И. Уманецъ*. На берегахъ Курмы (преданія о Тамарѣ, Кавказскій музей въ Тифлисѣ и т. д.).—Критика и библиографія. *А. Н. Г. Голечевъ*, Россія и Западъ. *А. А. Н. Овсянникъ*, Болгарія и болгары.—

Смѣсь. Чествованіе памяти М. П. Погодина. Диспутъ В. Н. Перетца (диссертация его: „Истор.-литер. излѣдованія и матеріалы изъ исторіи русской пѣсни“). И. Р. Арх. О.: Сообщеніе бар. В. Р. Розена, „Сасанидская версія Будасы“. Археол. институт. Докладъ И. И. Крафта: „Куль“ (стар. юридич. институтъ у киргизовъ). Географич. Общ. Сообщенія: 1) Маркграва, Обь Обл.-Енисейскомъ краѣ, 2) Ясевичъ, „О сектанствѣ въ Киевской губ.“ — Некрологъ А. Я. Кописсаго и Ст. Хорена (ориенталиста). 2. *О Гончарова*. Драма страстей Господнихъ въ Обераммергау. — *А. Чеховъ*. Истор. моментъ въ области современной геологіи (о раскопкахъ проф. В. Амалицкаго, котораго крестьяне сначала считали за антихриста). — *В. Розановъ*. Замѣчательная еврейская пѣснь (пасхальная). (Изъ рукописи: „Автобіографія православнаго еврея съ приложеніемъ Бунета, или избранныхъ Талмудическихъ разсказовъ, анекдотовъ и легендъ“...). — Критика и бібліографія. *В. Рудаковъ*. Матеріалы для біографіи К. Н. Тиховраова. *С. Ш.* Путешествія Н. М. Пржевальскаго. Составилъ А. Зеленинъ. *В. П.* Туземцы Закаспійской области и ихъ жизнь. Сост. кап. О. Михайловъ. Смѣсь. И. Р. Арх. О. Докладъ В. Жуковскаго о Вабъ Тахиръ Голышъ (персидскомъ мистикѣ XIV в.). И. М. Арх. О. Докладъ А. Кирпичникова объ обычаяхъ среди языческихъ славянскихъ племенъ сѣзда стариковъ. — Общ. ист., арх. и этн. при И. Каз. Ун.: 1) Замѣтки о бесермянахъ, И. Михеева, 2) О скопцахъ Вилкойскаго округа (Якутск. обл.), Д. Кочнева, 3) О пермякахъ Чердынскаго и Соликамскаго у., I. Шестакова. — Этн. отд. И. О. Л. Е. А. Э.: 1) Характеръ русскихъ былинъ и ихъ исполненіе, А. Маркова, 2) О еврейскихъ нар. пѣсняхъ, П. Марка. 3. *П. Тулубъ*. Суевѣріе и преступленіе. — Критика и бібліографія. *В. Розановъ*. Вл. Череванскій, Миръ ислама и его пробужденіе. — *С. Ш.* Шавтенидеа Соссей, Илл. ист. религіи. Смѣсь. И. М. Арх. О.: 1) О сѣвѣныхъ рабахъ (по Геродогу), Ф. Мищенко, 2) Общ. ист., арх. и этн. при И. Каз. Ун.: 1) Отчетъ о поѣздкѣ въ башкирамъ Оренбургской и Уфимской губ., М. Кулаева, 2) Венеціанскій путешественникъ Марко-Поло и его сообщеніе о татарскихъ и монгольскихъ племенахъ. И. Р. Георг. О.: О древности евреевъ въ Южной Руси, А. Погодина. Славянское Общество: О современном положеніи Галицкой Руси, В. Драгомирецкаго. 4. Критика и бібліографія. *А. Фаресовъ*. Восемь лѣтъ на Сахалинѣ, И. Миролубова. — *М. Помяловскій*. Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII вв. Соч. И. Вабылина. *К.* Народовѣдѣніе, проф. Ф. Ратцеля. *А. Б-въ*. Н. Кондаковъ, Современное положеніе русской нар. иконописи. — *А. Хаз-овъ*. Ингуши. Этнogr.-антроп. очеркъ И. Пантюхова. *Л. М. В.* Миллеръ, Новыя записи былинъ въ Якутской обл. — *А. Хаз-овъ*, С. Lehmann, Armenien u. Mesopotamien in Altertum u. Gegenwart. — Смѣсь. И. Р. Арх. О.: Старыя грузинскія народныя переписки, вв. И. Джавахова. Общ. ист., арх. и этн. при И. Каз. Ун.: 1) О бытѣ чувашъ Стюхискаго прихода, Вугурусланск. у., Самарск. губ., 2) Буддисты-ли вотяги, И. Михеева. — И. Р. Георг. О.: 1) О Низовой Печорѣ, ея природѣ и населеніи, А. Новосильцева, 2) О гилякахъ о Сахалина и материкового побережья, Л. Штернберга. Некрологъ Добрянскаго. — *С. Липовицъ*. По поводу статьи: „Замѣчат. еврейская пѣснь“. 5. Критика и бібліографія. *И. Н. З.* Талмудъ. Критич. переводъ Н. Переферковича. *М. Флеровъ*. Э. Гроссе, происхожденіе искусства. *А. Хаз-овъ*. А. Максимовъ. Что сдѣлано по исторіи семьи? *Дл. Дл.* Русскія нар. картины. Собралъ и описалъ Д. Ровинскій. — Смѣсь. И. Р. Георг. О.: 1) Экономич. очеркъ сельскаго хозяйства Туркестанскаго края, А. Шахназарова, 2) Вопросы современнаго сказковѣдѣнія, В. Лесевича. 6. *И. И. С.*, Изъ исторіи раскола въ Томской губ. въ XIX вѣкѣ. *Г. Воробьевъ*. Прага влатоглава, (Путевыя впечатл. археолога). Критика и бібліографія. *И. К. А.* Коринскій. Народная Русь. *А. Хаз-овъ*. С. Гинзбургъ и П. Марекъ, Введеніе къ еврейскимъ нар. пѣснямъ въ Россіи. Новости и мелочи. Мистическія проповѣдницы франц. революціи. — Смѣсь. И. М. Арх. О.: П. Сакулъ, Къ литературной исторіи повѣсти объ Евстратіи. И. Г. Георг. О.: 1) Обь экспедиціи Козлова и Казнакова, 2) О туркменахъ Закаспійской области, С. Рыбакова, 3) Хунху въ Манчжуріи, П. Лобзы. — Минусинскій мѣстный музей и общественная

библиотека.—Русское собрание (Ръчи учредителей). Некрологъ проф. В. В. Качановскаго. 7. Сибѣрь. Общество востоковѣдѣнія. Областной археологическій съездъ въ Ярославѣ. Некрологъ С. В. Максимова. *С. Семеновичъ*, Камаринская и Барныя (По поводу замѣтки П. Мартемьянова въ „Ист. В.“ 1900, № 10). 8. *А. Фаресовъ*. Поездка на островъ Валаамъ.—Критика и библиографія. *В. Татисъ*. Россія въ Средней Англїи. Очерки путешествія Е. Маркова. Новости и мелочи. Магія и массонство во Франціи XVIII вѣка. Некрологи М. И. Венюкова, И. Н. Жданова и М. И. Сухомлинова. 9. *К. Петровъ*. Славянофильское ученіе. *М. Юдинъ*. Невольные путешественники (Приключенія трехъ оренбургскихъ казаковъ въ Китаѣ). Ю. обрушивается на нѣмецкихъ исследователей, Гольдерера и Футтерера, за ихъ грубость и безчеловѣчность къ казакамъ.—*М. Помловскій*, изъ дѣлъ XVII вѣка. I. Погребеніе живо. II. Гадальныя тетради дьячка Григорьева.—Критика и библиографія. *А. Крумовъ*. Соловки и Валаамъ, Дневникъ студентовъ паломниковъ. *Б. Татисъ*, На Дальній Востокъ. Походныя письма ген.-м. М. Грекова. Новости и мелочи. Одна учебн. и два шарлатана XVIII вѣка (Месмеръ, С. Жерменъ и Калиостро) (Изъ „La Revue hebdomadaire“). Генрихъ Орлеанскій †. А. Ф. Норденшѣльдъ †. Сибѣрь. Археологическая экскурсія (въ Тверскую губ.). Археологическія раскопки (въ Роменскомъ у., Полт. губ.). Историческіе слѣды челоѣка (въ Приднѣпровьѣ). Киргизская Степная Газета 1901. 1. *А.*, Исторія челоѣческаго жилища. 2. *Орта-Жуз*. Египетскій сапожникъ. Услышавъ въ Каабѣ разговоръ ангековъ, шейхъ явился къ праведному сапожнику, который, изъ состраданія къ бѣдному сосѣду, отдалъ ему деньги, сбереженныя для путешествія въ Мекку. *А. Диваевъ*, Легенда о происхожденіи кара-киргизовъ (отъ Каина и двухъ дѣвѣцъ, родившихся въ одно время съ нимъ и Авелемъ). Также сообщается легенда о ссорѣ (изъ-за дѣвущекъ) Каина и Авеля и объ убійствѣ и погребеніи Авеля. („Турк. Вѣд.“) 2, 18, 20, 24—26. Божество, кирг. повѣсть („Турк. Газ.“) 3. Ханъ и нищій-старикъ, вост. сказаніе. 4, 6, 7. Свадебные обряды и обычаи среди казахскаго населенія. („Пам. кп. Семип. Обл.“ 1900 г.). 5. Арабъ и Турокъ, вост. сказ. (см. Сенюковскій, Соч.). Турецкая легенда о холерѣ. Купецъ Ж. умолилъ женщину, вѣхавшую въ бѣлой чадрѣ, на бѣлой лошади, пощадить его и его семью.—Типы туркменскихъ старшинъ и предводителей („Святъ“). 10. Ферганская область. Мечеть и Мулла. („Нива“). 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17. Пословицы. 11. *Орта-Жуз*. За зло не отвѣчай зломъ же. 11, 13. Кое-что изъ прежней исторіи турокъ („Нива“). 13. Асанъ-Кайгы, разсказъ. 13, 17. *Б. Раимбековъ*. Споръ изъ-за тѣни осла. 14. *Орта-Жуз*. Алдаркося и Зѣна (споръ изъ-за золота). 16. Замороженное сердце. Сказка („Сиб. Вѣстн.“). Семилѣтній мужъ двадцати трехлѣтней жены („Турк. Газ.“). Рѣдкое археологическое открытіе одиннадцати городовъ, расположенныхъ одинъ надъ другимъ („Прав. В.“). 19, 24, 25. Въ горномъ ущельѣ („Русск. Вѣд.“). 20, 22, 26, 27, 29, 30. Изъ исторіи киргизскихъ набѣговъ (см. 1900, №№ 28, 29).—Правдивыя „дамъ“ въ бурятскомъ монастырѣ близъ Кяхты („Нов. Вр.“). 21. Спортъ у татаръ (во время „правдива плуга“) („Вокр. Св.“).—Женщина въ Китаѣ („Рус. Вѣст.“). 22, 31, 35. *Б. Раимбековъ*. Необходимое и излишнее, вост. разсказъ (вар. сказки о рыбацк. и рыбацк., безъ обычнаго знака). Японскія пословицы. 23. Преданіе о происхожденіи узбековъ, явившихся къ Мухамеду на помощь во время сраженія при Оходѣ („Перев.“). 24. *Н. Зб-ъ*. Доморожденные лѣвчара кочевниковъ. 27, 29. *Ив. Кололовъ*. Обычное право киргизовъ. Семейное право. О бракѣ.—*Ив. Селицкий*. Гаданье на кумалакахъ (овечьемъ пометѣ). 31. Обученіе дѣвочекъ („Перев.“) 31, 33, 34. *Н. П-ъ*. Жизнь за услугу. Сказка.—Безтолковость женщины (Кто благороднѣе: мужъ, любовникъ или воръ, не тронувшій драгоценностей жены?) („Тур. Газ.“).—Китайскія пословицы. 34, 36. Восточная сказка (вариантъ сказки: „Необходимое и излишнее“ („Турк. Газ.“).—Мароккскій мулла, „отчитыватель“ болѣзней („Индямъ“). 37. Мусульманская женщина. 38. Киргизская честь (честность). 39. 1) Легенда о происхожденіи нѣкоторыхъ киргизскихъ родовъ (киргизовъ, какъ „народа сорока дѣвъ“ (кыркы). 2) Нравы киргизовъ. 40, 42. Давлетъ ханъ, башкирская сказка („Нов.

Вр.). 43. Корреспонденция. Празднование въ честь рожденія сына въ Ирвинскомъ уездѣ, Тург. обл. (Турк. Газ.). — *Н. А. П-къ*. Гдѣ счастье, восточная сказка. — Сила любви („Турк. Взд.“). 44. Китаецъ — отшельникъ, расказъ гленичаго („Пр. и Л.“). 45. Биргивскій адатъ въ русское судѣ („Р. Т.“). Татарская легенда о созданіи человека („Каспій“). Человекъ, недовольный краткостью жизни, опредѣленной ему Богомъ, вымаливаетъ себѣ годъ собаки, ослѣ, обезьяны, однако расказываетъ въ томъ.

Костромскія Епархіальныя Вѣдомости 1901. 1. Необычайныя явленія. О бѣсахъ въ домѣ священника *И. Соловьева*, изъ села Лыченецъ (Изъ „Вл. Еп. Взд.“). Костромскія поученія за 1899 годъ Епископа *Виссаріона*. М. 1901. Рецензентъ сообщаетъ изъ нихъ отрывокъ, осуждающій маскарады, какъ языческой пережитокъ. 9. Иноепархіальныя извѣстія. Значеніе суевѣрій въ народной жизни. Ополчаясь противъ суевѣрій, авторъ (священникъ) между прочимъ сообщаетъ о нелюбомъ слухѣ, распространившемся между его прихожанами, что неурожай случился по милости семи вѣдьмъ, живущихъ въ сѣднѣхъ селахъ. Далѣе, когда однажды у крестьянина заболѣлъ сынъ, то сперва была приглашена баба, которая пыталась влить ему въ ротъ стаканъ водки, провазвеси надъ нею „примову“, сопровождавшуюся сожженіемъ бумаги (Изъ „Под. Еп. Взд.“). 11. Итоги русской религіозной жизни въ XIX в., *П. Алмазова*. 15. Иноепархіальныя извѣстія. Замѣчательное совпаденіе. Вывозъ изъ гор. Курска въ Коренную пустынь чудотворнаго образа Знаменія Божіей Матери сопровождается всегда дождемъ, облегчающимъ трудный путь въ жаркое лѣтнее время. (Изъ „Моск. Взд.“). 17, 19, 21. Помощь священнику въ его церковно-приходскихъ трудахъ со стороны его жены. (19). Говоря о невѣжествѣ крестьянъ, авторъ сообщаетъ ихъ взглядъ на Вознесенье. Когда хозяйка спросила у своей прислуги, почему у нихъ въ деревнѣ пекутъ блины и варятъ лапшу, та отвѣчала: „Христось-то на коняхъ, поди, поѣхалъ на небо-то. Лапшато, значить, Христу на возки, а блины на онучи“. (Фактъ, какъ замѣчаетъ авторъ, взятъ изъ *сосѣдней* епархіи). 18. Вопросъ о мѣрахъ охраненія церковныхъ памятниковъ и актовъ на Ярославскомъ археолог. съѣздѣ, бывшемъ 10-14 августа 1901 года. 21. Иноепархіальныя извѣстія. Два археологическія открытія: одиннадцать городовъ одинъ надъ другимъ; рукопись апост. Петра.

Костромскія Губернскія Вѣдомости 1901. 1. Некрологъ *Н. Н. Селионтова*, председателя Костромской ученой архивной комиссіи. 14. Доклады напр. чл. Костромской губ. уч. арх. ком. *Н. М. Бекаревича*: а) о результатахъ совѣщанія предварительнаго комитета по устройству XII. Археологическаго съѣзда, б) предварительное сообщеніе о проваденныхъ раскопкахъ Богородскаго городища. 3. Памяти *Н. Н. Селионтова*. Рѣчь *Н. М. Бекаревича*. 6, 7, 13, 15. Докладъ *Н. Н. Селионтова* объ изданіи описей документовъ древняго архива посада Большой Соли, Костромск. у. — „Черная дама“ въ Виндзорѣ (Изъ „Italie“). 21. Погребальныя монеты въ Китаѣ. 22. Письмо въ редакцію губернскаго пчеловода, *Г. А. Кузьмина*. Намѣреваясь издать книгу, посвященную значенію пчеловодства въ духовной жизни народа, К. обращается съ просьбою присылать ему въ Кострому всевозможный матеріалъ (заговоры, предразсудки, примѣты, поговорки и загадки о пчелахъ, свидѣнія о суевѣрныхъ обрядахъ и т. п.). 23. Японскія прически. Прическа японки не только обозначаетъ ея лѣтъ, но еще указываетъ, кто она (вдова или дѣвица). 36. Веселящее растеніе (Изъ „P. Messager“). 28. Миражъ въ горахъ Аляски. Герцогъ Абрудскій, наблюдавшій это явленіе во время своего путешествія, отмѣтилъ его сходство съ видами гор. Бристоля. (Изъ „La Nature“). 30. Внутреннія извѣстія. Въ Куряжскомъ Преображенскомъ монастырѣ открыты древнія перемы, покрытыя орнаментомъ. На стѣнахъ расписаны яки святыхъ. (Изъ „Южнаго Края“). 32. Внутреннія извѣстія. Въ Щиграхъ, Курской губ. найдена часть бинна мамонта. — Гипнотизмъ по телеову. Опытъ въ Венгріи. (Изъ „New-York World“). 33. Внутреннія извѣстія. Брѣвовое религіозное торжество въ честь шаха Гусейна въ Ташкентѣ. (Изъ „Русскаго Туррестана“). 36. Близъ г. Буя найдены

зуб мамонта. 43. Сибирскія церкви и школы фонда имени Императора Александра III. 47. Внутреннія вѣсти. Императ. Моск.-ое Археолог. Общество намѣревается составить подробную археологическую карту. 48. Внутреннія вѣсти. Въ Царское Село перевезенъ глобусъ Императора Петра Великаго. 49. Внутреннія вѣсти. Объ еврейскомъ университетѣ въ Нью-Йоркѣ. (Изъ „Гаццера“). 50. Заграничныя вѣсти. Въ Бѣлградѣ, на юбилейномъ торжествѣ добровольцевъ сербско-турецкой войны былъ, между прочимъ, женщина, ержавшая противъ турокъ, въ солдатской формѣ (Изъ „Моск. Вѣд.“). 51. Уставъ Пушкинскаго общества распространенія народнаго образованія въ Костромской губ. — Мѣры для содѣйствія кустарной промышленности (различныя школы, мастерскія, руководства и т. д.). 61. Заграничныя вѣсти. Мексиканское правитель-ство образовываетъ археологическую комиссію для наслѣдованія столицы индѣйскаго племени майявъ Санта-Круцъ. 63. Болваны, какъ продуктъ цивилизаціи. (Изъ „Medical News“). 64. Внутреннія вѣсти. Объ этнографической экспедиціи на сѣверъ Россіи А. В. Маркова и Д. А. Маслова. 62. Заграничныя вѣсти. 1600—лѣтній юбилей республики Санъ-Марино. Между прочимъ, сообщается о глубокомъ почитаніи основателя республики, каменотеса, Марикуса, бюстъ котораго находятся въ алтарѣ. (Изъ „Gazette de Lauzanne“). 73. Императорская китайская историографія. (Изъ „Frankf. Zeit.“). 74. Обогащеніе музея Костр.-ой губ. ученой архивной ком. (костюмъ англѣянки, семейный архивъ солигаличскаго предводителя дворянства, М. Н. Текутьева и т. п.). 83. Мѣстная духовная консисторія передала въ архивную комиссію нѣкоторые древности изъ первой гор. Кинешмы; кромѣ того, поступали картины (лубочныя), рѣзные произведенія. 84. Учрежденіе комитета почитательства русской иконописи. 86. Новая поступленія въ Костр.-ую губ. уч. архивн. ком. 86. Арх. ком. обращается (черезъ губернатора) съ просьбою сообщать ей разные матеріалы, преданія и сказанія о пребываніи Высочайшихъ особъ въ Костр.-ой губ. — Печальная церемонія въ домѣ Ли-Хунгъ-Чанга. 91. Внутреннія извѣстія. Иркутскъ. 50-ти лѣтній юбилей. Вост.-Сиб. отд. И. Р. Г. О.

Міръ Божій. 1901. 1. В. Арндтъ. Сіонистское движеніе среди евреевъ. Разныя разности. Русскіе поселенцы въ Канадѣ (о духоборахъ). Сektанты въ Киевской губ. Докладъ В. Бородавской („Росс.“). Переселенцы въ степной области („Росс.“). Библиографія С. Ашевскій. „Загадки русскаго народа“. Сост. Д. Садовниковъ. Спб. 1901. II. Морозовъ „Русскія нар. картинки“. Собралъ и описалъ Д. Ровинскій. Спб. 1900. Г. Грумъ-Гржимайло. „Крыша міра“. Опис. центр. Азіи. Составила Д. Котляръ. Спб. 1900. — Въ приложеніи: В. В. Рожкова. Въ страну Ламъ. Путешествіе по Китаю и Тибету. 2. Библиографія. Д. Кудряевскій. Е. Ветвель, Кр. очеркъ міеологіи грековъ и римлянъ. Спб. 1900. 2-ое изд. 3. Вятчъ. Борьба Вятскаго земства съ лубочными изданіями. За границей. Китайскій посланникъ въ роли публичнаго лектора. 4. Н. П. Лобза. Въ Манчжуріи. Семья и женщина. А. Потанина. Янгъ-хуанъ-цзы (Заморскій чертъ). II. Милоковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Разныя равности. На Сахалинѣ. Библиографія. Д. Кудряевскій. Ф. Ратцель, Народовѣдѣніе, вып. 1—13. 5. За границей. Женщина въ Бирмѣ. Библиографія. Г. Грумъ-Гржимайло. Китай и китайцы. Жизнь, нравы и обычаи соврем. Китая. Соч. Э. фонъ Гессе-Вартега. 6. За границей. Психологія китайскаго народа (Изъ новаго труда Ш. Летурно). 7. Э. Пименова. Бродяги разныхъ странъ. С. В. Максимовъ †. 8. За границей. Турецкая медицина (о суевѣріяхъ народа). Библиографія. В. Алафоновъ. Америка. Илл. геограе. сборникъ М. 9. На роднѣ. Духоборы въ Канадѣ. („Южн. Обзор.“). Мѣстные обычаи въ волостныхъ судахъ („Перм. Кр.“). За границей. Корейское правосудіе. 10. На роднѣ. Трудники моря. Объ опасностяхъ, съ которыми сопряжена жизнь промышленниковъ-бѣломорцевъ (Сѣв. Кр.“). Эксплоатация темноты. О религіозныхъ суевѣріяхъ въ народѣ. („Орл. В.“). За границей. Ростъ человечества за сто лѣтъ („Fig.“). Буддизмъ въ Америкѣ („Harper's Mag.“). X. Инс. Мистическая Франція. 11. За границей. Погребенные города (въ китайскомъ Туркестанѣ). Объ экспедиціи д-ра Штейна. Научная хроника. 80-ти-лѣтняя годовщина Р. Вирхова. А. Э. Нор-

деншильдъ †. Библиографія. С. А. Шескій. А. Марковъ, Вьломорскія былинны. Д. Кудряскій. Э. Давгъ. Мнѣологія.

Русская Мысль. 1901. 1. В. Семескій. Государевы крестьяне въ XVIII вѣкѣ. Библиографическій отдѣлъ. Записки науковаго товариства имени Шевченко, 1900 г. Томы XXXIII—XXXVIII. Сказки и легенды братьевъ Гриммъ. Переводъ А. Федорова—Давыдова. 3. Н. Крашенинниковъ. Башкирскія сказки. А. Якимирскій. Неизвестный пѣвецъ народнаго горя (Г. Псаломовъ). В. Гольцесъ. Национальный вопросъ въ XIX вѣкѣ. Ч. I., А. Колинскій †. Библиографическій отдѣлъ. У англичанъ въ городѣ и въ деревнѣ. Состав. С. Рыбаковъ. Известія отд. р. яз. и слов. И. Ав. Н. т. V., кн. 2. Религіозныя вѣрованія съ древн. врем. до наш. дней. Сборн. лекцій и статей иностр. учен. и публицистовъ. Пер. съ англ. В. Тимирязева. Спб. 1900. Происхождение искусства. Э. Гроссе. М. 1900. Записки Зап.-Сибирск. отд. И. Р. Г. О. Кн. XXVII. Зап. Приамурскаго отд. И. Р. Г. О. Камчатка и ея обитатели. В. Маргаритова. Описание Минусинскаго музея. Вып. II. (дурганые черепя Минус. округа, К. Герощенка). Физическая антропология, Л. Кржижницкаго. Спб. 1900. 4. Библиографическій отдѣлъ. Русскія нар. картинки. Собралъ и описалъ Д. Розинскій. Спб. 1900. Повѣдка на о-въ Яву, В. Караванова. Кіевъ. 1900. Зап. Зап.-Сиб. отд. И. Р. Г. О. (А. Э. Голубевъ). Русскіе инородцы, А. Максимова. М. 1901. Японія и японцы. М. 1901. Библиогр. списокъ трудовъ акад. Л. Майкова. Спб. 1900. 5. П. Головачевъ. За Пиренсеями. Библиографическій отдѣлъ. Сочиненія В. Спасовича, ч. IX. Спб. 1900 (о представленіяхъ въ Обераммергау, и т. д.). Этнограф. обзоръ инородческаго населенія долины южнаго Енисея..., Е. Яковлева. Минус. 1900. Южныя сосѣди китайцевъ. Французы въ Тонкинѣ и Кохинхинѣ, Аннамѣ, Сіамѣ и Бирманіи. М. 1901. Народная медицина въ Оургутскомъ краѣ, И. Немлепаева. 6. С. Максимовъ †. Е. Емельяновъ. Въ забытомъ краѣ. (Очеркъ изъ быта ссыльныхъ). В. Семескій. Очерки изъ исторіи приписныхъ крестьянъ въ XVIII вѣкѣ. М. Кулишеръ. Многъ о ритуальномъ убійствѣ у евреевъ. И. Матушевскій. Дьяволъ въ повѣи. Этюды по сравнительной исторіи литературы (см. слѣд. №№). Библиографическій отдѣлъ. Протопопъ Авакумъ, А. Боровдина. Спб. 1900. 2 изд. 7. В. Муратовъ. Душевная слабость и ея значеніе въ общественной жизни и художественномъ творчествѣ. Г. Алексинскій. Историкъ-публицистъ А. Шаповъ (см. оконч. въ 8 №). Библиографическій отдѣлъ. Исторія культуры. Р. Гюнтера. Спб. 1901. Древняя русская литература вѣвнаго періода XI—XII вв., пров. Владимірова. Кіевъ, 1901. Новый интерлюдій XVIII-го вѣва, В. Миллера. Спб. 1900. Очерки изъ исторіи грузинской словес. ости, А. Хаханова, вып. III. М. 1901. Матеріалы по археологій Кавказа, Грае. Уваровой, вып. VIII. М. 1900. Туземцы Закаспійской области и ихъ жизнь. Состав. Э. Михайловъ. Асхаб. 1900. Ингуши, И. Павлюхова. Тисл. 1901. 8. Библиографическій отдѣлъ. Талмудъ. Мишна и Тоссеета. Крит. переводъ Н. Переергровича. Т. III. Спб. 1901. Боснія-Герцеговина, Ал. Харузина. Спб. 1901. Сборн. матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. XXVII. Тисл. 1900. Что сдѣлано по исторіи семьи. А. Максимова. М. 1901. Журн. мин. нар. пров., 1900, VII—XII, 1901. I—V. 9. А. Фомъ-дери-Лауницъ. Венаресъ (оконч. въ 10 №.). Библиографическій отдѣлъ. Изъ лекцій по исторіи русской литературы, пров. Архангельскаго. Варш. 1901. Очерки по исторіи русской нар. словесности, Яворскаго. Львовъ, 1901. Т. I. Страсти Христовы въ зап.-русскомъ спискѣ XV в., Тушикова. Спб. 1901. Загадки русскаго народа, Д. Садовникова. Спб. 1901. Русское искусство. Черты самобытности въ др.-русскомъ зодчествѣ, И. Забѣлина. М. 1900. 10. Библиографическій отдѣлъ. Открытіе Китая и другія статьи акад. В. Васильева. Спб. 1900. Рассказы о разныхъ странахъ: 1) Индія и Цейлонъ, пров. Краснова. Спб. 1900. 2) Герои южной Аѳрики, Д. Котляра. Спб. 1900. 3) Страна восходящаго солнца, Д. Шрейдера. Спб. 1901. 2-ое изд. Приуральскій край, его населеніе и минер. богатства. Состав. Н. Дьячковъ. М. 1901. 11. Библиографическій отдѣлъ. Психологія религій, Р. де-ла-Грассери. Спб. 1901. Исторія человѣческаго жилища. М. 1901. Малорусскій языкъ и „українсько-русскій“ ли-

тературный сепаратизмъ, проф. Флоринскаго. Спб. 1900. Великорусскія нар. пѣсни. Издаю проф. Соболевскимъ, т. VI. Спб. 1900. Америка. Илл. географическій сборникъ. М. 1901. Въ сердцахъ Азия, Памиръ, Тибетъ, Вост. Туркестанъ. Путешествіе Свена Гедина. Спб. 1899, т. I. Люди и нравы дальняго востока, Г. Мурова. Томскъ. 1900. Уральскіе казаки и ихъ рыболовство. Очеркъ Н. Бородинъ. Спб. 1901. Краткій очеркъ мнелогіи грековъ и римлянъ. Сост. Е. Ветнекъ. Спб. 1900. Народныя былинны о русскихъ могучихъ богатыряхъ, Бувакова. М. 1900.

Русскій Ластовъ. 1901. 280. По Москвѣ. Неизвѣстный странникъ появляется ночью у часовни св. Пантелеймона и требуетъ у доврчавыхъ людей денегъ, обѣщая имъ вымолить прощенье грѣховъ въ Иерусалимѣ; тѣмъ, кто отказывается дать ему, онъ грозитъ страшными проклятіями.—Загран. жизнь. Въ Пекинѣ, во время смуты, погибла, между прочимъ, китайская энциклопедія XV в., состоявшая изъ 11,070 том. 282. Засѣданіе музыкально-этнографич. комиссіи. Этногр. отд. И. О. Л. Е.—Засѣданіе Педагогическаго Общества. Докладъ М. Гершемонова: Учебный плавъ Ковдорск. О. Іоаннъ Кронштадтскій въ Царицынѣ (исцѣленіе двухъ падучихъ женщинъ). 283. Сѣверная Русь. VI. Печенгскій монастырь, Пав. Россіева.. 284. Общество любителей естествозн., антропологіи и этнографіи. (Годичный отчетъ).—По Москвѣ. Между прочимъ, сообщается слухъ, будто какой-то бабъ (ок. станціи Подсолнечное) приснился старецъ, который указалъ ей мѣсто, гдѣ вѣкогда провалился храмъ. 286. Вопросъ объ Этнографическомъ отдѣлѣ Русскаго музея Императора Александра III. 289. Лямчскій фанатизмъ. Саранульскій преосвященный Владиміръ надумалъ искоренить среди черемисовъ языческіе обряды: около дер. Ерыкомъ онъ велѣлъ вырубить священную рощу; но когда, по его приказанію, свещ. Домрычевъ и Ергинъ явились также въ дер. Гондырево, толпа изъ 100—120 черемисъ набросилась на святотатцевъ, и тѣ только бѣгствомъ спаслись отъ разяренной толпы (Изъ „Спб. Вѣд.“).—Приложеніе къ 289. На Пелоръ, II. Россіева (повѣрье о золотомъ камскомъ осетрѣ, черты изъ быта вырять).—Женщина въ Японіи, Рюи-Влаза (изъ „Revue“). 290. Сѣверная Русь. II. Россіева. (Предачіе о лопарь-колдунѣ; у мореловъ). 295. „Второй Пугачевъ“ (ерстантъ маріупольскій).—Въ столицѣ Далай-Ламы. 297. Мителена. Между прочимъ, говорится объ уваженіи населенія къ женщинамъ. 299. Бурскій музей (въ Голландіи). 300. Монахини по-неволю. Многія дѣвушки стремятся въ монастырь, потерявъ надежду выйти замужъ, вслѣдствіе неурожаевъ послѣднихъ лѣтъ. Иногда родители отправляютъ ихъ въ монастыря насильно. (Изъ „Юга“). Общ. любителей естествознанія. Засѣданіе этнографич. отдѣла. 305. Шаманство въ Сибири (Изъ „Прав. Благов.“).—Изъ исторіи почты. 306. Засѣданіе Этнографическаго отдѣла, 6-го ноября (Репортеръ допустилъ курьезную ошибку: А. Д. Григорьевъ на засѣданіи не былъ, и докладъ его не былъ прочитанъ). 309. Телеграмма отъ Асатана, члена экспедиціи Ковлова.—Литературныя бесѣды. Столѣтіе рожденія В. И. Дала, Адафита. 311. Г. Ю. Цезарь, какъ издатель Acta Diurna (Изъ „Nuova Antologia“). 311. Знахари въ Германіи, корреспонденція, А. Б (маю). 311. Изъ прошлаго. Кто занесъ въ Россію карты? (Изъ „Истор. Вѣстн.“). 311. Судебная хроника. Самозванная царица. Вдова казака, Пр. Лемнева сначала выдавала себя за святую; задержанная полиціей, она вдругъ объявила, что она—„царица-вдовщица“, Марія Θεодоровна, путешествующая по Россіи уже 24 года, чтобы ознакомиться съ нуждами русскаго народа.—Эксперты опредѣлили у Л. помѣшательство на религіозной почвѣ (Изъ „Ур. Ж.“). 314. Поль Бурже о сверхъестественномъ (Изъ „Matin“).—Съ береговъ Тибра, Pellegrino. Между прочимъ, корреспондентъ пишетъ, что на югѣ Италіи появился пророкъ, предсказывающій царство пролетаріевъ. 316. Судебная хроника. О какой-то сектѣ (?), во главѣ которой стоятъ „богородица“, мать Перевірія; о. Іоанна Кронштадтскаго сектанты будто-бы называютъ Іисусомъ Христомъ.—Во время разбирательства дѣла, возбужденнаго г. Урянцевымъ, богомолки, почитательницы пастыря, начали называть обвинителя „антихристомъ“. 317. (Приложеніе). Буддисты въ Америкѣ за 1000 лѣтъ до Колумба (Изъ „Нов. ж.

ин. лит. 4). 318. Извѣст. по телефону. Выставка-базаръ крестьянскаго ручнаго труда. 319. Объ изданіи Четихъ-Миней, п. ред. проф. Ключевскаго.—Археологическій институтъ (въ Спб.) издаетъ древнѣйшій списокъ Корана. 321. Зарубежная Русь и славянство въ началѣ XX вѣка. Лекція Д. Н. Верюна. Идеаль славянства—общій союзъ (подъ главенствомъ Россіи), который создастъ самостоятельную славянскую культуру. 329. Выставка историч. костюмовъ въ Спб.—Танцевальный огонекъ (Изъ „Кіевск. Сл.“). 324. Мошенничество (раввина, утѣрившаго купца, что онъ бесѣдуетъ съ пророкомъ Ильей каждую субботу). Въ приложеніи помѣщены снимки съ типовъ австралійцевъ. 325. О проектѣ народно-хозяйственныхъ музеевъ, выработаннымъ И. Р. Географическимъ Обществомъ. 326. Лекція Р. Ю. Вишера (Психологія театра).—Провѣздъ индійскаго путешественника (принца Бохадуръ-хана). 327. „Вожь братья“ въ Германіи (въ ожиданіи свѣтопреставленія) (Изъ „Daily News“). 329. О числѣ народонаселенія въ Россіи.—Коллекція проф. Іезуберы. 330. Еще о коллекціяхъ проф. Іезуберы.—Славянское общество (предполагаетъ организовать публичныя лекціи и концерты).—Волгары и ихъ жизнь („Fig.“). 332. Въ Спб. организуется кружокъ любителей русскія нар. пѣсень.

Русскія Вѣдомости. 1901. 273. О путешествіи норвежца Е. Лумюльца по сѣверо-западной Мексикѣ. Его жизнь среди пещерныхъ людей. 278. Некрологъ общественнаго дѣятеля, издателя газеты, „Сибирь“, А. П. Нестерова.—Рецензія на трудъ, изд. подъ общ. руков. П. Семенова и В. Ламанскаго: Россія, т. VI Среднее и Нижнее Поволожье и Заволожье. 279. Некрологъ А. В. Старчевскаго (1818—1901), автора многихъ трудовъ по исторіи, филологіи и юриспруденціи. 280. Повесть въ Америку (Письмо 14-ое и посл.). М. М. Ковалевскаго.—Свель Гединъ въ Сѣверномъ Тибетѣ (Изъ „Турк. Вѣд.“). 282. Леруа-Болье о слабой властности русской среды, какъ одной изъ главныхъ причинъ металлургическаго и каменноугольнаго кризисовъ въ Россіи. 283. Статистика народнаго образованія въ Сѣверо-западномъ краѣ. 284, 300, 317. Изъ опыта общественныхъ работъ послѣдняго времени, Е. Максимова. 285. Учебный планъ Ковдорса, М. О. Гершманова. 286. Годичное засѣданіе Общества любителей естествознанія. 287. О новомъ журналѣ, посвященномъ армянской филологіи, подъ ред. Ф. Финка. 293. Деревенскія впечатлѣнія, И. П. Блюконтскаго. 296. О Джезуповской американской экспедиціи (для выясненія вопроса о связи между первобытнымъ населеніемъ Америки и Азіи). 297. О тибетской экспедиціи поруч. Козлова. 300. Въ программѣ Высшей русской школы социальныхъ наукъ въ Парижѣ сообщается, между прочимъ, что Е. Анничковъ будетъ читать курсъ „Язычество въ древней и современной Россіи“. 301. О новой работѣ Ф. Ратцеля: „Земля и жизнь“. Два сочиненія по древнѣйшей греческой (микенской) культурѣ, проф. Риджвелъ и Галла. 305. Финскій этнографъ, Г. Паасоненъ—въ Казани. (Изъ „Волг.“). Корреспонденція изъ Лондона. Авторъ сообщаетъ о выходѣ въ свѣтъ книги: „London Labour and the London Poor“, одна глава которой (Russia in East London) посвящена характеристикѣ русскихъ переселенцевъ (гл. обр., евреевъ, латышей и поляковъ). 306. Гипнотизмъ въ наукѣ и въ общественной жизни (Публ. лекція Э. Е. Рыбакова). 307. 30-лѣтіе ученой дѣятельности проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. 308, 321. По Манчжуркѣ, Тана. 310. Внутр. извѣст. Оса, Пермской губ. О знахаркѣ, дѣвчавшей „яичнымъ дегтемъ“.—По Кавказу. Тибетск. (см. также №№ 240, 254, 267, 288). 311. Замѣтка о В. И. Далаѣ. 313. О выставкѣ произведеній крестьянскаго ручнаго труда.—Некрологъ И. М. Сибирякова.—Рецензія на „Зачатки госуд. и правов. отношеній, А. Поста, А. Дж. 315. „Душевная жизнь истеричныхъ и типы женской истеріи у русскія писателей“, лекція В. А. Муратова.—Международный конгрессъ историческихъ наукъ въ Римѣ.—Археологическія находки: а) въ Египтѣ, б) въ Сиріи, в) въ Трирѣ, г) въ Помпѣяхъ. 320. Географическое отдѣленіе Общества Любителей Естествознанія, Экспедиція П. Г. Игнатовъ (въ Телецкому озеру въ Алтай).—Рецензія на Автобіографію Абдурахмана-хана, эмира Аггалистана. 321. Извѣстіе объ экспедиціи Іохельсона.—У переселенцевъ на Кавказѣ. 322. Засѣданіе И. М.

Арх. О. (памяти М. А. Веневитинова, о. Алишана и И. М. Васильева).—Къ изученію народной музыки (по поводу предстоящихъ этнографическихъ концертовъ). *Р.*—О новыхъ изданіяхъ: *Извѣстія И. Археологической Комиссіи*, „Московская гор. худож. галлеря П. и С. Третьяковыхъ“. Археологическія открытія городовъ: а) въ китайскомъ Турестанѣ, б) въ Сиріи.—О книгѣ В. Navagge: „China und die Chinesen“. 324. О музее пров. Ф. И. Гербера. 325 Въ Москвѣ была проведена изъ Сибири англійскій этнографъ Ч. Говъ (Ch. Hawes). Юбилей П. И. Бартенева. Иностранныя извѣстія. Лондонъ. (О сетахъ въ Англій: „лига непорочныхъ“, проповѣдывавшая галлическій культъ; орденъ Вуда, „царя Соломона“), *Sl.* 326. Внутр. извѣстія. Иркутскъ. Празднованіе 50-лѣтія Восточно-сибирскаго отдѣла И. Р. Г. О.—О четвертомъ этнографическомъ концертѣ (отзывъ сочувственный). 327. Распределеніе населенія Росс. имперіи по главнымъ вѣроисповѣданіямъ“. Издаіе Центр. Статист. Комитета. Библиографическія замѣтки. Г. Тардъ, Соціальные этюды, А. Дж. Сборникъ Кириши Данилова. Спб. 1901. *В. К.*

Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости 1901. 2. *М. Троицкій*. Вѣщій сонъ (женщины о близкой смерти священника) 3. *А. Израилевъ*. Замѣчательный древній памятникъ, хранящійся въ Ростовской церкви Вознесенія Господня. 7, 8, 10, 27—38. Матеріалы для исторіи Ярославской Епархіи. 12. Плащаница и ея исторія („Кіевл.“).—Мѣсяць мартъ по древнецерковнымъ преданіямъ. 15. *А. Израилевъ*. Радкій храмовой образъ въ Ростовской церкви Воскресенія Христова. 24. *В. П.* Празднованіе 400-лѣтія обрѣтенія честныхъ мощей св. благ. кн. Василия и Константина, Ярославскихъ чудотворцевъ.—*Н. Т.*—въ. Село Высоко, Ярославскаго уѣзда, и его преданія. 25. *К. М. Ярославскій*. Празднованіе въ Угличѣ 400-лѣтія обрѣтенія мощей св. Василия и Константина. 26, 27. *В. Ханьковъ*. Преосвященный Нилъ, архіепископъ Ярославскій и Ростовскій, (авторъ работъ, сопрягающихся съ этнографіей). 28. *Г. А. Кузьминъ* (пчеловодъ). Письмо въ редакцію. 33,—35. *И. Н.* Сказанія объ обрѣтеніи честнаго Креста и гвоздей: а) видѣніе вел. кн. Константина на р. Дунаѣ, б) обрѣтеніе честнаго и животворящаго Креста (съ греч.). *В. П.* Истор. очеркъ Яросл.—аго Леонтьевского прихода и кладбища. (Библ. замѣтка). 34. *Ф. Чуриловскій*. Село Колокша Р.—Борисогл. у., и его древности. 36, 37. *В. Л.* Прямърная жизнь. (Изъ прошлаго). *М.* проч., сообщается повѣрье, что нельзя дворъ ставить на томъ мѣстѣ, гдѣ была русская печь, иначе скотина будетъ падать. 38. *Н. П.* Областный сѣздъ изслѣдователей исторіи и древностей Ростово-Суздальской области. 38, 42. Преподобный Пансіій, основатель Угличскаго Яросл.—аго монастыря. Чудеса его (см. также 1900 г. *ММ* 2, 3, 6, 10, 48, 49, 50). 43, 44. *К. Ярославскій*. Сподвижники и ученики преподобнаго Пансія Угличскаго чудотворца.

Новости этнографической литературы.

- Аваловъ, З. Приоединение Грузинъ къ Россіи. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.
- Агрировъ, С. Къмъ болгарскія тайни езици. (Брациговски, Мешровски (Дюлгерски) и Чалгджийски таянъ езики). Софиа. 1901. 8°. 41 стр.
- Бернефельдъ, д-ръ. Талмудъ, его сущность, значеніе и исторія. Перев. и дополненія Г. Генкеля. Спб. 1901. Ц. 50 к.
- Богдановичъ, А. Е. Пережитки древняго міросозерцанія у белоруссовъ. Этнографич. очеркъ. Гродно. 1901. Ц. 60 к.
- Богдановичъ, К. И. Очерки Чукотскаго полуострова (съ картой, 2 планами, 2 таблиц. автотипн и рисунк. въ текстъ). Спб. 1901. Ц. 3 р.
- Богородицкій В. А. Очерки по языковѣднію и русскому языку. Пособіе при изученіи науки о языкѣ. Каз. 1901. 313 стр. Ц. 2 руб.
- Его же. Діалектологическія замѣтки. III. Говоръ крестьянъ села „Сушки“ Золотоношенскаго у., Полтав. г. 11 стр.
- Бонъ, В. А. Матеріалы по археологіи христіанскаго Египта. Посмертное изданіе. Текстъ и таблицы. Спб. 1901. Ц. 7 р.
- Бородинъ, Н. А. I. И. Желъзновъ, писатель-казакъ. Очеркъ жизни и произведеній (1824—1863). Спб. 1901. Ц. 30 к.
- Брайловскій, С. По захоустьямъ Приморской области. Владивостокъ. 1901. Ц. 1 р. 50 к.
- Брейтманъ, Г. И. Преступный міръ. Очерки изъ быта профессиональныхъ преступниковъ. Кіевъ. 1901. Ц. 85 к.
- Бржескій, И. Очерки юридическаго быта крестьянъ. Спб. 1902. Ц. 2 р.
- Булгавскій, Д. Г. Вино на Руси по памятникамъ народнаго творчества литературнымъ и художественнымъ. Спб. 1902. Ц. 40 к.
- Буличъ, Н. Н. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Т. I. Спб. 1902. Ц. 1 р.
- Бурнашевъ, С. И. Новые матеріалы для жизнеописанія и дѣятельности С. Д. Бурнашева, бывшаго въ Грузіи съ 1783 по 1787 г. Съ прилож. картъ, портретовъ и факсимиле. Подъ ред. пров. А. А. Цагарели. Спб. 1901. Ц. 1 р. 40 к.
- Бѣляевъ, I. прот. Судьбы православнѣ въ Прибалтійскомъ краѣ. Истор. этнограф. очеркъ. Спб. 1901. Ц. 25 к.
- Вартегъ (Фонъ-Гессе), Эрнстъ. Китай и китайцы. Жизнь, нравы и обычаи современнаго Китая. Спб. Изд. Девриена.
- Вегнеръ, В., д-ръ. Римъ. Исторія и культура римскаго народа. 3-е русск. исправл. и значит. дополненное изд.—іе, подъ ред. пров. В. И. Модестова. Сомнож. иллюстрацій. Вып. 1-ый. Подп. цѣна за 12 вып. 6 руб.
- Вольте, Григорій. Право торговли и промышленности въ Россіи въ историческомъ развитіи. Спб. 1901. Ц. 25 к.
- Въ Барсовой Ножѣ. Картины для сцены по грузинской повѣсти того же названія Шота Руставели. Соет. Р. Киввари. Съ портр. Ш. Руставели и 5 иллюстр. въ текстъ. Спб. 1901. Ц. 1 р.
- Грассери (Де-ла), Р. Психологія религій. Пер. съ франц. Спб. 1901. Ц. 1 р. 25 к.
- Глаголевъ, С. С. Религій Китая. М. 1901. Ц. 35 к.

- Готтенротъ, Ф. Исторія вѣшней культуры. Вып. X. Подп. цѣна 20 вып. 20 руб., съ перес. 25 р.
- Гротъ, Я. М. Труды. IV. Изъ русской исторіи. Исслѣдованія, очерки, критическія замѣтки и матеріалы. (1845—1890). Изд. подъ ред. проф. К. Я. Грота. Спб. 1901. VI+768 стр. Ц. 3 р.
- Грулевъ, подполк. Аму-Дарья. (Очеркъ среднего теченія). Ташк. 1900. Ц. 75 к.
- Довнаръ-Запольскій, М. В. Государственное хозяйство Великаго Княжества Литовскаго при Ягеллонахъ. Т. I. Кіевъ. 1901. Ц. 4 р.
- Зеленинъ, д-ръ. Новыя вѣянія въ народной повѣи. М. 1901. Стр. 15. Ц. 25 к.
- Кауфманъ, А. А. Сибирское переселеніе на исходѣ XIX в. Историко-статистическій очеркъ. Спб. 1901. Ц. 75 к.
- Кизеветтеръ, А. А. Первый общедоступный театр въ Россіи. М. 1901. Ц. 20 к.
- Коралинъ, М. С. Исторія древняго востока подъ ред. проф. В. И. Герье. Литограф. изданіе. М. 1901. 8°. 371+IV стр. Ц. 2 р. 50 к.
- Красномень, М. проф. Отношеніе русской церковной и государственной власти къ иновѣрцамъ. Юрьевъ. 1901. Ц. 50 к.
- Кузьминъ, А. Запорожская Свѣчь. Истор. и бытовой очеркъ. М. 1901. Стр. 96. Ц. 40 к.
- Лаппо, И. М. Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Упѣи до смерти Стевана Баторія (1569—1586). Опытъ исслѣдованія политическаго и общественнаго строя. Т. I. Спб. 1901. Ц. 5 р.
- Лернеръ, О. М. Евреи въ Новороссійскомъ краѣ. Историческіе очерки. По даннымъ архива бывшаго Новороссійскаго Генералъ-Губернатора. Од. 1901. Ц. 1 р.
- Ловагинъ, А. М. Отечествовѣдѣніе. Природныя условія, народное хозяйство, духовная культура и государственный строй Россійской Имперіи. Спб. 1901. Ц. 2 р.
- Ломинцкій, С. (Рэдзѣль). Персія и персы. Эскизы и очерки. 1898—1899—1900 гг. Съ 44 рис. Спб. 1902. Ц. 2 р.
- Лось, И. А. Сложныя слова въ польскомъ языкѣ. Исслѣдованіе. Спб. 1901. Ц. 1 р.
- Львовичъ. По родному краю. М. 1902. Ц. 1 р.
- Любавскій, Митѣй. Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга о событіяхъ смутнаго времени. М. 1901. Ц. 30 к.
- Лялина, М. А. (обработала). Путешествіе братьевъ Г. Е. и М. Е. Грумъ-Гржимайло въ Западный Китай. Съ 49 рис., 2 портр. и картой. Спб. 1901. Ц. 2 р. 50 к. съ пер.
- Ляскоронскій, В. Г. Гильомъ Левассеръ-де-Бопланъ и его историко-географическіе труды относительно южной Россіи. I. Описаніе Украины. II. Карты Украины. Кіевъ. 1901. Ц. 2 р. 50 к.
- Максимовъ, А. Я. На далекомъ востокѣ. Полное собраніе сочиненій. Книга 9-ая. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.
- Максимовъ, Е. Д. Происхожденіе нищенства и мѣры борьбы съ нимъ. Спб. Ц. 75 к.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. Уральскіе рассказы. Т. 4. М. 1901. Ц. 1 р.
- Мачавариани, К. Д. Семь дней въ горахъ Абхазіи. Наброски и впечатлѣнія. Ватумъ. 1900.
- Михайловъ, К. Н. Никитскій женскій монастырь въ Москвѣ. (Историч. разыск. по Моск. древностямъ и по дому бояръ Романовыхъ). Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.
- Шуровъ, Г. Т. Люди и нравы Дальняго Востока. Отъ Владивостока до Хабаровска. Путевой дневникъ. Томскъ. 1901. Ц. 75 к.
- Нинитскій, Ал-ръ. Исслѣдованія въ области греческихъ надписей. Съ 3 автотип. копіями. Юрьевъ. 1901. Ц. 3 р.
- Николюскій, Б. В. Русское семейное право. Программа лекцій. Спб. 1901. Ц. 10 к.
- Образцы декоративнаго и прикладнаго искусства изъ императорскихъ дворцовъ, церквей и коллекцій Россіи. Исполн. подъ руковод. акад. Е. А. Сабанѣева. Вып. 4. Спб. 1901. Ц. по подп. 10 вып.—25 р., отд. вып. 3 р. 50 к.

- Обручевъ, В. А. Центральная Азія. Сѣверный Китай и Нань-Шань. Отчетъ о путешествіи, совершенномъ по порученію Импер. Русск. Геогр. О-ва въ 1892—94 годахъ. Т. II-ой. Путевые дневники, касающіеся Центральной Монголіи, Джунгаріи и горныхъ системъ Бей-шаня, Нань-шаня, Восточнаго Тянь-шаня и Цзинь-линъ-шаня. Спб. 1901. Ц. 10 р.
- Описание документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святейшаго Правительствующаго Синода. Томъ X (1730). Спб. 1901. Ц. 4 р.
- Опочининъ, Е. Н. Очерки старо-русскаго быта. Вып. 1-й. М. 1901. Стр. 100. Ц. 60 к.
- Палутъе, Ф. и М. Жизнь рабочихъ во Франціи. Перев. съ франц. подъ ред. А. А. Мануилова. Спб. 1901. Стр. VIII+363. Ц. 1 р.
- Перетцъ, В. Н. Записки и матеріалы для исторіи пѣсни въ Россіи. I—VIII. Спб. 1901. Ц. 75 к.
- Перетцъ, В. Н. Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. 2. Къ исторіи лунника. Введеніе и славянскіе тексты. Дополненіе къ исторіи Громника и указатели къ вып. 1 и 2. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.
- Поповъ, П. Русско-китайскій словарь. Изданіе 3-е. Токио. 1900. Ц. 7 р.
- Постъ, Альб. Герм. Зачатки государственныхъ и правовыхъ отношеній. Очерки по всеобщей сравнительной исторіи государства и права. Переводъ Н. Б. Тешова съ предисловіемъ прое. М. М. Ковалевскаго. М. 280 стр. Ц. 60 к.
- Протопоповъ, Н. Очерки по исторіи древне-русской письменности. Изд. 2-е. М. 1902. Ц. 1 р.
- Пыпинъ, А. Н. Дѣла о пѣсняхъ въ XVIII вѣкѣ (1704—1764). Спб. 1900. Ц. 30 коп.
- Радловъ, В. В. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій (Versuch eines Wörterbuchs der Türk-Dialekte) Вып. 14-й. III т., вып. 2-й. (321—641 столб.) 80. Изд. Имп. Ак. Н. Ц. 1 р.
- Ровинскій, П. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Т. 2., ч. 2. Спб. 1901. Ц. 3 рубля.
- Росовъ, П. Русскій Китай. Очерки занятія Квантуна и быта туземнаго населенія. Съ приложеніемъ карты Квантуна. Портъ-Артуръ. Стр. VI+168. Ц. 2 руб.
- Рыбановъ, С. Просвѣщеніе инородцевъ въ Пермской губ. Спб. 1901. Ц. 10 р.
- Его же. Русское просвѣщеніе и магометанская пропаганда въ с. Б. Гондырѣ. (Осенск. у., Перм. г.). Спб. 1900. Ц. 10 к.
- Его же. Духовенство среди крещеныхъ инородцевъ. Спб. 1900. Ц. 10 к.
- Его же. Просвѣщеніе инородцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Спб. 1901. Ц. 10 к.
- Его же. Миссія въ Тургайской области. Спб. 1901. Ц. 10 к.
- Его же. Исламъ и просвѣщеніе инородцевъ въ Уемской губ. Спб. 1900. Ц. 15 коп.
- Его же. Русская пѣсня. Спб. 1901. Ц. 25 к.
- Рѣдинъ, Е. Н. Античные боги (планеты) въ лицевыхъ рукописяхъ сочиненія Козьмы Индикоплова. Спб. 1901. Ц. 1 р.
- Сальновъ, В. П. Анджапанское возстаніе въ 1892 г. Сборникъ статей. Казань. 1901. Ц. 75 к.
- Семевскій, В. М. Крестьяне въ царствованіе Екаторины II. Томъ 2-ой. Спб. XLV+865 стр. Ц. 5 р.
- Сиповскій В. В. Изъ исторіи русской литературы XVIII вѣка. Опытъ статистическихъ наблюденій I—II. Спб. 1901. Ц. 50 к.
- Струве, Петръ. Крѣпостная статистика. Изъ исторіи о крѣпостномъ хозяйствѣ. Спб. 1901. Ц. 50 к.
- Сусловъ, В. В. Памятники древняго русскаго водчества. Вып. VII, съ прилож. въ текстѣ на 13 листахъ. Спб. 1901. Ц. 15 р.
- Тумановъ, Г. М., ин. Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ. Спб. 1901. Ц. 60 к.

- Chwolson, D. Die Blutanklage u. sonstige mittelalterlichen Beschuldigungen der Juden. Aus d. russischen. Fran. a. M., Kaufmann, 1901.
- Courant, Maurice. En Chine. Mœurs et institutions, hommes et faits. In 12e. Coutenson, L. de, Chrétiens et Musulmans. Voyages et études. 3. fr. 50 cent.
- Cramer, Fr. Rheinische Ortsnamen aus vorrömischer u. römischer Zeit. Düsseldorf. Lintz, 1901.
- Cumont, Fr. Textes et monuments figurés, relatifs aux mystères de Mithra T. I. Introduction. Bruxelles, Lamerten, 1899.
- Les mystères de Mithra. Brux. Lamertin, 1900.
- Davies (T. Witton). Magic, divination a. demonology among the Hebrews a. their neighbours. Lond. J. Clorke.
- Day R. E. The Social Life of the Hebrews.
- Deasy, H. H. P. In Tibet and Chinese Turkestan. London. 21 s.
- Dellenbaugh, F. S., The North-americans of yesterday. New-York and London.
- Demoiens, E. Comment la Route crée le Type Social. Paris.
- Deniker, J. Les races et les peuples de la terre. Par Reinwold, 1900.
- Deniker I. The races of man, a sketch of ethnography and antropology.
- Dialogues of the Buddha translated from the Pāli by T. W. Rhys David. Lond. Frowde. 1899.
- Dojarric, G. L'état Mahdiste du Soudan. Paris.
- Dosy, Arthur, The New Far East. With 12 illustrations. London.
- Fairbanks, Arth. A Study of the gréek Paen. N. I. 1900.
- Festschrift der Geographisch-ethnographischen Gesellschaft in Zürich. Zürich, 1901.
- Felding, H. The Soul of a people. London.
- Finska fornminnesföreningens Årsskrift. Журналъ Финскаго Археологическаго общества, XXI. Содержание: Празднованіе тридцатилѣтія со дня основанія Финскаго Археологическаго общества. I. P. Аспельми. Замѣтки М. А. Кострена о древностяхъ Манусинскаго округа, на нѣм. яз. O. Алениусъ. Четыре англосаксонско-нѣмецкихъ нумизматическихъ находки въ Финляндіи (1894—1897), съ нѣмецкимъ резюме. P. Саксенъ, Вопросъ о давности шведскаго населенія въ Финляндіи, освѣщаемый названіями мѣстностей, съ нѣм. резюме. Ю. Айло, Тавастгусскій замокъ, его возникновеніе. (съ 5 карт.). Э. Нерландеръ, Стѣнная живопись въ старинной кирквѣ Стурчуро (Storkuro) (съ 27 фотогр.) съ нѣм. резюме. Цѣна тома 6 мар. (около 2 руб.).
- Flot, L. Kāstrapālaparipīccha. Спб. 1901 XVI+69 стр. (Bibliotheka Buddhica. II). Ц. 80 к.
- Forsstrand, C., Adolf Erik Nordenskjöld och hans forskningsfärder. En minnesteckning af... Med 43 illustrationer. (A. Э. Норденшмюльдь и его путешествія. Воспоминанія К. Форстранда).
- Förstemann, E. Kommentar zur Mayahandschrift d. Königl. Oeffentlichen Bibliothek zu Dresden. Dresden, 1901.
- Foy, W. Tanzobjekte vom Bismark-Archipel, Nissau u. Buka. Publik. des Kön. Ethnogr. Mus. zu Dresden. Dresden, Stengel. 1900.
- Gaudefroy-Demombynes. Les cérémonies du mariage chez les indigènes de l'Algérie. Par. Maisonneuve, 1901.
- Gazetteer of Upper Burma and The Shan States. Compiled from official papers by I. G. Scott and I.P. Hardiman. 2 parts Rangoon. 1900—1901.
- Giles, H. A. History of chinese literature New-York. 1901. 8°.
- Götz, Hermann. Eine Orientreise. 8°. 239 s.
- Grinnell, G. B., The North-American Indians of to day. London.
- Grogan, E. and Sparr, A. H., From the Cape to Cairo.
- Gruenwedel, A. Mythologie des Buddhismus in Thibet u. Mongolien Führer durch die Lamaitische Sammlung des Fürsten E. Uchtomskij. Lpz Brockhaus, 1900. Франц. пер. Mythologie du Bouddhisme au Thibet et en Mongolie. Id.

- Grüneisen, Der Ahnenkultus u. die Urreligionen Israels. Halle a. S. Niemeyer, 1900.
- Häbler, K., Die Religion des mittleren Amerika. Münster. (Darstellungen aus dem Gebiete der nichtchristlichen Religionsgeschichte, B. XIV).
- Hahn, Fr. Afrika. 2-e Auf. nach der v. Prof. Sievers verfassten Auflage. Lpz. u. Wien, Bibl. Inst. 1901.
- Hamburger Museum für Völkerkunde. Bericht für das Jahr 1900. Hamburg, 1901.
- Happel, I. Die religiösen und philosophischen Grundanschauungen der Inder aus d. Sanskritquellen, vom christlichen Standpunkte aus dargestellt und beurteilt. Giessen. 1901.
- Helmolt, H. Weltgeschichte. B. III. Hälfte 2. (Schurtz, Afrika. Niebuhr, K. Aegypten) Lpz. u. Wien. Bibl. Inst. 1901.
- Heudebert, L. Au pays des Somalis et des Comoriens. Paris. 1901.
- Hirn. The origins of Arts.
- Hopkins, E. W. The great epic of India, its character and origin. New-York. 1901.
- Jacob, G. Al-Mutaijam, ein altarabisches Schattenspiel, Erlangen. Mencke, 1901.
- Jacob, G. Türkische Volkalliteratur. Berlin, Mayer u. Müller, 1901.
- Janko, J. Magyarische Typen. 1-e Serie. Die Umgebung des Balaton. Herausg. durch die ethnogr. Abtheilung des Ungarischen Nationalmuseums. Budapest, 1900.
- Jeremias, Afr. Hölle u. Paradies bei den Babyloniern. Der Alte Orient. III Lpz. Hinrichs, 1900.
- Jühling, I. Die Thiere in der deutschen Volksmedizin alter und neuer Zeit. Kanteletar, Helsingissä. 1901. 4-e изд. LIV+390.
- Karütz, R. Die Afrikanischen Hörnermasken. Abdruck aus d. Mit. d. Geogr. Ges. in Lübeck. Lübeck, 1901.
- King, L. W. Babylonian religion: babylonian religion and mythology. London. 1901.
- Kern, H. Histoire du bouddhisme dans l'Inde. Trad. du néerlandais par G. Huet. Paris. 1901. T. I.
- Kingsley, M. H. West African studies. With illustrations and Map.
- Kobell, Louise, von. Farben und Feste, München. (Празднества и обычаи различных народов).
- Köhler, Bruno. Allgemeine Trachtenkunde (Ph. Reclam's Universal-Bibliothek). Leipzig.
- Koran, Der aus dem arabischen übertragen von M. Henning. Leipzig. (1901). 611 S.
- Krämer, A. Die Samoa-Inseln. Entwurf einer Monographie mit besonderer Berücksichtigung Deutsch-Samoa. Stuttg. 1901.
- Kropf, Alb. A Kaffir-English Dictionnary. South Africa, Lovedale Mission-Press 1899. (Содержит очень много цѣнныхъ для этнографа свѣдѣній при объясненіи отдѣльныхъ туземныхъ словъ).
- Knochenhauer, V. Korea. Berlin, Reimer, 1901.
- Lang, A. Magic and Religion.
- Laugel, A. Trachten u. Sitten im Elsass. Strassburg, 1901.
- Laufer, B. Ein Sühngedicht der Bonpo. Aus einer Handschrift der Oxfor-der Bodleiana (Denkschr. d. Akad. der Wissens. in Wien. Phil. H:st. Classe, B. XLVI). Wien, 1900.
- Lefèvre, A. Les Gaulois. Origines et croyances. P. Schleicher, 1900.
- Lefèvre, A. La Grèce antique; entretiens sur les origines et les croyances. P. Schleicher, 1900.
- Leger, L. La Mythologie slave. Par. Leroux. 1901.
- Le Teller V. La Evolucion de la Historia. 2 ed. Santjago de Chile, Garin, 1900.

- Lendenfeld, R. Neuseeland („Bibliothek der Länderkunde“).
- Littmann, E. Arabische Schattenspiele. Berlin. Mayer u. Müller, 1901.
- Luschan, F., V. Die Karl Knorr'sche Sammlung von Benin Alterthümer in Museum für Länder u. Völkerkunde in Stuttgart, 1901.
- Lotsy, A. Les mythes babyloniens et les premiers chapitres de la Genèse. Paris. 1901.
- Lynch, H. F. B. Armenia: travels and studies Vol. I: The Russian provinces. Vol. II: The Turkish provinces. London. 1901. 4°.
- Majewsky, E. Drobne prace i notatki z dziedziny archeologii, przedhistorii i etnografii.
- Manthner, F. Sprache und Psychologie. Beiträge einer Kritik der Sprache. Stuttgart. 1901.
- Martin, R. Anthropologie als Wissenschaft u. Lehrfach. Iena. Fischer, 1901.
- Mathew, J. Eaglehawk a. Crow, a Study of australian Aborigines. Lond. Nutt. 1900.
- Meyer, E. H. Badisches Volksleben im XIV-ten Jahrhundert. Strassburg, Trübner, 1900.
- Meyer, E. Deutsche Volkskunde. 1898.
- Meyer u. Parhusip. Album von Papua-Typen. II. Dresd. Stengel, 1900.
- Monceaux, P. Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne depuis les origines jusqu'à l'invasion arabe. Paris. 1901. T. I.
- Much, R. Deutsche Stammeskunde. Lpz. Goeschen, 1900.
- Mullenhof, K. Deutsche Alterthumskunde IV. B. 2-e Hälfte. Die Germania v. Tacitus. Brl. 1900.
- Müller, F. M. Last essays. Series 1. Essays on language, folklore and other subjects. London. 1901.
- Nabert, H. Das Deutschthum in Tirol. München, 1901.
- Nieuwenhuis, A. W. In Central Borneo. Reis van Pontianac naar Samarinda. 2. B. Leyden, Brill, 1900.
- Notor, G. La femme dans l'antiquité grecque avec une préface de M. Eugène Müntz.
- Nutt, A. H. The Fairy Mythology of Shakespeare. Popular Studies in Mythology, Romance a. Folk-lore № 6. L. Nutt, 1900.
- Oswell, W. E. Hunter and Explorer. London.
- Pañcatantram, Das. (Textus ornatior), Eine altind. Märchensammlung zum ersten Male übersetzt v. R. Schmidt. Leipzig. 1901. 8°.
- Parker, E. H. China; her History, diplomacy and commerce, from the earliest times to present day. London. 1901. 8°.
- Pector, D. Notes sur l'Américanisme. Quelques unes de ses lacunes en 1900. Paris, Maisonneuve, 1900.
- Peters, M. C. Wit and wisdom of the Talmud. With an introduction by H. Pereira Mendes. New-York (1900) 8°.
- Pikler u. Sowlo. Der Ursprung des Totemismus. Berl. Hoffmann, 1900.
- Pitrè, G. Feste patronali in Sicilia. Torino-Palermo, Clausen, 1900.
- Pleyte, C. M. Die Buddhalegende in den Sculpturen des Tempels von Bô-rô-Budur. Amsterdam, 1901.
- Ratzel, Fr. Das Meer als Quelle der Völkergrösse. Lpz. u. München, Oldenbourg, 1900.
- Ratzel, Fr. Die Erde u. das Leben. Eine vergleichende Erdkunde. B. I. Lpz. u. Wien, Bibl. Inst. 1901.
- Rennef Rod. The Customs and Lore of Modern Greece, Lond. Stott, 1900.
- Rhys, J. Celtic Folk-lore, Welsh a. Manx. 2 vol. Oxford, 1901. 8°.
- Richet, E. Les regions boréales. (Bibliothèque d'Histoire et de Géographie universelle).
- Ripley. The races of Europe. A Sociolog. study. Lond. Kegan, Trench, Trübner, 1900.

Х р о н и к а.

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла М. О. Л. Е., А. и Э.
за 1900—1901 годъ.

Бюро Этнографическаго Отдѣла составляли: председатель поч. чл. *В. Ө. Миллеръ*, товарищи председателя: поч. чл. *В. М. Михайловскій* и непр. чл. *Н. А. Янчукъ*, секретарь непр. чл. *В. В. Богдановъ*.

За отчетный годъ Этн. Отдѣлъ имѣлъ 9 засѣданій, изъ коихъ 7 закрытыхъ и 2 публичныхъ.

На засѣданіяхъ слѣдующія лица выступили съ докладами.

1. *П. В. Гидуляновъ*: Раятская зависимость въ Дагестанѣ.
2. *А. Д. Григорьевъ*: Поѣздка по Пинежъ лѣтомъ 1900 года.
3. *А. Л. Масловъ*: а) Предварительныя свѣдѣнія о результатахъ музыкальных записей въ Архангельской губ. лѣтомъ 1901 г. съ демонстраціями въ исполненіи фонографомъ). б) О музыкально-этнографической экспедиціи въ Архангельскую губернію (съ демонстраціями въ исполненіи голосомъ).
4. *П. С. Марекъ*: Очеркъ еврейскихъ народныхъ пѣсенъ (съ демонстраціями въ исполненіи голосомъ).
5. *А. В. Марковъ*: а) Къ былинѣ о сорока каликахъ со каликою. б) Историческая основа былины и преданія о сорока каликахъ со каликою. в) Характеръ русскихъ былинъ и ихъ исполненіе (съ демонстраціями голосомъ). г) О лѣтней поѣздкѣ въ Архангельскую губернію (съ демонстраціями фонографомъ).
6. *Н. М. Менделсонъ*: Къ былинѣ о сорока каликахъ со каликою.
7. *Л. Г. Назарьянъ*: Очеркъ изъ армянской этнографіи.
8. *В. М. Патазянъ*: а) О цыганахъ вообще. б) Объ армянскихъ „боша“ (цыганахъ).
9. *И. С. Тезаровскій*: Поѣздка въ Пермскую губернію (съ демонстраціями народн. пѣсенъ въ исполненіи голосомъ).
10. *С. И. Чистяковъ*: Поѣздка къ остякамъ Нарымскаго края.
11. *Н. А. Янчукъ*: Памяти М. А. Веневитинова.

Всего было доложено 16 сообщеній.

Въ числѣ изданій Этнографическаго Отдѣла продолжалъ выходить журналъ „Этнографическое Обзоріе“ подъ ред. *В. Ө. Миллера* и *Н. А. Янчука* (1901—13-й годъ изданія). Так. обр., со-

ставъ редакціи пополнился. Произошло это въ виду того, что Н. А. Янчукъ, ссылаясь на многосложныя свои занятія по Дашковскому Этнографическому Музею, отказался отъ редактированія журнала. По просьбѣ Отдѣла, обязанности редактора согласился взять на себя предсѣдатель Отдѣла Вс. Ѳ. Миллеръ, который, въ свою очередь, просилъ Н. А. Янчука остаться въ качествѣ второго редактора; къ просьбѣ этой присоединился и Отдѣлъ.

Кромѣ того, вышло изъ печати изданіе Отдѣла: „Бѣломорскія былины, записанныя А. Марковымъ, съ предисловіемъ проф. В. Ѳ. Миллера“. М. 1901 г.

Музыкально-этнографическая комиссія Этнографическаго Отдѣла въ отчетномъ году значительно расширила свою дѣятельность. Во-первыхъ, при дѣятельномъ участіи Н. А. Янчука, В. С. Калининкова и А. Л. Маслова, были устроены два этнографическихъ концерта въ мартѣ 1901 г. (2-й и 3-й по общему счету), давшіе возможность отправить лѣтомъ того же года нѣсколько музыкально-этнографическихъ экспедицій. Во-вторыхъ, при участіи комиссіи состоялись два публичныхъ засѣданія Отдѣла, на которыхъ были доложены рефераты по народной музыкѣ и демонстрированы мелодіи пѣсень. Въ-третьихъ, комиссія приступила къ разработкѣ программы для собиранія музыкально-этнографическихъ матеріаловъ и привлекла для этого въ свою среду многихъ московскихъ дѣятелей въ области музыкальнаго творчества.

Этнографическій Отдѣлъ въ отчетномъ году, желая увѣковѣчить память покойнаго П. В. Шейна, рѣшилъ собрать среди своихъ членовъ и почитателей П. В-ча нѣкоторую денежную сумму, достаточную для постановки памятника на его могилѣ, а если окажется возможнымъ, то и учрежденія медали имени П. В. Шейна. Последнее однако оказалось не по средствамъ Отдѣлу; сумма, собранная имъ, составила всего около 300 руб., на которые и поставленъ памятникъ, освященный нынѣшнимъ лѣтомъ (См. „Этн. Обзор.“, кн. 50, стр. 164—166).

Въ отчетномъ году (къ 15 октябрю 1901 г.) Отдѣлу предстояло очередное присужденіе премии имени Вел. Кня. Сергія Александровича по этнографіи. По представленію Отдѣла, зачитанному въ Совѣтъ Общества, преміи удостоены за слѣдующіе труды д. чл. В. А. Мошкова:

1) Въ корректурныхъ листахъ, на правахъ рукописи, печатающіеся при Академіи Наукъ подъ редакціей В. В. Радлова матеріалы подъ заглавіемъ: „Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, изданныя В. Радловымъ. Часть X. Бессарабскіе гагаузы. Тексты собраны В. Мошковымъ“. Этотъ матеріалъ обнимаетъ собой 35 листовъ гагаузскаго текста и столько же листовъ перевода на русскій языкъ и содержитъ въ себѣ сказки, загадки и легенды гагаузовъ.

2) Обработанные этнографическіе матеріалы подъ заглавіемъ:

„Гагаузы Бендерскаго уѣзда. Этнографическіе очерки“. Часть этихъ матеріаловъ напечатана въ журналѣ „Этнографическое Обозрѣніе“ за 1900 г. № 1 и за 1901 г. №№ 1 и 2; часть же представлена въ рукописи—три большихъ тетради in folio: всего 13 1/2 листовъ напечатаннаго и около 19 1/2 листовъ рукописнаго, т. е. вѣсть около 23 листовъ. Означенные „очерки“ содержатъ въ себѣ нижеслѣдующія главы: Территорія, занимаемая гагаузами. Обычаи: родины и крестины. Игры и развлечения. Танцы, музыка и пѣніе. Свадьба. Семейныя и общественныя отношенія гагаузовъ къ другимъ народностямъ. Похоронные обряды и обычаи. Вѣрованія. Воззрѣнія на природу. Великаны. Домъ. Хозяйственныя надворныя постройки. Домашняя посуда. Пища и куреніе. Одежда и ткацкое дѣло. Ручныя ремесла. Хлѣбопашество. Огородничество. Винодѣліе и садоводство. Скотоводство. Народный календарь.

Этнографическій Отдѣлъ заслушалъ слѣдующій отзывъ о представленномъ на соисканіе преміи трудъ В. А. Машкова:

а. Хотя въ представленное на премію изслѣдованіе „Гагаузы“ не входитъ 2-я часть печатаемыхъ при Академіи Наукъ подъ редакціей В. В. Радлова матеріаловъ г-на Машкова, которая, согласно его письму отъ 11-го мая 1901 г., должна содержать въ себѣ „пѣсни съ мелодіями и словарь гагаузскаго нарѣчія“; однако и въ настоящемъ видѣ весь трудъ о гагаузахъ отличается вполне достаточной полнотой. Такія темы, какъ „мелодіи“ и „словарь“ могутъ быть предметами специальныхъ изслѣдованій, не входя въ общій этнографическій очеркъ изслѣдуемаго племени. Разбираемый трудъ даетъ полное представленіе о происхожденіи, вѣрованіяхъ, семейномъ, общественномъ и внѣшнемъ бытѣ гагаузовъ. Нельзя не отмѣтить этого рѣдкаго въ нашихъ этнографическихъ трудахъ достоинства.

б. Авторъ разбираемаго труда о гагаузахъ обнаруживаетъ обстоятельное знакомство съ изслѣдуемымъ племенемъ, до него мало извѣстнымъ не только въ русской наукѣ, но и въ иностранной. Кромѣ 93-хъ печатныхъ листовъ матеріаловъ, представленныхъ на соисканіе преміи, въ Отдѣлѣ хранятся еще коллекціи фотографій, снятыхъ имъ въ Бессарабіи среди гагаузовъ, черновые наброски гагаузскаго орнамента, узоры тканей, а также фотографіи моделей, представленныхъ имъ въ Академію Наукъ, равно какъ и отношеніе непремѣннаго секретаря Академіи отъ 26-го января 1895 года за № 129, свидѣтельствующее о высокой цѣнѣ, которую признаетъ Академія, за гагаузскими коллекціями и фотографіями г-на Машкова. Всѣ означенныя условія дали возможность автору въ разбираемомъ его трудѣ говорить объ изслѣдуемыхъ фактахъ ясно, точно и обстоятельно даже въ малѣйшихъ деталяхъ, причемъ послѣднія ему легко было осмыслить простымъ фактическимъ сопоставленіемъ одной съ другой. Поэтому при обиліи фактическаго матеріала, осмысленно расположеннаго, авторъ избѣжалъ необходимости строить

теоріи, гипотезы и другія научныя догадки, часто ослабляющія цѣнность научнаго изслѣдованія.

в. Въ разбираемомъ трудѣ авторъ обнаружилъ обширное знакомство не только съ литературой своего предмета, но и вообще съ этнографической литературой, что особенно ясно сказалось въ его цѣнныхъ примѣчаніяхъ, обработанныхъ очень умѣло, добросовѣстно и обстоятельно. Эти примѣчанія, съ одной стороны, свидѣтельствуютъ объ осмысленной постановкѣ того или другого изслѣдуемаго факта въ связи съ однородными фактами вообще въ этнографической литературѣ, съ другой—они даютъ возможность, особенно начинающимъ этнографамъ, почерпнуть массу сравнительно-этнографическихкихъ свѣдѣній.

г. Наконецъ, слѣдуетъ также отмѣтить достоинства научныхъ приемовъ у автора разбираемаго труда. За достоинства лингвистическія говоритъ самый фактъ печатанія части этого труда въ изданіяхъ Академіи Наукъ подъ редакцію такого авторитетнаго лингвиста, какъ В. В. Радловъ. Что касается научныхъ приемовъ этнографическихкихъ, то, не говоря уже о томъ, что они оцѣнены были по поводу другого этнографическаго труда г-на Мошкова („Труба въ представленіи у разныхъ народовъ“) другимъ ученымъ обществомъ—Отдѣленіемъ Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, присудившимъ автору за означенный трудъ серебряную медаль,—вся работа г-на Мошкова о гагаузахъ въ „этнографическихкихъ очеркахъ“ обработана на столько научно, что Этнографическій Отдѣлъ, всегда затрудняющійся печатать обширные матеріалы въ своемъ журналѣ, на этотъ разъ отступилъ отъ обычной программы, и напечаталъ 15½ печатныхъ листовъ „очерковъ“ и рѣшилъ помѣстить остальные 19½ листовъ въ „Этнографическомъ Обзорѣніи“.

На основаніи всего вышеизложеннаго Этнографическій Отдѣлъ считаетъ представленный на соисканіе преміи трудъ В. А. Мошкова цѣннымъ вкладомъ въ русскую этнографическую литературу и вполне достойнымъ искомой преміи.

Весною и дѣтомъ 1901 года слѣдующія лица совершили экскурсіи для собранія и изслѣдованія научныхъ данныхъ по этнографіи:

1. В. О. Миллеръ ѣздилъ на Кавказъ, гдѣ собралъ дополнительные матеріалы для осетинскаго словаря и грамматики, а также и другіе матеріалы по осетинской этнографіи.

2. Д. И. Аракчиевъ посѣтилъ Горійскій, Сигнахскій и Телавскій уѣзды, Тифлисской губерніи, при чемъ имъ больше всего записано въ деревняхъ Ховле и Хведуреты Гор. у., Вакири Сигнахск. у. и Ацгури Телавск. у. Собрано до 80 трехголосныхъ и одноголосныхъ пѣсенъ (тексты и мелодіи записаны фонографомъ и переведены на обычную записку). Изъ нихъ около 10-ти старинныхъ пѣсенъ церковнаго характера и около 5-ти съ мѣсяцескимъ содержаніемъ; остальные приурочены къ повседневной жизни. Часто

пѣсни одного и того же названія оказывались разнообразными, какъ по мелодіи, такъ и по тексту. Кромѣ того, собрано около 20 номеровъ мелодій различныхъ лезгинокъ, грузинскихъ и абхазскихъ танцевъ, танецъ тушинцевъ и разные пасторали. Всѣхъ же записей мелодій свыше 100 номеровъ.

3. *А. Д. Григорьевъ* провель 2¹/₂ лѣтнихъ мѣсяца въ поѣздкѣ по Пинежскому и Мезенскому уу. Арханг. губ. По рѣкѣ Пинегѣ, р. Кулою, на сѣв. вост. берегу Бѣлаго моря и по р. Мезени имъ произведены разысканія въ 37 деревняхъ и 2-хъ городахъ. На этомъ пространствѣ записано 215 номеровъ (1 пѣсня, 1 дух. стихъ и 213 былинь). Среди записей былинь 9 записаны впервые, около 25-ти представляютъ варианты очень рѣдкихъ былинь; остальные представляютъ интересъ какъ со стороны сюжета, такъ и со стороны языка. Г. Григорьевъ записалъ также графофономъ на 52 валикахъ 173 мелодіи (1 пѣсня, 9 дух. стиховъ, 163 былинь). Такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ былины поютъ и хоромъ, то среди записей былинныхъ мелодій есть 6 номеровъ, пропѣтыхъ 2-мя, и 1 ном., спѣтый 3-мя лицами.

Кромѣ того, имъ же сняты съ наиболѣе замѣчательныхъ сказателей фотографическіе снимки, сдѣланы записи діалектическихъ особенностей, привезены 8 рукописей, списокъ народныхъ названій мѣстныхъ деревень и рѣкъ, а также мѣстные мужской и женскій костюмы.

4. *А. Л. Масловъ* вмѣстѣ съ А. В. Марковымъ (см. отчетъ о послѣднемъ) посѣтилъ берега Бѣлаго моря и записалъ 113 напѣвовъ (55 графофономъ, 58 на слухъ). Изъ нихъ былинь и историческихъ пѣсенъ 67, духовныхъ стиховъ 22, пѣсенъ праздничныхъ, хороводныхъ, свадебныхъ и причитаній—24.

Съ половины іюля А. Л. Масловъ провель время въ Поволжьѣ—въ уѣздахъ: Нижегородскомъ (с. Котово), Казанскомъ (д. Борисково), Сенгилевскомъ (въ городѣ Сенгилевъ и въ дер. Новой Слободѣ), Хвалынскомъ (с. Ивановское, дер. Старая Яблонка) и Саратовскомъ (Увекъ). Собранный здѣсь матеріалъ составилъ 45 пѣсенъ (съ мелодіями), изъ нихъ 3 дух. стиха, 2 историч. пѣсни и 4 мордовскихъ пѣсни. Въ мелодіяхъ сохранился еще старинный строй.

5. *А. В. Марковъ* (совмѣстно съ А. Л. Масловымъ и фотографомъ-любителемъ Б. А. Богословскимъ) въ теченіе іюня и первой половины іюля объѣхалъ Кандалякскій, Терскій и Зимній берега Бѣлаго моря. Въ эту поѣздку записаны тексты 70 былинь, 26 дух. стиховъ, 30 пѣсенъ и 3 сказокъ (о музыкальныхъ записяхъ см. по отчету о А. Л. Масловѣ); произведены діалектологическія наблюденія, сдѣлано до 40 фотографич. снимковъ и собрана небольшая коллекція каменныхъ орудій.

6. *Б. В. Миллеръ* провель лѣто на Кавказѣ, гдѣ записалъ (въ Сочи) нѣсколько турецкихъ пѣсенъ съ напѣвами.

лись изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи и изъ-за границы. Въ зданіи городской думы состоялся обѣдъ, во время котораго продолжались поздравленія, произносились тосты. На засѣданіяхъ секцій Отдѣла были прочитаны отчеты, доклады, а на одной секціи, какъ иллюстрація, происходило камланіе шамана.

Въ русскомъ антропологическомъ обществѣ (при С.-П. университетѣ), 10 ноября состоялось, подъ предѣдательствомъ Д. А. Корочевского, общее собраніе, въ которомъ проф. Клеменцъ сдѣлалъ сообщеніе о научной дѣятельности по этнографіи и антропологии восточно-сибирскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества, празднующаго 17 ноября 25-лѣтіе своего существованія. Докладчикъ остановился, прежде всего, на работахъ отдѣла по этнографіи. Больше всего было сдѣлано по изслѣдованію Якутской области. Здѣсь, кромѣ трудовъ Приклонскаго и Сѣрошевскаго, громадное значеніе имѣетъ изслѣдованіе Якутской экспедиціи, въ которой принимали участіе Іохельсонъ, Богоразъ, Пекарскій, Ястремскій, Геккеръ, собравшіе громадный этнографическій матеріалъ, отчеты еще не опубликованный; такъ, не изданъ еще матеріалъ по юридическому быту, фольклору и вѣрованіямъ якутовъ. Чукчей изучали экспедиція Майделя, миссіонеръ Аргентовъ и члены якутской экспедиціи—Богоразъ, Іохельсонъ. Тунгусамъ посчастливилось меньше другихъ народовъ; кромѣ старыхъ изслѣдованій Кастрена и Миддендорфа, можно отмѣтить лишь нѣсколько статей Полякова, Миллера и Майнова. О бурятахъ имѣются крупныя труды Шашкова (о бурятской общинѣ), Агапитова и Хангалова (капитальное изслѣдованіе шаманства); Потанина (собравшаго громадный матеріалъ по восточно-азиатскому фольклору); миссіонера Подгорбунскаго и др. По археологіи Сибири работали Поляковъ, Ровинскій, Давыдовъ, Павлудкій, Черскій, Савинковъ; но особенно важны труды Витковскаго, открывшаго на рѣкѣ Бѣлой (притокъ Ангары) до 20 погребеній каменнаго вѣка, и возстановившаго, на основаніи своихъ находокъ, полный ритуалъ погребенія. Сочиненіе Витковскаго сдѣлало эпоху въ археологіи. По соматической антропологии и антропометріи было сдѣлано меньше работъ. Д-ръ Писаревъ, Майновъ, Геккеръ, Ковъ произвели рядъ измѣреній тунгусовъ, бурятъ, якутовъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Столь плодотворная дѣятельность отдѣла, работающаго на далекой окраинѣ, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, объясняется невольнымъ проживаніемъ на Дальнемъ Востокѣ многихъ представителей интеллигенціи. Такъ, Витковскій, Черскій, Сѣрошевскій, Чекановскій, много сдѣлавшіе для изслѣдованія Восточной Сибири,—сылные поляки; съ другой стороны, отдѣлъ самъ вербуетъ изъ туземцевъ полезныхъ работниковъ; таковъ, на примѣръ, Хангаловъ—рядовой бурятъ, окончившій только курсъ

уѣзднаго училища: имъ собранъ громаднѣйшій матеріалъ по вѣрованіямъ бурятъ.

Въ заключеніе рѣшено было послать въ Иркутскъ поздравительную телеграмму отдѣлу отъ имени русскаго антропологическаго общества.

„Спб. Вѣдом.“

10 января 1902 г. исполнится 25 лѣтъ со дня основанія Минусинскаго мѣстнаго музея. Въ настоящее время въ музей 56000 предметовъ прекрасно систематизированныхъ. Предполагается ознаменовать 25-лѣтіе музея учрежденіемъ капитала имени его основателя Ник. Мих. Мартыянова: проценты съ капитала будутъ предназначены на организацію экспедицій для дальнѣйшаго изученія края. Кроме того, городская дума ассигновала на это ежегодную субсидію въ 100 руб. въ видѣ прибавки къ процентамъ учреждаемаго капитала.

„В. О.“

Вышелъ 1-й выпускъ „Извѣстій Императорской Археологической комиссіи“. Въ то время, какъ издаваемые Комиссіей „Матеріалы по Археологіи Россіи“ заключаютъ отдѣльныя монографіи, новое изданіе отводитъ мѣсто, гл. обр., мелкимъ статьямъ и замѣткамъ. Въ 1-омъ вып. даны свѣдѣнія о раскопкахъ въ развалинахъ Херсонеса, въ Керчи, близъ с. Башмачки, Екатеринослав. уѣзда и др.

(„Р. В.“)

Въ недавно вышедшей работѣ „Новая Зеландія“ нѣмецкій ученый, проф. фонъ-Ленденфельдъ доказываетъ, что каннибализмъ среди маори вызывался экономическими факторами, вслѣдствіе недостатка въ другой пищѣ. Сначала маори добывали себѣ средства къ жизни охотой и рыболовствомъ. Но когда исполненія птицы „мао“ были истреблены, маори стали поѣдать другъ-друга, и нигдѣ каннибализмъ не достигъ такого развитія, какъ на Новой Зеландіи. Между отдѣльными родами и племенами возникла непрерывная вражда; всѣ плѣнные умерщвлялись и съѣдались; съѣдались и павшіе воины, если ихъ трупы не подвергались еще разложенію. Эта гадость прекратилась только, когда капитанъ Кукъ ввезъ на островъ свиней; маори стали питаться свинымъ мясомъ, и такимъ образомъ имъ не нужно было уже употреблять человѣческое мясо.

(Изв. „Нвл.“-Вл. Г.).

2-го декабря нов. ст., подъ предѣдательствомъ проф. О. Доннера, происходило годичное Засѣданіе Финско-угорскаго общества. Открывая собраніе, проф. О. Доннеръ произнесъ небольшую рѣчь объ османской поэзіи въ древнѣйшія времена и о вліяніи турецкаго языка на алтайскіе языки. Послѣ того, секретарь Общества, проф. І. І. Миккола прочелъ отчетъ за минувшій годъ, ознаменовавшійся необыкновеннымъ оживленіемъ въ дѣятельности Общества.

М-ры Ф. Эймя и Г. I. Рамстедтъ уже вернулись изъ своихъ поѣздокъ; между тѣмъ м-ры К. Ф. Карьялайненъ и Г. Лундъ все еще находятся на дальнемъ востокѣ. Кромѣ того, Общество отправило своего стипендіата, м-ра А. Каннисто къ вогуламъ, для изученія ихъ языка. Университетскіе стипендіаты, д-ръ Г. Паасоненъ и д-ръ I. Вихманъ недавно извѣстили Общество о ходѣ своихъ изслѣдованій надъ финскими инородцами.

Наиболѣе важное значеніе придаетъ Общество изслѣдованіямъ въ Монголіи и Китаѣ; но такъ какъ средства его иссякли, то оно обратилось къ сенату съ просьбою объ ассигнованіи 15.000 мар. для новыхъ научныхъ изысканій.

Сверхъ обычныхъ изданій, Общество предприняло изданіе журнала: „Finnisch-ugriscbe Forschungen“; для покрытія расходовъ на журналъ Общество вошло съ ходатайствомъ о назначеніи 5.000 мар. въ теченіе пяти лѣтъ.

Число членовъ Общества увеличилось на 20; умерло 8 членовъ, между ними почетный членъ, проф. баронъ А. Э. Норденшѣльдъ. Избраны въ почетные члены: акад. А. Н. Веселовскій, вице-президентъ Императорскаго Географическаго общества П. П. Семеновъ и проф. СПб. университета Я. Бодузнъ-де-Куртена.

Всего въ кассѣ Общества состоитъ 138.089 мар.

Въ бібліотеку всего поступило 294 книги: 272 книги—въ обмѣнъ на изданія Общества, 18 книгъ было пожертвовано и 4 книги составляютъ изданія самого Общества.

(Изъ „Нвл.“-Ва. Г.).

24-го октября, на засѣданіи Финскаго литературнаго общества, секретарь, д-ръ А. Р. Ниemi прочелъ отчеты двухъ стипендіатовъ Общества. Д-ръ О. Калласъ наблюдалъ надъ эстами во Псковѣ и его окрестностяхъ; м-ръ О. Т. Сиремусъ изучалъ рыболовство въ различныхъ частяхъ Финляндіи и Ингерманландіи.

25-го октября, подъ предсѣдательствомъ проф. I. Р. Аспелина происходило засѣданіе Финскаго археологическаго общества. Секретарь, м-ръ Ю. Айліо доложилъ о новыхъ пожертвованіяхъ въ Общество. Такъ, студентка М. Хаггрень прислала нѣсколько старинныхъ каменныхъ орудій и старинныхъ монетъ. Помѣщикъ Регноллъ пожертвовалъ овальный точильный брусокъ, начала нашей эры; отъ помѣщика Ю. Эймяля поступило нѣсколько бронзовыхъ предметовъ, конца желѣзнаго вѣка. Х. Пярссиненъ передалъ въ Общество біографію ревнителя народнаго образованія, К. Стенхолма (изъ Хельсинге).

Кружокъ друзей финскихъ народныхъ танцевъ обратился въ Общество съ просьбою избрать стипендіата, для изученія народныхъ танцевъ и собранія народныхъ мелодій. Предложеніе встрѣтило сочувствіе среди Общества, назначившаго для этой цѣли 200 мар.

Предсѣдатель сообщилъ, что въ память тридцатилѣтія со дня основанія Общества вышелъ изъ печати первый томъ новой серіи журнала Общества.

Д-ръ Я. Аппельгрень прочелъ докладъ о недавнихъ археологическихъ находкахъ въ Або, которыя свидѣтельствуютъ, что на томъ мѣстѣ въ XIII—XIV в. былъ доминиканскій монастырь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, д-ръ Аппельгрень представилъ собранію много старинныхъ предметовъ, ярко обрисовывающихъ эпоху среднихъ вѣковъ въ Финляндіи.

22-го ноября на засѣданіи Финскаго археологическаго общества м-ръ У. Т. Сиреліусъ сообщилъ о своемъ путешествіи къ остякамъ и вогуламъ, живущимъ по р. Оби. Въ живомъ очеркѣ набросалъ онъ ихъ образъ жизни въ кругу семьи, на охотѣ—въ дѣвственныхъ лѣсахъ Сибири, на рыбной ловлѣ—по стремительнымъ рѣкамъ. Вкратцѣ обрисовалъ онъ ихъ религіозныя представленія, сохранившіяся отъ того времени, когда они не были еще обращены въ православіе. Сообщение м-ра Сиреліуса сопровождалось туманными картинами.

Въ Казань на пѣлую зиму пріѣхалъ со своей семьей извѣстный финскій ученый Гейки Паасоненъ, который до сихъ поръ занимался собираніемъ мордовской и мещеряцкой, также татарской литературъ (съ 1891 по 1901 г.). Здѣсь онъ занимается изученіемъ историко-этнографической литературы Поволжья по даннымъ библиотекъ университета и ученыхъ обществъ и продолжаетъ болѣе детальное излѣдованіе интересующихъ его финно-угорскихъ языковъ. Въ частности его интересуеетъ также племя каратаи, которое извѣстно въ литературѣ какъ часть мордвы еще съ XVIII вѣка.

(Изъ „Русск. Вѣд.“).

На Пасхѣ въ Римѣ собирается международный конгрессъ историческихъ наукъ. Особенно интересны будутъ группы: 1-я, посвященная доисторическимъ отношеніямъ, 5-я и 9-я—древнее и новое право, и 16-я—вопросы исторической методологіи. „Р. В.“

Нъ литературѣ по обычному праву. Работы Esmein'a.

Интересныя статьи г. Esmein'a, печатавшаго въ Nouvelle Revue historique du droit français et étranger о томъ важномъ значеніи, какое имѣетъ для исторіи права изученіе правовыхъ возрѣвнй племенъ и народовъ, стоящихъ на низкой ступени культуры, а также и сказокъ и народныхъ преданій—вышли въ этомъ году отдѣльнымъ изданіемъ (Парижъ, Lagose, 1901). Въ виду того, что въ Россіи, также, какъ и на Западѣ, до сихъ поръ мало обращали вниманія на этотъ послѣдній источникъ при изученіи возникнове-

нія въ некоторыхъ правовыхъ нормахъ, несмотря на его важность и обиліе матеріала, доставляемаго нашими, русскими и инородческими, сказками, нельзя не желать большаго распространенія талантливо и съ полнымъ знаніемъ предмета написаннымъ брошюрамъ французскаго юриста. Заглавіе первой: *Trois documents sur le mariage par vente*; второй: *La coutume primitive dans un conte populaire*. Въ первой на основаніи 3 сказокъ зулусовъ, бассуто-совъ и кабаловъ онъ разсматриваетъ институтъ калыма, при чемъ между прочимъ старается доказать, что иногда калымъ является какъ бы покупкой права собственности на ожидаемыхъ отъ брака дѣтей. Во второй, г. Esmein разбираетъ четыре варианта сказочнаго мотива объ удачной мѣнѣ малоцѣннаго предмета на все болѣе и болѣе цѣнный, при чемъ основаніемъ требованія такой мѣны является ясно сознаваемое право пострадавшаго (данный предметъ обыкновенно утеривается тѣмъ, кому герой сдалъ его на храненіе) требовать себѣ компенсацію, а это является ужъ регулированіемъ права мести. Видоизмѣненія, которыя терпитъ этотъ принципъ, примѣняясь къ различнымъ общественнымъ условіямъ, прослѣжены на примѣрѣ другихъ сказокъ. Слѣдя примѣру г. Esmein'a, наши юристы, занимающіеся обычнымъ правомъ, могли бы почерпнуть не мало интересныхъ данныхъ и сопоставленій изъ богатой сказочной литературы.

(Revue de l'N. des Rel. L'Année Soc).

Нѣ литературѣ легендъ объ Енохѣ, Ильѣ и Антихристѣ. Въ XXI-мъ томѣ „Revue Celtique“. G. Dottin помѣстилъ интересную ирландскую легенду „Dà bròn flatha nime“. Благодаря переводу Доттэна этой легенды, сопоставленной имъ съ другими ирландскими сказаніями подобнаго рода, увеличился циклъ легендъ объ Енохѣ, Ильѣ прор. и Антихристѣ, доступныхъ для лицъ, знающихъ лишь главныя европейскіе языки.

(Rev. de l'N. des Rel.).

The Jewish Encyclopedia. Съ 1901 г. начинается изданіе 12-ти томовъ энциклопедическаго словаря, посвященнаго спеціально исторіи, религіи, литературѣ евреевъ, ихъ общественной и частной жизни. Существуютъ уже два извѣстныхъ изданія: Realencyklopedie fur Bibel u. Talmud и Энциклопедія Hauck'a (нов. изд. Herzog'a и Plitt)—по религіознымъ вопросамъ; но такого полнаго сборника научныхъ свѣдѣній, касающихся юдаизма во всѣхъ его проявленіяхъ, до сихъ поръ не существовало въ научной литературѣ. Имена главныхъ сотрудниковъ новой энциклопедіи (Tiele, M. Jastrow, H. Toy и др.) служатъ лучшей гарантіей этого научнаго характера изданія. Подписка на The Jewish Encyclopedia принимается въ Лондонѣ, 44, Fleet Street и въ Нью-Йоркѣ 30, Lafayette place, у книгоиздателя Funk & Wagnalls. Цѣна за все изданіе 50

долларовъ, вносимыхъ одновременно или по 5 долларовъ за томъ, т.-е. 60 долл. за все 12 томовъ. въ разрѣчку.

(Rev. de l'N. des Rel.)

Память миссъ Кингслей среди англійскихъ ученыхъ. Среди нѣкоторыхъ англійскихъ ученыхъ (въ ихъ числѣ находятся Тайлоръ, Фразеръ, Haddon, Ling Roth, Sidney Hartland и др.) возникла симпатичная мысль почтить память миссъ *Мэри Кингслей* (Kingsley) — сдѣлавшейся извѣстной своими трудами по быту и народному творчеству запад. африканскихъ племенъ и народовъ, учрежденіемъ Общества для изслѣдованія быта туземцевъ Западной Африки. Общество будетъ привлекать въ свои члены и сотрудники дѣятелей въ колоніяхъ западной Африки: правительственныхъ чиновниковъ и миссіонеровъ, а также купцовъ, путешественниковъ и туземцевъ, получившихъ европейское образованіе. Матеріалъ, уже собранный прежними изслѣдователями и имѣющій поступить въ Общество благодаря участію новыхъ силъ, будетъ подвергнутъ научной обработкѣ въ Обществѣ, главное руководство которымъ возьмутъ на себя видные представители науки этнографіи. Изъ трудовъ миссъ Кингслей отмѣтимъ *Travels in West Afrika*. Lond. 1897. *West African Studies*, L. 1899. Ею же написано предисловіе къ очень интересной книгѣ *Dennett's: The Folk-lors of the Fjort (French Congo)*, L. Nutt, 1898 г.

(Rev. de l'N. des Rel.)

Научныя экспедиціи въ Африку. Интересы, преимущественно торговые и политическіе, заставляютъ западныя государства съ необычайной интенсивностью расширять свое знакомство съ африканскимъ материкомъ, столь недавно еще бывшимъ почти совершенно неизвѣстнымъ Европѣ. Но, какія бы цѣли ни преслѣдовали многочисленныя миссіи и экспедиціи, за послѣдніе годы почти непрерывно слѣдующія другъ за другомъ, онѣ, увеличивая число извѣстныхъ областей или исправляя и дополняя недостаточныя свѣдѣнія о знакомыхъ уже областяхъ, открываютъ путь, быть можетъ, въ будущемъ лишь для болѣе широкихъ этнографическихъ изысканій. Изъ экспедицій 1901 г. интересенъ между прочимъ походъ полковника *v. Schimmelpfennig*'а въ область еще неизслѣдованную доселѣ европейцами, лежащую между р. Саннага и Адамауа. Эта область была пройдена ф. Шиммельпфеннигомъ по направленію съ востока на западъ, имъ было установлено, что племена, живущія къ вост. и зап. отъ р. Мбамъ, сильно отличаются по физическому типу, одеждѣ, вооруженію, прическѣ отъ вуту. Результаты похода изложены подробно въ *Mitth. aus d. deutschen Schutzgebieten* за 1901 Н. 3. — Французская экспедиція *Lesieur* и *Foret* имѣла цѣлью изслѣдовать область южн. Камеруна и сопредѣльную съ нею часть франц. Конго. Французскими изслѣдователями были внесены нѣкоторыя поправки въ карту мѣстности (см. Ge-

ographie, 1901, VIII). Исправлена также и дополнена карта оз. Руква и сопредѣльных мѣстностей—отъ сѣв. оконечности оз. Няссы до 8° южн. шир. приблизительно—благодаря трудамъ миссіонера Meyer'a, первымъ изъ европейцевъ изслѣдовавшаго эту область.—Особенный интересъ представляетъ новая карта оз. Викторія Нанцы (Mitth. aus d. deutschen Schutzgebieten, 1901, V. XIV), составленная на основаніи данныхъ, добытыхъ различными новыми изслѣдователями. Экспедиціи, направившіяся въ эту область Восточной Африки, мало по малу опредѣлили въ подробности и составъ ея населенія. Новыя данныя освѣщаютъ также до нѣкоторой степени интересный и спорный вопросъ о народныхъ переселеніяхъ въ восточной части Африки. По мнѣнію Schloboch'a въ этой области наблюдается двоякое теченіе: съ сѣвера и востока напиратьютъ нилотическія племена (вагайя) и нилото-хамитскія (масая.); съ другой стороны сюда же переселяются племена съ югозападнаго и западнаго побережья озера черезъ острова Укереве и Укара.—Изъ экспедицій чисто научныхъ отмѣтимъ экспедиціи *de Mathuisieulx*, изслѣдовавшаго береговую полосу близъ Триполиса; онъ осѣтилъ м. пр. развалины древняго города Sabratha, въ которыхъ имъ были открыты остатки колоннъ и карнизовъ довольно тщательной работы. Между Kasr Gariana (южнѣе Триполиса) и Kasr Iffren (въ юговостоку отъ Триполиса) де-Матюзіе открылъ остатки римскихъ гробницъ. Населеніе этой мѣстности—крайне рѣдкое (на 3 кв. килом. приходится по 1-му жителю), состоящее изъ евреевъ и берберовъ, живеть въ пещерахъ, которыя очевидно издревле служили жилищами.—*Ed. Douité*, отправившемуся въ Марокко съ археологическими цѣлями, удалось открыть развалины Tin Mellal (въ округѣ Tadontaft); отсюда вышла династія Альмахидовъ. Дуттэ снялъ планъ великолѣпной мечети XII в., (построенной махди) и фотографіи съ развалинъ. Онъ до сихъ поръ пользуются благоговѣйнымъ почитаніемъ окрестнаго населенія; христіанъ и евреевъ къ нимъ не допускаютъ. Изъ трудовъ Эд. Дуттэ отмѣтимъ: *Notes sur l' Islam Maghribin; les Magabouts* (въ *Rev. de l' H. des Rel.* 1899, II и 1900, I; также въ отд. изд.); *Les Minarets et l' Appel à la Prière* (*Revue africaine*, 1901, IV), въ кот. встрѣчаются интересныя подробности относительно трещотки, бывшей въ употребленіи въ Аравіи до введенія въ ней Ислама, объ употребленіи трубъ въ Марокко во время Рамадана и пр., Наконецъ—серьезны монографіи Aïssâona de Tlemsem. Châlons D. M. 1900. Здѣсь интересъ представляетъ описаніе одной религіозной процессіи, во время которой нѣкоторые участники ея стараются мимически изображать нѣкоторыхъ животныхъ, преимущественно верблюда, и описаніе одного религіознаго состоянія (h'adga), во время котораго члены братства входятъ въ состояніе гипноза и подвергаются жестокимъ истязаніямъ. Интересенъ также подмѣченный у aïssâona обычай зубами рвать подаваемую имъ въ это время пищу, обычай, напо-

минающій нѣкоторыя черты въ культѣ Діонисія Загревса. Аналогичные обычаи были отмѣчены въ Алжирѣ и Марокко. Основателемъ описаннаго Дуттѣ братства былъ Сиди Магометь бен-Аисса.—Цѣнные результаты можно ожидать отъ экспедиціи G. Grandidier на островъ Мадагаскаръ. Мадагаскаръ до сихъ поръ сравнительно мало изслѣдованъ европейцами, особенно въ западной своей части, несмотря на труды Ellis'a (1862, 65), A. Grandidier (1868, 69, 70 гг.), миссіонера Sibrèe (1870 г.) Houlder'a (1876), Rutenberg'a (1877, 78) и др. Грандидье выступилъ изъ главнаго города Мадагаскара въ апрѣль 1901 г.; экспедиція преслѣдуетъ географическія, этнографическія, палеонтологическія цѣли. Она двинулась къ западному побережью отъ г. Туллекръ, а оттуда пройдетъ черезъ югозападную, еще неизслѣдованную часть острова на Fort—Dauphin.

(Globus Rev. de l' H. des Rel.).

Экспедиція Эрлангера и Неймана. Весьма богата результатами въ географическомъ, геологическомъ, зоологическомъ и этнографическомъ отношеніи оказалась закончившаяся лѣтомъ 1901 г. экспедиція *барона Эрлангера* и зоолога *Неймана*. Изслѣдователи пунктомъ отправленія избрали оз. Пагаде (также Абайя). Отсюда бар. Эрлангеръ двинулся на сѣверо-востокъ, затѣмъ на востокъ—въ область истоковъ р. Веба, затѣмъ черезъ владѣніе джамъ-джамъ и арусси къ югу въ область гурровъ къ р. Ганалѣ, внизъ по Ганалѣ до Доло (эта рѣка соединяется съ текущей съ запада Дауа, образуя въ дальнѣшемъ своемъ теченіи р. Джубу) затѣмъ по р. Дауа, по слѣдамъ экспедиціи Смисса (1895 г.), а потомъ къ югу, на Эл-Уакъ. Отсюда бар. Эрлангеръ собрался пройти черезъ неизслѣдованную еще область къ южному концу Basso-pagok (оз. Рудольфа), но по недостатку въ водѣ повернулъ къ юго-востоку на Бардеру, а затѣмъ спустился по р. Джуббѣ до морского берега. Что касается до Неймана, то онъ отъ Пагаде двинулся черезъ Каффу и болотистыя мѣстности, орошаемыя р. Собатъ. Отсюда экспедиція взяла на западъ, къ Гимиррѣ, и по рѣкѣ Гело до оз. Таты, затѣмъ до Акабо. Близъ впаденія р. Руси въ Акабо участниковъ экспедиціи принялъ на бортъ египетскій пароходъ. Въ своемъ трудномъ пути Нейманъ не разъ нападалъ на маршруты прежнихъ изслѣдователей: Леонтьева, Bottego, Potter и Foivre'a, (1898 г.) Austin'a (1900) и др. Но имъ были пройдены также мѣстности, вовсе не изслѣдованныя еще европейцами. Какъ онъ, такъ и бар. Эрлангеръ познакомились съ неизвѣстными еще европейской наукѣ или мало извѣстными ей народностями; поэтому экспедиція ихъ имѣетъ для этнографовъ особенный интересъ.

(Globus).

Неизвѣстное населеніе Африки. На основаніи интересныхъ раскопокъ *Al. Mouth'a*, произведенныхъ въ 1899 г. въ пещерѣ *Kimbop* близъ *Ratoma* во франц. владѣніяхъ на Гвинейскомъ побережьѣ, построена интересная статья Е. Т. Наму въ *l'Anthropologie* 1901, стр. 380. По мнѣнію франц. ученаго, стоянка принадлежитъ неизвѣстному населенію Африки; стоянка отвѣчаетъ европейскимъ неолитическимъ. Каменные ножи, скребки и топоры частью оббиты, частью полированы; матеріалъ — кварцъ, лабрадоритъ, лимонитъ. На черепкахъ посуды (изъ обожженной глины) орнаментъ сдѣланъ пальцами; онъ сильно отличается отъ орнамента, украшающаго керамическія издѣлія современныхъ негровъ, обитающихъ въ этой мѣстности.

(Globus).

Въ Китайскомъ Туркестанѣ, тамъ, гдѣ р. Нія Дарья теряется въ пустынь, англ. путешественникъ Штейнъ нашелъ остатки засыпаннаго города, стѣны котораго имѣли около 7 килом. въ длину. Отрыто 10 дворцовъ; найдены тибетскія, санскритскія и китайскія рукописи; страна, очевидно, пользовалась болѣе влажнымъ климатомъ и была густо населена.

(„P. V.“).

Въ Сиріи, близъ Алеппо, у подножья горы Эмраць открытъ какой-то городъ. Пока еще нѣтъ возможности судить объ эпохѣ и общемъ типѣ поселенія.

(„P. V.“).

Въ Берлинѣ скончался 77 лѣтъ санскритологъ проф. Альбрехтъ Веберъ. Его главные труды: „*Jndische Studien*“, „*Indische Literaturgeschichte*“ и критич. изданіе Бѣлой Яджуръ Веды.

(„P. V.“).

Вышло сочиненіе *B. Navarra*: „*China und die Chinesen*“. Около 1.200 стр. текста, много фотографій, 60 табл. съ фотографій и 5 хромофотографій. Авторъ провелъ въ Китаѣ около 20 лѣтъ. Последовательно описываются: госуд. устройство, судъ, военное дѣло, семья, питаніе, одежда, жилище, обществ. жизнь, рабочіе дни и праздники, религія, храмы, суевѣрія, характеръ страны, земледѣліе, животноводство, минеральн. богатства, торговля, пути сообщенія, литература, наука, искусство, христіанскія миссіи и исторія вплоть до послѣднихъ смуть.

(„P. V.“).

Въ Штутгартѣ, у Карри, появился 1-й томъ „*Weltgeschichte*“ Теодора Линднера, профессора въ Галле. Всего выйдеть 10 томовъ. Для Европы исторія начинается съ эпохи великаго переселенія

народовъ. 1-й томъ заключаетъ исторію вознокновенія византійской, мусульманской, зап.-христіанской, китайской и индійской культуръ.
(„Р. В.“).

Вышелъ 4-й томъ „Исторія древняго міра“ *Эдуарда Мейера*. (Исторія Аеннъ отъ конца греко-персидскихъ войнъ до конца цело-поннезской).
(„Р. В.“).

Новый трудъ о процессахъ вѣдьмъ. Очень интересная статья *Hoffmann-Krauer'a* помѣщена въ *Schweizerisches Archiv für Volkskunde* за 1901 г. Заглавіе его: *Luzerner Akten zum Hexen u. Zauberwesen*. Авторъ пересмотрѣлъ документы, касающіеся процессовъ вѣдьмъ отъ середины XV до середины XVI в., хранившіеся въ архивѣ г. Люцерна и цѣликомъ привелъ ихъ въ своей статьѣ, увеличивъ тѣмъ ея интересъ.
(*Rev. de l' H. des relig.*).

ОПЕЧАТКИ:

Въ XLVIII книгѣ „Этногр. Обзор.“

Стр.	Сл. ок.	Напечатано.	Слѣдуетъ читаться.
182	6 сверхъ	о Самойлѣ Кошкѣ	О Самойлѣ Кошкѣ
—	9 „	украшенной	украшешной
—	20 „	Вахлугъ	Вахлугъ
183	8 „	Звѣдаты	платье
—	21 „	большаго	большаго
193	14 „	Коткиелен	Kotikielen
—	18 „	Сетелѣ	Сетелѣ

Въ XLIX книгѣ „Этногр. Обзор.“

184	1 „	семьдесятъ	семьдесятъ
—	6 „	Кекманомъ	Чекманомъ
185	7 „	Написанный	Написанной
—	19 „	въ Градѣ	въ Градѣ
—	25 „	Форстенномъ	Фирореманомъ

Въ L книгѣ „Этногр. Обзор.“

154	18 „	отелѣ	„стеле“ (stela)
—	22 „	отмѣнены	измѣнены
155	41 sq. „	Статья О. Н...	Статья О. Х. о кни- гѣ Г. Сундберга, напечатанная.

Програ ГИЖЪ

Въ по
нѣ не то
себѣ задач
племень и

Музыки
раторск
ѣи, желая
временным
него изуче
рода. Въ эт
недостаточ
теріала, и
чающихъ с
творчества.

Народна
творчества
рѣзко отли
временных
пѣсня, сла
сознанія вз
вобытѣе с
требляемых
его напѣва.
ныхъ по ви
образѣе сл
реходить в
сложности,
Звукоряды

ственной музыки, отличаются отъ современныхъ искусственныхъ, и музыкантъ, воспитанный на западной системѣ, привыкшій видѣть въ каждомъ музыкальномъ тонѣ составную часть известнаго гармоническаго сочетанія, о каждой фразѣ судить съ точки зрѣнія мажора и минора, тогда какъ древняя народная музыка, собственно, понятія о гармоніи не имѣетъ и часто не можетъ быть поставлена въ рамки мажора, минора и новѣйшихъ законовъ гармоніи. Наша привычка судить о строѣ по заключительному тону, вызванная практикой новѣйшей музыкальной системы, обыкновенно требующей заключенія пьесы тоникой, привела бы записывателя народной музыки къ большой ошибкѣ, такъ какъ народная пѣсня заключается далеко не всегда на тоникѣ нашихъ мажора и минора.

Въ ритмическомъ отношеніи народная музыка изобилуетъ разнообразіемъ ритмовъ и не всегда можетъ быть подведена подъ симметричныя формы современной музыки. Что же касается собственно звуковой стороны, то наблюденія музыкантовъ показали, что она не всегда можетъ быть обозначена знаками нашей системы.

Вотъ въ общихъ чертахъ главнѣйшія особенности народной музыки, съ которыми собирателю приходится считаться.

На основаніи вышеизложеннаго, Музыкальная Комиссія предлагаетъ любителямъ народной музыки, желающимъ записывать на слухъ народныя мелодіи и вообще собирать музыкально-этнографическій матеріалъ, руководствоваться нижеслѣдующими соображеніями.

1) Записывать пѣсни и другіе виды народной музыки необходимо какъ можно точнѣе, не обращая вниманія на то, что встрѣчаются будто бы неправильности противъ современнаго строя; необходимо отмѣтить всѣ эти неправильности, какъ въ отношеніи высоты звука, такъ и по отношенію къ ритму или движенію мелодіи. Если записывающій увѣренъ, что поющій или играющій на какомъ-нибудь инструментѣ беретъ на нашъ слухъ фальшивыя ноты (напр., въ сравненіи съ звуками хорошо настроеннаго фортепiano), то это нужно непремѣнно отмѣтить какими-нибудь знаками, хотя бы, напр., такъ: когда пѣвецъ поетъ ноту среднюю между *си* \flat и *си* \sharp то знакъ \natural или \flat слѣдуетъ поставить въ скобкахъ, или въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ прибѣгнуть къ какимъ-нибудь другимъ обозначеніямъ, объяснивъ точно свои знаки.

2) Пѣсня, по возможности, должна быть записана въ той тональности, въ которой пѣлась (провѣрить по камертону).

3) Въ ключѣ выставлять только тѣ знаки повышенія и пониженія (♯ и ♭), которые постоянно встрѣчаются въ самой мелодіи.

4) Длительность нотъ должна быть выражена существующими общими нотными знаками, на линейной системѣ, при томъ какъ можно точнѣе. Для мало знакомыхъ съ нотами рекомендуется за основную единицу времени принять восьмую долю (♩) нашего такта.

5) Существующее въ культурной музыкѣ подраздѣленіе на такты (горизонтальными черточками) при записываніи народной музыки должно быть отброшено, а нужно лишь отмѣтить ударенія дѣлаемая, какъ въ текстѣ, такъ и въ музыкѣ.

6) Темпъ желательно обозначать посредствомъ метронома или просто точнѣйшимъ указаніемъ движенія по-русски, устранивъ итальянскіе термины.

7) Всѣ отгѣнки и характерныя черты при исполненіи народной музыки (ускореніе, усиленіе и т. п.) также должны быть обозначены возможно подробнѣе, съ удержаніемъ мѣстныхъ народныхъ выраженій. Интересно также отмѣтить, какъ характеризуетъ самъ народъ манеру пѣнія данной мѣстности въ отличіе отъ сосѣднихъ (напр. въ такой-то деревнѣ „визжать“, „голосять“ и т. п.).

8) Выборъ хорошаго пѣвца имѣетъ большое значеніе при записываніи пѣсенъ, какъ въ отношеніи репертуара, такъ и въ отношеніи лучшихъ вариантовъ.

9) Въ научномъ отношеніи интересны всякіе напѣвы, но главное вниманіе собирателя должно быть обращено на старинныя пѣсни, мало-по-малу исчезающія. Старинную пѣсню еще можно найти въ уголкахъ Россіи, удаленныхъ отъ культурныхъ центровъ, въ мѣстахъ, нетронутыхъ заводской или фабричной культурой и не имѣющихъ съ таковыми близкихъ сношеній (напр., посредствомъ отхожихъ промысловъ).

10) Первый признакъ старинности пѣсенъ—это запись ихъ отъ пожилыхъ людей.

11) Прежде всего желательно записывать былины (старіны), историческія пѣсни, духовные стихи и обрядовыя; за ними слѣдуютъ пѣсни бытовыя, семейныя и другія, а затѣмъ уже инстру-

ментальныя мелодіи, и наконецъ народная музыка позднѣйшей эпохи съ западнымъ и другими позднѣйшими вліяніями, но въ то же время не утратившая ещё элемента народности.

12) Прежде чѣмъ приступить къ записыванію народной мелодіи, нужно заставить пѣвца или музыканта пропѣть или сыграть мелодію съ начала до конца и дать возможность ему утвердиться въ напѣвѣ; въ такомъ случаѣ пѣвецъ при повтореніи пѣсни будетъ пѣть увѣренно и лучшіе варианты. Пѣсни, приуроченныя къ извѣстному времени года и обстановкѣ, лучше всего записывать при этихъ условіяхъ, т.-е. въ такую минуту, когда пѣвецъ находится въ соответствующемъ настроеніи.

13) Достаточно записать первые два-три куплета, если въ таковой формѣ поется пѣсня; если же мелодіа отъ начала до конца представляетъ неразрывное цѣлое, желательно записать все.

14) Техническій пріемъ при записываніи одnogолосной мелодіи можетъ быть примѣненъ слѣдующій: если не удастся точно запомнить весь напѣвъ, собиратель записываетъ только то, что успѣлъ запомнить (конечно, безусловно вѣрно); потомъ, остановивъ пѣвца, слѣдуетъ пропѣть ему то, что уже записано, и тотъ при повтореніи напѣва почти всегда точно воспроизведетъ записанное, а тогда уже, сосредоточивъ свой слухъ, собиратель записываетъ продолженіе мелодіи.

15) Записываніе фонографомъ или графофономъ Коммиссіей особенно рекомендуется. Въ этомъ случаѣ также нужно пользоваться данными выше указаніями.

16) Записываніе музыки многоголосной (т.-е. когда въ пѣніи или при игрѣ на инструментѣ встрѣчаются одновременныя сочетанія различныхъ по высотѣ звуковъ) требуетъ большаго навыка, и музыканту-любителю представить много затрудненій; поэтому слѣдуетъ записать по крайней мѣрѣ тѣ созвучія, которыя хорошо слышаны. Другой способъ записыванія многоголосной музыки менѣе отвѣчаетъ своей цѣли, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ также можетъ примѣняться; онъ состоитъ въ слѣдующемъ: записываютъ одну и ту же пѣсню у разныхъ пѣвцовъ изъ народнаго хора, по возможности различныхъ по тембру голоса и лучшихъ какъ исполнителей, — полученное соединеніе вариантовъ дастъ многоголосную пѣсню.

17) Текстъ пѣсенъ непремѣнно долженъ записываться съ голоса (т.-е. когда пѣвецъ поетъ), съ отмѣткою, гдѣ повторяется мелодія, т.-е. съ раздѣленіемъ на строфы, если таковое дѣйствительно существуетъ; если повторяются отдѣльные слова и выраженія, они не должны быть пропускаемы при повтореніи, какъ это нерѣдко дѣлается собирателями, а все должно быть отмѣчено. Записывающій долженъ слѣдить не столько за смысломъ пѣсни, сколько за точнымъ воспроизведеніемъ ея текста со всѣми вставками, кажущимися лишними.

18) Текстъ необходимо записывать съ сохраненіемъ мѣстнаго говора, обозначая его особенности условными знаками и выставляя надъ каждымъ словомъ удареніе.

19) Каждая записанная пѣсня должна сопровождаться объясненіемъ собирателя: когда она поется (время года), при какихъ случаяхъ, какъ поется (хоромъ мужскимъ, женскимъ, дѣтскимъ или одиночно), къ какому разряду пѣсенъ относится и какъ въ данной мѣстности этотъ разрядъ называется (протяжная, хороводная, божественная, заплачка, причеть, частушка и т. п.).

20) Если данная пѣсня въ народномъ исполненіи является какъ составная часть какого-нибудь обряда или сопровождаетъ какую-нибудь игру, то соответствующій обрядъ или игра должны быть подробно описаны.

21) Недостатки и неточности въ музыкальныхъ записяхъ, замѣченные самимъ собирателемъ, всегда должны быть оговорены.

22) При каждой пѣснѣ должны быть еще слѣдующія свѣдѣнія: мѣсто записи (деревня, волость, уѣздъ, губернія съ обозначеніемъ приблизительнаго разстоянія отъ ближайшихъ городовъ, фабричныхъ центровъ и желѣзной дороги), имя, отчество и фамилія пѣвца, а также его возрастъ и родъ занятій, а если онъ выдающійся, то и его краткая біографія, съ указаніемъ, у кого онъ перенялъ свои пѣсни.

23) Указаніе мѣстностей, отличающихся обиліемъ и красотой пѣсенъ, особенно старинныхъ, для Комиссіи очень желательно.

24) Кромѣ личныхъ записей могутъ быть присылаемы и другіе матеріалы, относящіеся къ музыкальной этнографіи, какъ-то: старыя рукописи и книги съ пѣснями, музыкальные инструменты или фотографическіе снимки съ нихъ, а также фотографіи выдающихся пѣвцовъ и пѣвицъ.

25) Интересно также подробное описаніе музыкальныхъ инструментовъ: ихъ размѣръ, устройство, матеріалъ, способъ игры, звуки, извлекаемые изъ нихъ, и, наконецъ, что, когда и кто на нихъ играетъ.

26) Существуютъ-ли въ данной мѣстности особые любители и спеціалисты-музыканты изъ народа? каково ихъ общественное положеніе? у кого они учились?

27) Не сохранилось-ли воспоминаній и разсказовъ о прежнихъ пѣвцахъ и музыкантахъ (гудочникахъ, скоморохахъ, лирикахъ и пр.)?

28) Не помнитъ-ли кто про старинные инструменты, теперь не употребляемые? Приблизительное ихъ описаніе.

29) Коммиссія была бы весьма благодарна за присылку подлинныхъ народныхъ инструментовъ, въ особенности старинныхъ, равно какъ и за присылку музыкальныхъ записей, фонограммъ и другого рода матеріаловъ.

Сотрудниковъ просятъ количествомъ собраннаго матеріала не стѣсняться.

На всѣ запросы для разъясненія могущихъ возникнуть недо-разумѣній Музыкальная Коммиссія не замедлитъ своимъ отвѣтомъ.

Всѣ посылки и корреспонденцію просятъ адресовать такъ:

Москва, Дашковскій Этнографическій Музей, Предсѣдателю Музыкально-Этнографической Коммисіи Н. А. Янчуку.

Сотрудники благоволятъ сообщить свой точный адресъ.

